

Н. Дубинина

Приамурский генерал-губернатор
П. Ф. УНТЕРБЕРГЕР

Нина Ивановна ДУБИНИНА

Присущие П.Ф. Унтербергеру патристические убеждения, управленческий профессионализм, развитое чувство ответственности, масштабное видение социально-политического развития России и её дальневосточных владений, высокие морально-нравственные качества возводят его в ранг видного регионального администратора императорской России конца XIX – начала XX вв. Свои недюжинные способности и силы, обширные знания и умения, богатый интеллектуальный потенциал П.Ф. Унтербергер отдал дальневосточной земле, где верой и правдой прослужил около 40 лет, где, по его выражению, «работа была по душе».

ГОРОДСКОЕ 4-КЛАССНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНЕМ
П. Ф. ШТЕРНБЕРГА

*Посвящается другу и мужу
Анатолию Николаевичу
Дубинину*

Приамурское
географическое
общество

Дальневосточный
государственный
гуманитарный университет

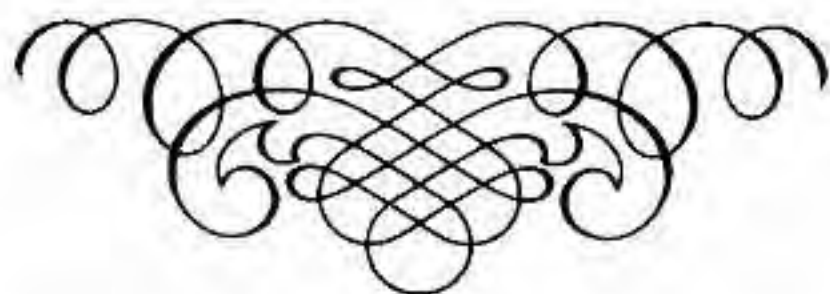

*Любил и любил Приморский край
и приложил все старания, чтобы принести
ему пользу.*

Павел Федорович Унтербергер

Н. Дубинина

Приамурский
генерал-губернатор
П.Ф. УНТЕРБЕРГЕР

*Документально-историческое
повествование*

Хабаровск
2008

Дубинина Н.И.

Д 79 Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. Документально-историческое повествование. Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии. – Хабаровск, 2008. – 400 с.

ISBN 978-5-88570-113-X

Написанная доктором исторических наук Н.И. Дубининой книга впервые в историческом контексте дает полную картину жизненного пути П.Ф. Унтербергера, раскрывает его роль в укреплении безопасности, освоении и обустройстве дальневосточной окраины России. В основе книги лежат его труды и воспоминания, архивные документы, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Ранее в серии «Генерал-губернаторы Приамурского края» автором уже были изданы книги «Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти» (Хабаровск, 1997) и «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков» (Хабаровск, 2001).

Для широкого круга читателей, интересующихся российской историей.

Работа выполнена при поддержке Правительства Хабаровского края и Российского гуманитарного научного фонда (проект №04-01-8800/а/т).

Главный редактор – ученый секретарь Приамурского географического общества, действительный член Русского географического общества, академик Международной гуманитарной академии «Европа-Азия» (г. Казань)
В.И. Симаков

Рецензент – почетный член Приамурского географического общества, действительный член Русского географического общества, полковник Г.Г. Левкин

Служба на Дальнем Востоке России — смысл его жизни

Похоже, молодому осваиваемому Приамурскому краю везло на главных начальников. Среди них не было равнодушных и корыстных людей, аристократических снобов, карьеристов и временщиков.

Предлагаемая уважаемому читателю книга, написанная Н.И. Дубининой, посвящена Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру (1842—1921). Присущие ему патриотические убеждения, управленческий профессионализм, развитое чувство ответственности, масштабное видение социально-политического развития России и ее дальневосточных владений, высокие морально-нравственные качества возводят его в ранг видного регионального администратора императорской России конца XIX — начала XX вв. Свои недюжинные способности и силы, обширные знания и умения, богатый интеллектуальный потенциал П.Ф. Унтербергер отдал дальневосточной земле, где верой и правдой прослужил около 40 лет, где, по его выражению, «работа была по душе».

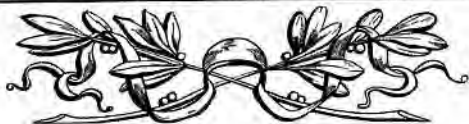
В контексте важнейших событий истории России, ее Дальнего Востока, на обширной документальной основе в книге показаны важные вехи военной и гражданской службы П.Ф. Унтерберге-

ра — инженер-генерала, члена Государственного Совета, сенатора, его значимый вклад в укрепление российских позиций на тихоокеанских рубежах.

Выделенные в книге проблемы, как противодействие П.Ф. Унтербергера наплыву в край азиатских мигрантов, предложенные им меры повышения эффективности управления отдаленным регионом, участие его в разработке и реализации дальневосточной внешнеполитической доктрины — помогают осмыслить ретроспективу важнейших социально-политических проблем Дальневосточного региона ХХI века.

Расширив историческую панораму восприятия вклада прошлых поколений россиян в освоение российского Дальнего Востока, книга акцентирует внимание на бережном, заботливом отношении к родной земле, к ее славной истории, способствует воспитанию у подрастающего поколения дальневосточников чувства гражданской ответственности и сопричастности к делу укрепления российских позиций на тихоокеанском побережье.

Губернатор Хабаровского края,
Председатель Приамурского
Географического общества
В.И. Ишаев.

Закон исторической памяти

(От автора)

В дореволюционном прошлом дальневосточной окраины России было немало гражданских администраторов и военных специалистов, оставивших свой неповторимый созидательный след в различных сферах жизни осваиваемого края, в его благоустройстве. Казалось, в катастрофически переменчивой судьбе России XX века навсегда стерты их следы, канули в Лету их имена. Но закон исторической памяти цивилизованного народа нельзя обойти или отменить. В соответствии с ним неизбежно наступает время, когда стертое — проявляется, спрятанное — обнаруживается, обогнанное — восстанавливается. Возможно, в этом и заключена драматическая интрига истории как науки, ее морально-нравственная ипостась.

В перечне восьми имен Приамурских генерал-губернаторов в соответствии с хронологическим порядком имя П.Ф. Унтербергера стоит на предпоследнем месте, а его деятельность завершает первое десятилетие XX века. Прослужив на Дальнем Востоке около 40 лет, в том числе 9 лет военным губернатором Приморской области (1888–1897 гг.) и пять лет Приамурским генерал-губернатором (1905–1910 гг.), Унтербергер, как и другие генерал-губернаторы, в течение продолжительного времени в дальневосточной историографии был персоной нон грата. Хотя сделать это было не просто, так как перу Унтербергера принадлежали две капитальные книги об освоении

российского Дальнего Востока¹, материалами которых историки широко пользовались. Только в начале ХХI века появились книги и статьи, в которых раскрывались отдельные эпизоды его деятельности².

В отличие от всех своих предшественников на посту генерал-губернатора, которые в прошлом были боевыми офицерами, участниками военных действий разного масштаба, П.Ф. Унтербергер хотя и являлся профессиональным военным, но, если можно так сказать, с мирной составляющей. Он был военным инженером и, следовательно, занимался строительством крепостей и сооружений военного назначения, а также гражданских построек и церквей. Почти 20 лет Унтербергер прослужил в военно-инженерных ведомствах Восточно-Сибирского и Приамурского военных округов. Довелось ему губернствовать в богатой купеческой Нижегородской губернии, после которой он пожелал вновь вернуться на Дальний Восток.

Верный последователь Н.Н. Муравьева-Амурского в деле освоения дальневосточного края, Павел Федорович вступил в должность генерал-губернатора в то время, когда его замечательными предшественниками – А.Н. Корфом, С.М. Духовским, Н.И. Гродековым – был заложен прочный фундамент российского властвования в Приамурье, определены политические приоритеты и основные направления деятельности. Это – с одной стороны.

С другой, это было время крупных социально-политических потрясений в России, связанных с Русско-япон-

¹ Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб. 1900. Его же. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб. 1912.

² Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. – Изд. – Остров. СПб. 2001. Калинин, В.И., Аюшин Н.Б. Губернатор, инженер-генерал П.Ф. Унтербергер //Россия и АТР, 2000. № 2. Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Полковник П.П. Унтербергер //Россия и АТР, 2000. № 4. Дубинина Н.И. Командировка П.Ф. Унтербергера в Китай. //Миграционные процессы на Дальнем Востоке (С древнейших времен до начала XX в.) //Материалы международной научной конференции (Благовещенск, 2004). Ее же Корреспонденты П.Ф. Унтербергера (по материалам РГВИА) //Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Том VIII. Владивосток, 2004. Ли Ханг Джун. Генерал-губернатор Приамурского края Павел Федорович Унтербергер и его дальневосточная политика. – Автореф. дис. к. истор. н. – Москва, 2006 и др.

ской войной и Первой российской революцией, которые охватили и ее дальневосточную окраину. Поэтому на долю генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера выпала тяжелая непопулярная роль организатора подавления антиправительственной оппозиции. Вместе с тем, в книге раскрыт выдающийся вклад Унтербергера — крупного регионально-го администратора — в развитие дальневосточного края, в его военно-оборонительные укрепления.

Исследование биографии Унтербергера находится в русле современной отечественной и мировой историографии с ее возрастающим интересом к «человеческому измерению» в истории, к раскрытию действий отдельных людей со всеми их личностными качествами. История жизни П.Ф. Унтербергера дает обширное поле для удовлетворения этого исследовательского интереса. Будучи представителем самодержавной власти, блюстителем ее в регионе, в силу своего интеллекта и личных качеств Унтербергер стал выразителем интересов населения дальневосточной окраины. Более того, убежденным сторонником немногочисленных лиц в тогдашнем правительстве, кто понимал значение Приамурья как форпоста России на тихоокеанском побережье.

В основе книги лежат документы и материалы, извлеченные автором из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, С.-Петербург), архива Русского географического общества (АРГО, С.-Петербург), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК, Хабаровск), архивов Объединенного музея им. В.К. Арсеньева и Общества изучения Амурского края (Владивосток).

Ценными источниками являлись книги Унтербергера «Приморская область. 1856—1898 гг.» и «Приамурский край. 1906—1910 гг.», а также его журнальные статьи, впервые введенные в научный оборот.

Частично сохранившиеся письма Павла Федоровича к матери, его воспоминания, собранные известным владивостокским историком Б.А. Дьяченко, а также воспоминания внучки Унтербергера — Харрит Гольц, ныне живущей в Германии, любезно предоставившей автору копии редких фотографий, позволили в какой-то мере реконструировать историю петербургского периода и последних лет жизни генерала.

Был использован значительный объем материалов периодической печати и публикаций дореволюционной России.

Появление книги стало возможным во многом благодаря благожелательной помощи руководства и сотрудников Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Хабаровского края, Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова, Объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Автор благодарен В.И. Симакову, ученому секретарю Приамурского географического общества, за инициирование и поддержку издания книг о Приамурских генерал-губернаторах.

Особая признательность автора А.И. Букрееву, С.В. Гончаровой, А.М. Жукову, В.И. Калинин, С.В. Кирпиченко, Л.С. Тварковскому, О.А. Яковлевой за помощь в розыске документов и материалов о П.Ф. Унтербергере, А.Д. Дорлус за перевод воспоминаний с немецкого языка и своим любимым помощникам А.Н. и М.А. Дубининым.

П.Ф. Унтербергер о детстве и ранней юности

енерала мучила бессонница. Чужой, холодный, гулкий замок охранял его физическое существование, но он не мог приостановить поток мрачных, мучительных мыслей, безответных вопросов. Все, что произошло за последние два года, он воспринимал как апокалипсис. Рухнули монархии в России, Германии и Австро-Венгрии. Императора

Николая II и всю его семью расстреляли. На Дальнем Востоке России, где он служил почти 40 лет, шла гражданская война, в некоторых его районах хозяйничали американцы и японцы. Где-то там сын Петр — жив ли? Гибель младшего, Георгия, на Балтийском море — до сих пор незаживающая рана тяжело болеющей Эмми. Он остался без каких-либо средств к существованию. Истерзанная, замученная его душа ни минуты не находила покоя. И вдруг перед его взором встали красочные картины счастливого детства и ранней юности — Симбирск — Дерпт. Словно он смотрел в трубку калейдоскопа. Так страдавшая душа пыталась защитить себя от боли. Павел Федорович стал записывать милые сердцу воспоминания.

Изложение воспоминаний П.Ф. Унтербергера [1] с комментариями:

Я родился 9 августа 1842 г. в Симбирске на Волге, где папа служил ветеринарным врачом в государственном учреждении.

Другой уроженец Симбирска А.Ф. Керенский, бывший премьер-министр Временного правительства, в своих мемуарах так описал Симбирск XIX в.: «В период навигации по Волге курсировали пароходы, но в бесконечно долгий зимний сезон связь с внешним миром осуществлялась только на лошадях по замерзшим просторам Волги. Город был построен на одном из холмов высокого берега реки. На самом верху холма разместились кафедральный собор, губернаторский дворец, гимназия, женский монастырь и публичная библиотека. По его склону до самого берега шли великолепные яблоневые и вишневые сады. Весной деревья покрывались благоухающими белыми цветами, по ночам сады оглушались соловьиными трелями... Через реку открывалась величественная панорама бескрайних луговых просторов... Вокруг всего города по крутым берегам Волги раскинулись дворянские поместья» [2].

В этом главном городе наиболее отсталой губернии центральной России, по территории которой не проходила ни одна железная дорога, и начал свою служебную деятельность в качестве ветеринарного лекаря удельной конторы отец Павла Федоровича (Фридриховича) Федор Семенович (Фридрих Симон) Унтербергер (1810–1884 гг.). Он происходил из остзейских немцев, которые жили в прибалтийском крае России. В отличие от коренного населения — литовцев, эстонцев, латышей, главным занятием которых были морской промысел и сельское хозяйство, немцы активно занимались торговлей, предпринимательством, вели в основном городской образ жизни и составляли привилегированное бюргерство. С русским населением и русской культурой их контакты были ограниченными.

Окончив гимназию в Риге, Федор Семенович получил специальное высшее образование — ветеринарного лека-

ря — в Вене. Об успешности его государственной службы в течение десяти лет в Симбирске свидетельствовал, как выражались в то время, дарованный ему властями чин действительного тайного советника — «штатского генерала», который давал право на дворянство, т. е. на принадлежность к первому, благородному сословию России. Ф.С. Унтербергер получал и другие знаки признания. Например, золотые часы, два бриллиантовых перстня и т. д.

Но самым дорогим симбирским бриллиантом Федора Семеновича оказалась Мария Рудольф, ставшая его женой. Она происходила из поволжских немцев, которые, сохраняя свою этническую самобытность, имели тесные контакты с русским населением, испытывали влияние русской культуры, более того, являлись субъектами ее развития. Так, один из близких родственников М. Рудольф был профессором древних языков в Московском университете.

Я был четвертым ребенком в семье. Старшие дети — Эмилия и Карл — умерли в раннем возрасте, в живых остался только брат Петер, который на полтора года был старше меня.

Мои воспоминания начинаются с пятилетнего возраста. В моих мыслях остался живым наш дом — деревянный, расположенный на большом земельном участке. Замыкал усадьбу вдоль улицы большой фруктовый сад, дальше располагался маленький домик, где в то время жила моя старая прабабушка Мария Филипповна. Зимой она иногда жила в Васильевке, в имении, которое принадлежало моему дедушке по материнской линии, врачу Карлу Рудольфу.

Помню как-то зимой я жил в Васильевке у моей прабабушки, чтобы ей не было так одиноко. Она меня очень любила. Вечерами мы сидели втроем в столовой: прабабушка, старая экономка и я. Обе старушки занимались рукоделием и беседовали о деревенских делах. Чтобы у меня было тоже занятие, каждый вечер я должен был связать шерстяную ленту. Когда я выполнял задание, то получал для игры маленьких бронзовых зверей, которые мне очень нравились. Несколько десятилетий спустя, будучи офицером, я посетил Васильевку и очень усердно искал эти старые игрушки. Но тщетно — их не было.

В нашем просторном доме вдоль уличного фасада располагались зал, гостиная и спальня родителей, во двор выходили прихожая, кабинет папы, детская и комната для слуг. Из детской лестница вела в мезонин, который служил мне и моей сестре детской... На дворе располагались конюшня, сарай, кладовые.

Кроме должностных обязанностей папа имел дополнительную практику, которую оплачивали богатые помещики, что и позволило купить этот дом... За безупречную службу папа получил от царской администрации несколько дорогостоящих подарков, среди них красивую золотую стерлядь. Он подарил ее мне, когда я был уже офицером...

...В нашей конюшне находилось не менее четырех лошадей, две из которых были превосходными рысаками, лучшими в городе. Позже мама мне рассказывала, как она любила на них ездить гулять. Она брала с собой ребенка и рысью ехала в Киндяковскую рощу. Иногда мама пускала лошадь вскачь, крепко обнимая взятого с собой ребенка. В моей памяти осталась одна такая поездка с мамой.

Детьми нас учили танцам, и в возрасте 5—6 лет мы знали все танцы и хорошо танцевали мазурку. Время от времени устраивались танцевальные вечера для детей, для которых поочередно использовались известные дома в городе.

Лучшим праздником для нас было Рождество. Папа старался украсить рождественскую елку, из хлеба, ваты и других материалов он делал пастуха, отару овец, ясли, которые размещали под елкой. Вспоминается, как мама в зале садилась за рояль и пела романсы.

Поворотным пунктом нашей жизни стало принятое родителями серьезное и важное решение — начать новую жизнь совсем в других условиях. Папа был приглашен в Дерпт в качестве профессора в новоустроенную ветеринарную школу. Родителям было очевидно, что материальное положение семьи в Дерпте будет намного хуже, чем мы привыкли в Симбирске. (Профессорская ставка в школе составляла всего 1200 руб. в год.) Эта жертва была принесена, чтобы мы, дети, в Дерпте могли получить лучшее образование, чем мог дать Симбирск.

В Дерпте (с 1897 г. — Юрьев) — уездном городе Лифлянд-

ской губернии России, тогда располагались университет, мужская гимназия, учительская семинария, реальное училище, ветеринарная школа, преобразованная в дальнейшем в институт.

Решение покинуть навсегда Симбирск было особенно тяжелым для мамы: здесь она родилась и выросла... Объяснения папы, что переселение важно для детей, их будущего, вызывало доверие и заставило решиться маму, т. к. в ее жизни интересы детей были главными. Мы, дети, не смогли по-настоящему отблагодарить маму за ту жертву, которую она принесла нам. Более того, мама пережила много трудностей, должна была терпеть, прежде чем она в Дерпте привыкла к новым обстоятельствам и людям, иным, чем на ее родине. К этому следует добавить многолетние материальные проблемы, т. к. маленькая зарплата профессора была явно недостаточной для содержания семьи с 7 детьми. Только проценты с небольшого капитала, полученного после смерти дедушки Рудольфа, помогли тогда нам жить без долгов.

В общем, в конце зимы 1849 г. мама с детьми отправилась в Дерпт. Большой закрытый возок и кибитка вместили всю семью и двух слуг. Папа проводил нас до первой станции и вернулся в Симбирск, чтобы ликвидировать все хозяйство и последовать затем за нами.

Сначала мы ехали 1700 верст на лошадях. Можно себе представить, насколько это было утомительно для мамы с шестью детьми, старшему из которых было 8 лет, а младшему — чуть больше года. Первая длинная остановка была в Москве, когда мы встретили дядю Петра Карловича, старшего брата мамы. Из Москвы в Петербург мы ехали в почтовом дилижансе, а оттуда — в Дерпт.

В первое время в Дерпте папа вел замкнутую жизнь. Затем отношения установились, и к обеду собиралось мужское общество. Чтобы быстрее мы выучили немецкий язык, к нам приехала на один год кузина, которую все дети очень любили... Для поездок к морю мы держали лошадь, иногда вечером, когда было темно, ее запрягали в маленькие простые деревенские сани, и мама ехала гулять.

Я сожалею, что так мало спрашивал папу и маму о их юных годах до женитьбы. Помню, мама рассказывала, как девочкой некоторое время жила у тети в Москве и усердно брала уроки игры на пианино. В юности она очень хорошо играла и пела.

Восьми лет я и мой старший брат Петер поступили в подготовительную школу, где мы провели год, затем поступили в 5-й класс гимназии... в гимназии было 5 классов, в каждом классе два отделения — высшее и низшее. Обычно учились в 5, 4 и 3 классах по два года, а во 2 и 1-м — по 1,5 года... Гимназисты тогда носили униформу с красными воротниками и желтыми пуговицами. Когда меня привели к портному, чтобы померить первую гимназическую униформу, я начал плакать. Мама спросила: «Почему ты плачешь?» Я не знал, что ответить, так как я и сам не знал, почему я плакал. Смешно, что такой незначительный эпизод, который произошел 70 лет назад, остался в памяти, а многие важные события полностью забылись.

Зимой нашим любимым видом спорта было катание на коньках на Элебахе, а летом — купание и плавание в бассейне. Кататься на коньках мы научились сами. Каток всегда был переполнен, особенно когда в определенные дни он был иллюминирован и играла музыка... Плаванью нас научил тренер по плаванию. И хотя запрещалось проникать за заграждение в реке, было очень соблазнительно покачаться на волнах, которые сопровождали корабли. Один раз я попытался это сделать, что для меня чуть не закончилось очень плохо. Когда я нырнул под заграждение, моя нога застряла между штакетниками, и мне не удавалось освободиться. К тому же я испугался, не мог дышать в воде и чуть не утонул. Затем пришла спасительная мысль нырнуть глубже, чтобы освободить застрявшую ногу. Так пришло спасение! Нога освободилась, и я вынырнул на поверхность. Но прошло еще некоторое время, прежде чем я пришел в себя. Позднее я никогда больше так не экспериментировал и предупредил об опасности своих товарищей.

Когда я учился в пятом классе, нам доставляло много удовольствия переодеваться во время карнавала и приходиться в масках в чужие дома, где нас обычно угощали сладостями. Чаще всего я одевался медведем, выворачивая наизнанку меховую шубу. Мой одноклассник сопровождал медведя. Особенно

мы любили ходить в кондитерские, где можно было получить сладкие булочки, орехи и мятные пряники...

Занятия в школе начинались в 8 часов утра и продолжались до 12 часов. После обеда занятия проходили с 2 до 4 часов. По субботам после обеда проходили уроки пения, в которых принимала участие вся гимназия. В конечном счете это превратилось в хоровое пение. Мы пели все известные немецкие песни. Под руководством талантливого учителя Бреннера, который стремился пробудить в своих учениках интерес к пению, гимназический хор стал одним из лучших в городе. Позднее мы узнали, что Бреннер был знаменитым музыкантом.

Большинство учителей в младших классах гимназии не были выдающимися людьми, но они были хорошими профессионалами... Интересные уроки истории давал учитель Санто, которого ученики очень любили. Я даже сегодня помню уроки, на которых Санто рассказывал об интересных и поучительных исторических случаях. Например, на убедительном примере он объяснил нам высокий смысл так называемой тайны переписки. При любых обстоятельствах чтение чужих писем без разрешения адресата является недопустимым действием. Рассказ старого Санто был столь блестящим, что стал руководством в моей жизни. В старших классах преподавал историю выдающийся учитель Ширрен. Он читал лекции в университете и привлекал наше внимание своими обширными знаниями. По естествознанию и географии в младших классах мы особенно ценили экскурсии за город. Ученики должны были по очереди приносить на занятия растения, которые собрали в поле.

В младших классах, главным образом в пятом, ученики много безобразничали. Если были недовольны обращением учителя, то топали ногами... В качестве наказания целым классом должны были оставаться после уроков.

Каждый ученик младших классов имел тетрадь с заданиями. Под рубрикой «замечания» учитель вносил свои порицающие или хвалебные отзывы об ученике. В субботу родители или опекуны должны были тетрадь подписывать. Поэтому суббота была мучительным днем, если в тетради имелись порицания. Папа нас наказывал даже физически. Мама от этого страдала больше, чем мы, и всегда старалась смягчить

папу. Впрочем, папа совсем изменился, когда мой младший брат Симон поступил в гимназию. Его он никогда не наказывал физически, и это нисколько не повредило его воспитанию. Результаты семестра у меня и брата Петера не всегда были хорошими, поэтому мы страдали от папиной строгости. Особенно печальным для братьев и сестер было одно Рождество, когда раздосадованный результатами учебы брата Петера папа не разрешил ему украшать елку. Мы все тихо из-за этого плакали и каждый тайно принес Петеру что-нибудь из своих подарков и сладостей. Я убежден, что и сам папа в это время страдал. Но он в своем родительском доме воспитывался в строгости и считал эту систему правильной. Несмотря на строгость, папа относился к нам очень тепло и, если мог нас обрадовать, он делал это с удовольствием.

Только когда папа отслужил 25 лет и его жалование составило 3 тыс. руб. в год плюс пенсия, материальное положение семьи улучшилось, особенно когда папа занял место директора ветеринарного института.

С именем Федора Семеновича Унтербергера, действительного статского советника, профессора, связано становление и развитие в России ветеринарной службы и науки, подготовка квалифицированных кадров в Дерптском ветеринарном институте, первым директором которого он являлся. Автор многочисленных научных статей, он был членом многих ученых обществ. За безупречную службу ему были пожалованы ордена Святого Станислава I степени, Святой Анны I степени и Святого Владимира III степени.

Жизнь мамы без остатка была посвящена детям, все ее личные интересы были отодвинуты на задний план. Мы ощущали ее большую любовь и внимание, и это сохранялось и позже, когда мы завели свои собственные семьи. Свою любовь она распространила и на своих внуков. Наша мама была умной и опытной в жизни, что положительно отразилось на нашем воспитании. Несмотря на ограниченные материальные средства, родители смогли сделать так, что мы всегда

были хорошо одеты и имели здоровую, хотя и простую пищу.

Большую помощь маме в ведении домашнего хозяйства и в заботе о семерых детях оказывала наша старая экономка Саша. Она в 16-летнем возрасте появилась в семье как крепостная девушка для мамы — и до своей смерти в 70-летнем возрасте служила в нашем доме. Мы воспринимали ее как члена семьи и очень ее любили. Она делала покупки, следила за кухней, готовила очень вкусные блюда. Мы очень хорошо с ней ладили, и я не припомню, чтобы между нами было хоть какое-то недопонимание...

Когда учились в 4-м классе, мы основали читательский кружок, душою которого был Петер. На общие деньги мы подписывали различные журналы и по очереди их читали. Кружок существовал до нашего отъезда в инженерную школу в Петербург. Одновременно мы с Петером собрали библиотеку, в которой имелись дешевые издания классиков.

Родители хорошо понимали важность владения иностранными языками. Поэтому, как только материальные возможности позволили, в дом была приглашена француженка, а позже — англичанка для обучения языкам детей, особенно сестер.

Еще в младших классах родители учили нас играть на пианино. Больших успехов у меня не было, но я мог играть легкие вещи и различные танцы, что позже мне доставляло немало радости. Когда у меня появилась возможность, я купил пианино — одинокими тихими вечерами игра развеивала мою печаль. В первые годы пребывания в Иркутске у меня была возможность играть в 4 руки. Существует неправильное представление о том, что учить играть на рояле надо только тех детей, у которых есть талант. Музыка и домашнее музицирование часто помогают преодолеть печальные мысли и скуку.

Когда мы учились в старших классах гимназии, в нашем доме были организованы танцевальные курсы, в которых участвовали наши школьные друзья и подруги и знакомые нашей семьи. Из этих курсов позднее выросли танцевальные вечера, доставлявшие нам большое удовольствие.

Одновременно мы с братом Петером брали уроки фехто-

вания и выездки. Среди студентов было принято при нанесении оскорбления вызывать противника на фехтовальный поединок. Мы старались подражать студентам. Уроки по выездке у тренера Дауэ в университетском манеже для нас были самыми любимыми. Сначала учились без стремян, потом получили и стремяна. Надо было так сидеть на лошади, чтобы плечи, колени и носки стоп образовывали одну линию. Стремяна должны были «играть» на носках стоп и служить в качестве страховки, если случайно будет утеряно равновесие. Это была старая школа выездки. Много лет спустя в многочисленных разъездах на службе мне пришлось ездить и в казахых, и в монгольских седлах.

Когда мы с Петером подросли, папа разрешил нам работать в кузнице ветеринарного пункта в качестве кузнецов. В конце концов мы так продвинулись, что могли самостоятельно подковать лошадь. Это умение мне очень пригодилось на службе.

...У брата и у меня были маленькие ружья... несколько раз мне удалось подстрелить сидящих на озере уток. Но я не был охотником. Позже в Сибири, когда я оказался в охотничьей компании, для меня было наслаждением не стрелять, а смотреть на дичь.

В университетском городе, каким был Дерпт, гимназисты старших классов подражали студентам. Так, можно было вместе со студентами прийти в пивную и выпить бутылку пива, съесть бутерброд. Расходы были скромные: бутылка пива стоила около 8 коп., бутерброд — 3 коп., бифштекс — 15 коп. Можно было несколько часов сидеть вместе со студентами, петь известные студенческие песни. Если кто-то изрядно выпил, надо было осторожно придти домой, чтобы никто чужой не увидел... Мы с братом дружили с нашими школьными товарищами и дружеские отношения с ними сохраняли всю нашу жизнь.

Весной 1860 г. мы с мамой поехали в С.-Петербург, где Петер и я поступили в инженерную школу. Начался новый период в нашей жизни.

Этим словами Павел Федорович закончил свои записки.

Воспоминания П.Ф. Унтербергера позволяют довольно полно представить его детство, понять истоки формирова-

ния характера, морально-нравственного облика, ибо давно замечено, что личность начинается в детстве. Безусловно, самое благодатное влияние на него оказала атмосфера любви и требовательности, царившая в большой и дружной семье. Отец — Федор Семенович, которого современники наделили такими яркими чертами, как «непоколебимая честность», «неутомимая деятельность», «сердечная доброта и гуманизм», — являлся для детей подлинным образцом для подражания.

К своим 18 годам Павел не только усвоил учебный курс гимназии, впрочем, не проявив в этом особого усердия, но и обладал многими полезными и разносторонними умениями: хорошо держался в седле, мог самостоятельно подковать лошадь, фехтовал, стрелял, плавал. К тому же он владел наряду с русским немецким, английским и французским языками, хорошо знал классическую художественную литературу, играл на пианино, неплохо пел и очень хорошо танцевал. Он покинул отчий дом с чувством глубокого почитания родителей, обладая такими твердыми морально-нравственными качествами, как смелость, честность, достоинство. Он знал цену дружбе и товариществу.

Подчеркнем, что у Павла и Петера была возможность продолжить свое образование в знаменитом университете или в возглавляемом Ф.С. Унтербергером ветеринарном институте и остаться в Дерпте. Но они отправились в Санкт-Петербург, чтобы поступить в Инженерное военное училище. Выбор братьев носил вполне осознанный характер. Избранная военная стезя жизни была обычной для многих дворянских сыновей в России, видевших свое призвание в воинском служении трону и Отечеству.

Военно-инженерная служба в Восточной Сибири

Николаевское инженерное училище, в которое поступил учиться П. Унтербергер, имело хорошую репутацию. Основанное в 1819 г. «для образования искусных инженеров и саперных офицеров» Главное инженерное училище находилось под покровительством великого князя Николая Павловича, которое продолжалось и в годы его правления (1825—

1855 гг.). С 1855 года училище стало именоваться Николаевским. Императорское покровительство училищу не прерывалось и при Александре II. Покровительство императора обеспечивало высокий авторитет учебному заведению и давало безусловные преимущества как преподавательскому составу, так и учащимся.

В училище принимались дети потомственных дворян от 14 до 18 лет, которые должны быть совершенно здоровы и иметь необходимые познания, проверяемые вступительным экзаменом.

Помимо лекций, к чтению которых привлекались профессора Петербургского университета, в училище особое внимание уделялось овладению воспитанниками значи-

тельным объемом практических умений, приобретаемых на летней практике, которая проходила в Петергофе. При училище имелась мастерская, где учащиеся обучались строительному искусству: различного рода кирпичной кладке, плотничным, столярным, слесарным и кузнечным работам. Написавший исторический очерк развития Главного инженерного училища за полувековое его существование (1819–1869 гг.) М. Максимовский считал, что одной из характерных черт училища, выделявшей его из других военных учебных заведений, являлось существовавшее в нем уважительное отношение преподавателей и учащихся к науке и учению [1]. Возможно, это объяснялось тем, что училище являлось частью Инженерного ведомства, в котором служили известные ученые и специалисты.

Училище не составляло исключения из тех военных учебных заведений, где в закрытом юношеском сообществе существовали свои неформальные, зачастую жесткие, а иногда и жестокие порядки и требования. Особо тяжело приходилось новичкам — «плебейм», «рябцам», которым «патриции» не прощали малейших отступлений от училищного устава. «Крутое обращение с новичками, — писал М. Максимовский, — происходило от убеждения кондукторов старших классов в необходимости воспитывать вновь поступившего в понятия и обычаях училища» [2]. Всякий допустивший предосудительный поступок, как то наущничество, нечестность, нарушение данного слова и другие, преследовался беспощадно. Жалобы начальству по этому случаю не допускались, они могли привести воспитанника к полному отторжению учащимися.

При начальнике училища полковнике М.П. Кауфмане — выпускнике училища, хорошо знавшего внутреннюю латентную жизнь учащихся, преследование новичков понемногу ослабло. Поэтому Павел Унтербергер во многом миновал «воспитательный момент» второкурсников. К тому же он был сравнительно взрослым и опытным молодым человеком.

Очевидно, среди учащихся было немало детей из дво-

рянских семей немецкого происхождения, поскольку в училище помимо православного был и лютеранский законоучитель, который объяснял Закон Божий на немецком языке. Незнание немецкого языка частью этой молодежи приводило к тому, что воспитанник, имевший отличные результаты, не переводился в высший класс только из-за неудовлетворительного балла по Закону Божьему, полученному в результате незнания немецкого языка. Впоследствии для воспитанников лютеранского вероисповедания было разрешено законоучителю вести занятия на русском языке. Но для П. Унтербергера этой проблемы не существовало, поскольку он свободно владел как немецким, так и русским языком. Учился он с большой охотой, окончил училище по первому разряду и по выпуску из училища в чине прапорщика сразу же был зачислен в Николаевскую инженерную академию, которая давала высшее военно-инженерное образование.

Открытая в 1855 г. Инженерная академия была ответом на возросшие государственные потребности в создании оборонительных укреплений на обширных окраинах России, в том числе и на Дальнем Востоке. Тем более, что Крымская война наглядно показала огромную роль современных фортификационных сооружений. Наряду с такими общетеоретическими учебными дисциплинами, как математика, начертательная геометрия, химия, сопротивление материалов и др., в академии обстоятельно изучались инженерная оборона и государственная история, современное состояние фортификации, архитектура, оборонительные постройки, земляные и бетонные работы, санитарно-строительное дело, отопление, вентиляция, водоснабжение и др.

При академии имелись библиотека, музей, физические и электротехнические кабинеты, химическая, техническая и механическая лаборатории.

Практические занятия зимой включали проектирование воспитанниками временных фортов, крепостную игру, составление проектов сводов и занятия в лаборатории, разработку проектов по строительному искусству и т. д.

В летнюю практику учащиеся вели съемки и строительные работы в крепостях, решали тактико-фортификационные задачи.

Несмотря на широкую и разностороннюю инженерную подготовку, акцент был сделан на строительной специальности вообще и, в особенности, на строительстве всех без исключения объектов военного предназначения.

Таким образом, учебный процесс в академии обеспечивал получение воспитанниками фундаментального военно-инженерного образования, включавшего разносторонние практические умения и навыки.

В 1864 г. П. Унтербергер окончил Николаевскую инженерную академию по первому разряду и получил высшее инженерное образование, которое в таком объеме в то время не давало ни одно гражданское учебное заведение.

В 22 года от роду Павел Федорович обладал фундаментальными военно-инженерными знаниями и разнообразными практическими умениями и навыками. А еще он был романтиком. Как же иначе понять его решение начать военную службу в Восточной Сибири, хотя отличникам предоставлялось право выбора места службы. Штабс-капитан П.Ф. Унтербергер выбрал местом службы окружное Инженерное управление Восточно-Сибирского военного округа. Это был его самостоятельный выбор.

Он хотел увидеть российский Дальний Восток и года через три вернуться из г. Николаевска в Кронштадт кругосветным путем на одном из военных судов, что в то время разрешалось [3]. В жизни же сложилось так, что Унтербергер много раз покидал Дальний Восток, совершил и так манившее его кругосветное путешествие, но неизменно каждый раз возвращался в ставший ему близкий дальневосточный край.

Положенный отпуск молодой офицер провел в Дерпте среди родных и близких, которые восхищались отважным Паулем. Конечно, были и такие, кто не понимал его решения. Он же, физически сильный, обладавший обширными знаниями и умениями, стремился к просторному полю самостоятельной деятельности.

В середине ноября 1864 г. П.Ф. Унтербергер прибыл в Иркутск — столицу Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в состав которого наряду с Енисейской губернией, Якутской областью и Камчаткой входили Амурская и Приморская области. Он был зачислен военным инженером Инженерного управления Восточно-Сибирского военного округа.

Прошло всего 3 года, как Иркутск покинул прославленный Н.Н. Муравьев-Амурский, который за 13 лет своего губернаторства присоединил к России около миллиона квадратных километров дальневосточных земель, оформил это международным договором с Цинской империей и положил начало колонизации новой российской территории. В Иркутске молодой инженер многое узнал о Н.Н. Муравьеве от его сослуживцев и не мог не проникнуться глубоким уважением к этой незаурядной личности, к твердому государственнику, к замечательному дипломату и умелому администратору. Примечательно, что, говоря о территориальных приобретениях, утвержденных Айгуньским договором (1858 г.), Унтербергер особо заметил: «...заслуга графа Муравьева-Амурского тем более велика, что все это было им совершено мирным путем, без пролития крови и каких-либо существенных материальных жертв со стороны государства» [4]. В словах «мирным путем, без пролития крови и каких-либо существенных материальных жертв со стороны государства» молодой офицер П.Ф. Унтербергер определил и для себя главные средства в достижении цели, сформулировал своего рода жизненное кредо.

С именем Н.Н. Муравьева было связано первое появление военных инженеров в Восточной Сибири. Предвидя широкое поле для их деятельности, он в начале 50-х годов начал усиленно привлекать офицеров этого корпуса на службу в управляемый им край. Ему удалось хорошо устроить их положение и материальный быт. Так что Унтербергер стал членом военного управления, имевшего славные традиции и заслуженный авторитет. В целом Унтербергер прослужил военным инженером в Восточной Сибири и на

*Н.Н. Муравьев-Амурский — генерал-губернатор
и командующий войсками Восточной Сибири*

Дальнем Востоке 24 года (1864—1888 гг.). Опыт своей службы он обобщил в большой статье «Военные инженеры в Восточной Сибири», опубликованной в «Военно-инженерном журнале». Ныне она является главным источником для воссоздания истории деятельности военных инженеров в 50—80-е годы XIX в., раскрытия их вклада в колонизацию российской окраины [5].

Вскоре после прибытия Унтербергера в Иркутск здесь было создано окружное Инженерное управление Восточно-

Сибирского военного округа в составе 22 человек, в том числе 5 инженерных офицеров. При таком незначительном составе инженерная деятельность управления простиралась на территорию от Иркутска до Николаевска вместе с островом Сахалин на протяжении около 4500 верст, затем на 1000 верст к югу от Хабаровки до г. Владивостока и залива Посыет на корейской границе. Енисейская губерния, Якутская область и Камчатка хотя и входили в район Восточной Сибири, но в них в эти годы никаких инженерных работ не производилось.

На инженерное управление в Восточной Сибири было возложено руководство всеми ремонтными работами построек, возведенных войсками и занимаемых ими, а также строительством новых военных сооружений. Оно осуществляло роль распорядительного и контролирующего учреждения, исполнительную же строительную часть преимущественно составляли сами войска.

Возросшие масштабы строительства в Приамурье привели к открытию в 1872 г. в Николаевске инженерной дистанции, которая затем была переведена в Хабаровку. В ее состав входили, кроме начальника, 5 инженеров-офицеров, 1 инженерный чиновник, 2 надзирателя, 3 кондуктора и 3 писаря. Район ее работы простирался на всю Приморскую область и о. Сахалин.

Деятельность военных инженеров на дальневосточной окраине резко отличалась от таковой же в губерниях европейской России. В малоосвоенном крае инженерным офицерам приходилось ведать наймом рабочих, не только контролировать работы, но быть настолько подробно знакомым с каждым мастерством, чтобы уметь руководить неопытными мастерами и обучать их. В то же время на них лежала обязанность производить заготовку строительных материалов, заведовать рубкою и сплавом леса, выломкою и доставкой камня, выжигом извести, устройством кирпичных заводов, розыском месторождений камня, известняка, песка и прочего. Военному инженеру необходимо было обладать хозяйственными способностями, самостоя-

тельностью, распорядительностью и умением извлекать из ситуации наибольшую пользу для дела. Волею-неволей здесь формировался инженерный офицер-профессионал, универсал. Таким и стал Унтербергер.

В обязанности военного инженера входило обеспечение рабочей силой строительства, для чего ему выдавался денежный кредит, за который он обязан был отчитаться в управлении. Когда Павла Федоровича направили в устье Амура для организации строительства на мысе Чныррах казарм на 300 человек — будущих строителей береговой батареи, он получил за подписью командующего войсками округа предписание. В нем говорилось, что сумма кредита в 30 тыс. руб. (сумма по тем временам очень значительная) находится на полной ответственности инженера, который «должен искать возможность удешевления работ» [6]. Для ведения отчетности Унтербергер получил две шнуровые книги, в которых он был обязан фиксировать все расходы. По окончании работ он представил полную отчетность по всей произведенной операции.

В малонаселенном крае проблема рабочей силы для строительства являлась наигострейшей. До середины 70-х годов все работы по казарменным постройкам в Приморье и Приамурье производились исключительно нижними чинами. Даже постройки частных лиц возводились вольным наймом нижних чинов. С середины 60-х годов нижние чины, трудившиеся на военном строительстве, стали получать за свой труд плату — по 16 копеек за выполненное урочное задание. Управление смогло доказать военному министерству, что во время производства строительных работ нижним чинам необходимы улучшенная пища и рабочая одежда. При усиленном физическом труде от 10 до 12 часов в сутки — при жаре, доходящей летом до 27° в тени, и зимой на заготовке материалов до 30° мороза, отпускаемой от казны пищи было недостаточно. Казенная одежда на строительных работах не могла служить положенный законом срок. Поэтому на улучшенную пищу и на рабочую одежду нижним чинам стала рассчитываться сумма в 75 коп.

в день на человека. Из этой платы за урок нижнему чину на руки приходилось в день всего 10 коп. Производство работ нижними чинами для казны было значительно выгоднее, чем ведение строительных операций вольным трудом. Однако в силу того, что возникла опасность превращения войск в рабочие строительные батальоны, командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа приказал значительно сократить использование нижних чинов в строительстве.

В середине 70-х годов XIX в. Инженерному окружному управлению предстояли усиленные работы в районе военного поста Хабаровка. В недрах управления родилась идея найма рабочих-строителей в Китае. Расчеты показали, что китайские рабочие обойдутся казне гораздо дешевле, чем рабочие из европейской России. Было известно, что в южных провинциях Китая существовали специальные агентства по найму рабочих, через которые их направляли в Вест-Индию, Кубу, Перу и другие страны, ранее использовавшие ныне запрещенный труд рабов из Африки.

Реализация плана по найму китайских рабочих на строительство казенных объектов в Приамурье была поручена инженер-подполковнику П.Ф. Унтербергеру, который с этой целью в 1876 г. совершил большое путешествие в Китай.

Первоисточником для воссоздания истории путешествия Унтербергера в Поднебесную империю явились две его статьи. Первая — «Очерк пути от г. Тянь-цзин до г. Чжень-цзян в Китае» — была опубликована в Записках Императорского географического общества в 1877 г. Вторую статью — «Опыт найма китайцев в Чжилийской и Шаньдунской провинциях для работ инженерного ведомства в Приамурском крае» — опубликовал в том же году Военно-инженерный журнал [7].

Как записано в послужном списке, подполковник Унтербергер был «командирован командующим войсками округа в г. Шанхай и открытые порты Китая для ознакомления со строительным делом в Китае и для разработки вопроса о применении у нас в Приамурском крае китайской

рабочей силы вообще, а в особенности для найма мастеровых китайцев и для работ Инженерного ведомства в Приморской области и для первоначальной постановки работ в посту Хабаровка» [8]. Следует пояснить и конкретизировать содержание приведенного командировочного задания. Подполковнику было поручено нанять 100 китайцев для работ в Приамурье. Это было главное задание. Вместе с тем он должен был выяснить важные детали в деле возведения китайцами довольно прочных сырцовых построек, которые могли принести большую пользу при временном расположении войск в Приамурье. От генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова Унтербергер получил задание изучить способ найма подданных Китая на работы в Калифорнии и Австралии и составить соображения по найму их для золотопромышленных работ в низовьях Амура.

С инструкциями и разрешением «поступать по своему усмотрению с личной ответственностью» инженер-подполковник Унтербергер 12 ноября 1875 г. выехал из Иркутска. Миновав границу около Кяхты, он отправился через Ургу, пустыню Гоби в Пекин. В зимнее время другого пути просто не было. Часть пути по пустыне была наиболее трудной. В сутки, когда морозы достигали 25 градусов ниже нуля, ему приходилось иногда делать по пять верст по прямому направлению, отыскивая в стороне юрту для ночлега или табун для перемены изможденных лошадей и верблюдов. Унтербергер оставался в седле по 14 часов в сутки.

После сравнительно продолжительного путешествия, прибыв в г. Тяньцзинь, инженер-подполковник энергично начал вести переговоры с китайскими фирмами и подрядчиками о найме рабочих в Приамурье. Переговорный процесс неожиданно для него оказался изнурительным и продолжительным. «...При переговорах, — подчеркнул Унтербергер, — обнаружились все неприятные стороны китайцев, с редкою назойливостью стремящимися извлечь себе выгоду из всего, что им только представится. Вследствие этого

о самых простых условиях контракта приходилось иногда говорить часами, и вновь, не придя ни к какому результату, возвращаться к ним в последующие дни» [9]. Всякое выражение нетерпения с его стороны вызывало у китайцев непереносимое откладывание дела, поскольку они считали поспешность со стороны европейца признаком приобретения им большой материальной выгоды. Уступки, которые он первоначально делал ради экономии времени, каждый раз служили поводом к требованию новых уступок. «Вообще для ведения переговоров с китайцами требуется много умения, навыка и, в особенности, терпения» [10], — сделал вывод Павел Федорович из опыта многочисленных переговоров, оканчивавшихся безрезультатно. По его словам, многие из европейцев просто не выдерживали этих сношений и в короткое время приобретали нервное расстройство. Переговоры приехавшего за тридевять земель подполковника тянулись неделями, и одна неудача следовала за другой. Выдержка, терпение, настойчивость и строгость, проявленные П.Ф. Унтербергером, в конце концов обеспечили успех порой казавшегося безнадежным дела. Ему удалось заключить контракты на найм людей в числе 134 человек из Чжилийской и Шаньдуньской провинций на приемлемых условиях. Чтобы придать сделке официальность, контракты были подписаны в русском консульстве в Тяньцзине, а в Чифу, за неимением там русского консульства, — в германском посольстве.

По условиям контракта рабочие нанимались на два года. По желанию части китайцев половина жалования представлялась их родственникам через посредство подрядчика и русского консула. Всем было выдано двухмесячное жалование вперед перед отъездом. Китайцами была выговорена медицинская помощь из казны. На срок пребывания в пределах Российской империи они должны были подчиняться существовавшим в ней законам. Согласно принятому в Китае обычаю, для празднования китайского Нового года оговаривались три нерабочих дня. Во все же остальные дни они должны были выходить на работу. Количество рабочих

часов в сутки согласовывалось с принятым в России. Помещение для проживания на месте китайцы обязывались построить сами в течение 10 суток по принятому у них образцу из выданного из казны материала.

После заключения контрактов Унтербергер зафрахтовал парусное судно для перевозки людей из Китая в г. Николаевск. А затем по Амуру — в Хабаровку. Этот путь Унтербергер считал более целесообразным и удобным по сравнению с более коротким через Владивосток. Одно из его соображений — избежать контактов нанятых китайцев с «порочною частью местного китайского населения, так называемых манз, что могло бы дурно повлиять на вновь нанятых людей» [11].

При отправке судна из Китая Унтербергер принял все меры для удобного устройства пассажиров. Серьезное внимание было обращено на заготовку обильной и доброкачественной провизии (рис, соленая рыба, соленая свинина, бобовое масло, консервы зелени и чай). Подполковник организовал не только благополучную доставку новых рабочих в Хабаровку, но и позаботился о выборе места для устройства ими жилья — привычных фанз. Постепенно китайцы становились на кровельные, плотничьи, столярные, каменные, печные, кузнечные работы, работы по изготовлению кирпичей и поступили под наблюдение русских мастеровых и начальника Амурской инженерной дистанции.

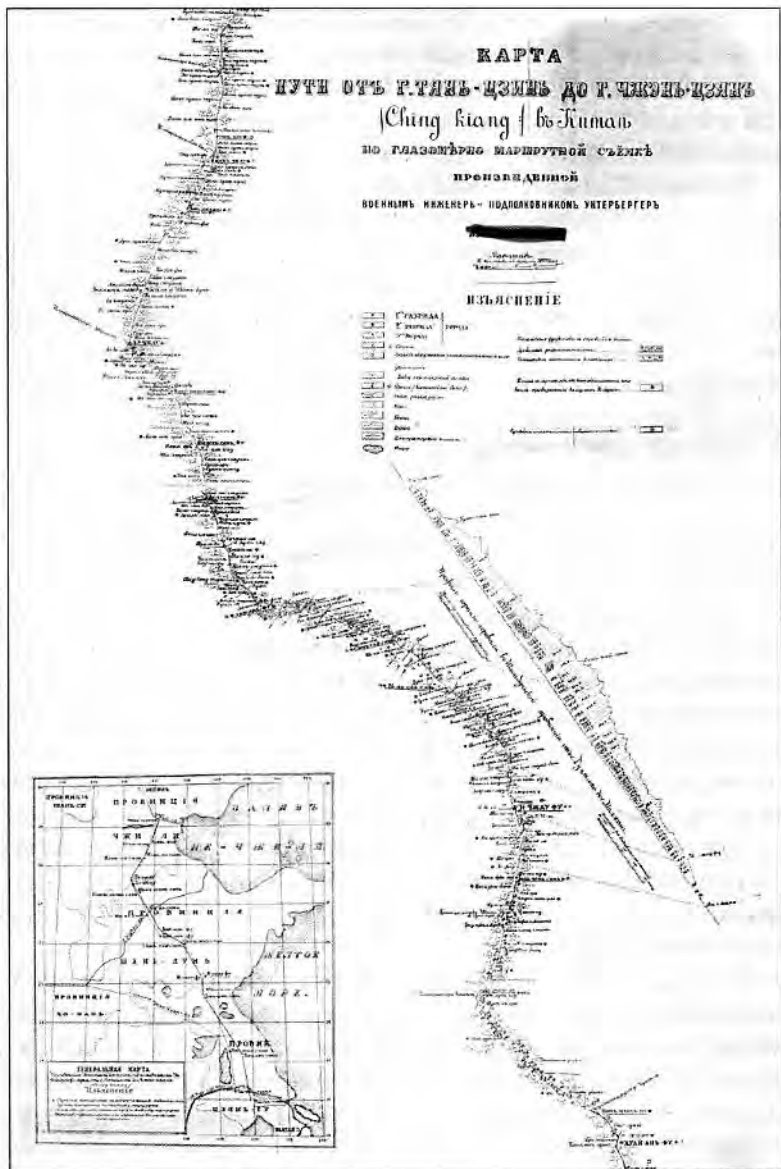
Унтербергер пришел к выводу, что найм китайцев для работы в Приамурском крае может производиться тремя способами. Первый — найм людей в самом крае, из числа так называемых манз — китайцев, проживавших в Южно-Уссурийской части края. Второй — найм людей из пограничных с краем местностей Маньчжурии. Оба вида найма китайских рабочих, считал он, удобнее всего могут быть применены для золотопромышленных работ. Их преимущество в том, что эти рабочие более или менее знакомы с нашими порядками и условиями жизни, как и с характером предстоящих работ. При этом Унтербергер заметил, что манзы из Южно-Уссурийского края не имели репутацию

надежных работников, так как включали в себя большую долю «испорченного элемента».

Третий способ найма рабочих состоял в вольном найме людей на условиях обоюдного соглашения между нанимателем и нанимающимся в приморских провинциях Китая с доставкой их морем в наши пределы. Унтербергер подчеркнул, что использование имевшихся в китайских портах вербовочных контор, услугами которых пользовались многие страны, для российской стороны было невозможно в силу отсутствия в России закона об иммигрантах. Оставался частный способ, который, по мнению подполковника, должен производиться с ведома и при участии российских миссий в Китае. При этом должны быть строго соблюдены условия свободного переселения. По расчетам Унтербергера, китайский рабочий с юга будет обходиться от 15 до 20 серебряных рублей в месяц, считая накладные расходы и двойную перевозку морем. Для сравнения: мастеровой из Нижнего Новгорода мог обойтись в 70 руб. [12].

Унтербергер был осторожен в оценках возможностей «желтой рабочей силы». Он подчеркнул, что за южанами можно признать большее искусство в мастерствах по сравнению с северянами, но это качество не имеет значения при чернорабочем труде. К тому же южане отличались строптивостью характера. По мнению Унтербергера, было бы рациональнее производить найм в северных провинциях, где климатические условия похожи на условия Приамурского края.

Наряду с блестящим выполнением главной задачи — найма рабочих, количество которых превзошло запланированное задание, Унтербергер по собственной инициативе решил составить карту пути от г. Тяньцзинь до г. Чженьцзян по глазомерно-маршрутной съемке на расстоянии около тысячи верст. Дело в том, что сухопутный путь от Тяньцзиня до Шанхая тогда редко использовался европейцами, так как в течение 9-ти месяцев в году между городами существовало пароходное сообщение. Вместе с тем этот путь играл важную коммерческую роль, имея политическое значение,

Карта пути от г. Тяньцзин до г. Чженьцзян в Китае

т. к. представлял собой сухопутное сообщение портов на Тихом океане со столицей страны. Унтербергер сожалел, что на производство маршрутной съемки, как не входившей в программу прямого служебного поручения, не было ассигновано каких-либо денежных средств.

Очевидно, мысль о ведении съемки у него возникла заранее и с этой целью он изучил астрономические наблюдения по английским морским картам, по данным католических миссионеров XVIII в. и астронома Фриште, получил консультации в военно-топографическом отделе Инженерного управления, где взял и необходимые инструменты для ведения наблюдения — анероид-барометр, буссоль с диоптрами и термометры.

Судя по всему, измерения и наблюдения в пути для подполковника были значимы, поскольку в статье он подробно описал технологию этой своей работы. Так, он писал, что пройденное пространство измерялось ходом мула, который при движении шагом составлял средним числом 5 верст, при движении рысью — 8 верст в час. На составленной карте пути от г. Тяньцзин до г. Чженьцзян по глазомерно-маршрутной съемке на расстоянии 1200 верст обозначены города (трех разрядов), селения, окруженные глинобитными стенами или укрепления, реки, ручьи, мосты, шлюзы, дороги, императорский канал, озера, а также насаждения фруктовых деревьев и древесной растительности, кладбища. Кроме этого был составлен профиль горного перевала в Шаньдуньской провинции. Все это требовало от Унтербергера не только профессиональных умений, но и больших физических усилий.

К очерку был приложен маршрут пути от Тяньцзина до Чженьцзяна с обозначением пройденного в течение каждого дня количества верст с обозначением остановок для обеда и на ночлег. Судя по приведенным данным, минимальное количество верст, пройденных в день, составило 10, а максимальное — 72 (во время передвижения на лодках по каналу).

В продолжение всего пути, который длился 18 дней, Унтербергер вел метеорологический журнал три раза в день: в

9 часов утра, в час дня и в 21 час. В эти часы отмечались показания анероид-барометра и термометра, сила и направление ветра и состояние неба. Таблицу наблюдений он приложил в конце очерка.

Безусловно, проведенные исследования Унтербергера сегодня имеют в основном историко-познавательное значение. Вместе с тем объем собранной и обработанной им информации сделал бы честь небольшому отряду путешественников.

Для современного читателя статьи Унтербергера интересны проникновенными наблюдениями высокообразованного человека, принадлежащего европейской культуре, за повседневной жизнью населения азиатской страны второй половины XIX века, профессиональное описание деревень, городов, жилищ, занятий китайцев, их обычаев и нравов.

Любопытна позиция Унтербергера, имевшая для него базисное значение в изучении окружавшей его китайской действительности: «...Я старался принимать встречавшиеся мне факты как единичные явления и по возможности не обобщать их. Нельзя делать о проявлениях и условиях жизни народа, имеющего свою 4000-летнюю, своеобразную и резко отличающуюся от нашей цивилизацию, какие-нибудь серьезные заключения, основанные на путевых впечатлениях, вынесенных из пребывания в стране несколько месяцев. Для этого нужна массная (массивная. — *Н.Д.*) группировка фактов, притом различных наблюдателей, и разносторонняя разработка их. Единичные явления, насколько бы они рельефны не были, тем не менее могут быть случайными, и тогда ошибка при обобщении такого рода фактов очевидна» [13].

Высказанное суждение является ярким доказательством владения Павлом Федоровичем научными методами познания, которыми пользуется исследователь и XXI века. При этом рассуждения о Китае как о древнейшей, своеобразной цивилизации, резко отличающейся от европейской, во многом созвучны современному пониманию мирового

исторического процесса и места в нем китайской цивилизации. Подчеркнем, что эти рассуждения принадлежат не представителю гуманитарной профессии, а инженеру, «технарю», да еще военному человеку.

Конечно, расширению познаний Унтербергера о Дайцинской империи много дали продолжительные беседы с русскими консулами в гг. Пекине, Шанхае, в особенности с глубоким знатоком истории китайской цивилизации архимандритом Палладием — начальником Русской духовной миссии в Пекине. Как признавался Павел Федорович, это знакомство «оставило во мне самые отрадные впечатления, и из бесед с ним я извлек много полезных для себя советов и сведений» [14].

Путешествуя по территории азиатского государства, где европейцы были редкостью, Унтербергер встретил настороженное, а иногда и враждебное отношение, выражавшееся в отказе предоставить место в гостинице.

«...Европеец повсюду в Китае презирается, — писал П.Ф. Унтербергер, — и если часто наружные отношения китайца к нам носят не только вежливый, но даже дружественный характер, то это в большинстве случаев только ради каких-нибудь обоюдных интересов, в душе же китаец ненавидит европейца, сознавая вполне, что под эгидой цивилизации последний стремится только эксплуатировать страну. Вошедшее в плоть и кровь китайца народное название европейца «янь-гуйцзе», т. е. «заморский черт», вполне характеризует наше положение в общественном мнении Китая» [15].

Многие описания, содержащиеся в очерке, свидетельствуют о присущем автору даре художественного изображения, владения им беллетристическими приемами.

По Унтербергеру, одним из отличительных признаков характера китайского народа являлось уважение и почитание родителей. Китайцы словоохотливы, и на улицах многолюдных городов он неоднократно наблюдал толпящихся горожан, прислушивающихся к находящемуся посередине импровизатору или рассказчику новостей, часто политиче-

ского характера. Любимый предмет разговора между китайцами — коммерция. Каждый китаец в душе торгаш — таков его вывод.

Население редко и в незначительном количестве употребляло вино. Зато азартные игры в карты составляли бич. «Вот эта страсть вместе с курением опиума — главное разлагающее начало нравственности жителей...» — считал Павел Федорович. По его мнению, китаец при должном за ним надзоре «хороший и прилежный работник», его отличали неумоимость и аккуратность в работе.

Почерпнутые во время путешествия знания о Китае, особенностях его населения, несомненно, помогли П.Ф. Унтербергеру — будущему Приморскому губернатору, а затем и Приамурскому генерал-губернатору выстраивать нормальные отношения с соседом.

Являясь первопроходцем в деле привлечения китайских рабочих в Приамурье, через несколько десятилетий, будучи Приамурским генерал-губернатором, Унтербергер уже был серьезно озабочен массовым проникновением китайцев в край, вызванным социально-экономическими причинами, и принимал меры противодействия их наплыву в российские пределы.

А тогда удавшийся первый опыт использования китайской рабочей силы в Хабаровке «открыл широкий доступ китайских рабочих в край, и вскоре инженерное ведомство перестало чувствовать недостаток рабочей силы...» [16]. Например, когда в 1880 г. экстренно была сформирована первая Восточно-Сибирская стрелковая бригада, дислоцированная в Приморье, а кредит на постройки был открыт только в середине лета того же года, в первую зиму ни один солдат не помещался уже в землянке. Благодаря китайским рабочим казармы были выстроены в кратчайший срок. По мнению Унтербергера, «не будь этой силы, не могло быть и речи о том, чтобы в промежуток времени с 1877 по 1883 г. за те же средства было возведено то число инженерных построек, преимущественно в Приморской области, которое было произведено в действительности» [17].

КАРТА части ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ,

съ показаніемъ пунктовъ, въ которыхъ въ 1885 г.
находились инженерныя постройки.

Масштабъ
0 100 200 300 400 500 в.

ИРКУТСКАЯ ГУБ.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛ.

ИРКУТСКЪ

ЧИТА

СТРѢЛЕНСКЪ
НЕРЧИНСКЪ

СЕЛЕНГІНСКЪ

КЯХТА

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

- ▲ Показаны пункты, гдѣ были въ 1885 г. инженерныя постройки, состоявшія изъ одного или нѣсколькихъ отдѣльных инженерныхъ управленій.
- ————— сходящихся въ одинъ пунктъ.
- ☆ ————— сходящихся въ одинъ пунктъ.

ПРИМѢЧАНІЕ: Цифры, проставленныя на картѣ, выражаютъ разстояніе между пунктами въ верстахъ.

ОБЛАСТЬ

ЯКУТСКАЯ

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ

МАНДЖУРІЯ

НИКОЛАЕВСКЪ

ДЕ-КАСТРИИ

СОФІЙСКЪ

ХАБАРОВКА

МИХАИЛО-СЕМЕНОВСКАЯ

Турій Рогъ

П. КАМЕНЬ-РЫБОЛОВЪ

АТАМАНОВСКІЙ

ПОЛТАВСКІЙ

РАЗДОЛЬНОЕ

БАРАБАШЪ

НОВО-КІЕВСКОЕ

СЛАВЯНКА

НОВГОРОДСКОЕ

ВЛАДИВОСКЪ

АНУЧИНО

ВЪЗЪЩЕВА

по жѣлѣзнымъ дорожкамъ окружнаго Инженернаго управленія.

по жѣлѣзнымъ дорожкамъ Амурской Инженерной дистанціи.

по жѣлѣзнымъ дорожкамъ Владивостокской Инженерной дистанціи.

по жѣлѣзнымъ дорожкамъ въ верстахъ.

У инженерного ведомства был опыт выписки в 1881 г. в г. Владивосток мастеровых из Японии. Опыт этот не был удачным, так как хотя кирпичные работы, выполненные японцами, были образцовыми, но они обошлись дороже, чем выполненные китайцами.

На военное строительство нанимались рабочие и из европейской России, как правило, это дорого обходилось казне и было сведено к минимуму. Ряд работ выполнялся ссыльно-каторжниками.

Все внимание Унтербергера в начале 80-х годов было сосредоточено на Владивостоке. В связи с угрозой войны из-за территориальных споров в Центральной Азии в Петербурге обеспокоились безопасностью Владивостока. Как ранее было сделано в отношении Кронштадта, Владивосток стал отдельным военным губернаторством. При генерал-адмирале великом князе Константине Николаевиче на особом совещании специально обсуждался вопрос о будущем Владивостока. Полковник Унтербергер выступил на нем с заглавным докладом «Об усилении обороны г. Владивостока». «Владивосток, — подчеркнул докладчик, — имеет для государства важнейшее стратегическое значение как база нашего флота на Восточном океане, поэтому он должен для противостояния возможному противнику иметь круговую оборону посредством артиллерийских укреплений и достаточного количества войск» [18]. Было решено усилить крепостное строительство во Владивостоке. Прибывшая в порт эскадра Тихого океана под командованием адмирала С.С. Лесовского в составе 13 новейших броненосных фрегатов, крейсеров и клиперов доставила новейшие пушки и мортиры. Для их установки на береговых батареях силами личного состава эскадры были проведены большие земляные, строительные и монтажные работы. Ежедневно на работы выходило свыше 1100 человек [19].

По утвержденному императором докладу Главного штаба об усилении обороны Владивостока была сформирована комиссия под председательством военного губернатора Приморской области контр-адмирала Фельдгаузена. Ко-

миссия, в которую вошел и полковник Унтербергер, работала с мая по сентябрь 1883 г.

В Военно-историческом архиве (Москва) хранится рапорт на имя командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа (1883 г.), написанный на 24 страницах и подписанный П.Ф. Унтербергером «Об усилении обороны города Владивостока» [20]. В нем обстоятельно изложены соображения комиссии по этой проблеме. Так, предлагалось возвести ряд временных укреплений, вооруженных полевыми орудиями, по сухопутной линии — высот, идущих от Амурского залива по левому берегу Первой Речки через речку Гнилую, речку Госпитальную к Уссурийскому заливу и до бухты Улисс.

Особо шла речь об обороне Русского острова. Для упреждения неприятельского захвата Русского острова и лучшего обеспечения защиты города от артиллерийского огня захватчика со стороны, обращенной к городу, в рапорте предлагалось возвести временное укрепление к востоку от существовавшей на перешейке батареи и береговое укрепление на высоте, находившейся к западу от батареи.

Планировалось усилить вооружение существовавших батарей и возвести новые батареи на мысах Назимов, Новосильском и Токаревском и линию заграждения в бухте Новик, устроить дорогу по середине полуострова, безопасную от выстрелов с моря. Шла речь и о сооружении шоссейной дороги между Владивостоком и станцией Угловой.

К рапорту был приложен общий расчет стоимости реализации плана по усилению обороны Владивостока, которая составляла 6 948 055 руб. Все расчеты были сделаны на использовании вольного труда.

В конце года Унтербергер был вызван в столицу для доклада о проекте строительства дорог в Южно-Уссурийском крае и системы укреплений г. Владивостока. Одобренные военным ведомством предложения легли в основу программы создания во Владивостоке крепости, реализация которой заняла не одно десятилетие. Нельзя не согласиться с выводом авторитетных владивостокских исследователей В.И.

Калинина, Н.Б. Аюшина и других, что именно П.Ф. Унтербергеру принадлежит идея создания во Владивостоке крепости [21]. Как следует из приведенных документов, он многое сделал и для разработки, и для реализации этой идеи.

По мнению Унтербергера, основы бескорыстного, честного и неумолимого отношения к делу и безупречное исполнение долга службы были положены первыми начальниками инженеров Восточно-Сибирского военного округа. Это отношение к служебному долгу свято сохранял и он, став в 1878 г. заведующим инженерной частью, а затем и начальником инженеров Восточно-Сибирского военного округа.

Наряду с ведомством военных инженеров немало тяжелого труда в Приморье и Приамурье выпало и на долю инженерной службы морского министерства. Стараниями и трудами морских инженеров были устроены Николаевск и в нем все портовые сооружения, а затем по переводу порта в 1871 г. во Владивосток, вся деятельность морской строительной части была перенесена туда. В то время, по словам П.Ф. Унтербергера, Владивосток представлял собой военный пост с несколькими десятками лачуг. Началось кипучее строительство, в результате которого к концу 70-х годов были возведены морские казармы, госпиталь, морской клуб, дом главного командира, морской штаб, женская и мужская прогимназии, портовые мастерские, проложены улицы, установлена раздача земельных участков частным лицам под постройки и т. д. Расширение деятельности морской строительной части было связано с устройством маяков. «Будучи по временам очевидцем этой неустанной, с постоянными препятствиями борющейся работы первых устроителей Владивостока, — писал П.Ф. Унтербергер, — я смело позволяю себе заявить, что эти труженики заслужили себе громкое спасибо за их бескорыстную, энергичную и существенно полезную службу на этом крайнем форпосте Русского Царства» [22]. Павел Федорович сожалел, что никто из этих первых работников не взялся за перо и рельефно не осветил важные ее этапы.

Следует подчеркнуть, что правительственная политика

Временное жилье офицеров

на дальневосточной окраине целиком была обусловлена обстоятельствами военного порядка. Возникла военная угроза — усиливался контингент войск, отступала угроза — войска отводились. Так, в 1878 г. в ожидании разрыва с Англией во Владивостоке было сконцентрировано большое число войск, которым не хватало помещений. Началось лихорадочное строительство казарм.

Как выразился Павел Федорович, практическая инженерная деятельность в Приморье и Приамурье происходила толчками, «будучи в полной зависимости от меняющейся нередко дислокации войск, от постепенного, но совершающегося каждый раз внезапного усиления численности войск и оборонительных средств края» [23]. Конечно, это обстоятельство создавало особые трудности для военных строителей. В малолюдном крае зачастую приходилось немедленно и энергично развертывать строительство, вести его без остановки, так как временно расквартировывать войска и разместить склады и запасы просто было негде.

Из бесхитростного описания Унтербергера осязаемо предстают лишения и невзгоды, которые приходилось выносить в пустынном крае воинским частям. «Приходит часть в назначенную для квартирования ее местность, —

писал он, — раздается команда: «Составь ружья», «ранцы долой» и, перекрестившись, люди начинают сначала устраивать шалаши, а потом копать землянки, которые им должны служить год-другой единственным помещением. Наскоро устроившись в них, выбираются места для расположения постоянных казарм. Разделяется часть на команды по мастерствам: лесорубы отправляются в лес для подготовки материала, выбираются места для выделки кирпича, пристраиваются под навесами столяры, слесари и кузнецы, разыскиваются места для обжигания извести и через некоторое время повсюду кипит работа, дабы по возможности скорее приютиться в неприютливых временных деревянных казармах. Устраиваются пути сообщения с ближайшими продовольственными складами, и жизнь начинает входить в этом вновь образовавшемся в тайге поселении в известные рамки» [24]. Потом приступали к постройке казарм и офицерских помещений. Офицеры наравне с нижними чинами делили работу и лишения, выпавшие на их долю. В этих экстремальных условиях жизни выдерживали только здоровые физически и духовно люди, слабые не задерживались на Дальнем Востоке, случалось, молодые офицеры спивались и кончали жизнь самоубийством. Отличавшийся спокойным нравом, обладавший многими практическими умениями, открытый людям, готовый прийти им на помощь, молодой офицер Унтербергер пользовался особым уважением среди нижних чинов и офицеров. Вокруг него складывалась доброжелательная, дружеская, неформальная, братская атмосфера. Павел Федорович и его сослуживцы помнили и ценили это всю жизнь.

Павла Федоровича восхищали русские женщины — жены офицеров, его сослуживцев. «...Терпеливый характер русской женщины, умение ее, не падая духом, считаться с самыми трудными обстоятельствами жизни... — считал он, — действовали ободряющим образом на окружающих. Радужное широкое русское гостеприимство было присуще им и на дальней окраине, двери домов женатых офицеров, несмотря на скудные средства, были товарищески откры-

ты для молодежи... Облагораживающее значение женщины сказывалось в этих труппах с особою силою и благодаря ее присутствию много молодежи было спасено от вина и карт» [25]. Но было известно, что не только русские женщины ради любимых были готовы на подвиг. Среди жен декабристов, стойко разделивших со своими мужьями ссылку в Восточной Сибири, была и француженка Камилла Ле-Дантю. Многие иркутяне рассказывали Унтербергеру об отважной красавице — жене генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского француженке Катрин де Ришмон — Екатерине Николаевне, добром ангеле, который мог укротить вспыльчивый гнев генерала. Екатерина Николаевна была рядом с ним во время путешествия на Камчатку и участницей второго муравьевского сплава по Амуру.

Не только русская жена, но и немецкая способна была за любимым мужем отправиться за тридевять земель. Огромное чувство к мужу подвигло Эмми Луизу Эрдманн — профессорскую дочку из благоустроенного города Дерпта, из домашнего уюта и комфорта поехать с Унтербергером в пугающую неизвестностью Восточную Сибирь.

И все-таки Павел Федорович был объективен, когда восторгался подвижничеством и самоотверженностью русских женщин, поскольку эти качества были широко распространены среди них и были присущи русской женщине как типу без различия социального статуса. Ради любимых мужей они обрекали себя на жизнь в дальневосточной тайге, разделяя лишения и горести с мужьями-офицерами, преодолевали тысячи верст пути, чтобы оказаться рядом со своими мужьями, осужденными на сахалинскую каторгу.

В дело колонизации дальневосточного края внесли свою незаменимую долю русские крестьянки и казачки, преодолевшие тяжести и невзгоды тысячеверстного пути до Амура и Уссурийской тайги, вынесшие огромные физические нагрузки в устройстве здесь жизни. В условиях осваиваемого края рельефно проявились замечательные качества русских женщин — стойкость, выносливость, терпеливость и доброта. Это и восхищало Унтербергера.

Во второй половине XIX в. в Приморье и Приамурье солдатами и офицерами, в том числе и инженерными, была выполнена значительная колонизаторская работа. «Не щадя живота своего, — писал П.Ф. Унтербергер, — они исполнили со славой свою колонизаторскую миссию, заслужили тем самым навсегда благодарную память последующих поколений» [26]. В продолжение 30-ти лет (1855—1885 гг.) под руководством инженеров проведены серьезные фортификационные работы в г. Владивостоке и в устье реки Амур. Было возведено жилых строений в количестве около 48 тыс. куб. саж., что соответствовало примерно 63 двухэтажным кирпичным казармам, построено 15 тыс. куб. саж. нежилых помещений для служб и складов [27]. При этом строительная деятельность за десятилетие (1875—1885 гг.) увеличилась почти в 6 раз. В 1885 г. в окружном инженерном управлении насчитывалось свыше 20 строившихся построек. Унтербергер пометил их на карте, которую приложил к своей статье. Наибольшая концентрация их — 11 объектов — наблюдалась в Приморье.

Под руководством военных инженеров на Дальнем Востоке была проведена телеграфная связь, строились грунтовые дороги. Большой объем строительства и его сравнительная дешевизна стали возможны благодаря тому, что инженерное ведомство имело в своем распоряжении паровой лесопильный завод, кирпичный завод вблизи Хабаровки и пароход, обеспечивавший доставку материалов.

Обширные строительные операции военного ведомства во многом содействовали развитию частной строительной деятельности. Постепенно трудами военных инженеров в крае складывался контингент знающих и опытных рабочих и мастеровых, которые обустроивали города, станицы, села, внедряя кирпичное строительство. Благодаря научным занятиям и исследованиям, предпринимавшимся военными инженерами в крае, были открыты месторождения важных в строительном деле материалов. Так, известняк была обнаружена близ Хабаровки на Красной Речке и на реке Лефу (Илистая), впадающей в озеро Ханка, и близ

села Никольского, что позволило начать возведение кирпичных построек.

Высокой оценки современников была удостоена внеслужебная строительная деятельность военных инженеров, которой они весьма часто отдавали свой короткий досуг. Безвозмездно ими строились церкви, часовни, учебные заведения, приюты, богадельни, музеи и прочие общественные здания и сооружения. Им же, по недостатку в крае гражданских техников, поручалось возведение казенных сооружений гражданского ведомства: дорога из Владивостока в Раздольное, дома канцелярии генерал-губернатора в Хабаровке, военного губернатора и областного правления во Владивостоке и др.

Чрезвычайно важное значение в деле заселения края имели военно-топографические съемки, проведенные военными. В результате их гражданская администрация имела данные, на которых она могла строить свои предположения о постепенном заселении края.

Офицеры приняли живое участие в проведении и проверке границ в Южно-Уссурийском крае, в объезде Чукотского побережья с целью выявления там американцев, в исследовании и описании северной части Уссурийского края и условий жизни в нем инородцев, в выборе мест для поселения казаков в Уссурийском крае, в изыскании маршрута для постройки железной дороги от Владивостока до Хабаровки, в исследовании путей прокладки грунтовых дорог и т. д.

На инженерных офицерах нередко держались местные отделения Императорского Русского географического общества. Например, в 1883 г. за выдающиеся заслуги в деле изучения Восточной Сибири и Дальнего Востока П.Ф. Унтербергер был избран председателем Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Он всячески способствовал завершению строительства музея, принадлежащего отделу. До сих пор музей является одной из признанных достопримечательностей г. Иркутска. Нехватка образованных людей в крае ставила военного инженера в привилегированное положение в светском обществе, на-

*Закладка памятника Муравьеву-Амурскому, Хабаровка, 1888 год.
В центре левой группы А.Н. Корф и П.Ф. Унтербергер*

кладывая на него обширные цивилизаторские обязанности. А в таежной глуши инженеры выполняли колонизаторскую миссию.

Как ни странно, Павел Федорович видел в таежной неустроенной тяжелой жизни военного инженера «своего рода прелесть и привлекательные стороны, которые притягивают к себе, заставляют полюбить край и сродниться с ним» [28]. Эта прелесть и привлекательность состояла в возможности самостоятельной и свободной жизни. За такую жизнь в России нужно было платить жизненными лишениями и бытовым дискомфортом. Но среди военных инженеров, служивших на Дальнем Востоке, было немало таких, кто соглашался на это. «...Большинство из заехавших сюда остается здесь по собственной воле не только обязательные три года, — подчеркивал Унтербергер, — но, напротив того, значительно дольше и между теми, кото-

Канцелярия Приамурского генерал-губернатора в Хабаровске

рые оставили Восточную Сибирь, редко можно встретить лицо, которое не сохранило бы о своем пребывании в крае самого приятного воспоминания» [29].

В эти годы Павел Федорович вел исключительно подвижную жизнь. В Иркутске он появлялся эпизодически, часто бывал во Владивостоке, в Николаевске, в Хабаровке. П.Ф. Унтербергеру довелось немало и попутешествовать по миру — помимо Монголии, Японии и Китая, побывать в Америке, Западной Европе. При этом он неизменно изучал строительное дело, знакомился с передовыми технологиями, стремился внедрить их через инженерное ведомство. Пришлось ему в составе специального отряда в 1871 г. защищать дипломатов русского консульства в г. Урге (г. Улан-Батор) в Монголии, подвергшихся нападению со стороны китайских повстанцев, руководить работами по укреплению территории консульства. 30 мая 1880 г. в Дерпте он обвенчался с Эмми Луизой Эрдманн, дочерью профессора медицины, которую знал с детства. С высочайшего разрешения молодые супруги отправились в Сибирь через Америку. Это путешествие было их медовым месяцем. В 1881 г. в Иркутске у них родился первенец Петр.

В связи с образованием в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, в которое вошли Приморская, Амурская и Забайкальская области и остров Сахалин, П.Ф. Унтербергер был командирован в Хабаровку для вступления в должность заведующего инженерной частью Приамурского военного округа.

О строительстве военного поста Хабаровка он узнал в первый же год службы в Иркутске. Ему доводилось несколько раз бывать в Хабаровке, куда в начале 70-х годов была передана из Николаевска Амурская инженерная дистанция, и даже на некоторое время стать ее жителем. Случилось это после благополучной доставки в 1876 г. в Хабаровку китайских рабочих. Тогда военный инженер Унтербергер помог организовать широко развернувшиеся строительные работы по возведению военного поста. Можно сказать, что Павел Федорович принадлежал к славной когорте первостроителей города Хабаровска. По словам известного знатока истории дальневосточной архитектуры Н.П. Крадина, военному инженеру П.Ф. Унтербергеру и его другу, военному инженеру В.Г. Мооро «принадлежит авторство практически всех основных каменных построек в Хабаровске в конце XIX века» [30]. Так, они являлись авторами проекта и руководителями строительства канцелярии генерал-губернатора (ныне дом 27 на улице Муравьева-Амурского). Вместе с другими военными и гражданскими инженерами они вели работы по проектированию и изготовлению грандиозного постамента для памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому на Хабаровском утесе.

Заведующий инженерной частью Приамурского военного округа нашел в лице генерал-губернатора и командующего войсками округа А.Н. Корфа надежную поддержку и был удостоен чести бывать в кругу его семьи, пользоваться расположением супруги А.Н. Корфа Софьи Алексеевны. Именно в Хабаровке П.Ф. Унтербергер написал большую статью «Военные инженеры в Восточной Сибири», в которой подвел итоги своей службы в военном инженерном ведомстве.

В начале 1888 г. Унтербергер стал начальником инженеров Приамурского военного округа, но не надолго. Энергичного, инициативного, отлично зарекомендовавшего себя на военной службе генерал-майора П.Ф. Унтербергера император назначил военным губернатором Приморской области. Он стал седьмым военным губернатором Приморской области, имея таких предшественников, как контр-адмирал П.В. Казакевич, контр-адмирал И.В. Фуругельм, контр-адмирал А.Е. Краун, генерал-майор М.П. Тихменев и др.

*П.В. Казакевич —
с 1856 года первый
военный губернатор
Приморской области*

Узнав о новом месте службы Унтербергера, генерал Тихменев телеграфировал ему: «Радуюсь за Приморскую область» [31]. «Жаль, искренне жаль лишаться такого начальника, каким были для нас Вы, Ваше превосходительство, — говорилось в телеграмме, подписанной «Саперы». — Но мы льстим себя надеждой, что Вы благосклонно примите наши сердечные пожелания всего лучшего на новом поприще службы и хотя бы изредка вспомните саперную роту, в которой надолго сохранится благодарная память о Вас как об отце-начальнике» [32].

За годы службы в военном инженерном ведомстве П.Ф. Унтербергер прошел все ступеньки службы в провинции — от инженерного офицера до начальника инженеров в Приамурском военном округе. Он обладал высоким авторитетом специалиста по оборонительным укреплениям Дальнего Востока, с его мнением считались в военном министерстве. В 45 лет, после 23 годов службы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, он был произведен в первый генеральский чин — генерал-майора. Конечно, на мирной службе чины доставались не так быстро, как на войне. Высочайшими знаками оценки деятельности Унтербергера являлись награды и императорские, монаршие

благоволения. За отличную и ревностную службу он был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, св. Владимира 4-й и 3-й степеней.

Военный губернатор Приморской области

Д ля Павла Федоровича Приморская область не была *terra incognita*, поскольку он принадлежал к когорте пионеров освоения Приморья. Верхом на лошади, а то и пешком военный инженер Унтербергер добирался до самых отдаленных глухих мест Уссурийской тайги, хорошо знал тихоокеанское побережье, бассейны рек, изучил природные богат-

ства края, особенности его муссонного климата. Как никто другой из военных, генерал-майор Унтербергер имел основательные представления о Приморье, был знаком с его короткой, но насыщенной историей.

Образованная в 1856 г. Приморская область за сравнительно непродолжительное время существования поменяла свой центр, которым вместо Николаевска с 1871 г. стал Владивосток — главный порт на тихоокеанском побережье России. Изменилась ее непосредственная подчиненность — вместо Восточно-Сибирского генерал-губернаторства она вошла в состав образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, составив его ядро. Приморская область делилась на округа. В 1891 г. их бы-

ло 9 — Анадырский, Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Командорский, Уддский, Николаевский, Софийский и Южно-Уссурийский. В силу того, что морское ведомство пользовалось приоритетом в области, а переживаемая Россией внешнеполитическая обстановка давала повод для особого беспокойства правительства за безопасность новых российских земель, в 60—90-е гг. XIX в. управление областью, в особенности портом Владивосток, претерпело изменения и носило своеобразный характер. Здесь имелось оригинальное территориально-управленческое образование — Владивостокское военное губернаторство, ставшее в середине 80-х годов частью Южно-Уссурийского округа и просуществовавшее до 1898 г. Во Владивостоке находились три независимых друг от друга руководящих лица — военный губернатор области, комендант крепости и командир порта. В этой ситуации от военного губернатора требовался «служебный такт», чтобы избежать межличностных конфликтов, которые до Унтербергера были не редкостью.

О Приморской области 80—90-х гг. XIX в. современный читатель может почерпнуть обширную информацию из путеводителя, который был издан к путешествию цесаревича Николая. В частности, в нем утверждалось, что по своей величине в ряду сибирских губерний область занимала третье место, уступая только Якутской области и Енисейской губернии, а по своей территории она равнялась площадям Дании, Германии, Австрии и Франции вместе взятым [1]. Северная граница области прилежала к Ледовитому океану, южная же находилась на одной широте с северным Кавказом, средней Италией и северной Испанией. Впрочем, Павлу Федоровичу эти данные были известны и без путеводителя. Что же касалось новой службы — военного губернатора, то ему пришлось изучить правительственные законы, положения, указы, чтобы подготовиться к гражданской административной деятельности. Опыт руководства военными инженерами помог развить организаторские, распорядительные способности, однако гражданское руководство чиновничье-бюрократическим аппаратом

предполагало владение определенными знаниями, навыками и умением.

Управление областью состояло из двух частей — общего (военный губернатор, канцелярия во главе с правителем и его помощником, чиновник для особых поручений, землемер, областной архитектор и горный чиновник) и частного управления (окружной суд, окружное казначейство, управление городской и земской полицией в Николаевске, земской суд в Петропавловске, земские исправники в Уде и Гижиге, медицинское ведомство). Всего в областном управлении с самого начала состояло 46 человек. Для такой области, как Приморская, это было явно недостаточно. Поэтому в 1867 г. штаты гражданского управления области были увеличены до 57 человек с одновременным увеличением окладов годового жалованья. Без изменений остался только оклад военного губернатора — 6 тыс. руб. серебром плюс 1500 руб. на разъезды (всего 7500 руб. в год). В целом областное управление стало обходиться казне в 54,5 тыс. рублей. Чиновничье-бюрократический аппарат Приморской области представлял собой клеточку в административно-бюрократической системе Российской империи, с жесткой подчиненностью губернатора главному начальнику края и столичному центру. Особо оговаривалось, что военный губернатор назначался из военных генералов, определялся и назначался именным Высочайшим указом Правительствующему приказу по военному ведомству. В то время как гражданский губернатор утверждался и увольнялся именованным Высочайшим указом Правительствующему Сенату по Министерству внутренних дел. В отличие от губернатора Симбирской, Нижегородской или другой центральной губернии, военный губернатор Приморской области являлся не только гражданским, но и военным и казачьим начальником, что, несомненно, придавало ему большой вес. С полным основанием Унтербергер считал, что «круг обязанностей и деятельность военного губернатора и областного правления далеко превосходили таковой же соответственных органов в европейской России» [2]. Губернатор обязан

был производить ревизию области, предоставлять ежегодные всеподданнейшие отчеты императору по управлению областью, издавать обязательные распоряжения по делам полиции. На его ответственности находились дела по службе в областных и окружных должностях чиновников, надзор за правильными и успешными действиями всех управлений в области, за исключением духовного, распоряжения по охране народного здоровья, взысканию податей и пр.

В делах гражданского управления военный губернатор непосредственно подчинялся Приамурскому генерал-губернатору. По делам, превышающим его компетенцию, он получал от генерал-губернатора все распоряжения и разрешения, в том числе нисходившие к губернатору от правительственных органов.

Павлу Федоровичу во многом повезло с ближайшими помощниками по управлению областью. Вице-губернатором был Яков Павлович Омелянович-Павленко, выпускник Харьковского университета, кандидат физико-математических наук, дослуживший до тайного советника. Правителем канцелярии являлся Конрад Алексеевич Лакшевиц, окончивший историко-филологический факультет Дерптского университета. Ключевые звенья в областном управлении занимали два компетентных, честных человека, разделявших взгляды военного губернатора на развитие Приморской области.

В годы губернаторства Унтербергера еще не выкристаллизировалось главное направление экономического развития области. В южных районах, наиболее заселенных, имелись предпосылки и для интенсивного земледелия, и для промышленного производства. Как метко заметил в одном из своих писем Павлу Федоровичу М.П. Тихменев, «краем нужно не управлять, а сотворить его. Там нечем и нечем управлять (войсками командуют, а не управляют)» [3]. Генералу Унтербергеру и выпала доля сотворять область.

Одна из острых проблем, которую пришлось решать военному губернатору, заключалась в разграничении компетенций городской власти, с одной стороны, а с другой —

А.Н. Корф – первый Приамурский генерал-губернатор

морского и военного ведомства. К 1890 г. в городе Владивостоке проживало вместе с военными 14,5 тыс. человек. «Правильных улиц, за исключением главной Светланской, идущей вдоль берега, и некоторых прилегающих к ней, очень мало. Дома большею частью расположены группами, между которыми незастроенные участки разбросаны зелеными островками» [4]. В городе насчитывалось около 600 домов, не считая казенных, которых было не особенно много. Дома в основном были деревянные, но были и каменные.

В западной стороне города располагались небольшие поселки азиатов: маньчжуров, корейцев и японцев. Здесь находились городские предместья. Восточная часть города состояла из домов, в которых жили военные и чиновники, казармы для солдат и здания морского ведомства. В средней части города на берегу бухты Золотой Рог раскинулся большой казенный сад.

Во Владивостоке имелись православный собор и до-

мовая церковь в деревянной казарме морского экипажа, а также деревянная протестантская церковь.

Образовательные учреждения состояли из мужской классической прогимназии (6 классов), женского училища, находившегося в ведении морского ведомства, мужское городское 3-классное училище, два начальных училища, ремесленная школа во владивостокском порту и Александровские морские классы.

О здравии жителей города пеклись морской госпиталь на 150 кроватей, лазарет сухопутных войск на 50 мест, городской приемный покой, богодельня Благотворительного общества на 15 лиц.

«Владивосток в области культурной и общественной жизни носил на себе ясный подавляющий военно-морской отпечаток, — писал В.А. Панов. — Все главное начальство состояло из моряков Сибирской флотилии и военного порта» [5]. Улицы, мысы, бухты носили имена старых судов и моряков, здесь служивших. Первое женское училище, первая частная газета «Владивосток» (1883), первая библиотека, медицинская практика — все принадлежало морскому ведомству или было им инициировано и субсидировано. Промышленное производство города состояло из механического завода при порте, двух пивоваренных заводов, трех паровых мукомольных мельниц. На строительстве работало 4 паровые лесопилки, 5 кирпичных и 2 известковых заводов. Также имелось 5 кожевенных заводов [6].

Первенствующее значение в жизни Владивостока имели судоходство и торговля, которые с каждым годом принимали более широкие размеры. Во Владивосток приходили коммерческие суда из разных стран, по Амурскому и Уссурийскому заливам плавало много шлюпок и джонок китайского и корейского происхождения.

Торговля Владивостока находилась во многом в руках иностранцев, которые обладали по сравнению с русскими более значительными капиталами, необходимыми здесь для успешного ведения торговли.

Офицерские квартиры в г. Владивостоке

С открытием регулярного сообщения между Одессой и Владивостоком русская торговля стала развиваться быстрее. Главные товары привоза: мука, рис, чай, сахар, напитки и товары мануфактурные, бакалейные и железные. Главные предметы вывоза: морская капуста, панты, крабы и рыба сушеные, трепанг и т. п., примерно на 300 тыс. руб.

Город сравнительно быстро рос, но становилось все более очевидным, что установившийся приоритет морского и военного ведомств становится негативным фактором, сдерживавшим его развитие. Этот приоритет установился с основания города и закрепился с получением им статуса главного российского порта на тихоокеанском побережье. Выделение Владивостока в особое военное губернаторство закрепило и усилило это положение. Зачастую городские нужды и интересы отодвигались на второй план или игнорировались. Это касалось в первую очередь вопросов о земле, неограниченными хозяевами и распорядителями которой считали себя морское и военное ведомства. Для удовлетворения морских и военных потребностей они действовали без всяких ограничений, занимая земельные участки в городе без согласия городского общественного управления, не обращая внимание на его неоднократные

протесты. Новый военный губернатор хорошо понимал, что сложившееся положение является серьезным тормозом в развитии города и порта, но и отдавал себе полный отчет в том, насколько трудно изменить эту ситуацию, когда за сохранение status quo выступали военное и морское министерства. В ходе борьбы за установление гражданской власти во Владивостоке генерал-лейтенант Унтербергер проявил выдержку, настойчивость, компетентность и дипломатические способности и в конечном счете стал победителем. По его инициативе при поддержке генерал-губернатора А.Н. Корфа была создана специальная комиссия, на которую было возложено выяснение прав морского и военного ведомств на занятие ими без согласования с городом участков земли и разграничение владения города. Предложения комиссии с заключением главного начальника края А.Н. Корфа были представлены в Министерство внутренних дел. Как водилось, министерство учредило новую комиссию, в которую вошли все заинтересованные лица. В комиссии возникли разногласия, представители морского и военного ведомств возражали против внесенных предложений, в результате чего была сформирована новая комиссия, но и с ее мнением не согласились члены комиссии — представители министерств финансов, морского и путей сообщения. Тогда решение этой проблемы было передано в Комитет министров, который в целом согласился с мнением комиссии и предоставил Приамурскому генерал-губернатору право окончательного решения по ряду городских вопросов. Было особо подчеркнуто, что всякое без согласия городской управы отчуждение городских земель, необходимых для казенных надобностей, могло происходить лишь на началах, установленных законом о принудительном отчуждении. Разрешение этой чрезвычайно важной проблемы, в решении которой в столице непосредственно участвовал Унтербергер, имело исключительное значение для города Владивостока, так как городские власти теперь спокойно владели признанными за ними земельными участками в черте города и вне ее и могли наладить эффективное их использо-

Светланская улица, г. Владивосток

вание. Конечно, интересы морского и военного ведомств сохранили свои преимущества, но теперь они должны были с особенным вниманием относиться к соблюдению интересов горожан, не игнорировать их, а искать приемлемые варианты решения вопросов.

Павлу Федоровичу удалось убедить представителей морского и военного ведомств в том, что дислоцированные в городе моряки и военные только выиграют от нормального функционирования городской власти. Земля составляла главную статью доходов города, которые шли на его благоустройство, отражались на стоимости жизни, что в одинаковой степени ощущали все жители, в том числе и военные, и служащие правительственных учреждений. Решение проблемы взаимоотношений городской власти и правительственных ведомств стало одним из стимулирующих факторов роста населения города. За семь лет (1890—1897 гг.) численность его удвоилась и в 1897 г. составила 28 тыс. человек. Конечно, такой рост был обусловлен и другими факторами — увеличением контингента военных, миграцией из соседних стран и др. Но принципиальное решение вопроса о земле во Владивостоке сыграло фундаментальную роль в

развитии города, и военный губернатор Унтербергер считал это своей несомненной удачей.

Важнейшей частью деятельности военного губернатора являлось устройство быта переселенцев, направлявшихся из европейской России морским путем. Переселенцы состояли из крестьян малоземельных районов и казаков. Собственно за переселение в Приморье отвечал заведующий переселением в Южно-Уссурийский край Федор Федорович Буссе, занимавший этот пост с 1884 по 1893 год, он напрямую подчинялся Комитету по переселению и заселению Дальнего Востока в столице. Опытный администратор, знаток края, ученый, организатор и первый председатель Общества изучения Амурского края, он много сделал для укоренения русских людей в области. В 1894 г. его сменил молодой энергичный Николай Львович Гондатти, с которым, как и с Ф.Ф. Буссе, Павел Федорович имел не только деловые, но и дружеские отношения.

Благодаря заботам еще генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина, в 1881 г. был издан закон о переселении крестьян на Дальний Восток морем за казенный счет. Вместе со всеми льготами переселение семьи обходилось в 1300 руб. В 1883 г. была отправлена первая партия переселенцев на пароходах Добровольного флота из Одессы до Владивостока. К 1897 г. из европейской России морем в Южно-Уссурийский край всего переселилось за казенный счет 3552 семьи, состоявших из 24 405 человек. За это время обратно уехало всего 72 семьи (501 человек). Приехавшие образовали в области 86 селений.

Для обеспечения защиты русско-маньчжурской границы было решено усилить состав уссурийского казачества, образовав самостоятельное войско. В 1889 г. уссурийские казаки были выделены из состава Амурского казачьего войска и образовали самостоятельное конное казачье формирование с подчинением его военному губернатору Приморской области. Первым наказным атаманом Уссурийского казачьего войска стал генерал-майор П.Ф. Унтербергер. За время его командования капитал Уссурийского войска с

14 тыс. руб., из которых около 9 тыс. являлись долговыми, возрос до 200 тыс. руб. Это стало возможным благодаря тому, что вся территория между рекой Уссури и хребтом Сихотэ-Алинь, богатая лесом и живностью, была отведена в запас казачьих земель, которые начали приносить доход войску. Наличие значительного войскового капитала позволило оказать серьезную поддержку народному образованию в казачьей среде, открыть и устроить новые школы, выписать учителей, начать подготовку учителей из войска путем направления молодых способных казаков в учительскую семинарию.

В фонде П.Ф. Унтербергера в РГВИА хранится своеобразный документ, представляющий собой большой плакат с красивой цветной каймой, отпечатанный типографским образом, который начинается с призыва: «Дети — потомки славных казаков Уссурийского войска, читайте возможно чаще эти правила и хорошо запомните их!» [8]. Крупными буквами напечатано: «Правила» и в скобках (введены во всех школах Швейцарии). В качестве примечания сказано, что среди всех государств в мире по постановке народного образования Швейцария занимает первое место, что с 1847 г. в ней введено всеобщее обучение. Из 27 правил, предназначавшихся швейцарским детям и следовать которым призывались казачата Уссурийского войска, приведем лишь несколько.

- Не приходи с грязным лицом или грязными руками и неопрятною головой, ибо школу надо уважать.
- Всегда защищай тех, кто меньше тебя. Никогда не отвечай злом на зло и не сохраняй в сердце своем злобу.
- Не завидуй, но старайся равняться с теми, которые больше тебя знают или лучше тебя ведут.
- Дитя мое, не забывай, что в школу ходят, чтобы трудиться. Трудись, чтобы получить познания: ты этим угодишь Богу, родине и твоим родным.

В конце правил стояла подпись: Председатель Войскового правления генерал-лейтенант Чернышев.

Как попали швейцарские правила в Приморье? Кто их мог перевести на русский язык, отпечатать в типографии,

раздать в станичные школы? Можно допустить, что «правила» в Швейцарии увидел и привез в Россию П.Ф. Унтербергер, по предложению которого они были переведены на русский язык (а может он и перевел) и отпечатаны, чтобы стать правилами для уссурийских школьников. А возможно, это инициатива целиком принадлежала генерал-лейтенанту Чернышеву?

Уссурийские казаки уважали своего первого наказного атамана, о чем свидетельствуют разнообразные знаки внимания. Так, в мае 1894 г. Унтербергер получил телеграмму, в которой говорилось, что 9 мая в присутствии станичных атаманов и стариков Уссурийского казачьего войска освящено знамя, высочайше пожалованное Уссурийской казачьей сотне. В этот знаменательный день Уссурийское войско приветствует Ваше Превосходительство как почетного казака Полтавской станицы и пьет Ваше здоровье [9].

В административном отношении казачье войско составляло особую Уссурийскую округу, разделенную на 3 участка. Для общественного же управления оно делилось на 4 станицы. Население его на 01.01.1895 г. составило около 7500 человек. Для увеличения его численности с 1895 г. началось переселение семейств донских и оренбургских казаков в Уссурийский край. Ежегодно прибывало около 2000 чел., которые зачислялись в состав Уссурийского казачьего войска.

Уссурийские казаки располагались вдоль российско-китайской границы по рекам Уссури и Сунгари и затем от озера Ханка до реки Суйфун. Занимались хлебопашеством, скотоводством, рыбным промыслом и звероловством.

Кроме русских в колонизации Приморья участвовали и корейцы. Они начали переходить из Кореи на русскую территорию в начале 60-х гг. вследствие периодически повторявшихся в Корее неурожаев, а также притеснения корейскими чиновниками. Чтобы ограничить их переселение, было решено: корейцам, перешедшим ранее 1884 г., предоставить право принять русское подданство. Перешедшим позже предписывалось в течение двух лет распро-

дать имущество и вернуться на родину. Но большинство их не подчинилось этому и осталось на российской территории, получив отсрочку и переселившись в другие места с принятием российского подданства. Военный губернатор в своем верноподданническом отчете императору в 1896 г. сообщил, что в российское подданство принято 12 тыс. душ корейцев, хлебопашцев Южно-Уссурийского округа. Они много лет проживали здесь, вполне свыклись с российскими властями и законами и составляли «трудолюбивый полезный элемент населения» [10]. Как податное население корейцы были приравнены к инородцам, с которых взыскивался налог. Сумма налога была израсходована на строительство 800 верст грунтовых дорог. В остальном корейцы были приравнены к крестьянским обществам. В одном из выступлений Унтербергерера приведен факт посещения весной 1895 г. Южно-Уссурийского края, а затем Кореи английской путешественницей — госпожой Бишоп. Она высказала мысль о том, что благосостояние корейцев в Приморье довольно высокое и для их благоденствия им всего выгоднее быть под владычеством России [11].

Китайцы, как правило, приходили на российскую территорию для сезонных работ, поэтому не оказывали серьезное влияние на демографическую ситуацию в области.

В целом, в 90-е гг. XIX в. численность населения в Приморской области динамично росла, о чем свидетельствуют статистические данные.

Динамика численности населения Приморской области
(без северных округов) во второй половине
XIX — нач. XX в.

(в тыс. человек) [12]

Годы	Общая численность	В том числе городское
1861	20,6	5,5
1870	83,1	6,3
1885	74,7	14,5
1890	83,5	19,5
1897	192,0	50,1

Если за предыдущие 15 лет (1870–1885 гг.) население области выросло в 2,3 раза, то в 90-е гг. подобное увеличение произошло всего за 7 лет. При этом рост числа горожан превышал общий рост населения области. В 1897 г. четверть населения в Приморье составляла его городская часть. Наверяд ли в России конца XIX в. была еще такая область, где бы так динамично росло население, что является интегрирующим показателем социального благополучия территории.

Сразу же после получения известия о новом месте службы с благословением А.Н. Корфа Павел Федорович отправился из Хабаровки во Владивосток. Семья же его переехала только тогда, когда был построен дом военного губернатора. Этот дом спроектировал друг Унтербергера Владимир Григорьевич Мооро — выпускник Николаевской инженерной академии, с начала 80-х гг. трудившийся в Хабаровке. Здесь по его проектам был построен ряд каменных зданий, в том числе женская гимназия, Военное собрание, дом генерал-губернатора, Иннокентьевская церковь. Некоторые из них сохранились и являются достопримечательностями современного Хабаровска. Во Владивостоке по проектам Мооро были построены дом Приморского губернатора и резиденция командующего флотом. Находившийся в середине Светланской улицы губернаторский дом был обращен в сторону залива просторной террасой. Вскоре после того, как большая унтербергерская семья поселилась в новом удобном доме, губернатору выпала высокая честь принимать в нем августейшего гостя — наследника Императорского престола цесаревича Николая Александровича.

Познавательно-развлекательное путешествие цесаревича в восточные страны, начавшееся в октябре 1890 г., подходило к концу. Совершенно неожиданно в неизвестной и загадочной Японии в городе Оцу цесаревич подвергся дерзкому нападению полицейского, находившегося на своем посту. Только случайность спасла жизнь наследнику российского престола. В описании этого инцидента в отечественной историографии, как правило, акцентировалось внимание на том, что полицейский Цуда был психически

*Дом военного губернатора Приморской области
(Владивосток, Светланская ул.)*

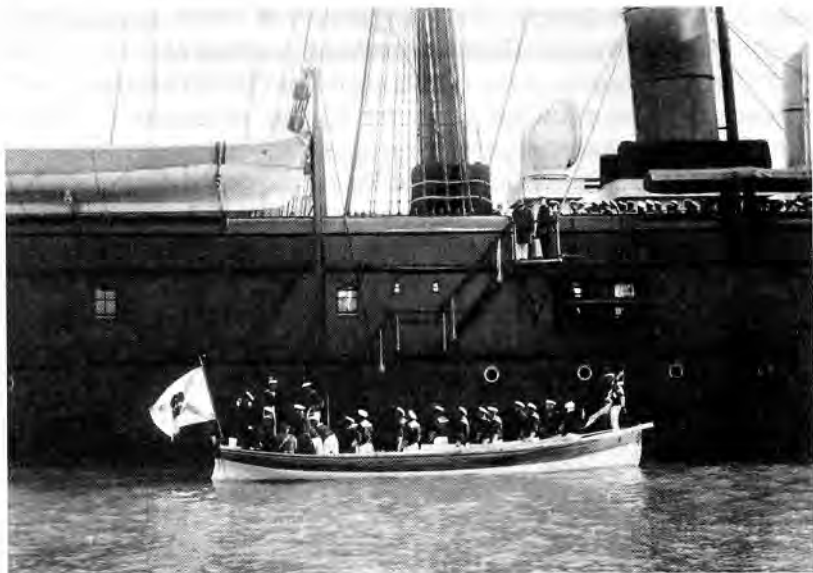
ненормальным человеком [13]. В вышедшей в 2002 г. на русском языке книге японского автора инцидент раскрыт в контексте восприятия визита цесаревича японцами [14]. Как убедительно показал в книге Акира Есимура, многие в Японии со страхом восприняли появление в своих портах семи крупных современных судов, принадлежавших стране, недавно вышедшей на тихоокеанское побережье и так близко приблизившейся к Японским островам. Коллизия состояла не только в том, что Страна восходящего солнца окончательно еще не стряхнула пепел своей традиционной изолированности. При фактическом отсутствии флота и армии (имелось шесть войсковых соединений) японцы не чувствовали себя в безопасности.

Инцидент же в Оцу не только лишил Японию уникального шанса завоевать симпатии будущего российского монарха. Он поставил Японию, с точки зрения японского правительства, на грань катастрофы. Японский автор подчеркнул, что благодаря обдуманному и взвешенному реше-

ниям японской стороны «национальное бедствие» удалось отвести от страны. Очевидно, не только обдуманное и взвешенное решение японцев, но и терпимость и выдержка, проявленные императором Александром III, а также цесаревичем Николаем, оказавшимся в оскорбительной для царского двора ситуации, помогли избежать тогда военного столкновения.

Прервав визит, не посетив Токио, цесаревич на крейсере «Память Азова» направился к родным российским берегам, где его с нетерпением ждали. Готовясь к встрече с высоким гостем, владивостокцы соорудили на Адмиральской пристани на общественные средства каменную триумфальную арку в русском стиле, дома разукрасили флагами, транспарантами, гирляндами и вензелями, подготовили иллюминацию. Три пушечных выстрела с приморских батарей оповестили жителей о том, что крейсер наследника престола в сопровождении кораблей Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала П.Н. Назимова подходит к Владивостоку. Почти все население города устремилось к Адмиральской пристани. Навстречу эскадре вышел на паровом баркасе командир Владивостокского порта контр-адмирал Ермолаев. Крейсер «Память Азова» появился под флагом наследника-цесаревича. По постановке крейсера на якорь на него немедленно отправились Приамурский генерал-губернатор барон Корф и военный губернатор Приморской области Унтербергер, чтобы приветствовать Его Высочество с благополучным прибытием в пределы России.

Вступление наследника престола цесаревича Николая на русскую землю, происшедшее на следующий день — 12 мая 1891 г., было обставлено со всей принятой тогда торжественностью: с поднесением городским головой от горожан хлеба-соли на серебряном блюде, с приветственной речью, с почетным караулом, с обходом собравшихся служащих, преподавателей и учащихся, с благодарственным молебном в храме. В доме военного губернатора прошло представление цесаревичу Николаю начальников воинских

*Шлюпка с цесаревичем Николаем Александровичем
у борта крейсера «Память Азова»*

частей, а также представителей китайской, японской и корейской общин.

На следующий день наследник осмотрел новые береговые батареи в районе полуострова Назимова, а вечером присутствовал на официальном обеде в его честь, который в своей резиденции дал П.Ф. Унтербергер.

Программа пребывания высокого гостя во Владивостоке была довольно обширной и включала участие его в закладке памятника адмиралу Г.И. Невельскому, посещение учебных заведений и местного музея Общества изучения Амурского края, где цесаревичу преподнесли красивую шкуру уссурийского тигра, а также участие в закладке сухого дока.

Конечно, центральным событием пребывания престолонаследника во Владивостоке, да и в Приамурском крае в целом, которое должно было придать особую историческую значимость поездке цесаревича, явились торжества, связан-

ные с началом постройки Уссурийского участка Транссибирской магистрали. По этому поводу на имя Николая был получен высочайший рескрипт императора Александра III. «Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений, — говорилось в нем, — я поручаю Вам объявить таковую волю мою по вступлении вновь на русскую землю после обозрения иноземных стран Востока, возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению на счет казны... Уссурийского участка великого сибирского рельсового пути» [15].

Как сообщалось в официальном отчете, закладка была совершена лично цесаревичем, который после выслушанного молебствия «... изволил взять тачку земли и перевезти ее на полотно железной дороги». Затем по временно проложенному пути украшенный зеленью и флагами поезд доставил престолонаследника вместе со свитой и представителями местной администрации к бухте Золотой Рог. Здесь, после молебствия, цесаревичем было заложено здание пассажирского вокзала.

В целом во Владивостоке цесаревич пробыл 11 суток. Можно сделать небезосновательные предположения, что такая продолжительная остановка была связана с полученным ранением, которое оказалось весьма серьезным, и цесаревичу требовались квалифицированная медицинская помощь и покой. Тем не менее, Николай принял участие во всех предусмотренных церемониях, в которых неотступно его сопровождал военный губернатор Унтербергер. Более того, когда цесаревич оставался на берегу, то он останавливался в губернаторском доме. Другими словами, общение Унтербергера с будущим царем Николаем II во время его пребывания во Владивостоке было довольно тесным. После отъезда августейшего гостя из Владивостока Унтербергер встретился с ним еще раз 22 мая в селе Никольском (ныне Уссурийск), где наказной атаман представил наследнику престола самое молодое в империи Уссурийское казачье войско и преподнес

ему войсковой хлеб-соль. В ответ будущий царь выразил уверенность, что молодое казачье войско будет верно и добросовестно служить престолу и Отечеству.

На этом приморская часть программы пребывания цесаревича, за которую отвечал военный губернатор, завершилась. Она прошла гладко, без сбоев и каких-либо эксцессов. Дальше путь престолонаследника пролегал через Хабаровку и Благовещенск. Павел Федорович не мог и предположить, что судьба еще не раз сведет его уже с императором Николаем II, и личное знакомство с царем окажет влияние на его административную карьеру и решение дальневосточных проблем.

У Приамурского генерал-губернатора Корфа были все основания считать, что Унтербергер с честью выдержал ответственное испытание. В своих разнообразных служебных обязанностях и инициативах Павел Федорович имел твердую поддержку генерал-губернатора. Для него Корф являлся образцом администратора и государственного деятеля. Администратору важно «...избегать случайных и непоследовательных действий, — считал Унтербергер, — иметь для руководства составленную на определенный период времени программу...» [16]. Примером этого являлась программа, составленная и представленная Корфом в 1887 г. правительству. В ней были намечены основные направления деятельности на ближайшие 8–10 лет. В главных чертах она предусматривала усиление наших морских и сухопутных сил на Дальнем Востоке и усиление военной обороны края; увеличение русского населения, переселение крестьян и казаков, поддержание и развитие православия, сокращение притока населения из соседних азиатских стран; увеличение средств на народное образование в крае; преобразование администрации и реформирование судебного дела; удешевление жизни и поднятие производства в связи с улучшением путей и средств сообщения; охранение дружеских отношений с соседними государствами [17]. Этой программой в рамках своей компетенции руководствовался военный губернатор Унтербергер и реализовывал ее в Приморье.

Дом генерал-губернатора А.Н. Корфа всегда был открыт Павлу Федоровичу, баронесса Софья Алексеевна по-прежнему дружески привечала его. Тем тяжелее для Павла Федоровича было узнать о скоропостижной кончине А.Н. Корфа, происшедшей в начале 1893 г. После смерти отца и двух малолетних сыновей — она была самой тяжелой утратой в его жизни. Первым Приамурским генерал-губернатором генерал-лейтенантом А.Н. Корфом были заложены здоровые, крепкие основания в развитие края и традиции в административном управлении российским Дальним Востоком.

С новым главным начальником края С.М. Духовским и его помощником Н.И. Гродековым — боевыми генералами, участниками Кавказской войны — у П.Ф. Унтербергера сразу же сложились деловые отношения.

В 1894 г. Япония развязала войну против Дайцинской империи, что привело к резкому обострению военнополитической ситуации на Дальнем Востоке. Стремясь защитить свою восточную окраину, правительство направило во Владивосток мощную броненосную эскадру Балтийского флота, младшим флагманом которой стал контр-адмирал С.О. Макаров. Были приведены в полную боеготовность сухопутные войска, дислоцированные в Приамурье. Впервые была проведена пробная мобилизация во Владивостокской крепости. Командующим войсками Приморской области стал генерал-майор Унтербергер. Во многом благодаря превентивным мерам эта война не перекинулась на Приамурский край, а экспансия Японии в Маньчжурии была приостановлена. За хорошо проведенную мобилизацию войск в Приморской области Унтербергер получил царское благоволение.

В числе первых Унтербергер вступил в Общество изучения Амурского края, участвовал в открытии его музея. Он передал в музей богатую коллекцию из 90 экспонатов, оставшихся после смерти Л.Ф. Гриневского — доктора, путешественника, первого начальника Анадырской округи [18].

В жизни Павла Федоровича особое место занимала семья, которая во Владивостоке пополнилась двумя симпатичными девчушками — Эленой и Эрнестиной. Уютный губернаторский дом наполнился детским щебетом и смехом. Здесь губернатор, окруженный атмосферой любви и уважения, отдыхал душой, часто обдумывал важные решения.

Благодаря замечательному письму Унтербергера, которое он написал в 1893 г. матери в Дерпт, сохраненному родственниками, есть уникальная возможность представить один типичный день жизни Приморского военного губернатора.

«Во сне я слышу два длинных гудка — это пароход «Новик», который готов начать свой поход вдоль побережья, а значит должно быть 7 часов утра. Я встаю и иду в соседнюю небольшую детскую комнату, где маленькая Эрнэ уже проснулась, потягивается в своей колыбели и радостно смотрит на меня. Я иду в следующую, большую детскую комнату, но там я вижу, что служанка подметает комнату, и что маленькая Элла уже убежала и слышатся ее громкие крики в столовой, где фрейлейн Хирш занята приготовлением чая и кофе. Я возвращаюсь в спальню, умываюсь и направляюсь в столовую, где я приветствую фрейлейн Хирш словами «Доброе утро», обращаюсь к маленькой Элле, которая протягивает ко мне ручки и делает произвольный книксен. Сразу же она начинает громко кричать «Ка! Ка!», иногда произносит целое слово «Каша»... С помощью пневматического звонка слуга вызывается с первого этажа наверх и получает заказ доставить кашу. Прежде чем ее принесут, просматриваю, если это четверг или воскресенье, газеты. Наконец появляется каша, и маленькая Элла подбегает к столу и кричит попеременно «Ка, каша!»... Во время «крупяного пира» сверху сначала появляется Петер, делает утренний поклон и пьет приготовленный холодный чай (горячий он не любит) с белым хлебом и медом. Вскоре после этого появляются Гори и Маня. Гори обычно не позволяет Элле бурно себя целовать, из-за чего она возмущенно кричит «Гока-кока!». Петер направляется в гимназию.

Из наших окон мы видим бухту, приходящие или уходящие корабли. Сейчас бьет 8 часов. Можно отчетливо слышать,

как доносится до нас музыка с адмиральского корабля и видеть, как одновременно поднимаются флаги на всех кораблях. Звучит гимн и какой-нибудь марш. Этим церемония заканчивается. С заходом солнца вместо гимна играют «Коли славен».

После чая дети спешат в сад играть. Иногда я спускаюсь вниз, чтобы посмотреть, все ли в порядке, и в саду сорвать несколько ягод. Потом я направляюсь в конюшню и во двор. Часто я не успеваю даже туда дойти, т.к. какие-нибудь дела или телеграмма вынуждают меня задержаться. Бьет 9 часов. Вскоре звучит звонок в передней и появляется слуга с сообщением: «Ваше Превосходительство, господин полицмейстер пришел». Направляюсь в приемную и начинается обычный рапорт о сиеминутном положении в городе. Называется число людей, задержанных полицейским патрулем ночью, в большинстве пьяных. Затем: найден труп китайца с признаками насильственной смерти. Назначено расследование. Обнаружены 2 случая дифтерии в городе: у ребенка шофера из матросского квартала и у пассажира, прибывшего на пароходе «Москва». На мой вопрос, был ли сразу же введен карантин и вывешен ли желтый флаг, получаю положительный ответ. Приказываю немедленно в газетах предупредить жителей, что, если они почувствуют боль в горле, должны сразу же обращаться к врачу. «Позаботьтесь о том, чтобы никаких контактов не было с теми, кто в зоне карантина. Это приказ!».

Полицейстер уходит, и я направляюсь в свой кабинет, где мне надо закончить письмо и отпечатать несколько фотографий. Затем направляюсь в столовую, где у стола с кофе сидит Эмми, а на коленях у нее — Элла, которая энергично и много повторяет «бу-ка, бу-ка» (булка) до тех пор, пока не получает печенье или кусок белого хлеба. Она наш общий центр, вокруг которого все вращается. По-видимому, она станет блондинкой и притом единственной, т.к. у всех других детей волосы темные, особенно у Гори.

«Ваше Превосходительство, одна дама хочет Вас видеть!» — это сообщает мне денщик. «Зови ее наверх!». Я выхожу из кухни, и у порога появляется дама, около 40 лет, с тремя маленькими детьми. «Чего вы хотите, дорогая?» — «Ваше Превосходительство, сжалось надо мной, прикажите мое-

*Гостиная в доме военного губернатора Приморской области.
Фото П.Ф. Унтербергера*

му мужу, чтобы он оставил меня в покое. Он пьянствует все время и бьет меня и детей!»

«Как Вас зовут?» — «Анна Кошкина. Я зарабатываю свой хлеб сама. Работаю прачкой у Бабинцева и получаю 13 руб. в месяц. Муж работает в порту, пьет изо дня в день, а потом еще требует у меня денег!»

«Были ли Вы в полиции?» — «Была. Он много раз был задержан, но это не помогло!»

Я по телефону приказал полиции, чтобы на следующее утро ко мне прислали этого мужчину. Попросил между тем, чтобы детям дали что-нибудь поесть.

Не проходит и 10 минут, как снова: «Ваше Превосходительство, там один китаец, он хочет Вас видеть». — «Ты ему сказал, что я каждый день в половине 12 в администрации губернатора принимаю?». — «Сказал, но он хочет, чтобы Вы его приняли безотлагательно» — «Ну хорошо, пусть поднимется!». Появляется китаец, который на ломаном русском языке объясняет, что городская комиссия сегодня его киоск (будку) без всякой причины закрыла. С трудом удается мне ему объ-

яснить, что в таком случае он должен жаловаться в городскую думу. Вернувшись в кабинет, вижу я, что отпечатки с негативов стали слишком черными. Нечего делать — я кладу новую бумагу.

Раздается звонок из передней. Денщик появляется и сообщает: «Командир 9-го батальона!» — «Проси его в маленькую гостиную». Сцена приветствия. Это вновь прибывший полковник, который наносит официальный визит. Интересуюсь, где служил ранее, какое впечатление на него произвел Владивосток и т.д. Через четверть часа его визит заканчивается.

Между тем снова приносят визитную карточку. Бывший английский капитан из Гонконга привез для меня рекомендательное письмо нашего посланника из Пекина. Это требует дружественного приема, который я непременно дам. Во время разговора выясняется, что капитан Муррай — заядлый охотник, он взял отпуск, чтобы приехать к нам, и просит у меня разрешения поохотиться в местах, расположенных между Николаевском и п. Ольга. Я даю ему разрешение и одновременно сообщаю, что сегодня идет корабль в Императорскую Гавань, чтобы доставить древесину: не хочет ли он воспользоваться этим удобным случаем, чтобы познакомиться с районом охоты. Он с радостью воспринял это и попрощался. (Позже я слышал, что ему там повезло и на обратном пути он выразил мне свою благодарность через Эмми, т. к. я отсутствовал тогда в городе).

Около 10 часов я завтракаю в спешке, хватаю шпату и шапку и пешком спешу в администрацию губернатора. Швейцар распахивает большую стеклянную дверь, берет мой плащ. Я поднимаюсь по лестнице и вхожу в зал, где я обычно работаю. На столе лежит гора бумаг для подписи и еще одна — входящие документы. Из последних выделяю наиболее важные, прочие посылаю для просмотра вице-губернатору. Входящие телеграммы обычно я беру домой и приношу их на следующее утро в администрацию, чтобы принять необходимые решения. Просмотр отдельных документов занимает обычно 1,5–2 часа. Затем читаю и подписываю исходящие документы и телеграммы, что требует еще большего времени. Сначала идут документы первого отдела: представление

к чиnam и званиям за выслугу лет, представления к пенсии вдовы, прошения к генерал-губернатору относительно соответствующей административной власти, о финансировании строительства дома для лесника в одном из районов, об учреждении новых должностей и т. д.

Появляется исполнитель: «Ваше Превосходительство, куда прикажете перевезти рыбу, конфискованную на незаконной рыбалке?». (Этот охранник защищает побережье от неразрешенной ловли рыбы и морепродуктов). — «Передайте в полицию!». Я дополнительно распорядился, чтобы все было продано открыто с аукциона.

Теперь я звоню. Появляется дежурный служащий. «Я прошу ко мне инспектора здравоохранения». Через несколько минут появляется инспектор. «Господин инспектор, я прошу доложить о санитарном списке с парохода «Москва». Сколько смертельных случаев было во время этой поездки? Я уже слышал об одном случае дифтерии». — «В целом на корабле умерли 47 из 300 детей, которые ехали с каторжанками, а также с жёнами, которые по доброй воле следовали за мужьями». — «Смертность громадная. Прикажите сейчас же составить комиссию под вашим председательством для расследования причин этого», — сказал я и потребовал проследить, нет ли на борту больных дифтерией. Затем я телеграммой осведомляю главнокомандующего острова Сахалин, чтобы он подготовился к приему инфекционных больных.

Затем я работаю с горой исходящих бумаг второго отделения. Устав от сидения, подхожу к стойке и начинаю там прочитывать и подписывать бумаги. Эти бумаги, касающиеся аграрных вопросов: предписание о сельской ярмарке, разрешения на получение строительного материала в лесу без налогов: для крестьян, которые будут поселяться, или для погорельцев, наконец, для строительства церквей и школ. Далее разрешения крестьянам на переселение с одного места на другое, ассигнование денег на расквартирование войск, распоряжение о покупке зерна для государства, распоряжение о новом дорожном строительстве и т. д.

Появляется архитектор и кладет план больницы для экспертизы. Только закончил с этим, появляется дежурный и

сообщает, что время приема пробило, и в приемной ожидает большое количество посетителей. Я выхожу, приветствую и начинаю по очереди принимать различные заявления.

Просьба о продаже древесины в районе заповедника, где это запрещено. «Я не могу разрешить. Обратитесь к лесничему, он покажет вам место, где это не запрещено».

Крестьяне низко кланяются. «Ну, мои дорогие, в чем нуждаетесь вы?» — «Ваше Превосходительство, руководитель по переселению не выплачивает нам положенных 100 руб.». — «Кто вы?» — «Мы рыбаки из бухты Врангеля». — «А, я вспоминаю. Вы уже получили государственную помощь для переезда перед отправкой из Одессы в сумме 700 руб. из 800 вам причитающихся, пропили и прокутили эти деньги вместо того, чтобы вложить куда надо. Оставшиеся 100 руб. вы не получите до тех пор, пока не исправите положение. Идите!».

«У меня прошение на получение заграничного паспорта». — «Хорошо. Приходите утром. Паспорт будет подготовлен».

Представитель фирмы Кунста и Альберса: «Ваше Превосходительство, мы делали запрос о том, сколько будет стоить двигатель для сторожевика «Сторож». Мы получили ответ из Нагасаки и готовы вам его предоставить». — «Буду вам очень благодарен. Когда цена будет согласована, я сделаю заказ у вас».

Директор прогимназии: «Ваше Превосходительство, нельзя ли ускорить выдачу распоряжения о выделении денег на строительство прогимназии?» — «Я сегодня же отправлю телеграмму об этом, но не обещаю успеха из-за трудностей получить такие средства из государственной казны. Возможно лучше обратиться к вновь назначенному генерал-губернатору. Да поможет вам бог!».

Молодая красивая дама с польским акцентом: «Ваше Превосходительство, я хотела бы о своей просьбе тет-а-тет поговорить». — «Будьте любезны, подождите, пока я закончу с другими».

Прошение об утверждении плана для фабрики. «Это вам нужно скоро?» — «Да, Ваше Превосходительство, я хотел сразу начать работу». Я обращаюсь к дежурному служащему: «Пожалуйста, дайте знать районному архитектору, что я прошу его просмотреть план вне очереди».

Еврей жалуется, что полиция требует его выселения из города. «К сожалению, я в этом не могу помочь. Недавно пришло правительственное распоряжение — не давать евреям разрешения селиться вне определенных для них мест. Данное Вам разрешение на 1 месяц истекло». — «По крайней мере еще один месяц! У меня маленькие дети, а сейчас наводнение и нельзя туда ехать. Ваше Превосходительство, и сейчас для меня не подходящее время для переезда». — «Хорошо, я распоряжусь, чтобы вам до окончания распутицы дали разрешение остаться на месте. Но подумайте: больше отсрочки для вас не будет».

«Мы, Ваша милость, переселенцы!». Это небольшая группа русских крестьян. «У нас нет ни гроша, просим ссуду из государственной кассы». — «Вы здесь прописаны в какую деревню?». — «В деревню Александровка». — «Есть ли у вас подтверждение вашей нужды от руководителя переселения?» — «Да, вот бумага». — «Хорошо, друзья, приходите утром, чтобы получить распоряжение». Дежурному служащему отдаю я бумаги, которые утром должны быть подписаны, чтобы крестьяне могли уехать, а не сидеть в городе день без необходимости.

Одна просьба о покупке земли. «Хорошо, я передам на рассмотрение комиссии. Вы получите решение в полиции».

«Ваше Превосходительство, сегодня полиция закрыла мой кабак». — «Возможно, к этому были основания?» — «Абсолютно никаких, Ваше Превосходительство!» — «Хорошо, оставьте прошение, я изучу его».

Очередь просителей подошла к концу, я обращаюсь к даме, которая хотела поговорить со мной наедине. Прошу ее в соседнюю комнату. «Пожалуйста, садитесь. Чем могу служить?» — «Ваше Превосходительство, я сюда прибыла на частном корабле к инженеру по транспорту С., который обещал в Одессе на мне жениться и прислал мне на переезд денег. Теперь, однако, выясняется, что он женат, хотя его жена не здесь, и он просит меня занять место экономки. Но я на это не согласна и прошу дать мне денег на возвращение назад». — «Есть ли у вас какой-то свидетель, способный подтвердить, что дело обстоит именно так? Или письмо господина С., где

подтверждается то, о чем вы сказали?» — «Нет, у меня нет ничего подобного». — «Была ли ваша прежняя жизнь безупречной?». После некоторого колебания: «Нет, так нельзя сказать». — «Я поговорю с господином С. Но при таких обстоятельствах я боюсь, что мне удастся чем-нибудь вам помочь».

Я берусь за бумаги из 3-го отделения — они все судебные. Сначала очередь судебных приговоров, о пересыльных, которыми должен заниматься губернатор. В первое время, когда я занял пост губернатора, это была неприятная обязанность после рассмотрения приговоров писать слова: «Я удостоверяю». Со временем нервы окрепли. Когда приговор нахожу абсолютно справедливым, пишу со спокойным сердцем эти слова. Само собой разумеется, приговор в соответствующем отделе администрации строго перепроверяется, прежде чем он будет представлен мне на подпись. Если возникают различия во мнениях между приговором суда и 3-м отделением моей канцелярии, тогда окончательное решение за мной.

Я еще не просмотрел эту часть исходящих бумаг, как вошел дежурный служащий и сообщил, что, несмотря на окончание времени приема, меня хочет видеть служащий телеграфа. «Позволь ему войти», — ответил я. Вошел мужчина 40 лет, примерно моего роста и объяснил по секрету, что я должен распорядиться о выделении группы солдат, что у него есть возможность схватить фальшивомонетчиков. Я спрашиваю его, каким образом. Он отвечает, что люди сами сознались. «Каким образом?» — мой следующий вопрос. «Я живу в том самом доме, — говорит он мне, — и названные преступники живут на нижнем этаже. Я не видел этих людей воочию, но общался с духами, которые мне служат, и они мне помогут подтвердить, даже если Вы их не увидите, поэтому я прошу Вас, Ваше Превосходительство, немедленно приказать разместить у меня солдат». Сейчас понимаю я, что имею дело с душевным расстройством. Я ответил ему, что он должен пойти к прокурору, что я не имею права никого арестовывать. В прокуратуру он не пошел, а несколькими днями позже был помещен в лазарет.

В подавленном состоянии сажусь снова за бумаги. Здесь распоряжения о выговорах за плохое выполнение службы, объ-

явления о распоряжениях в судебных делах, циркуляры со списками людей и т. д.

Входит вице-губернатор Павленко. «Уже половина пятого, время заканчивать службу, нельзя все решить!» — «Это правда, Яков Павлович! У меня кружится голова, идемте домой». Наиболее важные доклады я кладу в портфель и мы спускаемся, позволяем швейцару одеть нас и выходим на улицу. Можно вздохнуть: 20 тысяч входящих и 20 тысяч исходящих бумаг ежегодно часто делают голову горячей, воспаляют мозг.

Дом — это для меня большой отдых, могу поиграть с маленькой Эллой, поддержать на руках маленькую Эрну.

Скоро подали обед. Время от времени случаются небольшие ссоры из-за сладкого между Маней и Гори, как было много лет назад у нас, милая мама, между Машей и Симоном.

После обеда иногда я езжу верхом, обычно не более 50 минут. Вечером я просматриваю принесенные важные бумаги. В половине 9 сообщает слуга: «Ужин готов!». Дети, Маня и Гори, уже в 8 часов зашли ко мне сказать «Доброй ночи», так что за вечерним столом собираемся только Эмми, фрейлейн Хириш и я, редко — Петер, чаще он с детьми в 6 часов пьет чай. Он любит рано ложиться спать.

После ужина я обычно пишу в кабинете письма или дневник (но не регулярно). В половине 11 нажимаю звонок, в прихожей появляется казак. «Ты ужинал?» — «Да, Ваше Превосходительство». — «Хорошо, закрой входную дверь и иди спать». — «Понял, Ваше Превосходительство!». Лампы гаснут, я иду в спальню, где Эмми обычно читает, сидя на диване. Скоро мы ложимся спать. И на следующее утро я буду разбужен гудком с «Новика».

Это мой обычный день во Владивостоке. Конечно, бывают дни, которые выводят нас из колеи и приносят изменения». [19].

Описание одного дня жизни военного губернатора, сделанное самим Павлом Федоровичем, носило доверительный характер и предназначалось матери. Поэтому в нем подробно рассказано о детях, особенно о младших дочерях — Элене и Эрнестине. Вместе с тем оно позволяет представить целую галерею людей, принадлежащих к разным сословиям, которые обращались к губернатору за помощью

в решении своих проблем: китайца, у которого закрыли киоск, даму с тремя детьми, замученную мужем-пьяницей, представителя фирмы «Кунст и Альберс» с предложением о закупке товара, английского капитана из Гонконга с просьбой о разрешении на охоту, еврея, которому грозит выселение, русских крестьян-переселенцев с просьбой о ссуде денег и т. д. Рассказ помогает представить Унтербергера как внимательного, дружелюбного и вместе с тем строгого и требовательного администратора. Вот он ласково, со словами «друзья мои» обращается к группе крестьян-переселенцев, решительно отказывает в просьбе о деньгах рыбакам-переселенцам из бухты Врангеля, прокутившим выданные деньги, отдает распоряжение, чтобы детей дамы, пришедшей с прошением, накормили и т. д.

Губернатор не имел привычки засиживаться во Владивостоке. Маршруты его поездок густой сетью покрывали всю область. Его не пугало отсутствие дорог и большие расстояния. Он был одним из первых исследователей, переплывавших малодоступную «горную страну» Сихотэ-Алинь, проехал по Камчатке. Военный губернатор часто навещался на строительство железной дороги, на месте решал возникавшие там проблемы. Начало строительства великой Сибирской магистрали он считал событием мировой важности, сооружение ее звена — Уссурийского — огромным фактором развития Приморской области, всего дальневосточного края.

Продолжительное время с октября 1895 по август 1896 г. Павел Федорович отсутствовал в области — находился в длительной командировке. Обязанности губернатора выполнял вице-губернатор Я.П. Павленко. Унтербергер был приглашен в столицу для работы в комиссии по вопросу о разграничении земель во Владивостоке. Затем, как наказной атаман Уссурийского казачьего войска, он участвовал в московских торжествах, посвященных коронации Николая II. Во Владивосток П.Ф. Унтербергер вернулся в новом чине. Он был произведен в генерал-лейтенанты.

Радость встречи с родными и друзьями была омрачена

П.Ф. Унтербергер на Камчатке

сильным наводнением в области, принесшим населению большие убытки. Администрация организовала сбор пожертвований. За два месяца поступило 30 000 руб., которые распределялись особым комитетом, учрежденным для организации помощи пострадавшим [20].

В мае 1897 г. из столицы пришло известие о назначении П.Ф. Унтербергера губернатором Нижегородской губернии с оставлением по Инженерному корпусу. К этому времени он имел 33-летний стаж службы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе 9 лет военным губернатором самой удаленной от столицы российской области — Приморской. По неписаному правилу, после 8—9 лет службы в одной губернии правительство направляло губернатора в другую губернию. Такая ротация губернаторов, по мнению столичных высших чиновников, способствовала сохранению работоспособности провинциальных администраторов, уменьшала опасность казнокрадства и лихоимства с их стороны.

Служба в одной из центральных губерний России отвечала личным интересам Унтербергера, связанных с супру-

гой и детьми. В последние годы Эмма Ивановна серьезно болела, и врачи рекомендовали ей сменить климат. Подросшим сыновьям предстояло выбирать учебные заведения для продолжения образования.

Прощание Павла Федоровича с сослуживцами, с казаками, с общественностью приобрело трогательный и благодарственный характер. Владивостокская и Хабаровская городские думы, выразив симпатии населения городов к «глубокоуважаемому и любимому начальнику области», единогласно постановили ходатайствовать о даровании П.Ф. Унтербергеру звания почетного гражданина гг. Владивостока и Хабаровска. Казаки станиц Полтавской, Козловской, поселка Венюковского и др. присвоили первому наказному атаману уссурийских казаков звание почетного старика [21].

Проживавшие во Владивостоке китайцы поднесли Павлу Федоровичу адрес на шелке, в котором были такие слова: «...Вы, уезжая, оставляете нам свою любовь». Собранные китайцами 4000 руб. были переданы в гимназию для учреждения стипендий имени Унтербергера с условием, что одним стипендиатом будет китаец [22].

Скорее всего, в ходе прощания с Приморьем, с людьми, которые высказывали ему много теплых, сердечных слов признательности за его самоотверженную многополезную службу, у Павла Федоровича возникла мысль написать книгу, посвященную Приморской области и ее жителям, в которой подвести итоги своей жизни, проведенной на российской окраине. К этому времени Унтербергер являлся автором 6 крупных статей, опубликованных в Военно-инженерном журнале и в Записках Русского Географического общества. За одну из них — «Очерк пути от г. Тяньцзинь до г. Чженьцзянь в Китае. С маршрутной картой» он был удостоен малой серебряной медали ИРГО.

Унтербергер обладал быстрым пером и крупным размашистым почерком, изобличавшим энергичную и самодостаточную натуру. Имея прекрасную память, он излагал вопросы и факты по личному знакомству с делом, поскольку

Фото на прощание. За столиком генерал Н.И. Гродеков, справа от него генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской и военный губернатор Приморья П.Ф. Унтербергер. Хабаровск, 1897

был не только наблюдателем важнейших событий, происшедших на Дальнем Востоке, но и принимал в них непосредственное участие. Об исключительной добросовестности автора и его желании включить в книгу как можно более полные данные о Приморской области говорят просьбы о присылке из Владивостока в Нижний Новгород такого издания, как «Листок Приморского областного статистического комитета» [23]. Не имея достоверной информации о пребывании цесаревича Николая в Хабаровке, Унтербергер обратился с просьбой к Софье Алексеевне Корф — непосредственной участнице тех событий — рассказать о них. Откликнувшись на эту просьбу, она написала Унтербергеру два письма с описанием пребывания цесаревича в Хабаровке [24]. Бросается в глаза, что Софья Алексеевна ни единым словом не обмолвилась о своих наблюдениях и впечатлениях от общения с цесаревичем, не описала свои чувства, которые она испытала от встреч и бесед с будущим импера-

тором России. Можно предположить, что ее дипломатический ответ был продиктован тем, что семья Корфов считала себя недостаточно благодетельствованной Николаем II за продолжительную, трудную и успешную службу Корфа на Дальнем Востоке.

Автор закончил рукопись в Нижнем Новгороде в декабре 1899 г. Любопытен и во многом поучителен опыт издания рукописи Нижегородским губернатором Унтербергером. Он не стал обращаться к состоятельным нижегородцам за помощью, а написал письмо в Петербург, казначею ИРГО с вопросами: можно ли напечатать в Записках Географического общества очерк о Приморской области и нельзя ли будет его печатать тотчас по получению рукописи [25]. После получения согласия автор беспокоился о включении в книгу представленных им фотографий, поскольку они «значительно оживляют такого рода очерки и вызывают к тексту большой интерес» [26]. Он просит, чтобы фотографии были отпечатаны на хорошей бумаге.

Судя по всему, книга была довольно быстро отпечатана и вышла в свет в 1900 году. По договоренности с Обществом изучения Амурского края Унтербергер отправляет ему во Владивосток в дар 500 экземпляров книги с условием, что оно оплатит расходы по пересылке и Географическому обществу стоимость бумаги и печатания — всего 360 рублей. Общество изучения Амурского края полностью выполнило эти условия. Была установлена продажная цена книги 3 рубля. Возможно, оставшиеся 380 экземпляров общество смогло реализовать в свою пользу.

Таким образом, издание книги П.Ф. Унтербергера «Приморская область» было совершено на принципах самоокупаемости, и автором были предприняты шаги в реализации этих принципов.

Благодаря авторскому дару, книга оказалась не только в общедоступных библиотеках, но и во многих личных. Так, один из экземпляров книги, имеющих в ДВГНБ, принадлежал известному хабаровскому предпринимателю В.Ф. Плюснину. И спустя 100 лет книга П.Ф. Унтерберге-

Владивосток с горы Орлиное гнездо. Фото П.Ф. Унтербергера

ра «Приморская область» довольно полно представлена в старейших библиотеках российского Дальнего Востока, доступна читателям и является важнейшим источником в исследовании и реконструкции дальневосточной истории XIX века.

Автор следующим образом сформулировал цель книги: «...познакомить в беглом очерке читателей, которые заинтересовались бы краем, с постепенным развитием жизни в области за первые 42 года ее существования, т. е. до 1898 г.» [27]. В авторском вступлении Приморская область характеризовалась как «юный край», где жизнь не вылилась еще в «определенные формы...». Автор выразил искреннюю и глубокую благодарность за любезное содействие в написании книги военному губернатору Приморской области генерал-майору Чичагову, вице-губернатору, действительному статскому советнику Омеляновичу-Павленко, заведующему переселением Гондатти, начальнику инженеров Приамурского военного округа генерал-майору Александрову, управляющему государственными имуществами в Приамурском крае, действительному статскому советнику М.С. Веденскому. Перечисленные лица составляли бли-

жайший круг общения Унтербергера, разделявший с ним помыслы и дела.

В книге имеется список использованных Унтербергером книг, авторами которых являлись Ф.Ф. Буссе, И.П. Барсуков, Г.И. Невельской, Н.А. Крюков, И. Надаров, А. Ресин, А.В. Даттан.

Автор позаботился о наглядности книги, с этой целью в ней помещены две карты, на которых изображены Приморская область с округами. Привлекательность книге придают помещенные в ней фотографии, из 15 которых 9 принадлежали Унтербергеру — большому фотолюбителю, достигшему уровня профессионала. На них виды Владивостока, Камчатки, впечатляющий снимок четырех орочей: взрослых и маленькой девочки в Императорской Гавани, корейцев на фоне фанзы и др.

Научную ценность и достоверность книге придают помещенные в ней 12 приложений, содержавшие важнейшие данные, характеризующие Приморскую область в конце XIX века: численность населения с разбивкой по национальному составу и полу, число судов на владивостокском рейде в 1895—1897 гг., принадлежавших России и другим государствам, динамика роста количества фабрик и заводов и числа рабочих, численность учебных заведений в области и учащихся в них и т. д. Насыщенность книги статистическими данными позволила Русскому Географическому обществу издать ее по отделу статистики. Унтербергер с удовольствием называет имена первых охотников за китами и морским зверем, первых садоводов, известных в крае и области предпринимателей и торговцев.

«Приморская область» вызвала на Дальнем Востоке большой интерес. «С величайшим удовольствием прочел, — писал Н.С. Веденский, с довольно критическим и честным взглядом на действительность. — Ваша книга по изложению превосходна, ни одного слова лишнего, вся книга написана сжато, ясно, верно и интересно настолько, что я, человек, знакомый с Приморской областью, тем не менее оторвать-

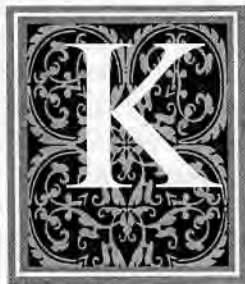
ся не мог, когда начал ее читать. Думаю, люди, не знакомые с Приморской областью, должны еще с большим интересом ее прочитать. Пишу это Вам не для того, чтобы сказать только приятное, а чтобы Вы знали, какое впечатление производит на читателя Ваша книга» [28].

Другой корреспондент, генерал Александров утверждал: «...слишком ничтожное участие в Вашем труде не давало мне никакого права рассчитывать встретить мое имя в предисловии. Гродеков заверил меня, что получил вашу книгу и скоро напишет...» [29].

Были высказаны и критические суждения. Так, автор рецензии в газете «Владивосток» счел крупным недостатком книги слабое изображение темных сторон местной жизни. Другому рецензенту не понравилось преувеличение роли военных инженеров в освоении Приморья, он посчитал слабой и главу о переселенцах. В «Сибирских воспоминаниях» Торгашева, опубликованных в 1914 г., книга П.Ф. Унтербергера была подвергнута уничтожительной критике, названа «плодом канцелярской литературы». При этом критик допустил неточности и небрежности в представлении книги (например, что она была издана в Москве в 1902 г.), привел чьи-то глупые слова, претендовавшие на иронию: «На Амуре дали кличку этому литературному произведению “Реферат на должность Приамурского генерал-губернатора”» [30]. Эта критика бросила тень не на книгу, а на самого Торгашева, изобличив его необъективность и поверхностность в суждениях. «Книга по какому-то недоразумению, — писал он, — была награждена Географическим обществом серебряной медалью» [31]. На самом деле годовичное собрание Русского Географического общества за труд «Приморская область» заслуженно присудило П.Ф. Унтербергеру малую золотую медаль.

Нижегородский губернатор

новому месту службы П.Ф. Унтербергер отправился из Владивостока 7 июня 1897 г. морским путем и уже 19 июля «вступил в должность» губернатора Нижегородской губернии. Имея склонность к статистике, Павел Федорович невольно по многим параметрам сравнивал Владивосток с Нижним Новгородом, история которого уходила на 6 сто-

летий в глубь веков. По численности населения Нижний, как часто называли Нижний Новгород, раза в три превосходил молодой тихоокеанский порт. В отличие от него население волжского порта в основном состояло из русских. В городе насчитывалось 78 православных церквей, а также католический и лютеранский костелы и мечеть. В восхищение Павла Федоровича привели широкие возможности для получения молодежью образования. В городе имелось 80 учебных заведений, в том числе 10 специальных средних мужских и 6 средних — женских.

Расположенный на перекрестке важнейших транспортных коммуникаций России, Нижний Новгород являлся крупным экономическим, торговым и финансовым центром страны. Товары в город прибывали по Волге с

юга — из Астрахани, Баку и Персии, с севера — из Вологды и Архангельска. Ока, впадающая в Волгу у Нижнего, давала выход на нижегородские рынки товарам из центральной части России, а также с Урала и Сибири. Пароходно-речной промысел, представленный крупнейшими в стране речными пароходными компаниями «Самолет», «Кавказ и Меркурий», год от года крепчал. Город находился в зените купеческой славы, гордился своими «волжскими капитанами» и «волжскими грузчиками» и претендовал на звание «речной столицы» России. Нижегородцы являлись не только перевозчиками грузов, но и сами немало производили. Механические заводы, льнопрядильная мануфактура тесно были связаны с пароходством. Город имел мощную мукомольную промышленность, где царствовал миллионер П.А. Бугров.

Находящийся в десятке верст от Нижнего г. Сормово имел механический, чугунолитейный, сталелитейный, судостроительный и паровозостроительный заводы. В Нижнем Новгороде было 57 фабрик и заводов. Город располагал сильной финансовой инфраструктурой, представленной банками и страховыми компаниями.

Для Нижнего была характерна напряженная, в ускоренном темпе развивающаяся экономическая жизнь, которую не имело смысла даже сопоставлять с активно развивающейся, но остающейся еще отсталой дальневосточной окраиной. Высокий ритм городской жизни во многом задавала ежегодно проходившая в городе знаменитая Нижегородская ярмарка. Хотя к моменту начала новой службы Павла Федоровича прошел год со времени проведения в Нижнем Новгороде XVI Всероссийской выставки, о ней продолжали говорить как о крупнейшем событии в истории города, гордились полученными на ней наградами.

К открытию выставки в Нижнем Новгороде появился трамвай, телефонная связь, центральные улицы осветились электричеством, для подъема на гору построен подъемник-эlevator. Город приобрел вполне цивилизованный вид. На выставочной территории были возведены десятки павильо-

нов, киосков, магазинов, состязавшихся между собой архитектурными изысками и художественным оформлением.

Выставка связала Нижний Новгород со многими российскими территориями, в том числе с самой отдаленной — Приамурским краем. Еще летом 1894 г. министр финансов на имя Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского прислал приглашение принять «ближайшее участие» во Всероссийской выставке 1896 г. «в возможно полном виде». Для ведения дела и приглашения частных экспонентов, а также собирания экспонатов в Хабаровске был создан распорядительный комитет под председательством помощника генерал-губернатора генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова. Было решено край представить на выставке набравшей темпы развития добывающей и обрабатывающей промышленностью, а также торговлей с соседними странами — Китаем и Японией.

Будучи Приморским военным губернатором, П.Ф. Унтербергер инициировал приморских предпринимателей к участию в выставке.

Представителем Приамурского края на выставке, его делегатом был назначен агроном Н.А. Крюков, с участием которого происходил отбор экспонатов, отправка их в Нижний Новгород, благо удалось договориться с министром путей сообщения о беспошлинной их транспортировке. Все же вопросы экспозиционного размещения дальневосточных экспонатов на выставке Н.А. Крюкову пришлось решать при жесточайшей нехватке средств. Центр целиком переложил финансирование участия в выставке на краевую администрацию, а она, в свою очередь, использовала средства, пожертвованные предпринимателями и купцами. На Всероссийской выставке дальневосточный край был представлен в специальном Приамурском зале. А поскольку экспонаты не поместились в нем, в дополнение срочно был сооружен павильон Амурской золотопромышленности. «Недостаток средств, — сожалел Н.А. Крюков, — не позволил выполнить поставленную задачу с той обстоятельностью, как это было задумано, и не дал возможности

представить на выставке Приамурский край с надлежащей полнотой и подробностью» [1]. Опыт участия во Всероссийской выставке помог организовать и успешно провести в 1899 г. в Хабаровске Амурско-Приморскую сельскохозяйственную и промышленную выставку [2].

Нижегородская губерния на выставке предстала во всем своем блеске, полноте и разнообразии. Наряду с экспонатами металлургической, машиностроительной и судостроительной промышленности были показаны достижения мукомольного производства, убедительно экспонировалось кустарное производство, многие изделия которого были выполнены на высоком художественном уровне. Из 9700 выставочных экспонатов 825 (8,5%) принадлежали нижегородцам. По результатам работы выставки 549 нижегородцев (9,2% от числа отмеченных) были удостоены различных наград, в том числе права изображения государственного герба — 10, диплома I разряда — 6, золотой медалью — 8, дипломом II разряда — 21, серебряной медалью — 82, дипломами III разряда — 14, бронзовой медалью — 184, дипломом IV разряда — 29, похвальным отзывом — 149, денежной премией — 49 [3].

Кульминацией выставки считалось посещение ее императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной. Преподношение им подарков превратилось в ярмарку тщеславия знатных нижегородцев, в своеобразное соревнование, кто оригинальнее и богаче преподнесет царю и царице подарок. Было признано, что победителями в этом «состязании» оказались железоторговцы Гребневских песков, которые поднесли серебряную корзину ландышей, цветы которых были сделаны из жемчуга и бриллиантов, а листья — из уральского нефрита.

XVI выставка подвела итоги промышленной и художественной жизни Российской империи в XIX в. и стала последней в ее истории. Войны и революции в России, которыми было наполнено начало XX века, совсем не подходящее время для проведения промышленных и художественных выставок.

Продемонстрировавшая мощный промышленно-торговый потенциал Нижегородской губернии, выставка возвысила Нижний Новгород над другими городами европейской России и придала ему славу ярмарочной столицы.

Ежегодно работавшая с середины июля и почти до середины сентября Нижегородская ярмарка являлась самым крупным в России торжищем, привлекавшим к себе тысячи деловых людей. Поэтому понятно, почему предметом пристального, а затем и неусыпного внимания нового начальника губернии П.Ф. Унтербергера стала ярмарка, обеспечение ее противопожарной безопасности. Уже в августе 1897 г. он издал два приказа, которые были опубликованы в газете «Волгарь» [4]. В первом говорилось о том, что в последнее время на ярмарке и прилегающей к ней Макарьевской части было несколько пожаров, возникших в результате неосторожного обращения с огнем. Констатируя, что на этих территориях имеется «большое количество товаров, представляющих громадную ценность», губернатор предложил домовладельцам и лавковладельцам вести неослабный надзор за жильцами и прислугой при обращении с огнем и легковоспламеняющимися веществами. Губернатор предупредил: «За всякое нарушение правил общественной безопасности в пожарном отношении я буду налагать на виновных взыскания, выходящие из ряда обыкновенных».

Во втором приказе он объявил благодарность за «умелую распорядительность на пожарах» полицмейстеру, начальнику речной полиции и подведомственным им чинам. Их он просил передать спасибо за молодецкую работу пожарным командам, принимавшим участие в тушении пожаров, и выдать им по чарке водки.

Еще при прежнем губернаторе во избежание возникновения пожаров большинство деревянных построек на территории ярмарки было снесено или переустроено. Однако протяженная Сибирская пристань на ярмарке, где располагались склады, оставалась деревянной. На пристани не было электрического освещения, здесь по-прежнему жгли керосин. В размещении товаров отсутствовала какая-либо

система и порядок. В случае, если товар не помещался в амбаре, его сваливали под открытым небом. Когда Павел Федорович в первый раз объезжал ярмарку и посетил Сибирскую пристань, то пришел в ужас от того хаоса, который она представляла собой. Военный строитель Унтербергер хорошо понимал, какой большой риск существует для товаров, находящихся в деревянных складах, какой ущерб в этих обстоятельствах может нанести неосторожное, небрежное обращение с огнем. Срочно при ярмарочном комитете он образовал особую комиссию для разработки вопроса о переустройстве Сибирской пристани. Был выработан тип несгораемых постоянных складов, пристань была разбита на участки. Многие купцы, которые должны были внести немалые деньги на постройку пристани, ворчали и даже ругали затею нового начальника.

Несмотря на все препятствия, по настоянию Унтербергера была произведена замена деревянных товарных складов на Сибирской пристани, занимавших площадь около 30 тыс. кв. саженей (примерно около 137 тыс. м²), каменными, что паромщикам обошлось в 2,5 миллиона руб. Но зато была устранена громадная пожарная опасность для сложенных на этой пристани во время Нижегородской ярмарки товаров, стоимость которых по временам доходила до 50 млн. руб. Со временем торговцы и предприниматели в полной мере с благодарностью оценили инициативу и настойчивость нового губернатора.

Многие современные приволжские авторы статей, посвященных Унтербергеру, непременно цитируют слова А. П. Мельникова из его книги «Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки» о том, что губернатор «почти до болезненной слабости боялся пожаров». В этих словах полезные усилия Унтербергера в обеспечении пожарной безопасности города трактовались как своего рода его маньячная, болезненная страсть.

Профессиональный строитель Павел Федорович не раз был свидетелем беспощадного уничтожения огнем только что возведенных сооружений. Так, на второй год его губер-

наторства в Приморье во Владивостоке сгорел только что отстроенный базар, и многие торговцы, товары которых уничтожил огонь, сильно пострадали. Приняв личное участие в тушении нескольких крупных пожаров в Нижнем Новгороде, как это обычно делал предыдущий губернатор Баранов, часто выступавший в роли брандмейстера, Унтербергер понял: по-барановски с огненной стихией справиться нельзя. Нужны кардинальные меры, и он видел их в противопожарном воспитании граждан и скрупулезном выполнении своих обязанностей лицами, ответственными за безопасность. За подписью губернатора неоднократно издавались обязательные постановления, в которых до мельчайших подробностей расписывались все необходимые меры противопожарной безопасности. В одном из них говорилось: у двух- и трехэтажных домов должны находиться лестницы, достигающие крыши; чистка дымовых труб от сажи должна производиться не менее одного раза в продолжении трех недель; следовало на заводах иметь запас воды не менее 500 ведер, также запасы песка, лопат, носилок, багров и т.д. Виновные за несоблюдение или нарушение этих требований могли быть подвергнуты в административном порядке аресту до 3-х месяцев или денежному штрафу в 500 руб. [5].

При содействии ярмарочного комитета в значительной степени была улучшена противопожарная безопасность на выставке и в городе в целом.

Досуговую, «культурно-развлекательную» сферу ярмарочной жизни формировали 9 перворазрядных ресторанов, 45 трактиров, 49 кухмистерских, 13 пивных, 15 гостиниц, 83 номерных заведений, 14 бань, 1 театр и 1 цирк [6]. В зависимости от толщины кошелька посетители с удовольствием ими пользовались. У состоятельной публики популярностью пользовались многочисленные ресторанные и трактирные венские хоры, дамские капеллы, шансонетные этаули, которые зачастую являлись рассадниками скрытой проституции.

Строгий и принципиальный губернатор горячо поддерживал предложение делового ярмарочного купечества о за-

прещении подобных увеселений в ресторанах и трактирах на территории ярмарки. Им было подписано обязательное постановление, которым воспрещалось в гостиницах, ресторанах, вообще трактирных заведениях всех наименований и открытых для публики садах в Нижнем Новгороде и на всей площади, принадлежащей городу, содержание хоров арфисток, шансонетных певиц, венских капелл и оркестров.

Привлекавшая к себе всякого рода мошенников, воров, проходимцев и даже бандитов ярмарка становилась опасной территорией для добропорядочной публики и вообще для горожан. Сил полиции было явно недостаточно для противодействия этим элементам. Поэтому по приказу начальника губернии были созданы обывательские ночные караулы — по два караульных от каждых 30 «обывательских домов», которые охраняли покой жителей каждую ночь. По ходатайству губернских властей высочайшим повелением ярмарка находилась «на положении усиленной охраны». В соответствии с обязательным постановлением, подписанным губернатором в 1903 г., содержатели гостиниц, номеров, меблированных комнат и т. п. заведений, в которых останавливались приезжавшие, должны были немедленно по их прибытии потребовать от них паспорта и записать таковые в особую книгу. Подробно говорилось о регистрации паспортов приезжих в ярмарочном полицейском управлении. При этом характерной чертой того времени являлось деление приезжавших на русских подданных, иностранцев и евреев, как российских, так и иностранных. Постановлением воспрещалась в гостиницах и трактирах игра в карты и кости, посещение театров и других публичных мест лицами, находящимся в нетрезвом состоянии, неосторожная и скорая езда по городу и т. п. [7]. С точки зрения сегодняшнего дня многие пункты этого обязательного постановления воспринимаются наивными и элементарными. Однако тогда они были целесообразны и необходимы, чтобы простейшие нормы культурного поведения прочно вошли в обиход всех горожан.

Будучи многоопытным строителем, Павел Федорович

занимался проблемой обустройства города, возведением архитектурно выразительных зданий, имевших общественное значение. Исследователи называют конец XIX — начало XX в. временем строительного бума в Нижнем Новгороде. Немалую лепту в подъем городского строительства внес губернатор, поддержавший общество архитекторов и ежегодно устраиваемые архитектурно-художественные выставки с приглашением столичных мастеров. В эти годы были построены здания Думы и Волжско-Камского банка. Появились новые заводские и фабричные корпуса, здания банков, особняки и доходные дома купцов и промышленников. Многие здания, зачастую построенные в популярном в то время стиле модерн, продолжают украшать и современный Нижний Новгород.

Благодаря настойчивости и профессионализму губернатора были вымощены многие пришедшие в полный упадок городские улицы.

Усилия губернатора Унтербергера и его управленцев, а также сподвижников сделали Нижегородскую ярмарку и город во многом культурными и безопасными для горожан и гостей.

Популярность Нижегородской ярмарки год от года росла, ее стремились посетить важные российские персоны и заморские гости. В этом случае губернатор выступал в роли гостеприимного хозяина. Известно, что ярмарку посетили принц Иоганн-Георг Саксонский, дядя императора великий князь Сергей Александрович, французский посол Бомпар, министр путей сообщения М.И. Хенков, несколько дней на ярмарке в 1903 г. пробыл министр внутренних дел В.К. Плеве, а также директор департамента общих дел Б.В. Штюмер (будущий российский премьер-министр), который гостил в доме губернатора во время поездки по старообрядческим скитам нижегородского Заволжья. Завязывались неформальные связи с высокопоставленными чиновниками. У Унтербергера хватало образованности, служебного такта, деликатности, доброжелательности, чтобы у гостей оставалось приятное впечатление от посещения ярмарки и города.

*П.Ф. Унтербергер — Нижегородский губернатор в парадной форме
военного инженера генерал-лейтенанта*

Богатырская импозантная фигура губернатора, на которой превосходно сидел парадный мундир с Андреевской лентой и многочисленными наградами, в том числе экзотическими — китайским, японским и корейским орденами, невольно выделялась на всех раутах и банкетах. А радушие, умение вести интересную беседу, готовность молодцем

пройтись в танце неизменно превращали Унтербергера в центр парадных купеческих обедов и банкетов, что придавало им респектабельность.

Нередко нижегородцы видели своего губернатора верхом на коне и отмечали, как ладно он держался в седле. Одно время он председательствовал в уважаемом в городе «Обществе охотников конного бега».

Предшественник Унтербергера в губернии носил одинаковую фамилию с его предшественником в Приморской области. Генерал-лейтенант Н.М. Баранов был энергичным человеком, находившим общий язык со всеми слоями нижегородского общества — промышленниками, купцами, помещиками, трудовым народом. Обладавший пылким темпераментом, он часто вступал в служебно-административный раж и тогда поступал как сумасброд и крепостник — устраивал на площади «показательные суды» против воришек и выступал на них как судья, публиковал грозные «предостережения» нарушителям порядка. Например, одно из них: «Зачинщиков и подстрекателей повешу немедленно и на месте» [8]. Издавал приказы о порке розгами с оглашением через печать имен провинившихся и их проступков [9]. Оказывается, в пореформенной России, в губернии, которая семимильными шагами развивалась по капиталистически, совсем под боком у правительства оставались губернаторы из крепостнической эпохи. Вместе с тем своей патриархальностью, искренностью, заинтересованностью в делах Баранов воспринимался нижегородцами как большой оригинал, многим нравился и устраивал предпринимателей и купцов. Недаром он губернаторствовал аж 14 лет, после чего ушел в отставку.

Естественно, что нового губернатора сравнивали с прежним, таким привычным с его чудачествами и оригинальностью. И сравнение часто бывало не в пользу Павла Федоровича, которого вначале значительная часть горожан воспринимала как излишне строгого, требовательного, педантичного, чужого и холодного человека. В концентрированном виде отрицательное отношение к новому

губернатору запечатлено А.М. Мельниковым в его черновом наброске, хранящемся в Государственном архиве Нижегородской области [10]. «Насколько Баранов был яркой личностью, — считал автор, — настолько сер и бесцветен Унтербергер». Для Мельникова новый губернатор являлся «изумительным образцом тупости и бездарности». Даже бесспорные положительные качества губернатора вызывали у него неприязнь. «Унтербергер по-своему был честен, т. е. не брал денег взаймы без отдачи, не был вором. Честность его вообще имела отрицательный характер». Особо Мельникова раздражало немецкое происхождение губернатора. Ему казалось, что Унтербергер питает затаенную ненависть и презрение ко всему русскому. «Русских он не любил и по службе только терпел по необходимости, стараясь по возможности окружить себя немцами». Записка Мельникова являлась примером голого субъективизма с ксенофобским оттенком, в основе которой лежали чудовищная предвзятость и некомпетентность.

На год раньше Павла Федоровича начал службу в губернии вице-губернатором барон Фредерикс, по рождению тоже немец. Выпускник Пажеского корпуса, бывший военный, Фредерикс оказался дельным помощником губернатора, поручения которого он исполнял четко и быстро, к тому же умел расположить к себе людей. За время службы под началом Унтербергера он стал кавалером трех орденов и получил чин действительного статского советника, что по Табелю о рангах соответствовало званию генерал-майора. Забегая вперед, следует сказать, что испытание губернаторской властью (после Унтербергера он стал губернатором) Фредерикс не смог пройти. Это обнаружилось в короткий срок. Имея крупные карточные долги, губернатор решил нажиться на финансовой помощи пострадавшим от неурожая и присвоил крупную сумму. В январе 1907 г. Фредерикс был снят с должности Нижегородского губернатора, лишен чинов и орденов и оштрафован на 10 тыс. рублей. Дальнейшая судьба этого человека неизвестна, он исчез из поля зрения общественности. Этот яркий пример подтвердил пра-

вильность тезиса о том, что хороший заместитель вовсе не обязательно станет хорошим начальником. Людей слабого характера, обладающих какой-либо пагубной страстью, самостоятельность, как правило, губит. Что и случилось, к сожалению, с хорошим помощником Павла Федоровича.

Городским головой Нижнего в 1896 г. стал А.М. Меморский, выпускник Демидовского юридического лицея, талантливый юрист, знаток коммерческого права. Незаурядный администратор, он рекордно долгое время находился на своем посту — четыре трехлетних срока (1896—1909 гг.).

Таким образом, Павел Федорович начал губернаторство в Нижнем Новгороде, когда на главных административных постах появились новые люди. Правда, Унтербергеру удалось в МВД выхлопотать перевод из Владивостока в Нижний К.А. Лакшевица, который и здесь возглавил канцелярию. Снова рядом с Павлом Федоровичем был высококвалифицированный канцелярист и близкий ему по духу человек.

Чтобы быстрее познакомиться с состоятельной частью горожан и расположить ее к себе, Унтербергер 19 января 1898 г. устроил в своей резиденции великолепный прием. Вот как описал его сам Павел Федорович в письме к матери.

«Наш раут прошел блестяще, и мы этим очень довольны. Было приглашено 370 человек и около 320 пришли. Помещения бельэтажа были роскошными, и всем хватило места. Парадная лестница снизу доверху была уставлена растениями, а верхняя площадка была декорирована лавровыми деревьями. Зал также был украшен превосходными пирамидальными и круглыми лавровыми деревьями и тропическими растениями. Столовая была преобразована в зимний сад. У нас была почти вся новая обстановка, мы приказали поднять все наверх: мебель, ковры, портьеры, зеркала и т.п. В столовой у стен стояли маленькие круглые столы, в середине — длинный обеденный стол. По краям — буфеты-стойки с напитками, фруктами, шампанским, чайный стол. Кроме того, еще была дополнительная сервировка для дам в другой комнате. На этот раут согласно этикета каждый мог прийти, когда хотел, мог делать, что хотел, пить и есть, что хотел, и уходить, когда

Вид резиденции Нижегородского губернатора через ворота Кремля

хотел. Так как здесь принято появляться в обществе только около 11–12 часов ночи, мы высказали пожелание приходить немного раньше. Желание было принято во внимание, и в 10 часов все были уже в сборе и могли начаться танцы. Одновременно могли танцевать 30–40 пар. С самого начала и до конца было очень оживленно, благодаря молодежи, что меня наиболее радовало. Я сделал все возможное, чтобы все приходили на танцы и могли танцевать: для этого я пригласил 30 молодых офицеров из местного батальона.

Было так оживленно, что никто из пожилых дам (из тех, которые особенно любят игру в карты) не стремился к дамским карточным столам, все наблюдали танцы или проводили время в разговорах.

Электрическое освещение всех помещений производило огромный эффект. Большой зал 11 сажений в длину, 6 сажений в ширину и примерно 5 сажений¹ в высоту. Горят три большие

¹ Сажень равна 2,13 м.

люстры из ста ламп каждая. Так светло везде. Дамы были в богатых и модных одеждах. Эмми в своем черном бархатном платье выглядела очень хорошо. На ней были все ее бриллианты.

В мужской комнате за 15-ю столами играли в карты. Оркестр был очень хорош. За несколько дней до этого я его прослушал, чтобы инструменты не гремели в зале. Мне помогли Паул Эрдман и капельмейстер.

Слева от зала располагалась голубая гостиная, далее следовал будуар, затем комната, где был дамский буфет, затем комната для игры дам в карты, затем дамский туалет с умывальником, ванной и соответствующей комнатой, которая тоже была освещена электричеством. Электрическое освещение было очень уютным и придавало всей обстановке парадный вид.

Были фрукты: свежие ананасы, груши дюшес, апельсины, виноград и яблоки. На площадках парадной лестницы стояли лакеи.

Это был на самом деле — без хвастовства — самый элегантный и живой прием за весь сезон здесь, а таких было немало! Кроме того, это было первое большое празднество, которое мы устроили в городе. На столах везде для украшения стояли вазы со свежими цветами. Как я жалею, что никто из вас не мог быть здесь. Симон и Маша были бы тоже довольны. Все было на таком уровне, который соответствует культурным людям» [11].

Подробное описание приема должно было убедить мать в том, что ее сын занимает высокое положение в обществе.

Постепенно нижегородцы узнали своего губернатора не только как компетентного, строгого, требовательного администратора, но и как высокообразованного человека, гуманиста и либерала, генерала, с честью и достоинством служившего трону и Отечеству.

Для состоятельной и интеллигентной публики Нижнего не составлял секрета выход в свет книги Павла Федоровича «Приморская область» и его членство с 1898 г. в Русском Географическом обществе.

На интеллектуальную жизнь Нижнего Новгорода в то время оказывали влияние две личности — признанный рус-

*П.Ф. Унтербергер — Нижегородский губернатор.
Фотография А.О. Карелина*

ский писатель и публицист В.Г. Короленко и молодой писатель М. Горький, ярко и самобытно заявивший себя серией повестей и рассказов, в том числе и крупной повестью «Фома Гордеев». По признанию писателя, мысль написать повесть о купечестве у него возникла во время Всероссийской промышленной выставки, на которой он присутствовал как специальный корреспондент «Нижегородского

листка». Известные купцы города находили в повести свое изображение.

Скорее всего, губернатор Унтербергер и молодой писатель были знакомы заочно. Хотя и не исключено, что на каком-нибудь купеческом банкете губернатору могли представить приобретавшего известность писателя.

Но документально подтверждено, что в апреле 1901 г. Алексей Максимович Горький (Пешков) был арестован за приобретение мимеографа для печатания прокламаций в Сормово, а потом выслан в Арзамас, где пробыл недолго и снова вернулся в Нижний [12].

Просвещенный губернатор покровительствовал развитию в губернии народного образования и библиотечного дела. Он стал соучредителем Нижегородского общества поощрения художеств. Ему первому принадлежит мысль о создании в Болдино — имении А.С. Пушкина, находившемся на территории Нижегородской губернии, музея-заповедника великого русского поэта.

Было известно, что генерал-лейтенант Унтербергер является активным благотворителем. Он был членом 29 благотворительных обществ, в том числе Красного Креста, Белого Креста, помогавшего нуждавшимся офицерам, Общества охраны народного здоровья, Общества помощи нуждавшимся женщинам и др. Помимо немалых взносов в эти общества, он время от времени адресно жертвовал значительные суммы. Так, полученные в 1900 г. за службу на Дальнем Востоке премиальные 2725 руб. генерал передал в фонд поддержки увечных солдат [13]. А в 1905 г. он пожертвовал 4000 руб. на устройство детского санатория в губернии [14].

Признанием благотворительной деятельности Унтербергера явилось награждение его знаком Красного Креста, а в 1900 г. — золотым знаком отличия Красного Креста. Он был в числе первых среди удостоенных знака «За содействие духовному просвещению Сибири».

Жизнь Унтербергской семьи претерпела изменения. Поправившаяся Эмми Ивановна теперь имела возможность

*Военный инженер генерал-лейтенант П.Ф. Унтербергер с семьей.
Первый ряд: жена Эмма (Эмма-Луиза) Ивановна, дочь Елена
(Елена-Иоанна), Павел Федорович, младшая дочь Эрна.
Второй ряд: младший сын Георгий (Георг), старшая дочь Мария
(Мария-Генриетта), старший сын Петр (Петр-Фридрих).
Нижний Новгород, 1900 г.*

бывать в родном Дерпте, посещать своих родных. Бюджет семьи, состоявший из жалованья Павла Федоровича (5000 руб. жалованья плюс 5000 руб. столовых), для семьи, где пятеро взрослых детей, настраивал на экономию. Старший сын Петр переехал в Царское Село, где жил в семье своего дяди — знаменитого военного медика, корпусного врача Гвардейского корпуса и придворного хирурга, тайного советника Семена Федоровича Унтербергера. Петр окончил гимназический курс и по примеру отца поступил в Николаевское инженерное военное училище.

Большинство воспитанников учебного заведения боготворило царя Николая II, который покровительствовал училищу, сохраняя верность традиции, заложенной еще прадедом - императором Николаем I. В очередной раз царь присутствовал на выпускном экзамене и, покидая учили-

ще, обронил перчатку. Ее подобрал Петр Унтербергер и ему очень хотелось оставить перчатку на память (случалось, что учащиеся тайком обрезали пуговицы на шинели Николая Александровича). Но чувство честности превысило это желание, и дрожащей рукой Петр протянул перчатку государю. По версии Виктории Янковской, основанной на рассказе самого Петра, Николай II сказал: «Спасибо, дружок. Тебе бы, конечно, хотелось оставить ее себе на память, но видишь ли, на ней есть дырка... Отдай ее мне – моя мама, императрица Мария Федоровна, ее заштопает, и я пришлю ее тебе с рассылным. Как тебя зовут?

– Петр Унтербергер!

– А-а... твой отец был губернатором Уссурийского края, Павел Федорович. Верноподданная мне семья! Хорошая семья! Рад, что повстречал тебя! Ты, конечно, тоже будешь служить мне верой и правдой!

– Так точно, Ваше Императорское Величество! – взволнованно ответил Петр» [15].

Иной читатель воспримет этот сюжет как забавный анекдот. Однако с большей долей уверенности можно утверждать, что так оно и было на самом деле – дырку на перчатке заштопала императрица-мать. Николай II во всем следовал примеру своего отца – Александра III, который, в частности, отличался бережливостью и носил штопанные-перештопанные штаны [16]. Ничего удивительного, что император, обладавший прекрасной памятью, тотчас вспомнил Павла Федоровича Унтербергера – губернатора Приморской области. Очевидно, впечатление о поездке по Дальнему Востоку крепко сохранялось в его памяти. Будучи прекрасным семьянином, Николай II ценил Павла Федоровича и как отца дружной семьи. Николай II сдержал обещание, и его перчатка сразу же стала семейной реликвией, но, очевидно, она не обладала волшебной силой и не оберегла Петра Унтербергера от жизненных невзгод, которые выпали на его долю.

Сын Георгий учился в кадетском корпусе им. Аракчеева. Однако перспектива службы в пехоте ему была не по душе. Он бредил морем. И «виной» этого было детство, прове-

Генераль Маюру Саранову

Приглашаю и сего концерта
отъ Государя Императора
заканчиваетъ въ себя перчатку
Его Императорскаго Вели-
чества для танкера Унтербер-
гера

Генераль отъ Императори *Кураевъ*

16 февраля 1902 г.

Записка военного министра А.Н. Куропаткина

денное на берегу Золотого Рога. Корабли притягивали своей мощной красотой, свободой движения, тайной дальних путешествий. П.Ф. Унтербергер был вынужден обратиться с прошением к директору Морского кадетского корпуса в Петербурге определить сына Георгия в младшие специальные классы. Характерно, что в письме он писал: Если начальство корпуса «признает нужным исключить его вследствие дурного его учения или поведения, а также вследствие появления таких болезней, которые препятствуют службе во флоте, то я обязуюсь по первому требованию корпуса без замедления взять его обратно на свое попечение» [17]. Приложен был аттестат кадета Унтербергера за VI класс. Из 12 баллов в аттестате средний балл был 8,75. По успеваемости в разряде — хорошо. По поведению — очень хорошо. Занимался прилежно.

Георгий был принят в Морской кадетский корпус, где учился своекоштно.

Несколько лет до этого Павел Федорович обращался даже к императору с просьбой о дозволении его племяннику держать экзамен для поступления в младший общий класс этого же Морского кадетского корпуса. Мать его урожденная Мария Унтербергер — потомственная дворянка, рано умерла, отец Георг Кнютфер — пастор с правами потомственного дворянина, в силу болезни лишился обеих ног. Проситель положительно характеризовал 14-летнего мальчика, подчеркнув его «отличные нравственные качества». «Я убежден, — заключил Павел Федорович, — что он будет с честью носить морской мундир» [18]. К сожалению, судьбу этого племянника Унтербергера проследить не удалось.

Известия, связанные с Дальним Востоком, продолжали волновать Павла Федоровича. Император зачислил Нижегородского губернатора П.Ф. Унтербергера по Уссурийскому казачьему войску, это было высочайшей наградой за службу. Помимо того, что за Унтербергером пожизненно сохранялось почетное воинское звание, сохранялась и присвоенная ему форма атамана казачьего войска, которой он дорожил.

Тоска о Дальнем Востоке, где прошли лучшие и самые плодотворные годы жизни Павла Федоровича, время от времени давала о себе знать. Прямых свидетельств о том, что генерал подумывал о возвращении в Приамурский край, не нашлось. Но вот в письме из Хабаровска его друга Н.Ф. Александрова (1900 г.) читаем: «Сегодня узнал от Семена Федоровича (брата П.Ф. Унтербергера. — *Н.Д.*), что вы уже, по-видимому, возвращаетесь» [19]. Павел Федорович с братом, очевидно, обсуждал проблему своей службы на Дальнем Востоке, где в это время развернулся серьезный вооруженный конфликт с Китаем, войска которого захватили почти построенную русскими КВЖД. Унтербергер поддерживал связь, вел активную переписку с оставшимися на Дальнем Востоке друзьями, бывшими сослуживцами, пристально и заинтересованно следил за событиями, про-

исходившими в дальневосточной жизни. Например, в 1901 г. он телеграммой тепло поздравил отважных благовещенок А. Юдину и Е. Катышеву, которые отличились во время китайского обстрела г. Благовещенска, за что и были награждены серебряными медалями «За храбрость».

Среди его корреспондентов был начальник военно-инженерного управления Приамурского военного округа генерал Н.Ф. Александров, который подробно описал действия войск Приамурского военного округа в Маньчжурии, бои под Айгунем с рисунками местности и расположением батарей [20].

С большим сочувствием к мирным китайцам, ставшим жертвами военного конфликта между Россией и Дайцинской империей, с осуждением фактов мародерства русских в Маньчжурии поведал в своих исповедческих посланиях известный хабаровский селекционер Н.С. Веденский. При этом досталось и генералу Н.М. Чичагову, который в г. Нингуте, «запретив солдатам грабить, сам ограбил дом фудутуна, ссылаясь, что это он берет для музея» [21]. Веденский писал, что в доме Н.И. Гродекова — Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками в Маньчжурии — рассказывали о следующем случае. Встретив солдата с гусем подмышкой, генерал Чичагов сурово спросил: это ты ограбил? Солдат же бодро ответил: «Никак нет — это для музея» [22]. Справедливости ради следует сказать, что Чичагов передал музеям Владивостока и Хабаровска немало ценных художественных предметов из Маньчжурии и Северного Китая.

Владивостокский корреспондент Я.П. Павленко сообщал, что после семи с половиной лет, как Павел Федорович оставил область, в крае переменилось несколько генерал-губернаторов, а в Приморской области — третий военный губернатор. «Каждый из них задавался широкими планами, но все они оказались безрезультатными» [23]. Действительно, генерал Д.И. Суботич, сменивший Унтербергера, прослужил губернатором более полутора лет, «а фактически управлял областью не более четырех месяцев и кроме проектов ничего после себя положительного не оставил». Генерал Н.М. Чича-

гов, хотя и прогубернаторствовал 4 года, но из них полгода был в Маньчжурии, 9 месяцев — в отпуске, много времени находился в Хабаровске, где исполнял должность начальника окружного штаба. Автор не делал никакого обобщения, но из его письма было ясно, что губернаторская власть в области ослабла и не пользуется авторитетом.

Ответственным испытанием для Нижегородского губернатора стало обеспечение порядка и безопасности тысяч православных паломников во время религиозных торжеств в Сарово в июле 1903 года в связи с канонизацией широко известного среди верующих преподобного Серафима.

Инициатором канонизации выступил сам император. Важнейшим аргументом в пользу прославления Серафима явилось рождение у Александры Федоровны после ее купания в источнике наследника Алексея. Народная молва называла этот источник Серафимовским и приписывала его воде целительные свойства. Ожидалось участие в религиозных торжествах императора и его семьи. Для безопасности властями были предприняты беспрецедентные меры.

Меры предосторожности губернатор сформулировал в особом документе, в котором указывалось: «Все строения, жилые и холодные, находящиеся при самом пути, как равно и на расстоянии 10 сажений в обе стороны от дороги, за двое суток до приезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского офицеров, местного сельского старосты и при участии двух понятых. Те строения, в которых нет особой надобности для хозяев, опечатываются комиссией и за 4 часа до приезда печати осматриваются ею, чтобы убедиться в целости их. За сутки до приезда в каждый дом, находящийся по пути Высочайшего следования, помещаются два охранника, которые следят, чтобы никто из посторонних в дом и во двор не выходил. Все выходящие на улицу слуховые окна или отверстия на чердаках заколачиваются. С раннего утра все собаки в селениях должны быть на привязи, а скот загнан» [24]. В дни пребывания царя в пределах губернии — с 17 по 20 июля — все питейные заведения и казенные винные лав-

ки были закрыты, а за сутки до приезда была запрещена топка печей во избежание пожара. Охрану несли полиция, войска и добровольцы общим числом до 50 тыс. человек. Крестьян в добровольческую охрану набрали около 37 тыс. В день приезда высоких гостей члены добровольческой охраны были расставлены по своим местам, с которых они не имели права уходить без специального распоряжения. Охранники должны были следить за тем, чтобы кто-нибудь не вздумал встать на колени или броситься вперед для подачи прошения.

В условиях действия в стране террористов такие меры охраны царя и его семьи во многом были оправданы.

Как военный человек и свидетель трагедии на Ходынском поле в Москве, случившейся на второй день после коронации Николая II, когда погибло множество людей, Унтербергер понимал высокую степень своей ответственности за безопасность паломников во время торжеств и организацию порядка. Важно было обеспечить безопасность прежде всего в местах наибольшей концентрации паломников — в Ардатовском и Арзамасском уездах. С этой целью губернатор издал обязательное постановление на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. По распоряжению нижегородского окружного суда, кроме двух существовавших следственных участков на территории, ожидавшей паломников, был организован третий следственный участок.

Было проявлено внимание и к организации социального быта паломников — устройство ночлежных барачков с временными медицинскими пунктами на случай экстренных заболеваний. По пути следования мощей преподобного Серафима — в уездах Ардатовском и Арзамасском — строились ночлежные бараки, приемные покои, арестантские помещения.

Религиозные торжества, церемониал которых был детально разработан, проходил с 15 по 21 июля 1903 г. В Сарове состоялось торжественное открытие святых мощей преподобного Серафима и перенесение их в приготовлен-

ную гробницу. Все дни шли богослужения. Канонизация Серафима вызвала огромное воодушевление среди верующих российского общества, многие тысячи богомольцев, здоровых и недужных, со всех концов России направились на эти торжества, чтобы приложиться к мощам преподобного. «Церковный вестник», ссылаясь на телеграмму из Сарова от 20 июля, писал о 300 000 участников богомолья [25]. «Картина религиозного воодушевления верующего народа, — писал вестник, — который, несмотря на страдную рабочую пору, прибыл поклониться великому Саровскому молитвеннику и чудотворцу, производила и на светских людей одушевляющее и умиляющее действие» [26]. Участие в религиозных торжествах царя Николая II придало им общероссийскую значимость и особый смысл.

Несмотря на небывалую массовость торжеств, они прошли без столпотворения, эксцессов и недоразумений. И в этом была несомненная заслуга губернатора и его ближайших сотрудников — вице-губернатора, инженеров, врачебного инспектора, врачей и ветеринаров, работавших на маршруте. Унтербергер был удостоен высочайшей благодарности «за отличный порядок во время проезда Его Величества в пределах Нижегородской губернии» [27].

По ходу следования в столицу поезда с августейшими паломниками на станциях собирались сотни людей, чтобы их поприветствовать. Царь возвратился в Петербург с твердым убеждением, что его подданные по-прежнему боголюбивы и царелюбивы.

Унтербергер, на которого религиозные торжества произвели тоже сильное впечатление, в отличие от Николая II общался с рабочими и крестьянами губернии, в настроениях которых все заметнее становился протест против существующего положения.

Трудное решение

овый, XX век в России встретили шумно и весело, с надеждой и оптимизмом. В начавшемся кризисе, охватившем экономику, никто не расшифровал код трагической судьбы империи в наступившем веке.

В отчете губернатора Унтербергера «О состоянии Нижегородской губернии за 1902 год» речь шла о том, что продолжительность рабочего дня на промышленных предприятиях составляла от 12 до 15 часов в сутки, что Ардатовские горные заводы имели примитивную технику, добыча руды сохраняла самые древние формы, как ее добывали еще в XVIII в. Ввиду общего кризиса железоделательной промышленности приходили в упадок кустарные промыслы губернии. В особо тяжелом положении оказались рабочие Илевского завода. Обремененный крупными ипотечными долгами, имея устарелое оборудование, завод не перенес кризиса, и администрация официально объявила о прекращении работ. У рабочих не было никаких перспектив устроиться на другие заводы. Свободных земель для поселения их в губернии тоже не было. И обо всем этом губернатор хорошо знал не только из информации чиновников, он предпочитал сам

изучать ситуацию на месте в ходе многочисленных поездок по городам и весям губернии.

Нижегородский губернатор оказался в числе первых российских губернаторов, кто столкнулся с фактами появления в губернии «вредных книжек, листов и газет», подстрекавших рабочих и крестьян к неповиновению. Вину за это брал на себя Нижегородский комитет Российской социал-демократической рабочей партии. Начальник губернского жандармского управления в июне 1902 г. докладывал губернатору об изъятии в Нижнем «воззваний преступного содержания», о находке в одном из сел Балахнинского уезда свертка с 145 экземплярами гектографированных воззваний, озаглавленных «Летучий листок № 55», за подписью Нижегородской социал-демократической организации [1]. В другом уезде была найдена листовка того же комитета «Почему крестьяне волнуются», в которой описывались беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях и выражались «суждения, оскорбительные для правительства России и для особы государя императора, соединенные подстрекательством, притом к отказу от исполнения государственных повинностей» [2].

В июне 1902 г. губернатор Унтербергер направил земским начальникам предписание, в котором констатировалось, что «враги Отечества, наводняющие империю, успели проникнуть и во вверенную мне Нижегородскую губернию». Губернатор предписал земским начальникам «немедленно объехать все волости, призывая самих крестьян на борьбу с этими врагами, так как полиция и жандармы слишком малочисленны и бессильны» [3]. Начальники должны были «заставить крестьян захватывать всех проходимцев, раздающих вредные книжки, листки и газеты, и представлять их немедленно» губернатору. Земцы должны были внушить крестьянам, что в противном случае «они строго ответят».

На первый демарш губернатора Нижегородский социал-демократический комитет ответил тем, что под заголовком «Встревоженный Помпадур» напечатал текст этого губернаторского предписания в центральной газете РСДРП «Ис-

кра», выходявшей за рубежом [4]. Навряд ли Павел Федорович знал об этой публикации, а то, возможно, посмеялся бы над тем, что его назвали именем фаворитки Людовика XV маркизы де Помпадур. Так с 1902 г. началось противостояние губернаторской власти и Нижегородского комитета РСДРП.

Местные социал-демократы открыто бросили вызов властям, когда организовали 1 мая 1903 г. первую демонстрацию под красным знаменем. Она послужила основой для романа М. Горького «Мать». С тех пор ежегодно устраиваемые первомайские демонстрации стали для полиции и жандармерии неустрашимым раздражителем.

В губернии словно снежный ком нарастали протестные выступления рабочих и крестьян. Неудачи в Русско-японской войне дали социал-демократам сильный козырь в революционной пропаганде, в антиправительственном возбуждении народных масс. В авангарде антиправительственных выступлений стояли рабочие Сормова.

Общая стачка на Сормовском заводе началась 12 августа 1904 г. Она могла серьезно повлиять на снабжение воюющей армии. В этих условиях акционерное общество «Сормово» предложило объявить массовое увольнение всех бастующих. После совещания с губернатором, который отверг этот решительный шаг, директор завода отправил в столицу телеграмму: «Мера, предлагаемая губернатором, может привести к серьезным беспорядкам» [5]. Вопреки мнению губернатора на заводе рассчитали всех не вышедших в урочный час на работу. Эта мера на время отрезвила рабочих. После трехдневной забастовки завод заработал в полную силу.

Своими топорными действиями полиция вместо того, чтобы предотвращать беспорядки, зачастую провоцировала их. Так случилось с разгоном собрания в Народном доме 29 декабря 1904 г. Собрание было устроено обществом взаимопомощи учащимся. Без всякого предупреждения в зал ворвался наряд полиции — около 70 человек и «быстро обнажив шашки, начал теснить находившуюся в зале публику,

среди которой было много женщин и учащихся, и стал наносить ей шашками удары. Били всех без разбора... Среди публики оказались избитые, раненые, увечные» [6].

По этому поводу Нижегородский комитет РСДРП типографским способом напечатал листовку с воззванием к нижегородским гражданам.

В ней этот инцидент расценивался как «результат нашего безобразного режима», подобных безобразий не будет «только тогда, когда падет ненавистный всем русским гражданам самодержавный строй». Обращаясь к гражданам, социал-демократы писали: «Вы обязаны не только возмущаться и негодовать, но и организовывать это негодование, организовывать этот протест; протестуйте в собраниях, в частных обществах, выносите свой протест на улицу» [7].

В беседе, а затем и в письме губернатор высказал городскому голове А.М. Меморскому суждение о нежелательности обсуждения в городской думе событий в Народном доме. Но общественное мнение в городе настолько было возбуждено, что дума не могла проигнорировать факт полицейской расправы. На заседании думы городской голова огласил телеграмму, посланную им и председателем губернской земской управы на имя министра внутренних дел о необходимости тщательного расследования событий в Народном доме.

Секретное предписание губернатора цензору в Нижнем Новгороде о запрещении освещать в печати это событие, чтобы не вызывать «нежелательное возбуждение умов» [8], по существу, было проигнорировано.

Январская кровавая расправа 1905 года с мирным шествием горожан в Петербурге отозвалась новыми, более решительными и более осмысленными, чем прежде, выступлениями рабочих в губернии. По-прежнему, зачинщиками выступали сормовские рабочие. Так, рабочие этого завода предъявили заводууправлению свои требования, включавшие 49 пунктов. Среди них требования восьмичасового рабочего дня, повышения поденной оплаты мастерам и рабочим от 25% до 50%, вежливого обра-

щения мастеров и вообще всей заводской администрации с рабочими, отмены штрафов за прогул менее трех дней, выплаты пособий за выслугу лет, отмены работы 1 мая, как рабочего праздника, и 19 февраля (издание царского манифеста об освобождении крестьян), расширения библиотеки за счет завода и т. д. На совещании у губернатора 24 февраля 1905 г. с участием прокурора, губернского старшего фабричного инспектора, директора сормовского завода Мещерского, правителя канцелярии Лакшевица и балахинского исправника директору завода была доставлена сводка требований рабочих. Было обращено внимание на то, что большинство вопросов касалось условий найма, правил внутреннего распорядка и быта рабочих. Наряду с ними рабочие требовали, чтобы при переговорах с депутатами присутствовали корреспонденты газет и переговоры корреспондировались в газеты, чтобы был установлен праздник рабочих 1 мая и другие [9].

Дирекцией завода были удовлетворены некоторые экономические требования: установлено окончание работы по субботам и предпраздничным дням в 2 часа дня; решено расценки по всему заводу не повышать, а уравнивать поденную плату по категориям; штрафы за прогулы понизить; отменить обыски. Это привело к окончанию забастовки на Сормовском заводе. Но началась забастовка рабочих Мометовской льнопрядильной фабрики. Затем забастовали рабочие судостроительного цеха Сормовского завода, а также заводов в Канавине и Кулебаках.

Забастовочное движение рабочих в Нижегородской губернии являлось частью общероссийского рабочего движения. «Революционная горячка» охватила всю Россию. Страна приближалась к тому состоянию, когда, по словам Н.М. Карамзина, «один час народного исступления разрушает основу власти» [10].

С самого начала Русско-японской войны Павел Федорович с тревогой и глубокой заинтересованностью следил за драматическими событиями на Дальнем Востоке России. Со многими военными начальниками, последовательно сме-

нявшими друг друга на посту главнокомандующего русских войск — Е.А. Алексеевым [11], А.Н. Куропаткиным [12], Н.П. Линевичем [13], он был хорошо знаком, что еще больше обостряло его интерес ко всем перипетиям войны на море и на суше. Конечно, он глубоко переживал все неудачи, поражения русских войск. Вместе с тем он получил практическое подтверждение важности своей многолетней, многотрудной деятельности по созданию на российской окраине оборонительных укреплений, целью которых являлось обеспечение безопасности тихоокеанского побережья империи. Он сожалел о том, что так мало было сделано в военном укреплении дальневосточных владений России.

Известие о том, что при царском дворе созрело решение о скорейшем начале переговоров с Японией о мире, подвигло Унтербергера высказать свою альтернативную позицию. В конце мая 1905 г. он посылает записку министру финансов В.Н. Коковцеву, которого уважал за взвешенность суждений. В ней он подробно проанализировал предполагаемые японской стороной условия мира, о которых писали газеты. Унтербергер доказывал, что японские условия мира в высшей степени невыгодны и разорительны для России. По его мнению, Россия вовсе не находится в положении «необходимости заключить мир во что бы то ни стало» [14].

А в это время в Нижегородской губернии вслед за рабочими поднялись крестьяне. В начале июня 1905 г. губернатор отправился в Сергачевский уезд, где объехал охваченные беспорядками села Абрамцево, Протасово, Кистеневое, Селище. По его распоряжению в селах были созваны сельские сходы, на которых он «беседывал с крестьянами», выяснил причины имевших место недоразумений. При этом в категорической форме он объявил сходам, что «никакого самоуправства или насилия он не потерпит», «виновные в них будут подвергнуты строгой ответственности» [15].

В своем секретном донесении в департамент полиции о волнении крестьян в губернии Унтербергер писал: «Хотя

крестьяне и признались мне в неправильности своих действий и обещали не повторять их, но я вынес впечатление, что настроение в названных селениях возбужденное и что новые беспорядки вполне возможны, тем более при очевидной наличности постороннего влияния агитаторов. Точно выяснить этот посторонний источник смуты здесь весьма трудно, так как местные крестьяне — мордва, народ особенно скрытный и недоверчивый ко всякому начальству» [16].

Действительно, через месяц в том же селе, где он «беседывал», крестьяне, вооруженные палками и ножами, пришли на луг помещика Пушкина, чтобы воспрепятствовать увозу скошенного его работниками сена. При этом крестьяне вели себя крайне возбужденно, дерзко говорили о его императорском величестве. Сено с поля было вывезено под прикрытием войск, вызванных на место конфликта. В уездах начался насильственный захват крестьянами помещичьих земель.

Хождение Павла Федоровича в народ потерпело фиаско. Возбужденные рабочие и крестьяне с мрачным недоверием выслушивали губернатора, который вместо обещаний облегчить их тяжелую долю мог только обещать подвергнуть строгой ответственности виновных в беспорядках. Чтобы не дать протестному движению охватить всю губернию, у губернатора оставался только один выход — вводить в уезды воинские части и просить, просить, просить центр о присылке в губернию дополнительных войсковых частей. Он делал это вопреки своим убеждениям, принципам и жизненному опыту.

Губернатор все более убеждался, что его тактика переговоров, уговоров, компромиссов не эффективна.

Перед Павлом Федоровичем встала серьезная дилемма. Или он беспощадно, применяя насильственные методы, борется против протестующих рабочих и крестьян, имевших веские основания для антиправительственных выступлений, и тогда он сохраняет пост губернатора области и все преимущества, связанные с этим (высокую репутацию при царском дворе, бытовой комфорт для семьи и др.). Или

он отказывается от насильственной борьбы с восставшими рабочими и крестьянами и в таком случае должен оставить пост губернатора, что не может не сказаться на его репутации при дворе и негативно отразиться на социально-экономическом положении семьи.

К принятию окончательного решения Унтербергера склонило известие о готовящемся на его жизнь покушении. К этому времени в кровавом мартирологе высших чинов русской администрации значились министр народного просвещения Боголепов (1901 г.), министр внутренних дел Сипягин (1902 г.), министр внутренних дел Плеве (1904 г.). Террористы устроили настоящую охоту за губернаторами. Были убиты Уфимский губернатор Богданович, Финляндский генерал-губернатор Бобриков, Елисавет-польский вице-губернатор Андреев, Бакинский губернатор, князь Накашидзе, Московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, Тамбовский вице-губернатор Богданович и др. Шаровая молния террора металась по России, нанося ей чувствительные удары.

В ряде современных публикаций утверждается, что якобы Центральный комитет партии социалистов-революционеров (эсеров) приговорил Нижегородского губернатора к смертной казни и против него готовилось покушение [17]. В действительности боевая организация эсеров под руководством Б. Савенкова и Азефа действовала во многом автономно и сама выбирала объект для покушения. Если верить Б. Савенкову, а у нас нет оснований не доверять ему, то идея покушения на Нижегородского губернатора возникла спонтанно в связи с подготовкой покушения на Петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова. Для реализации террористического акта в столице в Нижнем Новгороде было три кандидата: бывший студент Московского университета А.В. Калашников и рекомендованные им слесари Сормовского завода, члены местной боевой дружины И.В. Двойников и Ф.А. Назаров. Поскольку они были мало известны, Савенков и Азеф решили испытать их на деле и «предложили сперва попытаться убить

Нижегородского губернатора барона Унтерберга» [18]. (Так в тексте. — *Н.Д.*). О случайности выбора свидетельствует тот факт, что Савенков в своих воспоминаниях допустил сразу две ошибки — искажил фамилию Нижегородского губернатора и причислил его к баронам. Двойников и Назаров должны были торговать на улице папиросами, а Калашников руководить наблюдением. Когда через некоторое время Б. Савенков вернулся в Нижний, то Калашников сообщил ему, что губернатор, очевидно опасаясь покушения, почти не показывается на улице. Покушение на губернатора сорвалось.

Но известие о его подготовке заставило генерала Унтербергер принятъ альтернативное решение. Он не собирався уходить в отставку. Хотя ему уже исполнилось 63 года, чувствовал он себя хорошо, оставался физически крепким человеком. Что же касалось его профессиональных качеств, то они за последние годы обогатились опытом администрирования в одной из центральных, сравнительно развитых губерний России, установлением ценных связей в министерствах и ведомствах. К тому же приближался к концу второй срок его губернаторства. Стечение объективных обстоятельств и субъективные желанія подвигли Нижегородскаго губернатора к неординарному поступку. В июле 1905 г. он послал в Маньчжурию телеграмму своему старому знакомому, главнокомандующему всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генералу Н.П. Линевичу. В ней он писал, что «в настоящее тяжелое для России время я вновь желал бы служить на Дальнем Востоке, где провел в работѣ лучшіе свои годы» [19]. Безусловно, прав был Унтербергер, когда писал о тяжелом времени, переживаемом Россіей. Но было очевидно, что военная острота его уже позади. В Портсмуте (США) шли мирные переговоры между Россіей и Японіей. За три дня до подписанія мирнаго договора — этого историческаго событія, которое знаменовало окончаніе неудачной для России войны, военный министр А.Ф. Редигер получил из Маньчжурии телеграмму генерала

Линевича такого содержания: «Нижегородский губернатор генерал-лейтенант Унтербергер изъявил желание состоять в моем распоряжении по званию главнокомандующего. Зная Унтербергера как генерала в высшей степени доблестного и отлично знающего Дальний Восток, прошу испросить Высочайшее соизволение на назначение его в мое распоряжение» [20].

Почти одновременно Унтербергер направил военному министру письмо, в котором он объяснил отправку своей телеграммы Линевичу тем, что тогда, когда он обратился к Линевичу, «была объявлена новая мобилизация и не было никакой надежды на благоприятный результат Портсмутской конференции». Когда же дело повернулось на мир, он послал вторую телеграмму главнокомандующему, в которой написал, что «ввиду предстоящего заключения мира основная побудительная причина моей просьбы отпадает». Но получив телеграмму Линевича о возбуждении ходатайства о его зачислении в распоряжение главнокомандующего, Павел Федорович заключил, что «его служба на Дальнем Востоке и в настоящее время желательна», поэтому он обратился к военному министру с покорнейшей просьбой поддержать ходатайство главнокомандующего и тем «дать мне возможность служить в том крае, с которым меня связывают лучшие воспоминания и где работа мне по душе», — заключил письмо Унтербергер [21].

Но это личное обращение уже не могло повлиять на мнение военного министра, который в докладе на имя Николая II написал: «штат полевого управления главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке по числу лиц его составляющих вполне соответствует своему назначению и увеличение его накануне заключения перемирия не может быть признано необходимым» [22]. Царь согласился с министром. Таким образом, просьба Линевича была отклонена, ходатайство Унтербергера о службе на Дальнем Востоке не поддержано. Два генерала потерпели неудачу, и каждый по-своему ее переживал.

Спустя месяц военный министр получил от главноко-

мандующего в Маньчжурии пространную докладную о неправильных действиях командующего войсками Приамурского военного округа и. д. (исполняющего должность. — *Н.Д.*), Приамурского генерал-губернатора Р.А. Хрещатицкого. Генерал от кавалерии Хрещатицкий прошел обычный для офицера второй половины XIX в. служебный путь. Он происходил из дворян войска Донского, образование получил в привилегированном Пажеском корпусе. Командовал армейским корпусом, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1904 г. стал генералом от кавалерии. Был награжден несколькими боевыми орденами и золотым оружием. В преклонных годах он оказался в Маньчжурии, в мукденской мясорубке, испытал горечь потерь и поражений, что, возможно, вызвало у него состояние стресса. В ноябре 1904 г. он получил приказ сменить Н.П. Линевича — командующего войсками Приамурского военного округа, исполнявшего должность генерал-губернатора Приамурского края, получившего назначение главнокомандующим в Маньчжурию вместо генерала А.Н. Куропаткина. Генерал Хрещатицкий оказался пешкой в кадровой чехарде, которой император пытался предотвратить надвигающееся поражение в войне. Так генерал от кавалерии оказался в Хабаровске. Мало того, что он совершенно не знал отличавшийся большим своеобразием край, он и гражданским управлением никогда не занимался. Хотя в условиях военного времени главные его обязанности были сосредоточены в военной сфере — командование войсками округа, гражданское же управление отодвигалось на второй план. Как командующий войсками округа он подчинялся главнокомандующему в Маньчжурии.

Чем же был недоволен Линевич, что заставило его написать военному министру докладную, фактически компромат на генерала Хрещатицкого? С первых дней своего пребывания в крае, утверждал Линевич, Р.А. Хрещатицкий «не выказал должного самообладания столь необходимого для поддержания в населении спокойствия», главнокомандующий был вынужден отменять его распоряжения или

отказывать ему в его ходатайствах, которые вызывались преувеличением опасности. Так, Хрещатицкий по прибытии в край приказал все лечебные заведения, находившиеся в г. Никольске-Уссурийском, закрыть и переместить в другие пункты на запад. Затем, посетив один из лазаретов, он заявил, что «не далее как через две недели японцы займут Никольск-Уссурийский», а он не имеет средств защитить его [23]. Управляющего отделением государственного банка генерал предупредил об опасности оставаться в Хабаровске. Управляющий возбудил ходатайство о переводе отделения в Благовещенск. Генералу Линевичу пришлось убеждать министра финансов в том, что Хабаровску, в том числе и банку, ничто не угрожает. Были и другие «инициативы» Хрещатицкого — о немедленном оставлении русскими северной Кореи (там находились наши войска), об эвакуации Хабаровского кадетского корпуса и др., которые генералу Линевичу приходилось гасить, отменять, дезавуировать. В донесении делался вывод, изобличавший Хрещатицкого в трусости и неспособности выполнять возложенные на него служебные обязанности. «Вообще же генерал Хрещатицкий находился все время под гнетом мысли о возможности занятия японцами Приморской области и не только не принимал мер к поддержанию бодрости в населении, но напротив того — не скрывал перед всеми своих преувеличенных опасностей, что неминуемо должно было вселять тревогу и вредно отзываться на нормальном течении жизни в крае...». Автор донесения считал, что генерал Хрещатицкий не отвечает своему назначению, «тем более для деятельности в предстоящем будущем по устройству Приамурского края после войны, тяжело отразившейся на населении еще весьма молодого края» [24]. Главнокомандующий просил министра доложить о своем мнении государю императору.

С выводом генерала Линевича можно и согласиться, в особенности, когда он проявлял заботу о будущем Приамурского края. И все же... В этой ситуации боевой генерал Линевич выглядел, мягко говоря, недостойно. Должны были существовать какие-то очень серьезные обстоятель-

Генерал Н.П. Линевиц

ства, вынудившие Линевица на такой неординарный поступок. В поисках их мы вступаем на зыбкую почву догадок и предположений, которые если и не помогут найти ответ, то хотя бы подведут к нему.

Можно допустить, что донесение Линевица о генерале Хрещатицком и его предыдущая просьба о посылке Унтербергерера на Дальний Восток, отклоненная военным министром, между собой связаны. Вполне возможно, что отказ в просьбе уязвил самолюбие главнокомандующего. К тому

же он неожиданно для себя оказался несостоятельным в глазах уважаемого человека — генерала Унтербергера. Некомпетентные действия генерала Хрещатицкого, доставлявшие дополнительные проблемы, давали повод Линевичу инициировать его освобождение от службы, что могло открыть привлекательную и престижную вакансию. Вполне возможно, что генерал Линевиц и не планировал подобную комбинацию. Но факт ее осуществления в жизни дает пищу для подобных предположений. Но о чем можно говорить уверенно, так это о желании Линевица иметь под рукой авторитетного на Дальнем Востоке генерала Унтербергера, с помощью которого он надеялся стабилизировать ситуацию в войсках.

К моменту подписания Портсмутского мирного договора численность русских войск на Дальнем Востоке достигла миллиона человек. В связи с революцией, охватившей центральные области России, правительство решило попридержать в Маньчжурии войска, чтобы не добавить масла в огонь разгоравшегося народного движения. А между тем огромная армия, познавшая горечь военных поражений, с нетерпением ждала возвращения на родину. Это нетерпение подогревалось и теми тревожными, будоражившими известиями, которые приходили из центральной России. В армии стала падать дисциплина, появились признаки разложения. Главнокомандующий нуждался в помощи такого генерала, как Унтербергер — признанного знатока Дальнего Востока и «в высшей степени доблестного генерала».

Реакция императора на донесение Линевица оказалась жесткой и категоричной. Военный министр 11 октября 1905 г. телеграфировал Линевицу в Маньчжурию: «Государь император приказал предложить генералу Хрещатицкому подать прошение об увольнении его со службы» [25]. Линевиц явно был обескуражен таким неожиданно суровым решением Николая II. В ответ он умоляет военного министра о снисхождении к генералу Хрещатицкому, просит доложить императору о своем ходатайстве и предлагает за почти 45-летнюю службу зачислить генерала членом Во-

енного совета или Комитета раненых, или причислить его к военному министерству. Он отказался сообщить горькое известие Хрещатицкому. Военный министр настаивал на том, чтобы сам генерал Линевиц сообщил Хрещатицкому императорское повеление. Наконец военный министр Редигер взял на себя неприятную миссию. В посланной в Хабаровск генералу Хрещатицкому телеграмме говорилось: «Государь император по донесению Главнокомандующего о неправильности ваших распоряжений повелел уволить вас от должности и причислить к военному министерству на срок до полугода» [26].

А в это время в Хабаровске для 64-летнего Р.А. Хрещатицкого, боевого генерала, награжденного многими боевыми орденами и золотым оружием, решение императора об увольнении оказалось катастрофой. Он серьезно заболел. Спасая мужа, жена генерала Елена Хрещатицкая написала на имя императора телеграмму, по объему целое письмо, в которой она рассказала о боевом пути супруга, упомянула его награды и монаршие благодарности. Она писала, что 45-й год супруг честно и безупречно служит престолу и Отечеству по заветам отца и деда — походных атаманов на Кавказе. Содержание письма свидетельствовало, что квалифицированные генералом Линевицем «неправильные распоряжения» Хрещатицкий связывал с «беспорядками в военном округе». «Если бы главнокомандующий, — говорилось в письме, — обратил должное внимание на многократные представления мужа о скорейшем постепенном увольнении призванных из запаса в войска Приамурского округа и не отдал бы приказа, что запасные Приамурского округа будут уволены только весной 1906 г., беспорядки во Владивостоке были бы предупреждены... Производящимся в настоящее время дознанием уже выяснено, что главной причиной владивостокских беспорядков было неувольнение запасных, а не какие-либо «неправильные распоряжения» моего мужа...» [27]. Однако в донесении Линевица на имя царя речь шла совершенно о другом, в нем ни слова не говорилось о беспорядках в войсках, из-за которых глав-

нокомандующий позже и сам пострадал. Супруга генерала писала, что незаслуженное обвинение сломило мужа и по заключению врачей ему осталось жить несколько дней. Она молила императора «явить высочайшую милость, озарить радостью последние минуты умирающего, снять с него пятно, которое так тяжело гнетет его и останется на мне и наших детях» [28]. Следует подчеркнуть, что Елена Хрещатицкая совершила мужественный поступок и смело встала на защиту чести своего мужа и семьи. В ответ она получила телеграмму военного министра такого содержания: «Император повелел вам ответить, что, признавая необходимость заменить вашего мужа в занимаемой им должности другим лицом, он по-прежнему ценит его службу и не лишает своего благоволения». Явилось ли это утешением для умирающего генерала и его семьи? Трудно сказать.

Газета «Приамурские ведомости» сообщила, что в ночь с 20 на 21 января 1906 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался командующий войсками Приамурского военного округа, войсковой наказной атаман Приамурского казачьего войска и исполнявший должность Приамурского генерал-губернатора генерал от кавалерии Р.А. Хрещатицкий. Заметим, что в газете были перечислены все должности генерала, которых он был лишен еще 11 октября 1905 г. Газета поместила пространный некролог, в котором особо подчеркивались высокие нравственные качества генерала. «Широко и гостеприимно были открыты двери его дома, — утверждалось в газете, — часами ютилась там беднота, доверчиво приходя со своим маленьким горем к большому человеку, зная, что здесь он не услышит отказа, тихо и спокойно его выслушают, мягко и сердечно окажут помощь. Для Его Высокопревосходительства в таких случаях не существовали ни чины, ни ранги. Перед собою он видел только людей, нуждающихся в нем и его помощи, и насколько мог помогал» [29]. Генерал с почестями был похоронен на кладбище у Иннокентьевской церкви [30].

Но вернемся к октябрьским дням 1905 г., к переписке военного министра А.Ф. Редигера с главнокомандующим

российскими войсками в Маньчжурии Н.П. Линевицем. Тогда, телеграфируя в Маньчжурию содержание повеления государя императора об увольнении Хрещатицкого со службы, военный министр написал: «Его Величество приказал Вас спросить, имеете ли Вы кого-либо на открывающуюся должность». При отсутствии в фонде РГВИА ответной телеграммы Линевица можно с полной уверенностью считать, что ответ был однозначным — Нижегородский губернатор П.Ф. Унтербергер. На этот раз рекомендация генерала должна была сыграть свою решающую роль. Вообще при назначении главных провинциальных начальников император, как правило, учитывал рекомендации высокопоставленных военных и чиновников. При этом рекомендации зачастую имели различную скрытую мотивацию — родственные отношения, карьеристские соображения, корысть и т. д. В рекомендации же Линевица доминировал государственный интерес, убежденность в том, что Унтербергер с его богатым опытом и знаниями будет полезен российскому Дальнему Востоку, который только что пережил военные потрясения. К тому же рекомендовавший рассчитывал на серьезную помощь Унтербергера в стабилизации положения в воинских частях, дислоцированных в Маньчжурии. Дело с назначением во многом облегчалось тем, что император был давно хорошо знаком с Павлом Федоровичем. В начале ноября 1905 г. последовало высочайшее повеление о назначении Нижегородского губернатора П.Ф. Унтербергера членом Сената, что являлось высоким признанием его заслуг. Прощаясь с Нижним Новгородом, Павел Федорович издал два приказа. В приказе, обращенном к администрации, говорилось:

«Волею государя императора я назначен присутствовать в Правительствующем Сенате и оставляю пост Нижегородского губернатора. Восемь с лишним лет мне приходилось работать в высочайше вверенной моему управлению губернии; работа была подчас не легкая и требовала серьезного, усиленного труда со стороны подведомственных мне правительственных учреждений и должностных лиц, которые

за все это время исполняли свой долг честно, добросовестно и усердно.

Расставаясь ныне со своими сотрудниками, я прошу их принять мою глубокую признательность за совместную службу и дружную работу» [31].

Специальный приказ был посвящен прощанию с полицейскими органами и их служащими. В нем было подчеркнуто, что за все годы, особенно в последнее время, служба полиции проходила при исключительно тяжелых условиях, требовавших от всех чинов ее безупречной напряженной работы, которая ими всегда исполнялась безропотно, усердно и энергично, несмотря на многие возводимые на них незаслуженные и обидные нарекания. «Прощаюсь с чинами полиции Нижегородской губернии с выражением моей искренней, сердечной благодарности за их многотрудную, самоотверженную службу» [32].

Нижегородцы, особенно купцы и предприниматели, длительное время сохраняли благодарную память о губернаторе П.Ф. Унтербергере. А вот мнение о нем современного нижегородца, историка-архивиста М.Ю. Гусева: «...один из самых толковых нижегородских губернаторов, но и, вероятно, самый порядочный. Во всяком случае, он не запятнал себя ни взятками, ни жестокими расправами, ни еврейскими погромами» [33].

Высочайшим указом 18 ноября 1905 г. П.Ф. Унтербергер был назначен командующим войсками Приамурского округа и войсковым наказным атаманом Приамурских казачьих войск, Приамурским генерал-губернатором. Тем самым была прервана негативная цепочка «исполнявших должность» (Н.П. Линевиц, Р.А. Хрещатицкий), и в крае появился полноправный начальник — генерал-губернатор. Для края, только что пережившего войну с ее невзгодами и бедствиями, с нарушенной экономической жизнью, для населения Приморья и Приамурья, перенесшего нужду и обездоленность, лучшей кандидатуры на пост главного начальника, чем П.Ф. Унтербергер, нельзя было найти во всей России.

Генерал Н.И. Гродеков

Но Павел Федорович во многом разочаровал главнокомандующего Линевича, который посылал в Петербург военному министру телеграмму за телеграммой с требованием скорейшего приезда Унтербергерера на Дальний Восток. В одной из них он даже написал: «...если еще до сего времени (Унтербергер. — Н.Д.) не выехал, то необходимо предложить немедленно выехать или прошу о назначении другого лица» [34]. Главнокомандующего можно было понять — с каждым днем ситуация в войсках, закупоренных в Маньчжурии словно в бочке, становилась все взрывоопаснее, он и его штаб теряли власть над армией. Откуда-то появились

на КВЖД стачечные комитеты, которые стали энергично действовать в войсках и настраивать солдат не повиноваться офицерам и выставлять свои требования на митингах и собраниях. Генерал Линевиц и его штаб оказались не готовыми к такому повороту событий и потому потеряли управление армией. Нижние чины перестали отдавать честь офицерам, которые пьянствовали и своим развязным поведением вызывали неуважение нижних чинов и населения. Развивался процесс деморализации армии в условиях нарастания революционных событий. Начавшаяся забастовка железнодорожников вообще сделала невозможной эвакуацию войск. Для умирения армии и расправы с бастовавшими железнодорожниками царь направил отряды генералов Ренненкампа и барона Миллера-Закомельского. Генерал Линевиц был освобожден от командования. Новым командующим войсками в Маньчжурии стал генерал от инфантерии Н.И. Гродеков, который особым экстренным поездом в сопровождении конвойной роты выехал в Маньчжурию.

Задержка П.Ф. Унтербергера с выездом на Дальний Восток во многом была связана с необходимостью решения в МВД, министерствах и ведомствах важных дел, касавшихся Приамурского края. К тому же Сибирская магистраль была охвачена волнениями железнодорожников. Существовала и деликатная причина — в Хабаровске на смертном одре находился генерал Р.А. Хрещатицкий.

Нового генерал-губернатора дальневосточной окраины принял император. Аудиенция состоялась 26 января 1906 г., о чем Николай II пометил в своем дневнике [35]. Кстати, в дневнике отмечены его встречи почти со всеми приамурскими генерал-губернаторами, что свидетельствовало о сохранявшемся интересе императора к Дальнему Востоку России, с которым он познакомился, будучи цесаревичем, во время своего дальнего путешествия.

По дороге на восток Унтербергер по заданию министра внутренних дел остановился в Забайкалье, где выполнил его поручение. После крупной забастовки железнодорожников Сибирская магистраль работала с перебоями. Не лучше

было и на КВЖД, по которой Павел Федорович проехал впервые. Вполне возможно, что он встретился со старым знакомым — главнокомандующим в Маньчжурии, бывшим генерал-губернатором Приамурского края Н.И. Гродековым, который в это время энергично руководил эвакуацией войск из Маньчжурии.

Только 12 марта 1906 г. П.Ф. Унтербергер телеграфировал императору о прибытии в Хабаровск и вступлении в командование войсками Приамурского военного округа.

На фоне смутного революционного времени, переживаемом Россией, сложным, во многом драматичным оказался процесс превращения П.Ф. Унтербергера — Нижегородского губернатора в Приамурского генерал-губернатора, перемещения его с берега матушки Волги на желанный берег батюшки Амура.

Приамурский генерал-губернатор

стреча. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, утверждал древний мудрец. Тем более в такую мощную и быструю реку, как Амур. С того времени, как Павел Федорович Унтербергер простился с Хабаровском, прошло около 9 лет, и за это время в Амуре много воды утекло.

После почти недельного гостевания во Владивостоке генерал-губернатор

12 марта 1906 г. вступил на перрон Хабаровского железнодорожного вокзала, где его встречали начальник штаба Приамурского военного округа и высшие офицерские чины, члены городской думы, общественность. Вручив традиционные хлеб-соль, городской голова И. Н. Фомин обратился к П. Ф. Унтербергеру с проникновенной речью: «Сердечно приветствуя прибытие Вашего Высокопревосходительства в центр края, о пользах и нуждах которого вы много лет неустанно заботились, от лица всего городского населения выражаю надежду, что те симпатии и добрые чувства, с которыми вы всегда относились к нашей отдаленной окраине, за время разлуки вами взлелеяны и сохранены, и что город наш вновь обрел в лице вас прежнего заступника и ходатая по всем нашим нуждам. От всего сердца говорю: добро

П.Ф. Унтербергер — Приамурский генерал-губернатор, 1906 г.

пожаловать, Ваше превосходительство, наш почетный гражданин!». В кратком ответном слове Павел Федорович, растроганный теплой встречей, сердечно поблагодарил встречавших и сказал: «Любил и люблю этот край и приложу все старания, чтобы принести ему пользу» — и попросил передать его благодарность населению города Хабаровска [1].

В опубликованном в «Приамурских ведомостях» прика-

зе генерал-губернатора говорилось: «Государь император, отпуская меня в Приамурский край, Высочайше соизволил повелеть мне от имени Его Величества приветствовать население края и передать ему монаршую благодарность за то самоотвержение, с которым оно стойко и безропотно перенесло все невзгоды и лишения тяжелого военного времени. Счастлив объявить населению о таком Высочайшем внимании монарха» [2].

Для Павла Федоровича наступило новое время — время генерал-губернаторства на российском Дальнем Востоке, который после Русско-японской войны оказался под влиянием новых внутренних и внешних реалий.

Поселившись в генерал-губернаторском доме, Павел Федорович не мог не вспомнить прекрасное время, проведенное в нем в окружении Андрея Николаевича и Софьи Алексеевны Корф. Он всегда был благодарен первому Приамурскому генерал-губернатору за живейшее и доброе участие в его судьбе. В телеграмме, посланной в Петербург Софье Алексеевне, Унтербергер сообщил ей, что помолился за упокой души Андрея Николаевича. В ответном письме С.А. Корф писала: «Благодарю за дружбу, которой я всегда была горда и хвасталась ею дорогому мужу. Ах, незабвенное было то время и никогда ничто не сравнится с ним более» [3].

Почти одновременно с П.Ф. Унтербергером в Хабаровск после многолетнего отсутствия приехала жена В.К. Арсеньева — Анна Константиновна. Позже она вспоминала, что в 1906 г. в городе были деревянные тротуары, стало чище, появилось электричество, стало больше народу. «В Амурском саду играла музыка. Душки военные были все с усами, дамы были в старинных платьях. Шляпы с перьями страуса. Над Амуром летом была стеклянная веранда, а там ресторан... «Утес». У нижнего базара были мясные ряды, торговали мясом греки» (4).

По сравнению с Нижним Новгородом Хабаровск произвел на Унтербергера впечатление дремлющего, равнодушного к внешним изменениям, замкнутого на своих проблемах города.

Но очень скоро он убедился в том, что и в дальневосточном обществе происходят существенные перемены, появились современные веяния, возникли совершенно новые проблемы. Одной из них стало участие солдат, матросов и рабочих в антиправительственных выступлениях.

Противоборство. Искры гнева, извергавшиеся вулканом в центре России, долетели и до дальней ее окраины.

К моменту вступления П.Ф. Унтербергера в управление краем Владивосток приобрел известность весьма мятежного, бунтующего города.

По окончании Русско-японской войны в Приморье, в особенности во Владивостоке, оказалось множество солдат и матросов, которые были недовольны, даже озлоблены большими людскими потерями в проигранной войне, задержкой отправки на родину, тяжестью службы, притеснениями со стороны офицеров и начальников.

Известие о царском Манифесте в город пришло 22 октября 1905 г. Из него владивостокцы узнали, что населению предоставлены «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». А также в нем говорилось об учреждении законодательной Думы, чтобы «была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей» [5].

Во Владивостоке начались стихийные массовые митинги и демонстрации с участием солдат, матросов, рабочих и городских обывателей. Ранее ничего подобного в городе не было.

В конце октября 1905 г. Сибирский флотский экипаж, в который входило 2 тыс. матросов и офицеров, Хабаровский резервный полк в составе 10 000 человек и владивостокские рабочие предъявили коменданту Владивостокской крепости генералу Г.Н. Казбеку требование о разрешении солдатам и матросам посещать митинги. В чем им было отказано. Матросы и солдаты были уже наэлектризованы агрессией против офицеров и властей, когда кто-то придумал напоить часть матросов, что в конечном счете и спровоциро-

вало их на организацию погрома в городе [6]. В результате были сожжены здания морского офицерского собрания, военно-морского суда, нескольких флигелей, которые занимали наиболее ненавистные им офицеры. Разбушевавшаяся толпа на Светланской крушила все, что попадало ей на пути. В сожженном погромщиками здании Морского собрания была уничтожена морская библиотека, в которой, в частности, находились подаренные ей адмиралом И.А. Шестаковым 1115 томов редких книг [7]. Оказавшийся на следующий день после погрома во Владивостоке А.П. Сильницкий так описал его последствия: «Светланская улица, главная артерия города, была сплошь усыпана всевозможными предметами: битым стеклом, рваной бумагой, подгоревшими кусками материи, мукой, крупой, сахарным песком... Большинство зданий сгорело. А оставшиеся в целости, как, например, почта, дом Чурина, были закрыты. Всякая жизнь во Владивостоке прекратилась, так что, побродивши в городе часа четыре, я так и не мог достать булку, напиться где-нибудь чаю... Разгром города солдатами был полный и неслыханный. Громили город дико, безумно. Грабили все, что попадалось под руку, и тут же портили свою добычу и бросали ее.

За тысячной толпою пьяных громил шла шайка шакалов, которая подбирала награбленное золото, серебро, драгоценные камни» [8].

В ходе восстания было убито и ранено 182 человека. Позже сотни его участников были приговорены к каторжным работам, тюремному заключению, арестантским ротам.

Прошел месяц и новая напасть. Вернувшимся из японского плена участникам героической обороны Порт-Артура объявили, что вместо отправки домой они будут распределены по вновь формируемым артиллерийским полкам крепости. Приказ вызвал негодование солдат, а жестокая расправа капитана Новицкого над канониром Калининым, которого он зарубил, подняло их на вооруженный бунт. Капитан и несколько офицеров укрылись в здании Офицерского собрания и открыли огонь по осаж-

давшим его солдатам. В перестрелке погибли капитан и несколько офицеров, а здание Офицерского собрания было сожжено. Спонтанно вспыхнувшее восстание было подавлено двумя сотнями казаков и двумя ротами пехоты. Были арестованы 480 его участников, затем понесшие разной степени наказания.

Военной и гражданской властям никак не удавалось стабилизировать обстановку в городе, наводненном солдатами и матросами. В ответ на расстрел мирной демонстрации в годовщину Кровавого воскресенья, 10 января 1906 г. солдаты 32-го Восточно-Сибирского полка и артиллеристы напали на гауптвахту, освободили заключенных военнослужащих. При этом комендант гауптвахты и комендант крепости Селиванов получили тяжелые ранения. В городе проходили многолюдные митинги и собрания, в которых участвовали нижние чины и рабочие.

Матросы, солдаты и рабочие составили ту гремучую смесь, которая взорвала мирную жизнь Владивостока, и в течение нескольких недель он стал ареной противостояния восставшего народа карательным частям во главе с генералами. На какое-то время город оказался в руках восставшего гарнизона. Административная и военная власти города были парализованы. В этих условиях главнокомандующий вооруженными силами Дальнего Востока генерал Н.П. Линевич направил из Маньчжурии казачью дивизию для установления законного порядка в военном порту. Эта задача ими была выполнена 16 января 1906 г. Крепость Владивосток без сопротивления была занята правительственными войсками. Город был объявлен на осадном положении. Начались аресты. Наиболее агрессивно настроенные части были выведены из города. В апреле 1906 г. состоялся военный суд над участниками восстания.

Одновременно привлекались к ответственности участники железнодорожной забастовки. Военному суду было предано 17 человек и свыше 400 выслано из пределов Приморской области [9]. На этом первый акт владивостокской драмы закончился. Но классическая драма традиционно не

ограничивается одним актом. Никто не мог предположить, что драма будет разыграна полностью.

При сохранении напряженности в обществе, что проявлялось в спорадических небольших выступлениях, в появлении антиправительственных листовок, время с весны 1906 г. до осени 1907 г. в крае прошло сравнительно спокойно, без значительных эксцессов. В это время центральная власть настойчиво настраивала губернаторов на принятие превентивных мер против массовых народных выступлений, требовала не терять бдительности, быть начеку. Об этом свидетельствуют телеграммы министра внутренних дел П.А. Столыпина, полученные дальневосточными губернаторами. Так, в зашифрованной телеграмме за подписью Столыпина (июль 1906 г.) содержалось предупреждение об ожидаемых в ближайшие дни общих беспорядках. В связи с этим министр просил отдать распоряжение «об обысках, арестах руководителей революционных и железнодорожных, а также боевых организаций и агитаторов среди войск, хранителей оружия и бомб, с передачей дел формальным дознанием, если невозможно, то с скорейшим применением административной высылки или представлением о сем особому совещанию» [10]. Кроме того, в телеграмме предлагалась целая программа действий в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств: о защите телеграфа, банков, тюрем, складов оружия и т. д.

Через месяц Приамурский генерал-губернатор и градоначальники получили новую, на сей раз открытую телеграмму министра, который, ссылаясь на указания государя императора, потребовал от местной власти «самого решительного, без всяких колебаний руководства подчиненными в деле быстрого, твердого и неуклонного восстановления порядка. Открытые беспорядки должны встречать неослабный отпор» [11]. В то же время в телеграмме появились новые мотивы, в частности, о «строгой обдуманности» принимаемых мер. «Борьба ведется не против общества, а против врагов общества, поэтому огульные репрессии не могут быть одобрены». Это, очевидно, была реакция на чересчур ретивых

губернаторов, развернувших настоящий фронт репрессий в своих губерниях. В телеграмме утверждалось: «Старый строй получит обновление. Порядок же должен быть охранен в полной мере. В этом вы должны проявить собственную инициативу и ответственность за это лежит на вас» [12].

В телеграмме, полученной генерал-губернатором в начале октября 1906 г. за подписью уже председателя Совета министров П.А. Столыпина, обращалось внимание на превентивные меры против демонстраций по случаю первой годовщины царского Манифеста. В ней была предложена программа проведения годовщины царского Манифеста, даровавшего народу свободы. Настолько этот документ любопытен, что целесообразно привести его полностью. «17 октября должно быть ознаменовано исключительно молебствованием в церквях. Дома могут быть украшены флагами и иллюминацией, но никаких манифестаций, шествий, уличных сборищ допущено быть не может. Примите самые строгие меры прекращения в зародыше всякие попытки к демонстрациям, хотя бы пришлось для этого прибегнуть к суровым мерам. Если необходимо, опубликуйте сообщение, что не допустите никаких манифестаций, т.к. они не законны, могут повести к столкновениям и угрожают общественному спокойствию. О том, как пройдет день, телеграфируйте» [13]. П.Ф. Унтербергер ответил: «Семнадцатого октября прошло спокойно» [14].

В одной из телеграмм Столыпин предложил местным властям принять «действенные, твердые меры к обузданию печати, с закрытием, если нужно, типографий...» [15].

Обуздание печати в крае обернулось организацией гонений и репрессий против журналистов, поверивших провозглашенной царем «свободе слова». Непосредственным участником этих гонений являлся Приамурский генерал-губернатор, который считал, что пресса, как средство культурного и идеологического воздействия на население, должна служить эффективному осуществлению политики правительства на дальневосточной окраине, а не являться рупором антиправительственной пропаганды.

Будучи Приморским губернатором, Унтербергер поддерживал газету «Владивосток», а затем и созданную в 1892 г. газету «Дальний Восток» — крупнейшее периодическое издание края. На рубеже веков в Приамурском крае сложились целые издательские центры. В городах Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском выходило 12 газет и журналов. Три газеты издавались в Благовещенске и 7 газет в Харбине и Порт-Артуре. По концентрации печати Приамурье и Приморье занимали выдающееся место в Российской империи. По приведенным данным И.А. Шаховой, в это время из 1280 городов России газеты выходили лишь в 112 [16], что составляло около 9% всех российских городов. Ключ дальневосточного феномена следует искать в существовавшем информационном голоде в силу изолированности дальневосточной территории от российских центров, в значительном преобладании городского населения и наличии в нем сильного культурного слоя в лице офицеров, чиновников, склонных к журналистике.

Правительственная печать в крае была представлена «Приамурскими ведомостями» — официальным органом Приамурского генерал-губернаторства в Хабаровске. «Камчатские епархальные ведомости» являлись специальным церковным изданием при епархии г. Благовещенска.

Восприняв за чистую монету провозглашение царским Манифестом 17 октября 1905 г. свободу слова, местная печать ринулась освещать те сегменты жизни страны и дальневосточников, которые ранее были для них закрыты, — социально-политические настроения людей, их восприятие центральной и местной власти, реакцию на беззакония и несправедливость и т. д. Но оказалось, что в условиях существовавшего в крае военного положения, введенного во время Русско-японской войны, все эти газетные материалы попадали под категорию запрещенных.

В обязательном постановлении Приамурского генерал-губернатора, опубликованном «Приамурскими ведомостями», разъяснялось, что в местностях, объявленных состоя-

шими на военном положении, «воспрещается оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству». Воспрещалось также публичное «восхваление преступного деяния» [17]. Формулировки были настолько общими, что позволяли цензорам инкриминировать нарушение правительственного запрета по чрезвычайно широкой тематике публикаций.

Ужесточались и карательные меры. Было заявлено, что виновные будут подвергаться в административном порядке заключению в тюрьму или крепость сроком до 3-х месяцев или денежному штрафу до 3 тыс. руб.

Это постановление, по существу, ретранслировало правительственные меры против свободы печати и слова.

Механизм гонений на прессу состоял в том, что областной губернатор посылал генерал-губернатору представление, в котором говорилось, что в такой-то газете или журнале печатаются статьи, настраивающие население против правительства. Вот один из образцов подобных представлений. «В Никольске-Уссурийском под редакцией госпожи А.В. Мисюра, — писал военный губернатор В.Е. Флуг, — газета «Уссурийский край» систематически критикует правительство с целью подорвать этим авторитет власти и дискредитировать значение правительственных распоряжений». Губернатор информировал краевую власть, что редактором газеты является жена Ф.В. Мисюры, который был редактором приостановленной в минувшем году газеты «Никольск-Уссурийский листок» [18].

Чаще всего губернаторы видели опасность газетных публикаций в возбуждении населения против правительства и его действий. Но встречались и другие обвинения. Например, Флуг считал, что издававшаяся во Владивостоке газета «Окраина», которую редактировал ветеринарный врач Василий Иванович Беликов, является «несомненным проводником идей социализма в ряде заметок; отдельными фразами и нередко плохо замаскированными выражениями стремится подорвать доверие населения к действиям

правительства, пропагандируя необходимость активной борьбы народа с существующим режимом» [19].

Случались и неординарные поводы для закрытия газет. Так, газета «Амурский край» поместила посланную в С.-Петербург на имя председателя Государственной Думы телеграмму благовещенских безработных, которые жаловались на областную администрацию, не предоставившую им работу [20]. А издававшаяся во Владивостоке корейская газета «Тедонгсимпо» была приостановлена за публикацию воззвания вооруженного восстания в Корее против Японии [21].

На основе представления, ссылаясь на военное положение в крае, П.Ф. Унтербергер издал постановление о приостановлении издания газеты на все время военного положения. Иногда губернаторы предлагали наложить штраф на редактора. Генерал-губернаторское постановление публиковалось в краевой газете.

Редакторы прибегали к всевозможным уловкам для продолжения издания газет. Во-первых, за время, которое требовалось администрации в проведении необходимой процедуры, они успевали издать несколько номеров газет, используя значительный временной интервал, в течение которого можно было подготовиться к следующему этапу противостояния властям. Во-вторых, при закрытии газеты сразу же заявлялось о начале издания газеты под другим названием, и часто редактором выступало подставное лицо.

Вышедшая в Благовещенске газета «Амурские отголоски» своей первой задачей объявила «ознакомление населения с работой Государственной Думы». В первом номере был опубликован так называемый фельетон «В дальний путь (Набросок с натуры)». В нем описывалось, как в жаркий полуденный день от пристани отходил пароход в Хабаровск. «Давка и толчея, обывательские разговоры, последние напутствия, ругня грузчиков, окрики матросов. Пароход делает оборот, и «арестантская» баржа оказывается против пристани. Горожане увидели за решеткой людей в полосатых матросских рубашках. Услышали звон ножных кандалов. И вдруг, сначала тихо, затем все громче, все

стройнее начинается песня. Она растет и ширится, наполняя собой знойный воздух:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Это бывшие матросы Кронштадта и Свеаборга. Их путь — на колесную дорогу, но в своей душе они несут это «царство свободы».

Пристань заволновалась. Послышались аплодисменты. Обыватели посылали свой привет узникам баржи».

Вице-губернатор Амурской области С.Н. Таскин докладывал генерал-губернатору: «В Благовещенске под редакцией И.О. Мокина вышел № 1 газеты «Амурские отголоски». Газета сразу же приняла резкий, вызывающий тон и «по-видимому будет служить открыто органом революционных кружков» [22]. За помещение статей «преступного содержания» редактор был привлечен военным губернатором к уголовной ответственности (оштрафован на 300 и 500 рублей) за опубликование фельетона «В дальний путь», восхваляющего поведение каторжных бывших матросов и фельетона «Инженер и прохожий».

Не согласившись с этим решением, редактор газеты Иван Осипович Мокин направил сразу два письма — одно Приамурскому генерал-губернатору, другое в Сенат — с обвинением действительного статского советника Таскина в «превышении власти, так как постановление о штрафе не было утверждено генерал-губернатором».

По этому факту был принят указ Николая II, в котором говорилось, что Сенат находит, что «военный губернатор Амурской области д. с. с. Таскин был уполномочен генерал-губернатором на применение постановления от 3 июня 1907 г. Действия законны и обвинение Таскина в превышении власти отпадает» [23].

Специальным обязательным своим постановлением П.Ф. Унтербергер, согласно ходатайству военного губернатора Амурской области, «за вредное направление» издавав-

шихся в Благовещенске газет «Амурская жизнь» и «Амурский летописец», ссылаясь на статьи правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении (1892 г.), «постановил приостановить периодические издания на все время объявленного в г. Благовещенске военного положения» [24].

Издававшийся в г. Владивостоке юмористический журнал «Брызги» под редакцией П.Н. Макаева, имевшего звание народного учителя, вызвал у военного губернатора В.Е. Флуга большие опасения, так как он «подрывал в населении доверие к действиям правительства». По его представлению генерал-губернатор привлек редактора юмористического журнала к уголовной ответственности и приостановил издание [25].

Репрессиям был подвергнут и хорошо известный в Хабаровске журналист Антон Петрович Сильницкий, редактировавший газету «Приамурье». «За стремление возбудить враждебное отношение к правительству... распространение тревожных слухов, — говорилось в приказе военного губернатора, — редактора газеты «Приамурье» А. Сильницкого подвергнуть штрафу 200 рублей, при неуплате — тюрьма 10 дней». Это не было эпизодом. 4 августа 1909 г. «Приамурские ведомости» оповестили читателей о том, что «редактор газеты «Приамурье» А.П. Сильницкий за противоправительственные действия приговорен к неделе заключения в тюремном замке или штрафу 100 рублей» [26].

Военный губернатор В.Е. Флут оштрафовал на 3 тыс. руб. И.П. Пьянкова — хозяина книжного магазина «Братья Пьянковы» (Хабаровск) «за нахождение в магазине печатных изданий, принадлежавших к числу запрещенных» [27].

Власти усматривали опасность подрыва доверия населения к действиям правительства и возбуждения рабочих против более или менее состоятельной части населения даже в тех газетных статьях, которые являлись перепечатками статей газет, издававшихся в центральной России. Криминал виделся в том, что в статьях «возбуждалось сомнение в возможности спокойной работы II Государственной Думы»

[28]. За это, в частности, было приостановлено издание газеты «Восточная Русь» (Владивосток). Властями была закрыта типография В.И. Терно в Никольске-Уссурийском. Причиной послужило предположение, что в этой типографии печатались прокламации социалистов-революционеров (эсеров). В одной из листовок, посвященной открытию II Государственной Думы, говорилось: «Перед самым созывом Думы над родиной царит правительственный разбой и грабеж... Попраны завоеванные народом права, неприкосновенность личности, родину окутала сеть военно-полевых судов» [29].

Противостояние местной власти и прессы, конечно, возбуждало общественное мнение. На этой волне 1 октября 1907 г. случилось вооруженное нападение на вице-губернатора Амурской области С.Н. Таскина.

Таким образом, на стыке двух взаимоисключающих обстоятельств — провозглашения правительством долгожданной свободы слова в стране и существовавшего в крае военного положения — дальневосточная пресса приняла на себя репрессивные удары местных властей за свою самостоятельную позицию в отражении общественного мнения дальневосточников.

Позднее П.Ф. Унтербергер признал: «Как во всей империи, часть местной прессы взамен успокоения разыгравшихся страстей действовала возбуждающим образом, что вызвало необходимость применения к ней разных более или менее репрессивных мер» [30].

«Спокойное течение жизни, — по словам Приморского губернатора В.Е. Флуга, — совершенно неожиданно было нарушено возникшими беспорядками среди войск и морских команд Владивостокского гарнизона» [31].

В знак солидарности со своими товарищами, арестованными во время волнений 1 мая 1907 г., 16 октября солдаты минного батальона в бухте Диомид восстали против командования. В тот же день восстание было подавлено. Как только вспыхнуло восстание, комендант крепости объявил осадное положение. Были прекращены все работы, а рабо-

чие порта уволены. Местным газетам было запрещено писать о восстании.

Получив первые сведения о владивостокском восстании, генерал-губернатор Унтербергер 16 октября отправил председателю Совета министров Столыпину шифрованную телеграмму, в которой сообщил «о беспорядках во Владивостокском порту и о возмущении команды четырех миноносцев... Все меры к прекращению и предупреждению беспорядков принимаются» [32]. В тот же день Столыпин ответил телеграммой, в которой продемонстрировал свою информированность о событиях, так как подчеркнул, что бунт произошел «при участии посторонних агитаторов, толпы частных лиц». «Прошу ваше высокопревосходительство, — говорилось в телеграмме, — принять самые энергичные меры к прекращению беспорядков, предупреждению дальнейших выступлений, пользуясь всей полнотой власти, предоставленной военным положением» [33].

На следующий день, во вторую годовщину провозглашения царского Манифеста, эсеры организовали мятеж матросов миноносцев «Скорый», «Сердитый» и «Бодрый». На всех трех кораблях матросы тяжело ранили командиров и подняли красные флаги. С миноносца «Скорый» по засевшим в порту верным правительству войскам был открыт ружейный и орудийный огонь, были обстреляны здания порта и военно-окружного суда. Несмотря на долгие уговоры командного состава, матросы с крейсера «Аскольд» отказались стрелять по восставшим. Растерявшиеся вначале власти воспользовались тем, что восстание еще не охватило весь флот. Выход из бухты восставшим кораблям перегородили пять кораблей, которые открыли огонь. «Сердитый» и «Тревожный» сдались, изрешеченный «Скорый» выбросился на берег. Часть матросов успела убежать и скрыться, 20 человек были расстреляны и исколоты, остальные были вынуждены сдаться.

Военный губернатор области 18 октября телеграммой доносил, что «город усиленно охраняется, население спокойно. При обыске в одном доме найдены бомбы. Произведены

аресты» [34]. Через пять дней он сообщил дополнительно: «В общем спокойно, но настроение неопределенное» [35]. Во Владивостоке были произведены аресты и обыски. От предложения Флуга о выселке на Сахалин 200 матросов флотского экипажа как неблагонадежных пришлось отказаться ввиду негативной позиции сахалинского губернатора.

Анализируя мотивы восстания солдат и матросов, губернатор считал, что главной причиной возникновения этих «печальных событий» была преступная деятельность проживавших в Японии революционеров. Речь шла о группе, ядро которой, возможно, составили освободившиеся от сахалинской каторги эсеры. Они облюбовали Иокогаму — японский порт, куда заходили российские корабли, на которых можно было переплывать во Владивосток. Себя они называли «максималистами», подчеркивая свою принадлежность к партии эсеров-максималистов (оформилась в октябре 1906 г.), которая требовала немедленной «социализации» не только земли, но и фабрик и заводов с помощью «инициативного меньшинства», т. е. заговорщиков. Жаждавшая решительных действий и подвигов, группа эсеров-максималистов нашла в лице владивостокских солдат и матросов податливую, во многом готовую массу для достижения авантюристических целей.

Другую причину губернатор области видел в неудовлетворительной постановке политического розыска во Владивостоке и в крепости.

Политический розыск был возложен на начальника крепостной жандармской команды, не имевшего в своем распоряжении лиц, способных вести розыскную деятельность.

Названные причины находились на поверхности жизни, в которой существовали и глубинные обстоятельства для солдатского и матросского протеста. Они заключались в неудовлетворительном материальном обеспечении солдат и матросов (питание, обмундирование), в тяжести службы на окраине страны, в притеснениях со стороны офицеров и начальников и т. д.

Как отнесся генерал-губернатор к вооруженному выступлению солдат и матросов? С большой долей вероятности можно утверждать, что профессиональный военный, государственный по своим убеждениям П.Ф. Унтербергер к подобным выступлениям относился негативно.

Несмотря на то, что Столыпин в телеграмме подчеркнул допустимость «исключительных мер без применения к виновным судебного порядка», состоялся ряд судебных процессов, продолжавшихся несколько недель.

Приамурский военно-окружной суд 18 ноября 1907 г. по делу о восстании минеров приговорил 20 человек к смертной казни. Поскольку при военном положении вся полнота власти во Владивостоке принадлежала коменданту крепости, он и утверждал судебные приговоры. Комендант крепости заменил четырем нижним чинам казнь бессрочной каторгой [36]. Остальные 16 нижних чинов минерного батальона по приговору были расстреляны недалеко от бухты Улисс [37]. 183 минера были приговорены к различным срокам каторги, к арестантским ротам, дисциплинарным взысканиям. Пять матросов были оправданы.

Приговор по делу второй большой группы участников вооруженного восстания во Владивостоке состоялся в конце ноября. Согласно ему 20 матросов были приговорены к смертной казни, сорок остальных к каторжным работам на разные сроки и в арестантские отделения [38].

Одновременно с судом над матросами состоялся суд над лейтенантами Екимовым и Оводовым, которые обвинялись в бездействии во время восстания. Они были приговорены к отдаче в арестантские отделения: Оводов на 3 года, а Екимов — на 1 год.

В декабре 1907 г. Приамурский военно-окружной суд привлек к ответственности 75 нижних чинов канонерской лодки «Манджур», из которых 53 были признаны виновными в восстании. Из них были приговорены: 5 — к расстрелу, 6 — к каторжным работам, 42 человека в арестантские отделения и дисциплинарный батальон [39].

Смерть и изломанные судьбы свыше 300 минеров, ма-

тросов и солдат — такова высокая цена, заплаченная за бессмысленное вооруженное выступление, которое было спровоцировано военной эсеровско-максималистской группой Владивостокской крепости.

Одновременно с бунтами и восстаниями солдат и матросов все области Приамурского края были охвачены волнениями и стачками рабочих. Как показало исследование Л.И. Галлямовой, в крае за два с половиной года в волнениях и стачках приняли участие почти 26 тысяч человек [40]. «Разнообразными стали формы борьбы рабочих, возросла их организованность, что выразилось в создании профсоюзов, стачкомов, различных депутатских групп (групп рабочих представителей), союзов и советов и даже появился свой печатный орган газета «Свободная речь» — орган мастеровых и рабочих Владивостокского порта» [41].

Покидая охваченную революционным движением Нижегородскую губернию, генерал Унтербергер совершенно не ожидал, что и в Приамурском крае его ожидают забастовки и стачки рабочих, вооруженные выступления солдат и матросов. Теперь он уже не шел на встречи с протестующими, как поступал раньше, а целиком полагался на силовые органы, которые не отличались особой искусностью в борьбе против «бунтовщиков».

Спустя годы, обращаясь к событиям 1905–1907 гг. на Дальнем Востоке, П.Ф. Унтербергер характеризовал их как смуту, которая вела к неурядице и распущенности в обществе и расшатывала государственные устои. Вместе с тем он употреблял и такие понятия, как «революция», «революционное движение» и перечислял их проявления — манифестации, митинги, открытый мятеж, военный бунт. Факторами, способствовавшими дестабилизации дальневосточного общества, Унтербергер считал такие последствия Русско-японской войны, как наличие в Приморской области нижних чинов, возвращавшихся из японского плена, и сахалинских ссыльных, эвакуированных японцами на материк. Генерал придавал большое значение тому факту, что «революционные пропагандисты», «всякие авантюристы»

и уголовные элементы имели свою базу в Японии в городе Нагасаки. По его словам, они «под знаменем политических эмигрантов» беспрепятственно и безнаказанно предавались своей преступной деятельности: фабриковались фальшивые русские деньги и паспорта, водворялись контрабандой в российские пределы боевое оружие, бомбы и подпольная литература, засылались сюда фанатики-террористы и агитаторы» [42]. Более того, действуя по принципу «враг моего врага — мой друг», японская олигархическая элита оказывала финансовую поддержку «русским повстанцам» и «экстремистски настроенным и преступным элементам».

Выборы в Государственную Думу. Новым явлением общественно-политической жизни Приамурского края, всей России стали выборы в Государственную Думу.

Известие о начале работы I Государственной Думы образованная часть приамурцев встретила с энтузиазмом. 27 апреля 1906 г. в Успенском соборе Хабаровска в присутствии главного начальника края П.Ф. Унтербергера состоялось торжественное молебствование. Отзвуком политической эйфории явилось утверждение в редакционной статье «Приамурских ведомостей» о том, что «... с этого момента весь русский народ призван для совместного с царем управления страной» [43]. Правда, при этом выражалось сожаление в связи с тем, что среди депутатов Думы отсутствовали «представители от обширной окраины великой России — Приамурья». Газета отмечала, что этот недочет будет поправлен, поскольку уже опубликован Высочайший указ Сената о выборах депутатов в Государственную Думу от Амурской и Приморской областей, а также от Якутии и войскового населения Амурского и Уссурийского казачьих войск.

В обществе спокойно отнеслись к тому, что его женская половина не была допущена к участию в выборах, хотя слабые голоса против такого положения стали раздаваться. Так, в Общественном собрании Хабаровска в начале 1906 г. состоялась лекция некоей госпожи Манаевой «О предоставлении избирательного права женщинам», которая прошла

при «почти пустом зале». Сообщая об этом в разделе хроники, газета «Приамурские ведомости» пренебрежительно комментировала: «Сама по себе лекция не представляла ничего, так как лекторша положительно не сообщила нового, повторив только «старые погудки на новый лад» [44].

Участвовать в выборах также не могли молодежь до 25 лет, студенты, военнослужащие, инородцы и др.

Но дело до выборов в крае так и не дошло, поскольку уже в июле 1906 г. I Дума была распущена, ибо «управление народа совместно с царем» так и не сложилось.

В формировании II Думы население Приамурского края также не участвовало. Очевидно, в столице решили не создавать себе лишних хлопот с выборами в отдаленном малонаселенном крае, не имевшем налаженной связи с центром. Кстати, «Приамурские ведомости» сообщали, что в январе 1906 г. Хабаровск получал корреспонденцию из европейской России только за сентябрь-октябрь 1905 г. Такое положение с доставкой почты продолжалось почти весь 1906 г.

Как известно, существование и II Государственной Думы оказалось кратковременным — в июне 1907 г. она была распущена. Впервые население Приамурского края участвовало в выборах лишь III Государственной Думы. В силу того, что на Дальнем Востоке отсутствовали помещики и крупные частные землевладельцы, на которых опиралось царское правительство, Приамурский край в III Государственной Думе, по сравнению с центральными областями, получил ограниченное представительство. В зале городской думы Хабаровска 25 октября 1907 г. под председательством статского советника В.В. Перфильева состоялись выборы депутата в Государственную Думу от Амурского и Уссурийского казачьих войск. Выборщикам, а их было всего 27 человек — 19 от амурских и 8 от уссурийских казаков, — предстояло выбрать одного депутата из трех кандидатов — Н.А. Манькова, А.М. Шестакова и Н.С. Кузнецова. Большинством голосов (16) депутатом III Государственной Думы был избран Николай Алексеевич Мань-

ков — казак Екатерино-Никольской станицы Амурской области, окончивший станичную школу, беспартийный.

Казаки вместе с избранным депутатом направили царю телеграмму, в которой писали, что «имеют счастье всеподданнейше повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества возлюбленного нашего Государя свои верно-подданные чувства и выражают уверенность, что избранный ими представитель будет верным выразителем в Государственной Думе не только местных нужд, но и заветов всего казачества, исконне грудью стоявшего за веру, царя-батюшку и дорогую родину» [45].

На следующий день председатель избирательного собрания представил депутата Государственной Думы Н.А. Манькова генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру. Они не только побеседовали, но на память вместе сфотографировались.

От Амурской области, от городского и сельского населения депутатом III Государственной Думы был избран Феофилакт Николаевич Чиликин. После окончания Петербургского лесного института он с 1902 г. работал в переселенческом управлении Амурской области. В местных газетах «Амурская жизнь» и «Амурская газета» он пропагандировал культурное заселение и землепользование на Дальнем Востоке. В 1903 г. активно участвовал в работе Съезда сведущих людей, проходившего в Хабаровске. В Думу был избран как беспартийный [46].

От городского и сельского населения Приморской области депутатом Государственной Думы был избран Андрей Иванович Шило. В 1893 г. в ходе переселенческой кампании он из Полтавской губернии оказался во Владивостоке, обосновался в с. Григорьевка. Сменил много занятий — рассыльного при телеграфной конторе, волостного писаря и т. д. Но основным своим занятием считал земледелие. В 1904–1905 гг. участвовал в организации крестьянского союза в Приморской области, в созыве и проведении крестьянского съезда. По этой причине в 1906 г. был даже арестован и просидел полтора месяца в камере предварительного

заклучения в Никольске-Уссурийском за участие в этом съезде. Считал себя «беспартийным левым» [47].

Таким образом, постепенно Приамурский край вовлекался в общероссийские социально-политические процессы, одним из которых стала избирательная кампания в III Государственную Думу. Избранные в крае депутаты представляли основные группы населения — горожан, крестьянство, казачество. Депутаты были сравнительно молоды — 30—40-летние люди, грамотные, и в разной степени образованные. Несмотря на свою малочисленность, депутаты старались отстаивать интересы дальневосточников в Думе. Как показали исследования О.А. Яковлевой, они активно работали в комиссиях и фракциях Государственной Думы, выступали с думской трибуны и достойно, с полной отдачей сил представляли интересы дальневосточного региона. Не их вина, что в силу малочисленности они не могли существенно влиять на ход рассмотрения того или иного вопроса в Государственной Думе.

Заселение края. В послевоенные, послереволюционные годы возникли не только новые проблемы, но и в старых, присущих краю проблемах появились новые масштабы, непривычные свойства и иные ракурсы. Даже в таком для местной власти наиважнейшем вопросе, как заселение края, возникли новые грани и трудности. Обострение дела переселения во многом было связано с тем, что преобразования председателя Совета министров П.А. Столыпина в аграрном секторе экономики России, направленные на разрушение общины, сняли существовавшие ранее ограничения с переселения в Сибирь и на Дальний Восток. Тысячи крестьян, страдавших от малоземелья и нищеты, буквально ринулись из неблагополучных районов за Урал в поисках лучшей доли, часто имея средства только на проезд семьи.

Наплыв переселенцев в Приморскую область в 1907 г. оказался полной неожиданностью для местной власти и для переселенческой организации. Уже в марте появились первые новоселы, а в июне число их перевалило за 23 тыс. человек.

Стремясь мобилизовать усилия администрации для приема неожиданно большого числа переселенцев, летом 1907 г. генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер провел во Владивостоке совещание под председательством областного губернатора для выработки мер по обеспечению устройства в области 60 тыс. переселенцев.

Совещание высказалось за обращение на нужды переселения на территории Уссурийского казачьего войска 180 тыс. десятин земли на восток от Уссурийской железной дороги в районе озера Ханка.

Было признано необходимым усилить состав местной землеотводческой партии для производства межевых работ на отведенных землях, ассигновав на это 41 тыс. рублей.

Кроме того было решено сверх сметы произвести следующие ассигнования: 50 тыс. руб. — на устройство дорог во вновь открываемых для переселенцев районах; 40 тыс. — на закупку лошадей и скота для продажи их переселенцам по приемлемым ценам; 10 тыс. — на устройство складов продовольствия и предметов первой необходимости в наиболее отдаленных переселенческих районах [48].

В течение лишь одного года на новых участках водворилось до 40 тысяч новоселов [49]. При отсутствии подготовленных земельных участков пришлось селить их на свободных землях Уссурийского казачьего войска. По характеристике губернатора В.Е. Флуга, «переселенческий люд» оказался почти сплошь неимущим, «в хозяйственном отношении беспомощным, в физическом — слабым, в нравственном — нередко испорченным участием на родине в аграрных беспорядках». Вывод был сделан однозначный: «такие переселенцы мало пригодны для колонизации края».

Новоселы оказались на Дальнем Востоке в тяжелейших условиях. Имея скудные средства, они не смогли до наступления холодов сделать необходимые приобретения для жизни на новом месте. Некоторые из них прибыли слишком поздно и не успели мало-мальски устроить свой быт, остались без крыши над головой. Сказалось и незнание местных условий, неумение крестьян быстро приспособиться к

ним. Не устроившись к зиме, многие переселенцы к концу года терпели нужду, последствием чего было значительное число заболевших с большой долей смертности, особенно среди детей. В относительно лучшем положении оказались те переселенцы, которые поселились в селах. Выдаваемые переселенческой организацией денежные ссуды в размере от 150 до 200 рублей не могли неимущую переселенческую семью поставить на ноги. По крайней мере эта сумма, по мнению военного губернатора, должна быть увеличена в полтора-два раза.

Переселенческая кампания 1907 г. была воспринята в Приморье исключительно как средство улучшения аграрных условий в европейской России, когда интересы заселения Дальнего Востока, а тем более переселенцев, были проигнорированы. В своем отчете В.Е. Флуг выразил глубокое убеждение в том, что переселенческое дело может быть плодотворным для русского дела на Дальнем Востоке только в том случае, если «оно будет преследовать свои самостоятельные цели» [45], т. е. заселение края энергичными и деятельными крестьянами, способными адаптироваться к местным условиям, не требуя постоянных попечений администрации.

На правительственном уровне переселенческим делом тогда занималось на правах министерства ведомство землеустройства и земледелия. Главное управление его имело на местах переселенческие организации, непосредственно ему подчинявшиеся, располагавшие средствами и возможностями организации переселения. Такие переселенческие организации действовали в Приморской и Амурской областях. Конечно, они взаимодействовали и с областными губернаторами, и с главным начальником края, но не подчинялись им. У губернаторов края отсутствовали собственные структуры, которые занимались бы переселением. В связи с этим П.Ф. Унтербергер считал, что местной администрации должна быть дана возможность более близкого, чем в настоящее время, участия в переселенческом деле путем предоставления в ее распоряжение соответственного личного состава [51].

Серьезные дефекты в переселенческой кампании 1907 г. побудили центральное ведомство землеустройства и земледелия обратить внимание на рациональную постановку переселенческого дела. Особое значение в этом деле сыграли командировка на Дальний Восток заместителя Главного управляющего землеустройством и земледелием сенатора Б.Е. Иваницкого и состоявшееся 1908 г. в Хабаровске совещание.

Участником совещания являлся входивший в группу Иваницкого А.А. Татищев. Он вспоминал: «Унтербергер повел заседание с большой методичностью и давал всем возможность подробно высказаться по каждому вопросу» [52]. Чтобы не прерывать обычного течения административной жизни края, совещание собиралось пленарно в полном составе (30 и более чел.) три или четыре раза в неделю, с 2 до 6 часов дня. Совещание работало почти месяц. Его конструктивные предложения способствовали значительному улучшению переселенческого дела.

Результатом этой работы стало предложение объединить руководство всеми отраслями колонизационного дела в Приамурском крае в особом центральном органе. В конце 1909 г. состоялось высочайшее повеление об образовании Комитета по заселению Дальнего Востока. «В стремлении придать делу больший удельный вес» [53] решили просить возглавить комитет П.А. Столыпина, а его заместителем назначить А.В. Кривошеина. Так оно и случилось. В состав организации введены были также министры. Комитет по заселению Дальнего Востока России во главе с П.А. Столыпиным стал авторитетным органом, координировавшим и квалифицированно решавшим весьма усложнившиеся к этому времени задачи колонизации дальневосточной окраины.

Благодаря организации особых экспедиций для исследования новых колонизационных районов, были расширены землеотводческие работы. Обращено большое внимание на практическую материальную помощь переселенцам, для чего была улучшена система выдачи ссуд, ссудные кредиты выдавались своевременно и в достаточном количестве, от-

крылись учреждения мелкого кредита, расширена деятельность продовольственных и сельскохозяйственных складов для переселенцев.

Положительно, что переселенческое ведомство стало участвовать в удовлетворении религиозных и нравственных нужд новоселов, выдавая пособия и ссуды на постройку церквей и школ. В Приморской области были открыты переселенческое психиатрическое отделение и приют для сирот переселенцев. К новоселам повернулась общеземская организация, которая стала оказывать переселенцам врачебную и продовольственную помощь.

С 1908 по 1910 годы в Приамурский край прибыло 106 367 переселенцев [54]. Никогда российский Дальний Восток не принимал такого огромного количества новоселов.

Ежегодные расходы казны по переселенческим организациям Дальнего Востока с 1906 по 1910 г. выросли с 736,9 тыс. руб. до 4,9 млн. руб., т. е. в 6,6 раза [55]. За всю историю колонизации дальневосточной окраины государство не выделяло столь значительных средств на переселенческое дело.

В связи с тем, что в крае во многом был исчерпан фонд свободных земель для переселенцев, под руководством П.Ф. Унтербергера было проведено серьезное изучение возможности использования свободных земель, находившихся в распоряжении казачьих войск. Было произведено статистически-экономическое обследование крестьянских и казачьих селений с целью решения вопроса о сравнительных преимуществах крестьянской и казачьей колонизации. Для производства съемки казачьих территорий были выработаны предложения. Составлены правила о переселении на войсковые земли лиц, желавших зачислиться в эти войска. На основании результатов обследований постановлением Комитета по заселению Дальнего Востока, утвержденном императором, был решен вопрос в пользу крестьянской колонизации, для которой должны быть предоставлены все свободные земли так называемого отвода генерала Духовского.

Для окончательного отграничения территории Амурского и Уссурийского казачьих войск под руководством Унтербергера был разработан проект новых правил о разграничении земли, который предназначался для предоставления правительству. В нем предлагалось сразу же приступить к установлению территории войск как юридических единиц с последующим затем установлением самими войсками границ землепользования поселков и станиц. При этом важно было соблюсти единую территорию казачьего владения с сохранением ближайшей к границе полосы за войсками. При окончательном землеустройстве Амурского и Уссурийского казачьих войск П.Ф. Унтербергер считал необходимым помнить их бесспорные исторические заслуги.

Конечно, изъятие свободных земель у казачьих войск серьезно ущемляло экономические интересы казачества, но в данном случае интересы края в заселении территории были приоритетными.

По недостатку путей сообщения и заболоченности территории переселенцы избегали некоторые районы, которые вполне могли бы быть привлекательными для них. Неотложные меры заключались в развитии дорожного строительства, в организации агрономической помощи переселенцам, в улучшении врачебной и продовольственной помощи новоселам.

В послевоенные годы в сельском хозяйстве Приамурья стали происходить серьезные перемены, свидетельствовавшие о переходе к качественно новому этапу развития. Среди сельского населения заметное распространение получила сельскохозяйственная техника — веялки, молотилки, жатвенные машины, что указывало на стремление крестьян перейти от ручного к машинному способу труда. В эти годы закладывались основы для того, чтобы по применению сельскохозяйственной техники Амурская область вышла на одно из первых мест в России [56].

Такие особенности аграрных отношений в регионе, как отсутствие классических форм крепостничества и жесткой внутриобщинной уравниловки, обусловили относитель-

но высокую степень экономической самостоятельности крестьян Приамурья. Богатая природная среда позволила энергичным трудолюбивым крестьянам в довольно короткий срок создать достаточно крепкие хозяйства. Число их с каждым годом росло не только за счет старожильческих, но и новых хозяйств. Значительные достижения крестьян в сфере земледелия выразились в быстром росте посевных площадей и увеличении урожайности. Так, средняя урожайность зерновых культур в крестьянских хозяйствах Амурской области была в 1,5 раза выше, чем в целом по стране. В 1910 г. средняя урожайность десятины составляла в «самах» 7,2. В центральной России урожай — «сам» определялся в 5,1 [57]. В Приморье возрос посев озимой пшеницы, которую раньше крестьяне считали невозможной возделывать по причине малоснежных зим. Заметен стал интерес в сельской местности к садоводству, к птицеводству, продукция которых находила сбыт у быстро увеличивавшегося городского населения.

Благоприятные климатические условия, обилие кормовых трав и достаточные площади для выгонов способствовали развитию в южной части края скотоводства. Стало очевидным стремление крестьян воспользоваться существовавшим льготным железнодорожным тарифом для перевозки племенного скота и лошадей, которых они выписывали из Западной Сибири и европейской России.

Таким образом, после пережитого в годы Русско-японской войны упадка, приморские и амурские деревни быстро ожили и стали набирать сравнительно высокие темпы развития. Старожильческие хозяйства были наглядной агитацией и прекрасным примером для тысяч новоселов из центральных областей России, искавших свою лучшую долю на дальневосточной окраине. Предпринятые генерал-губернатором своевременные организационные меры по приему переселенцев и обустройству их жизни в Приамурье в конечном счете стабилизировали обстановку в крае и позволили начать освоение новых территорий. Это тем более являлось остро необходимым, что они могли стать предме-

том хищнической эксплуатации со стороны мигрантов из соседних стран, численность которых в крае возрастала с каждым годом.

Азиатские мигранты. Поток российских переселенцев-славян с запада России пересекался на территории Приамурского края с другим потоком — мигрантами-азиатами из соседних стран — Дайцинской империи, Кореи и Японии. Представители этих разных по цивилизационной сущности людских потоков на приамурской земле вступали в многообразные отношения: кратковременные и продолжительные, открытые и латентные, прямые и опосредованные, дружеские и враждебные, выгодные и невыгодные. Нельзя не согласиться с мнением Л.И. Галлямовой, утверждающей, что значительный приток на российский Дальний Восток подданных азиатских стран оказал большое влияние на социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь Владивостока [58], а также и других дальневосточных городов — Хабаровска, Благовещенска, Никольска-Уссурийского, Николаевска. Рабочие из Дайцинского государства компенсировали острейшую нехватку рабочих рук на стройках и приисках края. Его торговцы со своими дешевыми, но необходимыми товарами добирались до самых глухих приамурских сел. Корейцы, как правило, оседавшие на земле, учили русских переселенцев умению вести земледелие в условиях муссонного климата. У японцев дальневосточники учились перерабатывать рыбу. Вместе с тем отсутствие внятного российского законодательства, слабость местной власти, отсутствие пограничной стражи, незначительность судебно-полицейских надзорных сил во многом стимулировали проявление негативных сторон присутствия азиатских мигрантов.

Падение престижа России в тихоокеанском регионе из-за поражения в Русско-японской войне привело к нарушению относительного баланса позитивных и негативных факторов присутствия азиатских мигрантов в крае в сторону негативных. Это приобретало опасный характер для дальневосточной окраины и интересов России в целом.

На 1907–1910 гг. выпал масштабный наплыв в край азиатских иммигрантов. Импульсом для него явилось окончание Русско-японской войны. При этом иммиграция из каждой азиатской страны имела свои нюансы. Еще до войны в Маньчжурии существовали большие группы людей, которые систематически промышляли на российской территории — торговали, сезонно работали, занимались контрабандой и т. д. После войны в Северной Маньчжурии возникла огромная армия безработных и нищих, беспроblemно переходивших государственную границу в поисках средств к существованию. И, как правило, в Приамурском крае они их находили.

С того времени, когда в 70-е годы XIX в. подполковник Унтербергер нанимал иноземных рабочих для строительства в Хабаровке, проблема претерпела историческую инверсию. Стихийный сезонный наплыв из Маньчжурии в богатейшую Уссурийскую тайгу до 50–60 тыс. охотников и разного рода добытчиков (браконьеров) наносил существенный урон Приамурскому краю.

Значительное увеличение корейцев, перешедших на российскую территорию, во многом было связано с японской аннексией Кореи и целенаправленным «выдавливанием» корейцев на российскую территорию. По сведениям П.Ф. Унтербергера, в Корее существовало японское общество для содействия переселению корейцев в Южно-Уссурийский край. С этой целью японское правительство установило бесплатную выдачу паспортов корейским подданным, направлявшимся в Приморскую область [59].

По сравнению с китайцами и корейцами численность японцев на русском Дальнем Востоке была незначительной. В 1906–1908 гг. на юге Приморской области она достигла 2,3–2,8 тыс. человек [60]. Однако, получив большие возможности в ведении рыбной ловли, японцы в период рыбного сезона буквально наводняли тихоокеанское побережье, проникали в северные, наиболее уязвимые для иностранного проникновения районы.

В целом постоянным явлением края являлась нелегаль-

ная иммиграция и совершенно бесконтрольное ее существование.

У П.Ф. Унтербергера наиболее серьезные опасения вызывал «все увеличивавшийся наплыв» в край корейцев. По собранным в 1907 г. сведениям специально для этого командированным чиновником, в Уссурийском крае находилось свыше 25 тыс. корейцев [61]. Сыны несчастной Страны утренней свежести массами покидали свое отечество, гонимые нуждой, недостатком земли, внутренней неурядицей и жестокостью японцев, оккупировавших Корею. Они беспрепятственно переходили через небольшой участок российско-корейской границы и оказывались на территории Приморской области. Здесь пришельцы находили сравнительно легкие условия для жизни и родную среду соотечественников, проживавших в области издавна и отчасти находившихся в русском подданстве. Малотребовательных и трудолюбивых корейцев охотно принимали русские засельщики, видя в них удобную и дешевую рабочую силу. Крестьяне, арендаторы казенных земель, церковные причты, чины лесного ведомства, одним словом, все лица, связанные с землей, сдавали корейцам в аренду свои земли. Пользуясь пустынностью некоторых районов, отсутствием должного надзора со стороны полиции и лесной стражи, корейцы самовольно оседали на пустопорожней государственной земле.

«Огромная опасность» корейцев Унтербергеру виделась по двум причинам. Во-первых, корейцы даже при условии перехода их в русское подданство и принятия православия не ассимилировались с русским населением, оставаясь во многом чуждым социальным организмом среди местного населения. Кстати, этим же свойством обладали все азиатские мигранты. В случае войны на Дальнем Востоке значительная численность корейцев будет «нежелательным» и чрезвычайно вредным элементом, считал генерал. Во-вторых, отдача земель в аренду корейцам «развращает наше сельское население, которое отвыкает от самостоятельного крестьянского труда и предается безделью и пьянству»

[62]. Сделанный генерал-губернатором акцент на особой опасности для края корейского населения возможно объяснялся тем, что вред, который сезонники из Маньчжурии наносили крестьянству, аборигенному населению, дальневосточной природе, в это время еще не приобрел масштабность и в полной мере не обозначился.

Чтобы избежать контроль и 10-рублевый паспортный сбор, масса китайцев проникала в Приморскую область на шаландах, сходила на русский берег где-нибудь недалеко от Владивостока и пробиралась в город пешком. Сухопутную же границу они переходили еще легче и свободнее, так как ни людей, ни средств установить соответствующие дозоры на границе в крае не было. Китайцу, не имевшему ни паспорта, ни денег, на помощь приходили организованные китайские артели, которых «у китайцев было так много, как ни у одного народа в мире» [63]. Там вновь прибывшего китайца снабжали паспортом, стоимость которого высчитывали из его заработка. Уезжая на родину, китаец оставлял паспорт в артели, чтобы им мог воспользоваться другой иммигрант. Генерал-губернатор инициировал проведение нескольких совещаний в крае и столице, посвященных выработке мер по сокращению потока в край мигрантов из сопредельных стран и установлению эффективного надзора за их пребыванием на территории генерал-губернаторства. Под руководством П.Ф. Унтербергера был выработан целый пакет предложений, представленный в правительство.

Было внесено предложение о выработке закона, регулирующего пропуск в край иностранных чернорабочих и воспреещающего иностранцам пребывание в Камчатской области. Предлагалось воспретить найм чернорабочих из иностранцев на работы, производящиеся за счет и по распоряжениям казны, постепенно, но последовательно и решительно произвести и на частных предприятиях замену труда «желтых» рабочих русскими.

Часть предложений касалась ограничений для китайцев и корейцев в области земельных отношений, как то воспреещение сдачи в аренду иностранным подданным част-

новладельческих земель, а также участков из состава крестьянских и казачьих наделов. Особо оговаривалось, что сдача казенных земель в аренду для сельскохозяйственного пользования допускается лишь русским подданным, при том без права пользования при эксплуатации участков иностранцами и работниками.

Речь шла и о пограничных проблемах. Предлагалось изменить дислокацию войск в крае в целях привлечения воинских частей к охране пограничной линии, а также уменьшить корейское население в пограничных районах путем поощрения переселения корейцев — российских подданных в более отдаленные места.

Выработанный в 1908 г. генерал-губернаторской властью проект правил, которыми предусматривались известные ограничения для прибывавших в край азиатов и с учреждением для надзора за ними особой организации, в столице был отклонен. Лишь в 1910 г. был запрещен найм чернорабочих из иностранцев на работы, производившиеся казной.

С горечью генерал-губернатор вынужден был констатировать, что ввиду отсутствия необходимых средств и сил надзора вопрос о контроле за мигрантами остался в крае, как и прежде, в неудовлетворительном положении, несмотря на большие усилия местных властей.

Хунхузы. Настоящим бедствием для крестьян и казаков приграничных сел в послевоенные годы стали бандитские нападения хунхузов. На рубеже XIX—XX веков хунхузами (хунхуз — «краснобородый») называли вооруженных китайских бандитов, промышлявших в Маньчжурии, а также в приграничных районах российского Дальнего Востока. Историки обнаружили корни такого исторического явления, как хунхузничество, в глубинах китайской истории, прораставшие на почве стихийного протеста низших слоев населения против национального и социального гнета маньчжурских завоевателей [64].

В Маньчжурии хунхузы появились в период ее заселения китайцами и окончательно исчезли лишь в конце 40-х

годов XX в. В Амурской и Приморской областях отдельные хунхузские шайки были зафиксированы в конце 60-х годов XIX в. После Русско-японской войны нападения банд хунхузов на русские поселения стали приобретать систематический характер и отличались особой дерзостью и жестокостью. Уголовная хроника Приамурья была полна сообщениями о вымогательствах, грабежах, разбойных нападениях, зверских убийствах, совершаемых хунхузскими шайками. В январе 1910 г. на костре были сожжены двое крестьян Никольско-Уссурийского уезда, захваченные хунхузами во время охоты. В окрестностях Хабаровска китайскими бандитами была вырезана семья крестьянина, состоявшая из трех взрослых. В Амурской области жертвами хунхузов стали четыре местных жителя. Особо бесчинствовали хунхузы в районе золотодобычи в Амурской области. Известен факт убийства ими в Зейском горном округе золотопромышленника Мальцева. В результате нападения на прииск Мурзина зверски были убиты брат владельца прииска студент Казанского университета, 8-летний сын владельца — всего пять душ. Целый ряд хунхузских нападений в приисковых таежных районах побудил местных золотопромышленников ходатайствовать о посылке в эти районы за их счет воинских отрядов в целях успокоения приискового населения, но в этом им было отказано.

Не встречая деятельного отпора, хунхузы настолько стали дерзкими, что начали нападать на целые селения и крупные населенные пункты, производя их обстрел, грабили жителей, собирали дань, иногда брали заложников. Так, в Приморской области было совершено несколько нападений на села. Банда хунхузов численностью в 500 человек напала на большое торговое село Владимиро-Александровское. Ранив несколько человек, ограбив торговые лавки, хунхузы увели пять заложников из числа проживавших в селе китайских торговцев.

Если прежде жертвами их преступлений являлись исключительно мирные китайские подданные, проживавшие в крае, и это зло было мало ощутимо для русского населе-

ния, то теперь деятельность хунхузов была направлена не в меньшей степени против личной и имущественной безопасности и русских людей.

Дальневосточные депутаты III Государственной Думы Н.А. Маньков и Ф.Н. Чиликин, которых поддержали еще 28 депутатов, в июне 1910 г. внесли в Государственную Думу заявление и одновременно направили обращение к министру внутренних дел «по поводу непринятия со стороны местных властей Приамурского края надлежащих мер к защите населения от нападения хунхузов» [65].

В этом довольно объемном документе констатировалось, что за последнее время в Приморской и Амурской областях, пограничных с Маньчжурией, с «возрастающей дерзостью проявляется деятельность хунхузов (китайских разбойников)». Приведя многочисленные факты жестоких преступлений хунхузов, депутаты сделали важный вывод об угнетающем воздействии хунхузнических нападений на местное сельское население, в особенности на новых засельщиков, и подвергли критике «высшую административную власть в крае». По их мнению, она «не проявляла сколько-нибудь заметной деятельности для защиты населения от нападений хунхузов» [66]. В качестве подтверждения приводился факт, когда у казака станицы Гродековской хунхузами был похищен и зверски убит 9-летний сын. Напуганное население через Уссурийское правление обратилось к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой о расквартировании в станицах двух казачьих полусотен. В ответной телеграмме, текст которой был приведен в депутатском заявлении, генерал отказал им в этом. В телеграмме говорилось: «Охрану местного казачьего населения строевыми частями признаю противоречащей духу казачества. При наличии... многочисленных шаек хунхузов борьба с ними в некотором отношении даже полезна для здешних молодых казачьих войск, ибо это создает естественные условия, близкие к тем, в коих крепло и развивалось древнее русское казачество, и придает жизни войск некоторый боевой оттенок, несомненно повышающий их боевые качества, в

чем особенно нуждается Уссурийское войско, наполовину составленное из пришлых крестьян». Этот жесткий ответ, отказ от помощи, без выражения сочувствия страдавшему отцу, возмутил уссурийцев. В думском заявлении сделан скоропалительный вывод: «представитель высшей административной власти в крае отдает, таким образом, под удары хунхузских преступлений не только казачье, но и крестьянское и даже приисковое население» [67].

В подтверждение этого думцы привели «неудачную и нецелесообразную меру переселения с золотых приисков корейцев-рабочих и даже корейцев-огородников, произведенное распоряжением генерал-губернатора в 1909 г. Место мирных, никогда не угрожавших корейцев заняли китайцы, связанные с разбойничьими шайками.

Ввиду существования в крае военного положения, по которому были ограничены приобретение и хранение огнестрельного оружия, возможности самообороны населения стали во многом невозможными. Думцы обратились к министру внутренних дел в соответствии со ст. 40 Учр. Гос. Думы за разъяснением следующих вопросов:

Известно ли господину министру об опасности хунхузов в Приамурском крае и непринятии местными властями соответствующих мер для защиты населения от их разбойничества?

Какие меры предполагает принять господин министр для обеспечения личной и имущественной безопасности населения в Приамурье от хунхузских нападений? [68]

Впервые в истории существования генерал-губернаторской власти на Дальнем Востоке главный начальник края был подвергнут критике, исходившей не от какого-либо частного лица, как было раньше, а от представителей государственного органа, облаченного властными полномочиями. Архивные документы свидетельствуют, что власть в лице военных губернаторов и генерал-губернатора принимала меры против хунхузов, однако они оказались не адекватными возросшей опасности, так как хунхузничество в послевоенные годы приобрело крупные масштабы и новое

содержание. Хунхузнические шайки пополнились бывшими солдатами, обеспеченными оружием, оставшимся после военных действий в Маньчжурии, их действия стали приобретать характер «нападений неприятельских отрядов». Изменения хунхузничества были связаны и с возросшим наплывом в российские пределы азиатов.

Обращение депутатов к министру внутренних дел инициировало созыв специального совещания для выработки мер по борьбе с хунхузами в крае. Оно было созвано в июле 1910 г. в соответствии с предписанием генерал-губернатора под председательством генерал-майора Свечина. Участниками совещания были начальник Приамурского таможенного округа, начальник штаба Владивостокской крепости, председатель Войского правления Уссурийского казачьего войска, штаб-офицеры Генерального штаба для поручений при штабе 1-го Сибирского армейского корпуса и др.

Признав неэффективность sporadических действий незначительных войсковых сил для преследования хунхузов после совершения ими убийств, грабежей и нападений, совещание пришло к единогласному решению «прибегнуть к новому способу последовательной борьбы с хунхузами, ведя ее энергично и планомерно, с участием значительного количества войск и не останавливаясь перед решительными мерами» [69]. При этом был разработан общий план этой борьбы. Решено было территорию Южно-Уссурийского края разбить на пять районов, в каждый из которых назначить войсковую часть — всего 27 команд по 50 человек. На военных возлагалась обязанность в случае обнаружения вооруженных шайк и отдельных лиц действовать энергично, уничтожать находившиеся в тайге ханшинские заводы, а также фанзы, шалаши, задерживать для выдворения бродячих китайцев-звероловов, сборщиков корней женышени и т. д.

Совещание пришло к единогласному выводу о необходимости назначать ежегодные облавы впредь до полного искоренения хунхузов с 1 октября по 1 ноября и с 15 марта по 15 апреля. Оно высказалось о желательности в каждом гарнизоне иметь в полной готовности войсковую

часть, которая по первому требованию могла бы выступить для преследования хунхузов. На совещании было заявлено, что казацкие поселения могут обходиться своими силами в борьбе против хунхузов, кроме исключительных случаев и в страдную пору полевых работ.

Охрану прибрежной полосы решено было поручить разведческим командам, поскольку там отсутствовала пограничная стража.

Участники совещания подчеркнули неординарный, чрезвычайный характер борьбы против хунхузов и невозможность применять в полной мере существующие законоположения, а так же следственное и судебное делопроизводства. В свете этих рекомендаций под председательством военного губернатора Приморья во Владивостоке прошло совещание по вопросу об «очищении Южно-Уссурийского края от хунхузов» [70].

В июне 1910 г. Унтербергер распорядился, чтобы военный губернатор Приморья дал указание уездным начальникам Южно-Уссурийского края для предупреждения нападений и при поимке хунхузов непосредственно обращаться за содействием к войскам [71].

Проникнувшись серьезным характером хунхузической опасности для населения, министерство внутренних дел ассигновало на борьбу с хунхузами в виде авансов начальникам уездов Приморской области — Ольгинского, Иманского и Никольска-Уссурийского — 17 605 рублей [72]. В связи с этим, отдавая приказ коменданту крепости и командиру корпуса об организации военной экспедиции против хунхузов, генерал Унтербергер приказал «принять строжайшие меры к недопущению при облавах разграбления имущества» пришедших азиатов [73].

В письме П.А. Столыпину генерал напомнил, что совещание признало необходимым командировать с 1 октября по 1 ноября и с 15 марта по 15 апреля военные команды с особыми полномочиями по розыску и задержанию хунхузов и уничтожению их притонов. Ссылаясь на мнение служащих, с которыми он беседовал во время последней

поездки по краю, генерал писал, что эта мера может быть временной и неспособной прекратить наглость и дерзость хунхузов. «Правильная защита населения от нападений хунхузов, — считал он, — возможна лишь путем организации в гористых местностях Приморской области постоянных военных постов» [74]. Унтербергер просил Столыпина сообщить его мнение о целесообразности, а равно и возможности осуществления подобной меры. Скорее всего, она не была принята правительством, т. к. требовала дополнительный военный контингент, а главное — значительных финансовых затрат. В отношении дальневосточной окраины правительство чаще всего удовлетворялось частичными, паллиативными мерами.

Масштабы разбойных действий хунхузских банд, естественно, вызвали сильное беспокойство и у китайских предпринимателей, представителей китайских торговых фирм Тун-шинхын, Тун-фумо, Тун-чинфу, находившихся в Приморской области. Они обратились к военному губернатору и генерал-губернатору с особым заявлением, в котором констатировали, что это общественное несчастье затрагивает и их, проживающих около 20 лет в крае. «Бичом для мирного населения, — писали они, — русского, корейского и китайского есть посягательства на чужую собственность, а при сопротивлении и на жизнь, учиняемое отбросами общества, выходящими с нашей родины, кои, не желая затрачивать физического труда,... стараются ... быстро обеспечить себя материально», не брезгуя никакими средствами [75]. Подданные Дайцинской империи считали, что борьба с этим злом малоэффективна, поскольку «администрация, призванная на борьбу с хунхузами, вся окружена сообщниками преступной организации не только во Владивостоке, но и во всех важных... пунктах, включительно до Хабаровска» [76]. Администрация края знает предводителя Тянь, говорилось в письме, но это не фамилия, так именовалась банда, в составе которой насчитывалось свыше 400 человек, из которых под ружьем, т.е. непосредственных исполнителей, насчитывалось не более 120 человек, разбитых на

отряды в 5–10, 15–20 человек и в редких случаях для нападений до 40 человек. Остальные члены банды представляли собой праздношатающихся, прилично одетых китайцев или состоявших на службе в прислугах, поварах, лакеях и т. д. В письме перечислялись категории лиц, у которых они служили. Это господа становые-полицейские, приставы, следователи, прокуроры, офицеры — начальники отдельных частей войск, охранных полицейских отделений, начальники железнодорожных станций. Вся эта обслуга, утверждали авторы письма, владела русским разговорным языком, продолжительное время усердно и безупречно трудилась и пользовалась безусловным покровительством своих русских хозяев, которые зачастую являлись и невольным источником важной информации для банды. Было приведено несколько фактов корыстного использования китайцами покровительства своих хозяев. Представители китайских фирм в письме делали неожиданный вывод: «уничтожение прислуги из китайцев у представителей власти» приведет «само по себе» к падению организации, и «хунхузы, не имея центральной поддержки, сами по себе уничтожатся» [77]. При этом они считали, что признание долголетней службы лакея, прислуги и т. д. не может служить подтверждением их честности, а административная высылка в Маньчжурию провинившихся китайцев, к которой прибегала местная власть, являлась лишь «прогулкой за казенный счет», поскольку высланные в тот же день возвращаются обратно за свой счет. Китайские предприниматели раскрыли неожиданную сторону хунхузнического внедрения в русское общество. Конечно, их рассуждения о полном пресечении хунхузничества являлись наивными и поверхностными. Однако использование хунхузами высокого русского покровительства, проявлений добродушия и беспечности должностных чинов, имевших китайскую прислугу, свидетельствовали о потере бдительности и нарушении должностных обязанностей части чиновничье-бюрократического аппарата. И в этом направлении краевая администрация могла многое сделать.

Борьба против хунхузов в Приамурье шла с переменным успехом, то затихая, то разгораясь с новой силой. Было очевидно, что пока русско-китайская граница не имеет регулярной пограничной охраны, пока переход через нее осуществляется без каких-либо препятствий, наплыв китайцев на российскую территорию будет продолжаться. Будут продолжаться и бандитские нападения хунхузов на русские поселения.

Страсти вокруг порто-франко. Промышленность, промыслы. Намерение правительства восстановить таможенную службу в Приамурском крае, которая была отменена в связи с Русско-японской войной, вызвало небывалое возбуждение общественности и в дальневосточном крае, и в столице. При этом Приамурье и Петербург придерживались диаметрально противоположных позиций. Инициировали открытые обсуждения проблемы владивостокцы. Осенью 1906 г. предприниматели и общественные деятели Березовский, Бубнов, Лукин и Марголис подали записку председателю Совета министров о сохранении порто-франко в Приамурском крае. В ответ на нее П.А. Столыпин написал, что считает вопрос о порто-франко важным государственным вопросом, для решения которого необходимо предварительное его разъяснение. Он решительно высказался за предложение владивостокцев о созыве местного совещания для всестороннего выяснения вопроса. Получив такой ответ, владивостокцы телеграммами известили городские администрации края о проведении совещания [78]. В дополнение к мотивированному соображению о необходимости созыва предварительного местного совещания для тщательного выяснения вопроса о сохранении порто-франко в Приамурье главный начальник края 4 октября 1906 г. обратился к министрам торговли и финансов с просьбой отложить решение вопроса до местного совещания.

Состоявшееся местное совещание категорически высказалось против отмены порто-франко. Такое энергичное сопротивление приамурцев, неожиданное для правительства, вынудили его притормозить с отменой свободной тор-

говли в Приамурском крае и предоставить возможность для широкого обсуждения этого важного для края вопроса.

В Хабаровске во главе обсуждений стоял городской голова И.И. Еремеев, который с 1906 по 1913 г. успешно руководил жизнью краевого центра. Через газету «Приамурские ведомости» он предложил обсудить следующие вопросы: насколько порто-франко тормозит развитие местной промышленности, какие именно производства могли бы развиваться в крае с закрытием порто-франко и насколько это удовлетворяло бы потребность местного населения? Он предлагал сравнить цены на заграничные предметы потребления с ценами на аналогичные товары российского производства и др. вопросы. В Общественном собрании города состоялось семь совещаний по поводу политики порто-франко. На страницах газет общественные деятели и предприниматели высказывали свое мнение о свободной торговле в крае. А. Плюснин в «Приамурских ведомостях» высказался категорично: необходимо сохранить порто-франко, не вводить таможенного покровительства.

В июне 1907 г. в Общественном собрании И.И. Еремеев выступил с большим докладом, подготовленным на основе письменных отзывов и сообщений, сделанных в течение полугода на общих собраниях жителей города Хабаровска. Собрание пришло к всеобщему заключению о необходимости сохранения еще на несколько лет порто-франко, чтобы удешевить жизнь и тем самым сделать возможным интенсивное заселение края. Решено было представить правительству обоснованный доклад о невозможности сразу отменить порто-франко, необходимое для нормальной жизни края, роста его промышленности и укрепления русской гражданственности на почве постепенного ограждения ее интересов от влияния иностранной конкуренции [79].

Преобладающая часть местных общественных учреждений, деятелей и коммерсантов высказалась за сохранение в крае свободной торговли, видя в этом залог скорейшего заселения края русскими людьми, развитие местной торговли и промышленности и установление прочной связи их

с главными торгово-промышленными центрами России. У противников были свои аргументы, которые сводились к тому, что отмена порто-франко положительно отразится на развитии торговли и экономики края.

Проблема порто-франко вышла за границы Приамурского края и приобрела всероссийское значение. Она обсуждалась и неоднократно на самом высоком уровне — в Совете министров, Государственной Думе. Сильный аргумент в пользу отмены порто-франко был приведен в особом журнале Совета министров от 21 ноября 1906 г. и 3 января 1907 г. «По вопросу о восстановлении таможенного обложения ввозимых в пределы Приамурского края товаров». «Необходимо, — говорилось в нем, — чтобы Приамурский край жил единой жизнью с империей, чтобы, так сказать, восстановить его общее с коренной Россией экономическое кровообращение, дабы по всему пространству империи мог быть установлен свободный товарообмен, мыслимый лишь при отмене порто-франко, так как при сохранении его, очевидно, пришлось бы отделить Приамурский край таможенной чертой от остальных частей империи» [80]. Ради установления единого «экономического кровообращения», включения экономики Приамурского края в общероссийскую экономическую систему в правительстве было задумано восстановление таможенной политики в дальневосточном крае.

Проходивший летом 1908 г. в Петербурге Совет съездов представителей промышленности и торговли подготовил специальную записку в Государственную Думу о закрытии порто-франко в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области. Совет высказался также за отмену беспошлинной торговли в 50-верстной полосе с Китаем. В целом все предложения Совета были положительно встречены в правительственных кругах и Государственной Думе. Дискуссия о судьбе порто-франко в Приамурском крае в 1907–1909 гг. является уникальным явлением в начале XX века, когда государственная политика получила общественный резонанс и была подвергнута широкому обсуждению в столице и на окраине.

Во всеподданнейшем отчете за 1906—1907 гг. на имя императора генерал-губернатор края П.Ф. Унтербергер вопросу о порто-франко посвятил целый раздел. В нем он подробно изложил свои соображения и сомнения по поводу намеченной отмены в крае свободной торговли. Подчеркнув, что большинство товаров, как российских, так и иностранных, поступает в край морем через Владивосток и Николаевск, Унтербергер обратил внимание на устройство и оборудование этих портов, которые находились в весьма неудовлетворительном состоянии. В условиях таможенного обложения, считал главный начальник, реально возникновение задержки судов, усиление таможенной волокиты, что заставит иностранные суда избегать наши порты, приведет к задержке российских судов, а все это может отразиться на повышении цен на товары, в целом пагубно скажется на потребителе.

Что же касается протяженной сухопутной границы с Маньчжурией, то ее «надежная защита... встречает почти непреодолимые препятствия» [81], утверждал генерал-губернатор. Они были связаны и со сложностью природного рельефа (тайга, реки), и с беспощадной торговлей китайцев в 50-верстной пограничной полосе, существовавшей по русско-китайским договорам. Эти обстоятельства создали благоприятные условия для распространения контрабандных товаров, в первую очередь дешевого маньчжурского спирта. Несмотря на то, что этот товар являлся весьма громоздким, он большими и все возрастающими партиями доставлялся нелегально в Амурскую и Приморскую области, подрывая бизнес местных российских винокуров. Таможенное ведомство и акцизный надзор вели с контрабандой спирта «почти безуспешную борьбу» ... и не находили поддержки среди казаков и крестьян, многие из которых были прямо причастны к укрывательству или провозу спирта. Были случаи даже убийства таможенных досмотрщиков. С закрытием порто-франко выгодность контрабандного промысла увеличится, что может «совершенно расшатать нравственные устои казачьего населения, призванного к делу защиты государственной границы».

Генерал-губернатор настаивал на усилении таможенного и акцизного надзора с целью прекращения непомерно развитого контрабандного ввоза в край маньчжурского спирта [82].

Зная о серьезности намерений правительства, П.Ф. Унтербергер считал, что запрещению свободной торговли должны предшествовать два следующих обстоятельства. Первое — обеспечение правильного и быстрого функционирования Владивостокского и Николаевского портов и морских таможенных учреждений. Второе — установление надежной таможенной охраны всей сухопутной границы. Он допускал, что на это потребуются время, вероятно, не менее нескольких лет.

Вывод, сделанный генерал-губернатором, гласил: «...интересы государства не требуют немедленного введения в Приамурском крае таможенного обложения..., было бы более осторожным приступить к обсуждению вопроса об упразднении порто-франко лишь по тщательном выяснении практически осуществимых мер против контрабанды и таможенной волокиты. Чрезмерно же поспешное введение таможенного обложения может оказаться слишком разорительным для молодого, проходившего за последние годы через тяжелые экономические испытания, Приамурского края» [83]. Очевидно, что Павел Федорович оказался в плену региональных проблем и местного общественного мнения.

Вопреки соображениям главного начальника края и общественному мнению дальневосточников, правительство 16 января 1909 г. приняло закон об отмене в Приамурском крае свободной торговли иностранными товарами. По настоянию генерал-губернатора правительство все же обратило внимание на благоустройство Владивостокского торгового порта. Законом от 4 декабря 1909 г. на него было распространено действие общих правил о местном управлении приморскими торговыми портами и установлен штат торгового управления, которому предстояла усиленная работа по устройству порта. Вместе с тем, возбужденные

генерал-губернатором в 1907 и 1908 гг. вопросы об упорядочении работы Николаевского порта и улучшении обстановки морского входа в устье Амура правительство так и не решило.

Значительно усиленный таможенный надзор и созданная корчемная стража не смогли создать прочный заслон для контрабанды дешевого спирта в приграничные районы края.

В отчете за 1908—1910 гг. генерал-губернатор настаивал на том, чтобы была упразднена существовавшая на основе заключенных с Дайцинской империей трактатов беспошлинная торговля ее представителей в пределах 50-верстной пограничной полосы. Правительство не спешило это делать, боясь нарушить относительную стабильность взаимоотношений с соседним государством. Воспользовавшись тем, что в 1911 г. кончался срок действия С.-Петербургского трактата и уклонением дайцинской стороны от предложения пересмотреть его, российское правительство решило с 1 января 1913 г. не допускать беспошлинной торговли в нашей 50-верстной пограничной полосе.

Местная власть оказывала всяческое содействие успешному проведению таможенной политики. С большим трудом, но главные порты края справлялись с потоком прибывших судов. В 1910 г. Владивостокский порт посетило свыше 1 тыс. судов, что в полтора раза больше, чем в 1907 г., когда в порт зашло 603 судна. В том числе почти в 5 раз увеличилось число русских судов (с 131 до 682). В 1910 г. Николаевский порт посетило 108 иностранных и 15 русских судов против 115 иностранных и 12 русских в 1907 г. Однако, судя по весу привезенного груза, возросшего с 3,3 млн. пудов (1907 г.) до 4,7 млн. пудов (1910 г.), и Николаевский порт продолжал успешно работать [84].

Отмена порто-франко способствовала экономическому подъему на российском Дальнем Востоке, который начался в 1909 г.

Исследуя отрасли хозяйства в Амурской и Приморской областях, Амурская экспедиция под руководством Н.Л.

Гондатти выяснила, что на первом месте здесь находилась золотодобывающая промышленность. По данным, полученным экспедицией, в 1909 г. в Приамурье было добыто около 950 пудов золота [85]. Эти показатели значительно отличались от официальных отчетов, что объяснялось заинтересованностью промышленников в занижении данных о количестве добываемого золота.

Основную рабочую силу на приисках составляли мигранты из Маньчжурии. В одной только Амурской области численность их доходила до 65 тыс. человек [86]. Добыча золота велась «в высшей степени хищнически».

Участники экспедиции встречали целые поселки азиатов с хорошо организованным собственным самоуправлением. В некоторых местах они обнаружили селения, в которых с разрешения русских властей действовала вооруженная полиция. Многие из таких селений регулярно посещали хунхузы, собирая со своих соотечественников дань и иногда выдавая им по этим случаям особые квитанции.

Из других отраслей промышленности внимание экспедиции остановилось на лесном промысле, находившимся в зародышевом состоянии вследствие не исследованности лесных богатств, и на мукомольном деле, «которое быстро развивалось на капиталистических началах».

Заводская промышленность, пришла к выводу экспедиция, «почти совершенно отсутствует». Главный тормоз фабрично-заводской деятельности в крае заключался в том, что было невозможно приобретать в собственность землю для возведения заводов. Согласно действовавшим узаконениям, фабрики и заводы могли строиться здесь только на арендованной земле, что чрезвычайно невыгодно, так как при краткости сроков аренды плата за землю быстро вырастала.

И тем не менее, за пятилетие (1906–1910) изменения в промышленном производстве края можно признать значительными. Так, по официальной статистике в Амурской и Приморской областях число фабрик и заводов выросло с 1431 до 2172, рост в 1,5 раза. Основную массу их представляли небольшие предприятия, насчитывавшие от 4 до

10 человек. Эти предприятия делились на обрабатывавшие животные продукты (колбасные, кожевенные, мыловаренные, свечные и т. д.), обрабатывавшие растительные продукты (винокуренные, пивоваренные, папиросные и т. д.), ископаемые продукты (кирпичные, гончарные и т. д.).

Число занятых на них работников увеличилось с 6,5 до 10,2 тыс. чел., т. е. более чем в 1,5 раза. Одновременно сумма производства за пятилетие выросла с 8,2 до 18,7 млн. руб., т. е. в два с лишним раза [87]. Этот рост во многом был связан с ускоренным развитием паровых мельниц в крае. Из 18,7 млн. руб. произведенной продукции 10,7 млн. приходилось именно на паровые мельницы.

Сравнительно высокие темпы развития промышленности напрямую, надо сказать, не были связаны с деятельностью генерал-губернатора. Послевоенное экономическое оживление в крае было детерминировано ростом населения, складывавшейся стабильностью в крае, ростом инвестиций, в том числе и иностранных. Но опосредованно генерал-губернатор позитивно влиял на повышение экономической активности предпринимателей через поддержку их инициатив, ходатайствуя перед центральной властью об удовлетворении их просьб и предложений.

Испытывая голод в информации, придавая важное значение развитию экономической жизни в Приамурском крае и стремясь эффективно оказывать свое влияние на нее, министерство финансов решило в 1908 г. командировать в Хабаровск чиновника особых поручений министерства. Очевидно, существовавшие структуры министерства в крае — акцизное управление Амурской и Приморской областей, ревизор Амурско-Приморского и инспектор Заамурского таможенных районов, отделение Государственного банка, а также состоявшее в ведении Главного управления землеустройства и земледелия местное управление государственными имуществами, обремененные текущей работой, не справлялись с этими задачами. Поэтому министерство решило назначить при Приамурском генерал-губернаторе свое постоянное должностное лицо. На него были возло-

жены обязанности «собирать и разрабатывать сведения об экономическом положении края и служить по вопросам экономического характера связующим органом» между генерал-губернатором и центральными учреждениями [88].

Министр финансов Н.В. Коковцев остановил свой выбор на кандидатуре действительного статского советника Н.В. Слюнина. В письме на имя П.Ф. Унтербергера ему была дана следующая характеристика: «Названный чиновник имел возможность обстоятельно изучить нашу тихоокеанскую окраину во время своей продолжительной службы там сначала по морскому ведомству, а затем в Обществе китайской восточной ж. д., и результатом изучения им этой окраины явился ряд трудов, посвященных главным образом вопросам экономического характера» [89].

Для порядка у генерал-губернатора поинтересовались, не будет ли с его стороны «каких-либо препятствий к прикомандированию» действительного статского советника Н.В. Слюнина.

Николай Васильевич Слюнин получил от министра финансов «примерный перечень частных вопросов, изучение которых министерство финансов» считало особенно важным. Первыми были названы вопросы, касавшиеся торговли и промышленности. А именно:

Положение торговли в Приамурском крае, значение для этого закрытия порто-франко. Колебание рыночных цен, торговля русскими и иностранными товарами.

Существовавшие в Приамурье виды промышленности, возникновение новых отраслей промышленности.

Однако большинство вопросов было связано с изучением состояния торговли и промышленного производства в Маньчжурии, возникновения там русских и иностранных предприятий, контрабандного ввоза товаров, подлежащих платежу акциза, и др. [90].

По мере получения и разработки сведений Н.В. Слюнин должен был направлять соответствующие донесения в министерство финансов, предоставляя копии их Приамурскому генерал-губернатору. Чиновнику разрешалось участво-

вать по предварительному согласию с генерал-губернатором в комиссиях и совещаниях по экономическим вопросам.

В случае, если доверенному лицу министерства финансов потребуется посетить какой-либо район, ему надлежало испросить на это разрешение главного начальника края и затем заблаговременно войти в министерство с представлением, в котором следовало указать обстоятельства, вызвавшие необходимость поездки, и привести соображения о потребных на это средствах.

Назначив своего компетентного представителя, министерство финансов оказало большую помощь П.Ф. Унтербергеру в углубленном изучении социально-экономических процессов, происходивших в крае, и обеспечило для министерства принятие эффективных мер на основе полной информации о развитии экономики края и взаимодействии ее с торгово-экономической сферой сопредельных стран.

Два железнодорожных проекта. Главный начальник края П.Ф. Унтербергер оказался причастным к двум проектам строительства железных дорог на востоке России. Первый — международный — к моменту знакомства с ним Унтербергера имел свою любопытную многолетнюю историю. А началась она в 1900 г., когда французский инженер Лойк де Лобель, совершивший поездку по Аляске, возвратился в Париж и заявил о возможности создания прямой железнодорожной связи Парижа с Нью-Йорком. Для этого, по его мнению, необходимо было построить железную дорогу через Аляску и Чукотку с тоннелем под Беринговым проливом. По Сибири трасса должна была пройти через Красноярск—Киренск—Якутск—Верхнеколымск—Анадырь. Обладая не только пылкой фантазией, но и неукротимой энергией, харизмой и прагматизмом, Лойк де Лобель сравнительно быстро привлек на свою сторону общественное мнение Франции, даже получил аудиенцию французского президента.

Оставалось завоевать на свою сторону российское правительство. Как отметил В. Ламин, для надежды на благосклонное отношение к этой идее в России имелось военно-стратегическое основание. Во-первых, в конце

XIX в. отношения между Петербургом и Парижем к взаимной выгоде обеих стран развивались по восходящей линии. Во-вторых, щедрые французские кредиты и займы во многом шли на железнодорожное строительство в европейской России. Так, Франция обеспечивала «гарантии своей безопасности в случае войны с Германией», а Россия — средства для железнодорожного строительства [84]. К тому же японская опасность на востоке должна была, по мысли Лойк де Лобеля, подвинуть российское правительство на поддержку его проекта. Уже в 1902 г. французский инженер представил русскому правительству концессионную заявку, в которой он обещал построить сибирскую часть магистрали за 10 лет на средства организованного им в Париже синдиката.

Обнаружив в проекте многие изъяны, а в составе синдиката лиц, не имевших отношения к серьезным деньгам, министерство финансов отказалось от обсуждения проекта концессионного договора. Неутомимый Лойк де Лобель уже на следующий 1903 год направил новую заявку российскому правительству. Несмотря на то, что ее автор привлек к своему проекту денежных американцев, он по-прежнему оставался неубедительным для русских и был вторично отклонен.

Отказы российского правительства не обескуражили инженера, и в 1905 г. российское правительство получило третий вариант проекта железнодорожного соединения двух континентов, который на этот раз представил американский синдикат.

Американский синдикат просил у российского правительства предоставить ему концессию на сооружение железнодорожного пути от станции Канск Сибирской железной дороги до Берингова пролива с соединительным тоннелем с американским материком через пролив. Он просил российские земли в аренду на 90 лет и считал, что потребуются капитал до 1 млрд. рублей. Не имея технологических и финансовых расчетов, Лойк де Лобель в Петербурге с эмоциональной убежденностью доказывал обеспеченную доходность реализации проекта. Вполне очевидно, заво-

раживающая масштабность планов заинтриговала кое-кого из российских богатеев и пробудила интерес и у кого-то из российского правительства и чиновничества. Часть петербургского чиновничества активно лоббировала проект в российском правительстве. В их числе были В.Д. Батюшков, В.М. Вонлярский, А.А. Киреев, Н.Н. Кашкин, А. Горчаков и др. [92] Дело дошло до того, что была образована особая комиссия, которая подготовила проект «Основных условий образования акционерного общества». Видя возрастающий интерес к проекту и увеличивающийся рост числа его сторонников, министр финансов В.Н. Коковцев решил прибегнуть к мнению Приамурского и Иркутского генерал-губернаторов, по территориям губерний которых должна была пройти магистраль. Они получили соответствующие документы, на которые министр ждал отзыва. Так появилось письмо Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера министру финансов России В.Н. Коковцеву от 1 декабря 1906 г. [93].

В письме опытный военный инженер Унтербергер в первую очередь обратил внимание на отсутствие обоснованности расходов по реализации проекта строительства. Он не сомневался, что «расходы по сооружению дороги несомненно будут чрезвычайно великими» ввиду особо неблагоприятных для постройки железной дороги условий почвы (вечная мерзлота), климата, топографии местности и прочее. Громадны будут и расходы по прорытию тоннеля под Беринговым проливом, протяженностью в самом узком месте 35 км, в самом широком — 86 км, глубиной 42 м. В письме говорилось и о том, что синдикат не располагал достаточными данными о территории, на которой предлагается сооружение дороги, о местных условиях, не проводил никаких изысканий, а само направление дороги указано «совершенно предположительно». Поэтому указанная в проекте приблизительная стоимость постройки — в среднем 94 тыс. рублей за версту, сделал вывод автор письма, должна быть признана совершенно гадательной [94].

Сомневаясь, чтобы практичные американцы так лег-

ко, с закрытыми глазами могли братья за такое огромное предприятие, П.Ф. Унтербергер счел возможным предположить, что за их предложением «кроются иные планы, осуществление которых может быть будет выгодно американцам, но едва ли будет в наших интересах» [95].

Особый акцент Унтербергер сделал на Чукотку, которая входила в состав Приамурского края и где, согласно проекту, предусматривалось проведение железной дороги и строительство тоннеля под Беринговым проливом. «Главный интерес России» в этом проекте, по мнению Унтербергера, заключался в фактическом закреплении чукотской территории за империей, поскольку в распоряжении генерал-губернатора там имелись ограниченные возможности влияния — один раз в два года он направлял в село Марково (центр Чукотки) начальника округа и ежегодно рейсовый пароход. Пока до некоторой степени удавалось сдерживать движение американцев на чукотской окраине, которые много лет спаивали местное население и за бесценку выменивали все ценное, что добывалось им.

Охарактеризовав положение на российском побережье Берингова моря ввиду экономического проникновения туда американцев «ненормальным и недопустимым», Унтербергер доказывал, что в случае постройки дороги, США, опираясь на близкую Аляску с прекрасными путями сообщения, благоустроенными городами, складами, пароходными линиями, получают колоссальные преимущества в окончательном экономическом захвате российского северо-востока. Противостоять этому у России не будет сил, и «американцы сделаются господами положения». Таков же будет результат и в случае невыполнения проекта.

Уверенный в том, что концессия приобретет международный характер, автор письма допускал возможность появления дипломатического конфликта, нежелательного для России ослабления ее роли на Дальнем Востоке после Русско-японской войны. Унтербергер даже предполагал возникновение «чукотского вопроса».

Обусловленное проектом одновременное сооружение

линии с запада и востока в пропорции 3:1 не даст нам никаких преимуществ, считал Унтербергер. Сооружение дороги за счет российского правительства и принятие ее в казенное управление скорее всего будет убыточным по причине слабого потока пассажиров и товаров. Кроме убытков по эксплуатации нам придется платить и погашение по облигациям. «По моему разумению, — сделал вывод Павел Федорович, — принятие предложения американского синдиката, на первый взгляд, весьма заманчивого, но по существу для нас не только не выгодного, но и для целостности государства крайне опасного» [96].

Обоснованное мнение Приамурского генерал-губернатора, пользовавшегося авторитетом у правительства, его убедительные, веские аргументы «против», базировавшиеся на всестороннем анализе военно-стратегических, политических и экономических обстоятельств, имели первостепенное значение для усиления государственной позиции при обсуждении проекта в Совете министров. Тем более, что Иркутский губернатор А.Н. Соливанов оценил проект как отвечающий экономическим интересам России. Возможно, при этом сказалась заинтересованность местных промышленников в проведении железной дороги к центру золотодобычи на Лене — прииску Бодайбо.

Осведомленный о негативной оценке проекта Приамурским генерал-губернатором, неугомонный француз в январе 1907 г. встретился в Хабаровске с Павлом Федоровичем и пытался лично убедить его в выгодности для России и ее дальневосточной окраины строительства межконтинентальной железнодорожной магистрали. Унтербергер воздержался от обсуждения проекта и намерений его автора, он лишь веско сказал о первой заинтересованности в железнодорожном соединении Сибирской магистрали с Хабаровском. Не встретив сочувствия, Лойк де Лобель недвусмысленно намекнул на то, «что если ему концессия не будет дана, то он, на основании будто бы имеющихся у него данных, рассчитывает получить от русского правительства возвращения тех значительных затрат, которые произве-

дены синдикатом на предварительные работы и расходы по этому делу» [97]. Не солоно хлебавши, Лойк де Лобель выехал из Хабаровска в Петербург. О состоявшемся разговоре с ним Унтербергер телеграфировал в столицу сразу в 4 адреса — министру финансов, министру путей сообщения, начальнику Генерального штаба и начальнику Главного штаба [98].

Скорее всего, мнение Приамурского генерал-губернатора, высокопрофессионального инженера-строителя, авторитетного знатока дальневосточных проблем, стало той каплей, которая склонила весы обсуждений и дискуссий в сторону окончательного отказа от «гадательного проекта». После пяти лет споров вокруг фантастического, глобального плана соединения евроазиатского и северо-американского материков железнодорожным путем Совет министров весной, 20 марта 1907 г., окончательно отклонил проект Лойк де Лобеля «ввиду его полной нецелесообразности, дороговизны строительства, отсутствия большого потока грузов, суровых климатических условий и отсутствия потока пассажиров» [99]. Решение правительства было одобрено Николаем II. Такое решение отвечало интересам России.

Информируя своих читателей об отказе американскому синдикату в предоставлении российских земель на 90 лет под строительство железной дороги, «Приамурские ведомости» писали, что проект чреват для России потерей Чукотки и мирным захватом ее Америкой. К тому же капитал до одного миллиарда рублей, проектируемый на строительство, «не обеспечен доходностью» [100].

Так закончилась история одного из авантюрных проектов начала XX века, соединения двух континентов железнодорожной магистралью, который и столетие спустя не потерял свою фантастичность и одновременно удивительную заманчивость [101].

Дискуссия о строительстве трансконтинентальной железнодорожной трассы для российского Дальнего Востока имела положительный результат. Она наконец-то подвигла правительство на решение жизненно важной задачи — до-

П.А. Столыпин

ведение Сибирской железнодорожной магистрали до Хабаровска — главного центра Дальнего Востока, о чем без устали хлопотал П.Ф. Унтербергер. Как государственный, радевший об укреплении пошатнувшихся позиций России на тихоокеанских рубежах, он был убежден, что перво-степенным делом правительства должна стать постройка Амурской железной дороги, которая соединит запад страны с Дальним Востоком, пройдет по российской территории и не будет зависеть, как КВЖД, от политических и военных обстоятельств соседнего государства.

Горячим сторонником Амурского проекта стал председатель Совета министров П.А. Столыпин, который инициировал начало строительства. В Нерчинске 7 июля 1907 г. состоялась закладка головного конца западного участка Амурской железной дороги [102].

Однако Амурский проект вызвал отрицательную реакцию у части правительственных кругов и среди большинства депутатов начавшей свою работу III Государственной Думы. Очевидно, это было связано с недостатком информации о Приамурском крае, о жизни и нуждах его населения, о стратегических интересах России на дальневосточных рубежах. В отстаивании проекта наряду с дальневосточными депутатами активно участвовал и П.Ф. Унтербергер, который произнес убедительную речь в Государственном Совете, опровергшую доводы противников строительства Амурской магистрали (103). В марте 1908 г. на рассмотрение первой сессии III Государственной Думы министерством путей сообщения был вынесен законопроект «О приступе к сооружению Амурской железной дороги». Выразившие позицию министерства и комиссии по государственной обороне докладчики однозначно заявили о необходимости и спешности сооружения дороги в военно-стратегических и экономических интересах России. Они говорили об изменениях в международной ситуации на востоке Азии в связи с поражением России в войне, о перевооружении Дайцинской империи, о завершении к 1912 г. программы перевооружения Японии, о планах морского перевооружения США. Подчеркивалась важность сооружения дороги для ускорения освоения богатой природными ресурсами дальневосточной окраины и для ее заселения.

Горячо поддержали правительственный проект дальневосточные депутаты – Ф.Н. Чиликин, Н.А. Маньков, А.И. Шило. Многие же депутаты Госдумы негативно отнеслись к проекту. Они называли его случайным, непродуманным, направленным против народной пользы, поскольку он требует колоссальных средств, акцентировали внимание на

убыточности этого строительства и невозможности пойти на такую жертву.

Стало очевидным, что принятие законопроекта находится под угрозой. Тогда с защитой проекта выступил премьер-министр П.А. Столыпин. «Вопрос о сооружении Амурской железной дороги, — сказал он, — казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть прений по этому вопросу...» [104]. Петр Аркадьевич оспорил доводы противников постройки Амурской железной дороги, подчеркнув, что «затраты на постройку дороги в будущем окупятся и даже принесут прибыль» [105]. Он обратил внимание депутатов на реальные угрозы дальневосточным землям со стороны подданных соседних стран, которые беспрепятственно переходили на российскую территорию. «Если мы будем спать летаргическим сном, — заявил он, — то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснемся, может быть, останется русским только по названию» [106]. Во многом благодаря настойчивому вмешательству П.А. Столыпина законопроект получил одобрение Государственной Думы. Правда, при постатейном обсуждении депутаты настояли на изменении варианта прокладки дороги. Вместо нерченского был принят куенгинский вариант, признанный экономичным и целесообразным.

Законом предусматривалась постройка Амурской железной дороги на всем ее протяжении от станции Куенга Забайкальской железной дороги до Хабаровска с ветвями к Нерченску и к р. Амур у Благовещенска по берегу р. Зеи «средствами и распоряжением казны», с приступом к постройке железной дороги в 1908 г. На сооружение Амурской магистрали из государственной казны отпускалось 16 135 780 рублей [107].

Пользуясь присутствием в Петербурге Приамурского генерал-губернатора, министр путей сообщения С. Рухлов в начале апреля 1909 г. собрал особое совещание с целью определить программу строительства дороги на 1909 год.

Присоединившись к общему мнению о необходимости произвести в этом году новые изыскания в районе строительства, П.Ф. Унтербергер признал возможным, ввиду доложенных на совещании результатов стереофотографических работ, исполненных министерством путей сообщения в 1908 г. по ущельям рек Буреи и Тырмы, снять свое прежнее предложение о производстве изысканий в долине реки Тырма. Вместе с тем он высказал пожелание, чтобы в 1909 г. по возможности произвести рекогносцировку с целью отклонения линии железной дороги на возможно большее расстояние от реки Амур.

На основе выводов совещания министр распорядился о командировании в район восточной части дороги особой изыскательской экспедиции.

Министр считал, что общий расход, который может потребоваться из государственного казначейства на сооружение и полное оборудование Амурской железной дороги, не должен превысить 260 млн. руб. По его расчетам, на сооружение дороги потребуется около четырех лет. «Можно рассчитывать на открытие на всем протяжении Амурской железной дороги к концу 1916 г.» [108]. Заметим, что, несмотря на начавшуюся мировую войну, на другие непредвиденные обстоятельства, на огромные трудности, с которыми было связано строительство Амурской дороги, этот срок оказался реальным. И с завершением возведения Амурского моста в 1916 г. по магистрали от столицы до Владивостока прошел первый поезд.

В 1909 г. Совет Министров одобрил новое предложение Унтербергера. Прокладываемой вдоль железной дороге от Сретенска до Благовещенска временной дороге для нужд строительства он предложил придать такой характер, который бы удовлетворил стратегические и колонизационные нужды Приамурского края. Подробные соображения по этому поводу были разработаны на совещании в Хабаровске и представлены в МВД.

«Осуществление этих предложений чрезвычайно важно, — писал П.Ф. Унтербергер, — так как означенная вре-

мянка в связи с колесной дорогой от Благовещенска до Хабаровска, несомненно, улучшит наше стратегическое положение на Дальнем Востоке и окажет благоприятное влияние на дело колонизации края». Другие предложения Унтербергера сводились к следующему:

Связать охрану Амурской железной дороги с постепенным формированием железнодорожных батальонов, которые могли обеспечить правильность и непрерывность последующей эксплуатации дороги, дали бы кадры опытных железнодорожных служащих и оградил бы от возможных случайных перерывов в движении вследствие забастовок рабочих

Урегулировать торговлю крепкими напитками и усилить борьбу со злом контрабандного ввоза спирта из Маньчжурии, которое представляет одно из наиболее серьезных затруднений в правильности и успешности работ на строящейся Амурской железной дороге [109].

К профессиональным предложениям П.Ф. Унтербергера, как правило, прислушивались министры, проектировщики и строители.

Начатое строительство магистрали выявило множество проблем, требовавших глубокого изучения, обоснованных рекомендаций для их решения. Эта обязанность была возложена на научную экспедицию, которую было поручено возглавить Томскому губернатору Н.Л. Гондатти, хорошо знавшему Приамурский край. Идея экспедиции возникла в недрах созданного в 1909 г. Комитета по заселению и переселению Дальнего Востока (далее — Комитет Дальнего Востока), который возглавил П.А. Столыпин. Экспедиция в лице Гондатти получила монаршую поддержку и официально стала называться «Амурская экспедиция, командированная по Высочайшему повелению». Постановлением Совета Министров на нее были возложены такие задачи: 1. Изучить местность, прилегающую к линии постройки Амурской железной дороги, с целью определения пригодности ее для заселения и выяснения находящихся в ней естественных богатств. 2. Разработать предложения об

устройстве новых и улучшении существующих на этой территории путей сообщения. 3. Выяснить возможность развития станций Амурской магистрали и других поселений, имеющих естественные преимущества и экономическое значение, в поселки городского типа. 4. Составить предположения о дальнейших мерах по колонизации территории в районе прохождения Амурской железной дороги и развитию здесь промышленно-экономической жизни [110].

Благодаря организаторскому таланту Н.Л. Гондатти, энтузиазму молодых ученых, экспедиция успешно справилась с этими заданиями [111]. П.Ф. Унтербергер считал ее важнейшей научной экспедицией, «призванной играть выдающуюся роль в дальнейших мероприятиях по колонизации Приамурья» [112].

При сооружении Амурского участка длиной 2000 верст великого Сибирского пути его строителям пришлось решать сложные инженерно-технические и организационные задачи. Они были связаны с тем, что трасса пролегла по безлюдной местности, частично по марям и топям, приходилось пробиваться через скальные образования, пересекать реки. Строители впервые столкнулись с проблемой укладки железнодорожного полотна в зоне вечной мерзлоты.

Сложнейшей проблемой строительства являлось обеспечение его рабочей силой. С самого начала Столыпин твердо заявил, что Амурская дорога будет строиться русскими руками, без привлечения иностранного наемного труда. Почти по всей европейской России подрядчики вербовали рабочих на стройку. С места найма до ближайшей железнодорожной станции рабочие — часть из них приехала с семьями — шли пешком, далее эшелонами отправлялись по железной дороге до Сретенска на Шилке. Здесь рабочие пересаживались на баржи, буксируемые пароходами. Как вспоминал знаменитый русский инженер, начальник строительства восточной части дороги А.В. Ливеровский, каждый подрядчик высаживал своих рабочих на расстоянии от 25 до 100 км от места, где находился его участок. Неся на себе небольшой запас про-

довольствия и некоторые инструменты, рабочие шли по редким дорогам, а главным образом по тропам зверей и спиртоносов. Рабочие рассчитывали, что начальством на месте все приготовлено для них. Но на линии не оказалось ни барачных, ни инструментов, ни продовольствия. Когда запасы продовольствия были съедены, а новых никто не привозил, начался голод. Было несколько смертельных случаев [113]. Военный губернатор Амурской области телеграфировал главному начальнику края: «...бастующих рабочих более тысячи... требуют немедленной отправки домой, выдачи по 100 руб. каждому» (114). Рабочие отправляли ходяков с жалобой к Приамурскому генерал-губернатору, который признал правильность их жалобы и приказал отправить рабочих обратно за счет управления [115]. Делая выводы из этого инцидента, управление отказалось от набора рабочих с помощью подрядчиков и стало обращать внимание на предварительную подготовку к приему рабочих.

Рабочий вопрос на строительстве железной дороги осложнился наплывом массы бродячих элементов, волнениями, беспорядками и забастовками. Все это вызвало необходимость принять ряд мер по обеспечению общественного порядка: организовать воинскую охрану, полицейский надзор, судебную и тюремную части [116].

Под влиянием тяжелых экономических условий в ряде центральных губерний тысячи рабочих нанимались на строительство Амурской железной дороги: в 1911 г. сюда прибыло 48,8 тыс. человек, в 1912 г. — 80,8 тыс. [117].

Следует подчеркнуть, что П.Ф. Унтербергер заинтересованно участвовал в строительстве Уссурийской железной дороги и начальном этапе строительства Амурской железнодорожной магистрали. Как главный начальник края, он решал неотложные организационные задачи, а как высокоопытный профессионал-строитель вносил в Амурский проект полезные разумные коррективы в интересах безопасности России на дальневосточных рубежах и успешного строительства магистрали.

Народное образование и народное здравие. Для широкообразованного генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера удовлетворение потребности населения в образовании было аксиоматично. Народное образование являлось базой формирования культурного слоя общества. Вместе с тем в осваиваемом крае постановка дела народного образования напрямую оказывала влияние на укоренение здесь населения. Для служившего в Приамурье офицера и чиновника, переселившегося крестьянина возможность дать своим детям образование являлось важным фактором привлекательности края. Поэтому главные начальники традиционно радели об образовании населения в крае, где во многом их усилиями была создана целая сеть народного образования. Однако быстрый рост населения региона, в основном за счет переселенцев, обострил в послевоенные годы эту проблему.

Старожилы, прочно обосновавшиеся и материально окрепшие, имели хорошо оборудованные школы — не только одноклассные, но и двухклассные. Новоселы, находясь в постоянных заботах об устройстве своего материального быта, несколько лет оставляли своих детей без школы, и для многих из них это обстоятельство воспринималось как лишение.

К тому же развернувшееся строительство Амурской железной дороги и изменение дислокации войск нарушили существовавшее равновесие в количестве школ и численности учеников. Значительному числу детей школьного возраста было отказано в обучении. Надежды на частные учебные заведения не оправдывались, так как дороговизна квартир и недостаток учителей затрудняли открытие новых частных школ. В связи с обострившейся в крае школьной проблемы генерал-губернатор возбудил ходатайство об открытии за счет казны дополнительных начальных и средних учебных заведений. Министерство народного просвещения во многом удовлетворило его. Теперь на нужды начального образования край ежегодно стал получать 110 тыс. руб. Одновременно было получено 184 тыс. руб. на постройку зданий для начальных школ и свыше

500 тыс. руб. на постройку зданий для среднеучебных заведений [118]. В связи с этим была учреждена должность инспектора народных училищ, что способствовало улучшению контроля за обучением.

В эти годы единственное высшее учебное заведение — Восточный институт — занял «почетное место в среде равных себе высших учебных заведений России» [119]. Из года в год из его стен выходили молодые люди, успешно окончившие курс наук, владевшие восточными языками, появлялись серьезные научные труды.

«Приамурские ведомости» сообщили, что выпускник Восточного института А.Н. Петров был приглашен на должность профессора русского языка и международного права во вновь открывшийся в г. Тяньцзине институт европейских языков на жалование 380 долларов в месяц при готовой квартире [120]. Выпускники института служили чиновниками, вели преподавательскую деятельность.

Генерал-губернатор особо заботился о просвещении детей из семей военных, добивался предоставления льготных мест для них в средних учебных заведениях, особенно в Хабаровском кадетском корпусе. Газета «Приамурские ведомости» подробно рассказала о проведении праздника в кадетском корпусе, который тогда носил имя графа Аракчеева, а с 1908 г. — графа Муравьева-Амурского. Храмовый праздник — день апостола Филиппа, покровителя кадетов — приходился на 11 октября. В этот день занятия в училище были отменены. На утренних богослужениях присутствовал командующий войсками округа, генерал-губернатор Унтербергер, который принял последовавший после богослужения парад и почтил своим присутствием праздничный завтрак.

Вечером на балу в присутствии генерала Унтербергера была оглашена только что полученная от великого князя Константина Константиновича телеграмма, в которой он желал «дорогим моим детям кадетам честно и непоколебимо исполнять высокий и святой воинский долг на славу царя и дорогой Родины» [121]. Это послание стало ответом

на телеграмму, посланную из кадетского корпуса, в которой содержалась благодарность за «дарованные 20 сверхкомплектных вакансий. Все поступившие сыновья офицеров были зачислены казенными», подчеркивалось в послании.

Являясь отцом большой семьи, Павел Федорович позитивно, отечески относился к молодежи, умел с ней общаться, часто посещал учебные заведения. Так, в мае 1907 г. он посетил хабаровскую женскую гимназию, где присутствовал на экзамене учениц VIII класса. Ученицам гимназии генерал-губернатор предоставил пароход для прогулки по Амуру [122]. При посещении реального училища генерал обошел все классы, особо обратил внимание на класс рисования и естественный кабинет, на некоторых уроках предлагал вопросы из изученного курса, осмотрел помещение пансиона, комнаты для занятий, спальню, умывальную комнату, кухню и лазарет. Во время поездок по краю неизменным объектом посещения главного начальника являлись народные училища.

Забываясь о том, чтобы число учебных заведений соответствовало потребностям жизни, городские управления городов края принимали живое участие в деле народного просвещения, отпуская на это сравнительно значительные суммы из своих бюджетов. Большинство городов края помимо низших училищ, содержащихся всецело на местные средства, имели по два-три средних учебных заведения. Но большинство учебных заведений в городах являлись государственными. В быстро растущем городе Никольске-Уссурийском были открыты гимназия и реальное училище. В одном из старейших городов края — Николаевске — появились гимназия и реальное училище, в Хабаровске — 4-классное городское училище. Созданные в эти годы реальные и городские училища отвечали потребностям развивающегося в крае промышленного производства.

Испытываемый учебными заведениями голод в учительских кадрах в какой-то мере должна была удовлетворить учрежденная в Никольске-Уссурийском женская учительская семинария.

При посещении сел и казачьих станиц П.Ф. Унтербергер неизменно осматривал школы, беседовал с учителями, интересовался, сколько обучалось мальчиков и девочек.

Генерал считал, что назрела необходимость в том, чтобы в начальных школах прибавить четвертый год и включить в их программу начала рационального сельского хозяйства, гимнастику и подготовительный военный строй.

Таким образом, в послевоенные годы в Приамурье стабильно существовавшая сеть учебных заведений включала высшее учебное заведение — успешно работавший Восточный институт, средние, низшие, начальные и профессиональные училища. При этом по своей принадлежности они отличались друг от друга. Были учебные заведения министерства народного просвещения, профессиональные школы и училища, финансировавшиеся по принадлежности министерствами, имелись городские училища, содержавшиеся за счет городского бюджета. Церковно-приходские и миссионерские училища содержались за счет церковных средств. В селах, казачьих станицах и на приисках школы содержали сельские и казачьи общества за счет родительских средств. Кроме того, в городах имелись и частные школы. Всего в Амурской и Приморской областях в 1910 г. насчитывалось 665 учебных заведений всех типов, наименований, всех ведомств, в которых обучалось 43,1 тыс. учащихся [123]. В Приморской области средние учебные заведения были представлены одной мужской и пятью женскими гимназиями, тремя реальными и коммерческими училищами и Хабаровским кадетским корпусом. Профессиональные учебные заведения включали морское училище дальнего плавания, музыкальную школу, ремесленные училища, техническое железнодорожное училище (Хабаровск) и лесную школу (Никольск-Уссурийский).

В отличие от Приморской области, в Амурской шире были представлены духовные учебные заведения. Здесь имелись Благовещенская духовная семинария, духовное училище и епархиальное женское училище.

В целом дело народного образования в крае в после-

военное пятилетие получило дальнейшее развитие, чему в немалой степени способствовали обсуждавшиеся в России планы введения всеобщего обучения и сочувственное отношение министерства народного просвещения к убедительным ходатайствам Приамурского генерал-губернатора.

В отличие от народного образования народное здравие — здравоохранение — в крае не было развито. Поразившие переселившееся население Приморской области эпидемия тифа в 1908 г., холерная эпидемия, занесенная из соседнего государства в 1909 г., серьезная эпидемия холеры, распространившаяся в городах края в 1910 г., заставили администрацию Приамурского края и администрации ее областей принять экстренные меры. Они в первую очередь были связаны с предупреждением возможности занесения эпидемий из Маньчжурии, с ограничением приезда в край иностранных рабочих на КВЖД, с усилением врачебно-санитарного надзора за местами проживания иммигрантов, с расширением медицинской помощи заболевшим и др.

Отсутствие в Приамурском крае земств негативно отразилось на состоянии медицинского обслуживания сельского населения. В центральной России, благодаря созданию земствами врачебных и фельдшерских пунктов в сельской местности, было организовано медицинское обслуживание сельского населения. В Приамурье традиционно население деревень и сел оставалось, по существу, без врачебной помощи. Хотя кое-какие изменения к лучшему и в этой части наметились. Так, были усилены штаты сельской врачебной части Приморской и Амурской областей, расширено оказание медицинской помощи со стороны переселенческой организации.

У жителей Хабаровска в это время появилась надежда на открытие больницы. Дело в том, что обер-шталмейстер А.В. Орлов-Давыдов внес в Главное управление Российского Красного Креста 400 тыс. руб. процентными бумагами и завещал на них построить и оборудовать на Дальнем Востоке больницу для лиц военного и морского ведомства имени императрицы Марии Федоровны. По ходатайству главно-

го начальника края императрица разрешила построить эту больницу в Хабаровске.

В послевоенные годы во всех городах Приамурья стали действовать учреждения Красного Креста. Получилось по поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». По окончании войны было предложено местным учреждениям принять имущество от некоторых расформированных лазаретов Красного Креста, действовавших в период войны. Часть этого имущества была передана Александро-Ксениевской общине в Хабаровске, а остальное — местным управлениям во Владивостоке и Никольске-Уссурийском. Часть имущества перешла на плавучий госпиталь «Монголия».

Вскоре Главным управлением Красного Креста было признано необходимым на случай войны или народных бедствий организовать сеть складов для имущества Красного Креста в разных городах империи. Возникли склады в Хабаровске и Владивостоке. На устройство их было затрачено свыше ста тысяч рублей. В каждом складе намечено было хранить комплект на 2000 кроватей. Имуществом они снабжались из центрального склада Красного Креста.

Для борьбы с эпидемическими заболеваниями генерал-губернатор в 1909 г. поднял вопрос об устройстве во Владивостоке бактериологической станции с лабораторией для приготовления противодифтеритной сыворотки и присоединить к ней существующую Пастеровскую станцию (впервые ходатайство об открытии бактериологической станции было возбуждено еще в 1896 г.).

В городах края создалось тяжелое положение с призре-нием душевнобольных. Разрешение его произошло благодаря щедрому пожертвованию местного коммерсанта Г. Ларина, который принес в дар Благовещенску обширное и образцово устроенное психиатрическое отделение. В Никольске-Уссурийском была открыта психиатрическая лечебница.

В целом в крае продолжал ощущаться недостаток в лечебных заведениях и медицинском персонале. Во время

возникновения эпидемий большая часть жителей оставалась без врачебной помощи.

Исследования края. Знакомство с В.К. Арсеньевым. После двухгодичного перерыва 26 октября 1906 г. в Военном собрании г. Хабаровска состоялось общее собрание членов Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества (ПО ИРГО). Под председательством С.Н. Ванкова открылось заседание сообщением К.О. Вельможного «Топографическая съемка местности вдоль, так называемого северного направления Амурской железной дороги». Лектор подробно и с захватывающим интересом рассказал о своем путешествии по почти неисследованной дикой местности Амурской области [124]. В этом заседании участвовал П.Ф. Унтербергер — старейший член Русского Географического общества. Соскучившиеся о своем обществе в Военном собрании собралась масса хабаровчан.

Местные научные общества — Общество изучения Амурского края (Владивосток) и Приамурский отдел Императорского Русского Географического общества — имели скудную материальную обеспеченность и были лишены возможности вести систематическое обследование и изучение отдаленных районов края. Серьезную поддержку они нашли в лице П.Ф. Унтербергера, который оказывал денежную помощь из сумм, которые находились в его распоряжении. Часто экспедиции снаряжались по военному ведомству. Тогда по штабу войск Приамурского округа отдавался специальный приказ об экспедиции. Обычно экспедиции являлись многоцелевыми: наряду с военно-географическими задачами рекогносцировки местности участники экспедиции решали задачи колонизационные, а также исследовательские — изучение флоры и фауны. Часто в состав такой экспедиции входили естествоиспытатели, этнографы, геологи и др.

Вот и в первую экспедицию, организованную при П.Ф. Унтербергере, состоявшую из сибирских стрелков и уссурийских казаков, которую сопровождали 12 вьючных лошадей, входил известный флорист Н.А. Пальчевский. А воз-

ПРИАМУРСКИЙ
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ.

20 Сентября 1906 г.

№ 1853
г. Хабаровск.

Предлагаю моей Канцеляріи изъ со-
стоящаго въ моемъ вѣдѣніи на Хабаровскомъ
Казначействѣ по § 38 ст. третьей
л. г. смѣты Министерства Внутрен-
нихъ Дѣлъ 1906 г. кредита
отпустить Предсѣдателю Общества изученія Амур-
скаго края въ Владивостокѣ двѣ тысячи
рублей на снаряженіе экспедиціи для изученія
инородцевъ

Генераль-Губернаторъ,

Сенаторъ, Генераль-Лейтенантъ

Вр. и. д. Правителя Канцеляріи

Распоряжение Приамурскаго генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера
об отпуске денег Обществу изучения Амурскаго края, 1906 г.

главил экспедицію штабс-капитан В. К. Арсеньев, который
в концѣ 1905 г. былъ переведен из Владивостока в Хабаровск
в штаб Приамурскаго военнаго округа. При организации
этой экспедиціи и произошло знакомство Унтербергера с

Арсеньевым. Генералу сразу же понравился штабс-капитан своей целеустремленностью, подтянутостью и энергичностью. В нем он увидел себя молодого, увлеченного природой дальневосточного края, его перспективами.

О результатах работы своей экспедиции В.К. Арсеньев рассказал на заседании Приамурского отдела ИРГО. Сообщение «Горная область от залива Св. Ольги до бухты Терней и далее по реке Иману» он сделал в зале Военного собрания при большом стечении хабаровчан. «...Очень заблуждаются те, кто думает, что захребетный край на север от залива Св. Ольги, о котором так мало известно, пустынный, — сказал Арсеньев. — Напротив, он густо заселен... орочами, тазами и русскими переселенцами» [125]. И в дальнейшем, возвращаясь из очередной экспедиции, В.К. Арсеньев рассказывал об итогах исследований на заседаниях отдела Географического общества.

Высоко оценив результаты Сихотэ-Алиньской экспедиции В.К. Арсеньева, П.Ф. Унтербергер направил в Петербург письмо, в котором, в частности, писал: «За такой из ряда выдающийся труд., рвение, энергию и фантастическую преданность делу ходатайствую о награждении штабс-капитана Арсеньева орденом Св. Владимира IV ст.» [126]. Ходатайство генерал-губернатора было уважено и В.К. Арсеньев стал кавалером ордена Св. Владимира.

Успех первой экспедиции вдохновил Арсеньева. Поздней весной 1907 г. при поддержке Унтербергера он отправился в новую экспедицию. Поскольку к назначенному сроку экспедиция не вернулась, генерал-губернатор забил тревогу. В декабре по его приказу срочно была снаряжена экспедиция под командованием прапорщика Мерзлякова для розыска отряда Арсеньева. Она была снабжена запасом теплой одежды и продовольствием. Встреча обоих отрядов произошла в начале 1908 г. Арсеньевская экспедиция продолжалась 210 суток, в течение которых она 4 раза прошла поперек горную страну Сихотэ-Алинь. Тревога за жизнь участников экспедиции, которую пережил Павел Федорович, сильно сблизила его с Арсеньевым. Несмотря на со-

В.К. Арсеньев

лидную разницу в возрасте — 30 лет и в военном статусе, отношения между генералом и штабс-капитаном приобрели дружеский, доверительный характер. По сделанному в 1925 г. признанию В.К. Арсеньева П.Ф. Унтербергер являлся его истинным другом и покровителем [127].

Пользуясь всемерной поддержкой генерал-губернатора, Арсеньев в 1906—1909 годах исследовал огромную территорию края — побережье от залива Св. Ольги до бухты Терней и севернее ее Сихотэ-Алинь. В ходе этих трех экспедиций он приобрел огромный исследовательский опыт.

О масштабах и характере арсеньевских экспедиций можно судить по краткому перечню проделанной им в 1910 г. работы. Помимо военного значения маршрутных съемок, астрономического определения пунктов, измерений высот и перевалов, систематических метеорологических наблю-

дений и др., экспедицией был выполнен большой объем других исследований. Был собран и систематизирован геологический материал. Раскопаны две стоянки каменного века, собраны коллекции каменных топоров, копьев, стрел. Сделаны описания, фотографии, рисунки, сняты планы и профили со всех памятников. Составлен систематический словарь орочей-удэге. Собраны большие коллекции по шаманству, предметов религиозного культа и быта орочей-удэге [128].

Одним из обязательных требований экспедиционного статуса являлось ведение дневников. По словам И. Кузьмичева, Владимир Клавдиевич читал природу с листа. «Описания горных цепей и долин, перевалов и ущелий, пещер и утесов, мхов и трав, зверей и бабочек, коралловых отложений и морских водорослей, туманов и ветров, археологических находок и местных аборигенов — бесчисленные подробности таежного мира содержат его дневники...» [129].

Этнографическое, ботаническое и орнитологическое исследование отдельных районов Уссурийской тайги вело и Общество изучения Амурского края. Это старейшее на Дальнем Востоке общество объединяло широкомыслящих и заинтересованных в развитии края людей. Заботясь о будущем промыслового дела в океанских водах, ими был устроен Промысловый музей. При нем регулярно функционировала биологическая станция, без которой немыслимо было изучение нашей морской фауны и постановка связанных с нею промыслов. В 1907 г. руководство общества обратилось к военному губернатору с письмом, в котором доказывало, что для изучения океана необходимо иметь специальное научно-промысловое судно. Такое судно существовало. Это «Андрей Первозванный», сооруженный на средства министерства земледелия и госимущества. В то время оно находилось в Белом море у Мурманска. Общество просило губернатора Приморской области ходатайствовать, чтобы пароход со всем ученым персоналом был прислан во Владивосток для детального изучения и правильной постановки наших рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке [130].

Наряду с научными обществами организаторами изучения края являлись и музеи, как правило, существовавшие при них. Музей при Обществе изучения Амурского края, по словам Унтербергера, «был замечателен целым рядом ценных предметов и год от году его коллекции увеличиваются и научное значение музея растет» [131]. Ценил он и Гродековский музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в Хабаровске, в котором «особенного внимания заслуживают коллекции, собранные стараниями бывшего Приамурского генерал-губернатора генерала Гродекова» [132].

Интересным считал П.Ф. Унтербергер тот факт, что начало музею в Благовещенске было положено в 1891 г. золотопромышленными компаниями, пожертвовавшими модели машин и инструментов для горного производства.

Взросшее внимание правительства к своей дальневосточной окраине, появившийся в российском обществе интерес к ней сопровождался небывалым экспедиционным бумом. По данным П.Ф. Унтербергера с 1906 по 1910 гг. исследования российского Дальнего Востока проводили 42 экспедиции и отдельные ученые, командированные местными и различными центральными обществами [133]. Одним из направлений этих исследований являлось изучение жизни инородческого населения. Особой экспедицией было осуществлено подробное экономическое обследование коренных жителей Нижнего Амура, то есть бассейна Амура от Хабаровска до Николаевска, позволившее причислить их в разряд оседлых, активно велось изучение края в географическом и геологическом отношениях, в которых принимали участие инженер Анерт и специалисты других профессий, обследовались рыбные промыслы.

Естественно, что снаряжавшиеся правительством и частными лицами экспедиции находились в значительно лучших условиях, чем местные экспедиции. «На богато обставленную Амурскую экспедицию во главе с камергером двора Его Величества Н.Л. Гондатти, начавшую свою работу в 1909 г., были возложены весьма серьезные задачи по

выяснению колонизационной емкости района строящейся Амурской ж.д. и разных других нужд края в связи с его более интенсивным заселением» [134].

Из частных экспедиций первое место занимала экспедиция по разностороннему исследованию Камчатского полуострова, организованная на средства потомственного почетного гражданина Рябушинского.

В эти годы на Дальний Восток России был направлен целый ряд специальных этнографических, лингвистических, геологических, ботанических, зоологических и других научных экспедиций, посланных центральными и местными научными обществами, которые, несомненно, серьезно продвинули дело изучения Приамурья.

Как правило, участники экспедиций считали своим долгом передавать Гродековскому музею часть своих находок. Только Арсеньевым из материалов экспедиции по Уссурийскому краю было передано в музей свыше тысячи археологических предметов, несколько уникальных этнографических коллекций, сотни предметов быта коренных народов [135]. Пополнялись таким образом и коллекции других дальневосточных (областных) музеев, а также Москвы и Санкт-Петербурга.

Особое значение П.Ф. Унтербергер придавал пополнению коллекции художественных произведений, которая размещалась в одном из залов музея Приамурского отдела ИРГО. Замысел Н.И. Гродекова о создании в Хабаровске художественного музея нашел в лице Павла Федоровича деятельного сторонника. Во второй половине 1906 г. он обратился в министерство Императорского двора и Академию художеств с просьбой передать хабаровскому музею картины и другие художественные произведения. При Императорском дворе таких произведений вроде бы не нашлось, а вот Академия художеств передала в пользование музея восемь картин русских художников, в том числе К.И. Шишкина. Воспользовавшись сменой президента в Академии художеств, Унтербергер в 1909 г. вновь обратился с просьбой о передаче картин формирующемуся

Хабаровскому художественному музею. В ответ Академия художеств направила в Хабаровск еще восемь живописных полотен. Эту радостную весть Павел Федорович сообщил в Петербург Н.И. Гродекову, который сожалел, что в Приамурском крае вырастали целые поколения, не имея представления о художественной живописи. Теперь такая возможность появилась. А вот реализовать идею Н.И. Гродекова о постройке особого помещения для картинной галереи, которое бы представляло собой художественное сооружение и украшение города, П.Ф. Унтербергеру не удалось. Тем не менее, благодаря его усилиям художественная коллекция значительно выросла и служила эстетическому, общеобразовательному и духовному воспитанию населения дальневосточной окраины.

Управленческие проблемы. Выдержанный, не склонный к преувеличениям П.Ф. Унтербергер охарактеризовал Приамурский край в конце 1905 — начале 1906 г. как территорию, на которой царили общая неурядица, смута и распушенность [136]. И дело здесь заключалось не только в открытых мятежах солдат и матросов, беззакониях и беспорядках. Главным стало ослабление власти, начавшееся с организации в 1903—1905 гг. на российском Дальнем Востоке наместничества. Вполне вероятно, что идея о создании дальневосточного наместничества принадлежала Николаю II. Наблюдая формирование на Дальнем Востоке опасного узла международных противоречий, стремясь сосредоточить здесь в одних руках всю военную и гражданскую власть, чтобы легче было держать дальневосточные дела под своим контролем, император учредил 30 июля 1903 г. наместничество с центром в Порт-Артуре, а через два месяца — Комитет Дальнего Востока в Петербурге. В состав наместничества вошли совершенно различные, даже несовместимые с точки зрения управления субъекты — Приамурское генерал-губернаторство, Квантунская область, вновь созданная на арендованном Ляодунском полуострове, а также полоса отчуждения КВЖД в Маньчжурии. После подавления восстания ихэтуаней, с отсутствием

у российского правительства ответа на вопрос, что делать с оккупированной российскими войсками Маньчжурией, эта территория была в высшей степени проблемной.

Наместником Николай II назначил генерал-адъютанта адмирала Евгения Ивановича Алексеева, хорошо знавшего положение дел на Дальнем Востоке. С 1895 по 1897 г. он руководил эскадрой на Тихом океане, с 1899 г. занимал должность Главного начальника и командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана. А летом 1900 г. адмирал Алексеев руководил действиями международного экспедиционного корпуса по подавлению восстания ихэтуаней в Печелийской провинции Дайцинской империи.

Хорошо понимавший, насколько ответственен предложенный ему высокий пост, Е.И. Алексеев предпринял попытки отказаться от него [137]. В письме П.Ф. Унтербергеру он писал, что дело гражданского управления для него совершенно ново и «обещает в будущем не мало всякого рода затруднений. Администрация на берегу представляет деятельность весьма сложную и серьезную, а потому не будучи к ней подготовленным, нельзя не быть смущенным перед такой перспективой» [138]. «Смущение» адмирала было связано не только с гражданскими обязанностями. Наделенный обширными полномочиями, вплоть до ведения дипломатических переговоров, получивший в управление огромную территорию, на которой находились не связанные друг с другом области, наместник должен был действовать в условиях быстро менявшихся и усложнявшихся международных отношений на Дальнем Востоке, исход которых трудно было предвидеть.

Скорее всего, увидев в наместничестве — в этой искусственно создаваемой конструкции ущемление прерогатив Приамурского генерал-губернатора, генерал от инфантерии Н.И. Гродеков в 1902 г. подал в отставку с поста генерал-губернатора Приамурья. Он сделал это, находясь на вершине славы — под его командованием была освобож-

дена от ихэтуаней КВЖД, за что он получил высокую награду — золотую шпагу, усыпанную бриллиантами.

Нельзя не согласиться с выводом А.В. Ремнева, что «попытка Николая II избавиться от «расхищения» своей власти бюрократией путем создания региональной вертикали (наместник — Комитет Дальнего Востока—император) не привела ни к укреплению самодержавия, ни к усилению внешнеполитических позиций России» [139]. К тому же громоздкая нежизнеспособная управленческая конструкция оказала негативное влияние на администрацию Приамурского края. За годы существования наместничества, выпавших на Русско-японскую войну и начало революции, в Приамурском крае один за другим сменилось три генерал-губернатора. Генерал-лейтенанта Генерального штаба Д.И. Суботича сменил генерал от инфантерии Н.П. Линевич, а на его смену через год пришел генерал от кавалерии Р.В. Хрещатицкий. При этом Линевич и Хрещатицкий не были утверждены в должности, а только ее исполняли. Временно являвшиеся главными начальниками края, эти генералы в лучшем случае могли уделить внимание войскам Приамурского военного округа. Вне их поля зрения оказалась жизнь гражданского населения, в которой накопилось множество неразрешенных острых вопросов.

Чехарда смены генерал-губернаторов в крае привела к забвению приоритетов, принципов, норм, обычаев в деятельности главного начальника в крае, касавшихся взаимоотношений с военными губернаторами, городскими самоуправлениями, с общественностью и т. д., которые были выработаны А.Н. Корфом, С.М. Духовским и Н.И. Гродековым за двадцатилетие существования генерал-губернаторской власти. К счастью, возрождение управленческих традиций выпало на долю П.Ф. Унтербергера, на человека, который хорошо их знал и руководствовался этими традициями. С выпавшей на него миссией возрождения управленческих традиций в Приамурье Павел Федорович успешно справился.

Будучи по своим взглядам монархистом и государствен-

ником, главный начальник края П.Ф. Унтербергер считал главной целью своей деятельности укрепление позиций Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе, реализацию дальневосточной политики правительства. Для этого, помимо всего прочего, он считал: «нам нужна сильная и авторитетная власть на месте...» [140]. Настойчиво и методично он выстраивал такую власть в крае.

В отличие от многих центральных областей дальневосточные области имели сложное административно-территориальное деление и управление. Наряду с общепринятыми уездами, охватывающими крестьянские селения, существовали горно-полицейские округа и округа казачьих войск. В Приморской области в 1906—1910 гг. имелись округ Уссурийского казачьего войска, объединявший шесть станичных округов, Южно-Уссурийский уезд, состоявший из 4 участков, объединивших 8 волостей, а также Хабаровский и Удский округа (с 1902 г. — уезды). В Амурскую область входили округ Амурского казачьего войска, состоявший из 3 участков, каждый из которых включал несколько станичных округов (всего 11), Амурский уезд крестьянских селений, состоявший из 4 участков, объединивших 9 волостей, а также Горно-полицейский округ, включавший 4 участка.

Настойчиво добиваясь совершенствования управления краем, П.Ф. Унтербергеру удалось убедить С.-Петербург в необходимости разукрупнения и создания новых административных единиц, позволявших увеличить штаты администрации, приблизив их к населению. Наряду с оформлением двух новых областей — Камчатской и Сахалинской, о чем следует сказать особо, был образован Чукотский уезд, усилена администрация Охотского уезда, произведено разделение Южно-Уссурийского уезда на три уезда, введено городское положение в полном объеме в Никольске-Уссурийском. Вместе с этим в министерстве внутренних дел оставались неразрешенными ходатайства об усилении штата Приморского областного управления, о преобразовании канцелярии Амурского губернатора в областное управление, об усилении крестьянских учреждений При-

Пароход «Атаман», на котором П.Ф. Унтербергер совершал поездки по Амуру. Фото П.Ф. Унтербергера

морской и Амурской областей, о разделении Амурского уезда на три уезда, о введении общественного управления в поселке Иман и др.

Для составления полной и объективной картины жизни населения в крае генерал-губернатор регулярно объезжал села и станицы, когда на поезде, когда верхом на лошади. На находившемся в его распоряжении пароходе «Атаман» он путешествовал по Амуру от его истоков до устья. По пути делал заметки, отдавал распоряжения. Так, в 1908 г. он совершил поездку по рекам Зее и Амуру от Сретенска до Хабаровска. Сохранились его заметки во время этой поездки. Село Марково. В сельском магазине (складе. — Н.Д.) хранится запас оружия: около 800 шт. винтовок и множество патронов. Необходимо все изъять из употребления. Село Сазоново. Дворов 70, лошадей 500, рогатого скота 400 (очевидно, богатое было село, если на один крестьянский двор приходилось по 7 лошадей и по 5 коров). Надел — 100 де-

сятин. Население занимается возкой грузов на прииски на расстояние около 500—600 верст. За пуд груза берут от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. Корейцы приходили в селение только на заработки, землю в аренду им не сдают. Школу строят на 50 чел. Есть учитель. Имеется церковно-приходская школа с 46 учениками. В школу ходит около половины всех детей. Село Красноярское. Имеется церковно-приходская школа, учеников 50 — 32 мальчика и 18 девочек. Помещение тесное. Учитель новый, отзывы хорошие. В целом в области (Амурской) существует крайне частая смена учителей. Село Благословенное, 240 дворов. Корейцы. Переселились в Амурскую область в 1871 г. 1942 души. По-русски говорят немногие. Засеяно 9217 десятин земли. В казну зерно не поставляли. Возделывали для продажи пшеницу и овес. Две русские школы, девочек — 30, мальчиков — 114 [141].

Во время поездки П.Ф. Унтербергера в Николаевск крестьяне с. Нижне-Тамбовского ходатайствовали об оставлении им винтовок типа «бердана», которые им были выданы во время войны. Они утверждали, что винтовки им крайне нужны для охраны скота от медведей. Крестьянскому начальнику было дано распоряжение отобрать все винтовки и выслать их в Хабаровск. Гиляки просили по-прежнему бесплатно пользоваться сенокосом. Просьба удовлетворена [142].

Что касается городов — Владивостока, Никольска-Уссурийского, Благовещенска, то главный начальник часто их посещал и вместе с областными губернаторами и городскими властями решал назревшие задачи. Одним из тяжелых социальных последствий войны являлся рост в крае преступности. Наличие у населения большого количества оружия, ухудшение материального положения, включение в состав жителей тысяч бывших заключенных и ссыльных с о. Сахалин — все вместе привели к появлению значительного числа уголовных элементов и создали криминогенную ситуацию, опасную для жителей региона, для их жизни и имущества. При этом полицейско-судебная служба в крае всегда была слабой и отставала от потребностей охраны населения. Поэтому генерал-губернатор Унтербергер твердо

Приамурский генерал-губернатор с семьей. Хабаровск, 1910 г.

Первый ряд: жена Эмма Ивановна, П.Ф. Унтербергер.

Второй ряд: младший сын Георгий, офицер Балтийского флота, дочери Эрна, Елена, Мария, старший сын Петр, военный инженер

и решительно добивался от центральной власти усиления штатов полицейско-судебной службы в крае. Конечно, на положительном решении этих ходатайств сказались опасность возникновения в Приамурье антиправительственных движений, мятежные выступления солдат и матросов. Были усилены штаты городской полиции Приморской области и Благовещенска, установлены новые тюремные штаты, начато строительство новой тюрьмы в Благовещенске. П.Ф. Унтербергер по-прежнему был доступен и для крестьянина-переселенца, и для старосты инородческого селения, и для ходока от старообрядцев, и для купца. Обходительность, внимательность, справедливость, строгость при решении спорных вопросов снижали Павлу Федоровичу неформальный авторитет среди жителей края.

Росту авторитета П.Ф. Унтербергера помогала и его су-

пруга Эмма Ивановна. Дети стали взрослыми, и она теперь могла активно включиться в общественную жизнь. На семейной фотографии, сделанной в 1910 г. в Хабаровске, запечатлены Павел Федорович и Эмма Ивановна в окружении своих взрослых детей — трех дочерей и двух сыновей. На фотографии самое живое лицо с очень внимательным, проникновенным взглядом у Эммы Ивановны.

Большое впечатление на хабаровчан произвел устроенный генерал-губернатором и его супругой «блестящий раут, по многочисленности приглашенных и по обстановке напоминавший давно минувшее время первого Приамурского генерал-губернатора барона Корфа» [143], писала газета «Приамурские ведомости». В генерал-губернаторской резиденции собрались почтенные начальники военных и гражданских управлений, представители городского управления, разных учреждений, купечества Хабаровска. Многие из них пришли с супругами. На приеме было много молодежи. Благодаря вниманию, любезности, гостеприимству, оказываемым хозяевами без различия чинов и рангов, на приеме была создана обстановка необыкновенного радушия и праздника. На всех, особенно на молодежь, повеселившуюся от души, губернаторский прием произвел неизгладимое впечатление.

По давней традиции Эмма Ивановна возглавила благотворительное и попечительное общество «Ольгинский детский приют». За отзывчивость к нуждам приюта его заведующая Л.Л. Колмачевская через газету «Приамурские ведомости» выразила супруге генерал-губернатора публичную благодарность [144].

В Военном собрании супругой генерал-губернатора устраивались благотворительные вечера, сборы от которых шли Ольгинскому детскому приюту. Нередко на вечерах присутствовал и сам главный начальник края.

На состоявшемся в апреле 1907 г. общем собрании членов благотворительного и попечительного общества Ольгинского детского приюта был заслушан отчет, из которого следовало, что в его распоряжении находилось 15 тыс. руб.

Конечно, эти средства были получены не только из сборов благотворительных концертов и вечеров. Доходы давала и благотворительная аптека, и жертвования хабаровчан. Было решено расширить само здание приюта и приступить к постройке при приюте больницы, ледника и бани. Собрание объявило благодарность Эмме Ивановне и просило известного хабаровского благотворителя В.В. Перфильева принять звание почетного члена общества [145].

Помимо Ольгинского приюта объектом внимания Эммы Ивановны являлось благотворительное общество «Ясли». Она устроила в Общественном собрании благотворительный костюмированный вечер, который привлек многочисленную публику и прошел с большим успехом. Собранные 2 тыс. руб. были переданы в пользу общества «Ясли» [146].

Супруга генерал-губернатора участвовала и в других благотворительных акциях, проводимых в Хабаровске. Так, в начале 1907 г. в городе состоялось два благотворительных маскарада, сборы с которых были направлены в пользу голодавших в европейской России.

Стремясь занять авторитетного и состоятельного покровителя школы, казаки нередко обращались с просьбой к супруге генерал-губернатора согласиться стать попечительницей. Казаки Хоперского поселка на сходе решили просить супругу Его Высочайшего превосходительства, наказного атамана «принять под свое попечительство нашу школу». В школе обучалось 25 учеников поселка, состоявшего из 24 дворов. За подписью Унтербергера последовал ответ: «Жена очень благодарит за избрание, но не считает возможным принять на себя попечительство школы, так как она требует серьезного наблюдения... Но она жертвует на школу прилагаемые 25 рублей» [147].

В Масленицу — любимый праздник Павла Федоровича — в генерал-губернаторский дом на блины приглашались чиновники, военные, педагоги, купцы, предприниматели, общественные деятели. Среди приглашенных был В.К. Арсеньев с супругой Анной Константиновной, которая, кстати сказать, так описала внешность генерал-

губернатора Приамурского края П.Ф. Унтербергера: «Высокий очень, глаза голубые, широкий, русский, подтянутый, небольшая седина на висках, голос тихий, лицо красивое. Когда принимал..., был в сюртуке (пиджаке до колен) в золоте и эполетах, медалях и орденах. На приеме-балу говорил с каждым гостем... Он был демократ, помогал людям» [148]. Гостей встречали Павел Федорович и Эмма Ивановна, которая казалась совсем маленькой и хрупкой по сравнению с супругом. В отличие от него, она говорила по-русски с большим акцентом. Гостей щедро угощали блинами, черной и красной икрой, осетриной и чавычей. Многие из них обращали внимание на висевший в гостиной плакат со словами: «Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь».

Впервые за четверть века своего существования Приамурский край в 1910 г. стал объектом сенаторской ревизии. Она проводилась «с целью очищения административной среды от порочных лиц и выяснения условий, могущих предупредить на будущее время нарушения материальных интересов казны» [149].

Назначение ревизии, очевидно, было вызвано «вескими данными о крупных злоупотреблениях в годы войны, — писал Унтербергер, — в основательности которых не считали возможным сомневаться». В действительности каких-либо организованных крупных хищений ревизией сенатора Глицинского открыто не было. Большей частью к ответственности были привлечены отдельные лица, «совершившие свои преступные деяния как бы за свой личный риск и страх».

Подчеркнув, что ревизия — мера исключительная, генерал-губернатор обратил внимание на тяжелые последствия, которые произошли от разногласий между следственной властью, инкриминировавшей тяжелые нарушения закона, и судебной властью, значительно смягчавшей обвинения. «Чем можно вознаградить те нравственные потрясения, которые испытывают лица, невинно привлеченные к ответственности, когда их имя еще до суда мешается в печати с грязью и от них сторонится окружающая среда, близко с делом не знакомая» [150], — задавал он риториче-

П.Ф. Унтербергер. Рисунок Е.В. Короленко

ский вопрос. Негативные последствия подобных ревизий П.Ф. Унтербергер видел в ослаблении инициативы и самостоятельности исполнительных лиц, которые из опасения навлечь на себя вину за превышение или бездействие власти, хотя бы и вызванные интересами казны или особыми условиями, будут не столько заботиться о деле, как о соблюдении установленных формальностей [151].

Сенаторская ревизия и последствия ее стали поводом для Павла Федоровича высказать свои соображения об особенностях административной работы в Приамурском крае, о соотношении норм соблюдения установленных формальностей и нарушения их «без всяких корыстных целей», а лишь в интересах государственного дела. Проблема эта существовала в крае, поскольку жизнь здесь еще не вошла в «определенные рамки», и нужно быть «всегда готовым к разным случайностям политического характера». В силу этого в интересах самого дела «для быстроты и срочности выполнения различных хозяйственных операций» администрации приходится отступать от формы, быть готовой к разным случайностям. Многолетний управленческий опыт давал право Павлу Федоровичу утверждать, что в административной среде важна решимость брать что-либо на свою ответственность. За это он и ценил дальневосточную окраину, что обстоятельства жизни заставляли начальника принимать самостоятельные ответственные решения, проявлять свободу действий в достижении благородных целей. Зачастую быстрота и срочность выполнения выступали на первый план, а соблюдение формальностей — на второй.

В этих рассуждениях Унтербергера придиричивый, дошный читатель не сможет обнаружить ни капли педантизма и формализма — тех личностных черт, которые приписываются немцам. Многолетняя служба на Дальнем Востоке России сформировала Павла Федоровича мудрецом управления.

Владея способностью к обобщениям, обладая системным видением различных явлений жизни, Унтербергер являлся последовательным и убежденным сторонником внедрения в управленческую среду — и на региональном, и на высшем уровне — программного начала. «Назрел вопрос, — считал он, — об установлении на известный срок вперед общей программы, которой должны были следовать все министерства... и которая служила бы руководящей нитью при управлении краем каждого последующего генерал-губернатора. В данное время каждый генерал-губернатор

создает свою собственную программу, которой он считал нужным держаться и которая нередко в важных вопросах существенно расходится с таковой же предшественника, чем и нарушается преемственность» [152]. В качестве примера Унтербергер привел корейский вопрос, по которому четыре генерал-губернатора края поочередно держались диаметрально противоположных взглядов. А если принять во внимание, что и указания, которые давали начальнику края разные министерства, видоизменялись в зависимости от точки зрения на вопрос того или иного министра, то все это создавало неустойчивость в проведении тех или иных важных для края мероприятий. В конечном счете это сказалось на местной работе, которая становилась мало эффективной, «а иногда и прямо безрезультатной» [153].

Унтербергер предложил, чтобы каждое министерство спроектировало необходимые меры, касавшиеся Приамурского края, с расчетом средств на них. «Для обсуждения этих предложений и согласования их между собой было бы полезно созвать особое совещание с участием лиц, близко знакомых с разнообразными условиями жизни края и с делами его управления. Результаты совещания подлежали бы затем подробному рассмотрению в Совете Министров... и с заключением представлены на высочайшее благоволение с испрошением разрешения внести их на уважение законодательных учреждений на предмет исходатайствования необходимых кредитов в определенные сроки» [154].

В Петербурге соображения Павла Федоровича нашли мощную поддержку в лице П.А. Столыпина. С его разрешения был установлен особый порядок рассмотрения всех возбужденных главным начальником Приамурского края вопросов по управлению, требовавших или законодательного разрешения, или согласованных действий двух и большего числа министерств. Дела эти в личном присутствии генерал-губернатора рассматривались в особом межведомственном совещании с участием министерских представителей. Результаты совещания направлялись затем непосредственно в Совет Министров, которым обыкновен-

но утверждались. Совет выносил свое собственное окончательное решение, которое представлялось на санкцию царя или в законодательные учреждения. Такая организация принятия решений, касавшихся края, «в чрезвычайной мере сокращала время окончательного направления вынесенных на рассмотрение дел» [155]. Новый порядок дал возможность П.Ф. Унтербергеру за время его пребывания в С.-Петербурге, продолжавшегося около двух месяцев, провести через Совет Министров целый ряд серьезных представлений. По его мысли, контроль за прохождением краевых дел в министерствах можно было бы возложить на Комитет Дальнего Востока. Взаимоотношениям Приамурского генерал-губернатора с центральными ведомствами и министерствами удалось придать определенный порядок, эффективность и динамизм. Это следует признать несомненной удачей и заслугой П.Ф. Унтербергера.

В начале XX в. четко проявилась тенденция увеличения в крае представителей министерств и ведомств, которые были независимы от генерал-губернатора и пользовались почти полной автономией. Так, появились представители министерства торговли и промышленности, министерства путей сообщений. Унтербергер считал, что в интересах края и центральной власти надо поставить их «в близкую зависимость и подчинение генерал-губернаторам» [156]. При разногласиях во взглядах генерал-губернатора и представителей министерств голосу первого должно быть отдано предпочтение, если его мнение не противоречит основным принятым директивам. Близко знакомые с прямыми интересами своего ведомства, министерские представители не владели общей ситуацией в крае и могли внести узкое или ошибочное предложение. Унтербергер смело и решительно отстаивал приоритет мнения регионального начальника, добивался уважительного к нему отношения центральной власти.

Нередко в публикациях, особенно в популярных, можно встретить утверждение о том, что Приамурский генерал-губернатор обладал неограниченной властью. Во-первых, его власть была ограничена властью императора, россий-

ского самодержца, а также МВД, с которым он обязан был согласовывать свои важнейшие шаги по гражданскому управлению, и военным ведомством, с которым он согласовывал важнейшие действия как командующий войсками округа. Во-вторых, в распоряжении генерал-губернатора не было даже скромного бюджета. Ежегодно ему отпускался кредит в размере 24 575 руб., из них на экстраординарные расходы 14 875 руб. Без бюджета власть не могла быть неограниченной. П.Ф. Унтербергер мог поставить вопрос только о необходимости увеличения кредита. «Генерал-губернатор должен иметь в своем распоряжении крупную сумму на непредвиденные надобности» [157], — считал Унтербергер, чтобы организаторская работа в крае шла безостановочно.

Начальники областей, по его мнению, должны быть солидарны с проводимой генерал-губернатором общей внутренней политикой и дружно работать по ее реализации. Поэтому в выборе губернаторов областей мнение генерал-губернатора должно иметь «преимущественное значение».

Своеобразные условия жизни и службы на окраине располагали к предоставлению больших полномочий чиновниками разного, в том числе и второстепенного ранга. В связи с этим, считал Унтербергер, важно ответственно, с особым вниманием относиться к лицам, которые назначались даже на второстепенные посты. «Для привлечения и удержания служащих дольше на службе в крае... не следует сокращать привилегии, без того незначительные, а наоборот, некоторые из них даже расширить, в особенности в отношении воспитания детей» [158].

Суммируя все управленческие идеи и предложения П.Ф. Унтербергера, следует подчеркнуть, что они совершенно не покушались на самодержавную власть, на ее прерогативы. Речь шла о назревших организационных коррективах в области взаимоотношений региональной и верховной власти, об усилении местной как опоры центральной власти.

Очевидно, в управленческой сфере, во взаимоотношениях региональной и верховной власти имеются общие

принципы и нормы, независимые или почти независимые от характера самой власти. Этим во многом объясняется тот факт, что идеи, мысли талантливого администратора начала XX века корреспондируются с потребностями административных преобразований начала XXI века.

П.Ф. Унтербергер стал последним Приамурским генерал-губернатором, исполнявшим обязанности командующего войсками Приамурского военного округа. На его долю выпал огромный объем работ, связанный с реализацией в крае военно-стратегических задач, с которыми он блестяще справился. С большей долей уверенности можно утверждать, что решение их было по плечу только Павлу Федоровичу. Опыт, профессионализм, а главное — убежденность в том, что «готовность к войне обеспечит мир», выдвинули личность Унтербергера фактически на первые роли в реализации военной политики царского правительства на Дальнем Востоке.

После заключения мирного договора с Японией Россия вывела из Маньчжурии часть своих войск и разместила их в основном в Приморье и Приамурье. По возвращении войск с театра войны в округе остро не хватало помещений для их размещения. Пришлось использовать особо спешные меры по их расквартированию. По приказу командующего инженерное ведомство интенсивно возводило новые и приспособляло старые помещения, строило временные казармы. Войска размещались в разного типа наскоро построенных землянках. Перевезены по железной дороге воинские бараки из Харбина и станции Эхо, за счет чего построено несколько временных казарм. По реке Сунгари была сплавлена значительная часть оставшегося в Маньчжурии казенного леса, который пошел на военное строительство. По словам П.Ф. Унтербергера, вовсе не склонного к сильным выражениям, инженерным ведомством в кратчайший срок была осуществлена грандиозная операция, благодаря которой к зиме 1906—1907 гг. «не осталось без крова ни одного нижнего чина и ни одной лошади» [159].

Военным министерством и правительством было при-

нято решение о широкомасштабном военном строительстве в Приамурском крае. По расчетам командующего, в округе на строительство военных объектов стационарного типа требовалось около 30 млн. рублей.

С целью экономии дело казарменного строительства военное министерство изъяло из инженерного ведомства и передало войсковым строительным комиссиям. Другими словами, постройка казарм была передана в руки строевых офицеров, невзирая на их неподготовленность и вред отрыва их от прямых служебных обязанностей. Способ выполнения казарменных работ войсковыми строительными комиссиями, по мнению Унтербергера, не являлся более выгодным для казны, чем оставление его в руках инженерного ведомства. Генерал-губернатор Унтербергер считал, что это решение подлежало тщательному обсуждению, заключению Совета Министров и прохождению через законодательные учреждения.

Под руководством генерала Унтербергера была разработана программа укрепления обороноспособности Приамурского края, которая в 1906 г. была представлена в правительство. Исходная идея Унтербергера состояла в том, чтобы на случай военного столкновения Приамурский край «не нуждался... на известный период времени в поддержке извне, и в то же время не давал возможности неприятелю даже с преобладающими силами достичь каких-либо серьезных успехов» [160]. Главными же положениями программы являлись: проведение Амурской железной дороги, надежное укрепление крепости Владивосток и устья реки Амур, обеспечение безопасности важных участков морского побережья, усиление сухопутных и морских сил, повышение провозоспособности Уссурийской железной дороги, развитие дорожной сети, интенсивная колонизация края, обеспечение свободного плавания по Амуру, создание речной канонерской флотилии и базы для нее. Любопытно, что в программе имелся особый раздел об авиации, в котором «было обращено особое внимание и выработан план новой организации воздухоплавательных

частей в соотношении с вводимыми новыми летательными аппаратами» [151].

Командующий войсками Приамурского округа ежегодно представлял правительству предложения о модификации основной программы в связи с теми или другими военно-стратегическими действиями соседних государств. Следует подчеркнуть, что эта программа командующего принадлежала к числу самых востребованных и реализованных. Вот только некоторые ее положения, осуществленные к 1910 г.:

- в крае была введена воинская повинность и призыв в продолжении трех лет на шестинедельные сборы десяти последних возрастов ополчения;
- выработан закон против иноземного шпионажа;
- учреждена Амурская канонерская флотилия и выбрана база для нее;
- выработана схема укрепления Владивостока;
- выработана программа усиления морских сил;
- выработан план сосредоточения войск на случай столкновения с соседями и др.

Сам Унтербергер признавал, что воспитание и обучение войск в округе представляло трудную задачу. Одна из причин этого заключалась в том, что численный состав рот в округе почти вдвое превышал таковой же во внутренних частях империи. При этом наличный состав офицеров почти на одну треть не был укомплектован. Отсюда «непосильная работа», с которой приходилось справляться наличному составу офицеров.

Деятельность командующего была осложнена и тем, что в течение пяти лет в округе по соображениям военного министерства сменилось четыре начальника окружного штаба.

П.Ф. Унтербергер считал чрезвычайно важным, чтобы на командные должности в округе выбирались «особо достойные лица и оставались бы там продолжительное время». Поскольку условия жизни в округе крайне тяжелые, то следовало увеличивать привилегии службы. Для преодоления текучести офицерских кадров он ходатайствовал перед правительством о предоставлении офицерам кредита для

приобретения жилья, о предоставлении больших льгот для обучения офицерских детей и пр.

Забываясь о профессионализме офицерского состава, командующий округом в 1906 г. приказал учредить в Хабаровске офицерские курсы для изучения китайского и японского языков. Перед курсами была поставлена цель — обучить военнослужащих японскому и китайскому языкам, чтобы к концу занятий они могли бегло говорить и хорошо понимать чужую речь. Тем самым была продолжена традиция приобщения военных к изучению восточных языков, заложенная генерал-губернатором Н.И. Гродековым, добившимся принятия военнослужащих на обучение в Восточный институт и всячески поощрявший офицеров, которые самостоятельно изучали японский или китайский язык.

Учрежденные курсы, заведование которыми было возложено на генерал-квартирмейстера, предусматривали 2-годичное обучение офицеров, нижних чинов, остававшихся по окончании службы в крае и казаков. В учебные дни — а уроки велись 3 раза в неделю — нижние чины освобождались от всяких нарядов и занятий в частях войск. Преподавание возлагалось на Сунфу — переводчика с китайского при канцелярии генерал-губернатора, на Ирино, окончившего курс духовной семинарии при миссии в Токио и Ф. Легасова — переводчика при штабе округа. Было предусмотрено нанимать китайцев для практики курсантов. Офицерам, выдержавшим испытания после первого года обучения и продолжавшим учебу, при начале 2-го года курсов выдавалось пособие в размере 20—30 руб. на приобретение учебника. Офицеры, успешно окончившие курсы, получали право предпочтительного командирования при надобности в Китай и Японию. Нижние чины поощрялись денежными наградами и отличиями.

Как никогда ранее Приамурский военный округ стал своеобразным магнитом для высоких военных особ, посещавших округ с инспекторскими целями. За пять лет было произведено инспектирование войск округа генералом Пантелеевым, инспектирование стрельб — генера-

лом Зарубаевым, военно-санитарной части — главным военно-санитарным инспектором Евдокимовым [162]. В 1908 г. округ с целью инспектирования артиллерии посетил генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович. Весной 1909 г. для инспекции Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса прибыл августейший начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович. Понятно, что все высокие гости нуждались в особом внимании командующего. Как правило, потом они становились его союзниками в деле укрепления Приамурского военного округа и в целом позиций России на дальневосточных рубежах.

К 1910 г. округ уже представлял собой внушительную силу. Он имел в своем составе Сибирские армейские корпуса: 1-й (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии: Раздольное — Никольск-Уссурийский — Шкотово — Барабаш), 4-й (3-я и 9-я стрелковая дивизии: крепость Владивосток) и 5-й (6-я и 100-я дивизии: Благовещенск — Хабаровск — Николаевск) с Сибирскими стрелковыми артиллерийскими бригадами, Уссурийское и Амурское казачьи войска, Приморский драгунский полк, 1-й, 4-й и 5-й Сибирские мортирные дивизионы, а также саперные и крепостные части. Войска были развернуты по штатам, близким к штатам военного времени, и могли немедленно вступить в бой, не дожидаясь мобилизации. В состав стрелковых артиллерийских бригад округа были включены также горные дивизионы. В период с 1908 по 1910 г. силами округа было построено большое количество казарменных городков, офицерских флигелей, артиллерийских парков, складов и др., и все войска получили удовлетворительные условия быта [163].

Рассуждая о сильных и слабых сторонах совмещения гражданской и военной власти в руках одного лица — генерал-губернатора, Унтербергер в целом положительно оценил разделение власти в Приамурье, происшедшее в 1911 г. На собственном опыте он сполна испытал, насколько возросли масштабы гражданского управления в крае,

сколько внимания, сил и энергии требуется для решения усложнившихся внутрикраевых проблем.

Подводя итоги своей управленческой деятельности на посту Приамурского генерал-губернатора, П.Ф. Унтербергер с полным основанием считал, что 1906—1910 гг. были «временем непрерывной, самой серьезной и разносторонней деятельности по всем отраслям управления». «Если при этом и бывали ошибки и трения, трудно избегаемые в столь обширном и сложном деле, работа шла в общем дружно и успешно по намеченному пути...» [164].

Половина острова, но теперь — область

о время Русско-японской войны территория Приамурского края представляла собой не только ближайший тыл для российских сухопутных войск, сражавшихся в Маньчжурии. Часть его территории — остров Сахалин и полуостров Камчатка — стала зоной непосредственных военных действий.

Захват Сахалина входил в планы японского военного командования. Решение этой задачи облегчалось тем, что на Южном Сахалине находилось около ста японских промыслов с общим числом работавших свыше 3 тыс. человек [1]. Несомненно, японское командование располагало полной информацией о наличии на Сахалине русских военных частей и их вооружении.

Владея не одно десятилетие островом, занимавшим исключительное геополитическое положение на тихоокеанских рубежах империи, российское правительство тем не менее индифферентно относилось к обеспечению безопасности этой территории. Очевидно, замысел о колонизации острова силами каторжан и ссыльнопоселенцев во многом исчерпывал отношение властей к перспективам развития этой островной российской территории. Объективности

ради следует сказать, что в 1903 г. Сахалин посетил тогдашний военный министр генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, который подготовил обширную программу обороны всего острова с учетом использования на строительстве оборонительных сооружений труда каторжан. Как часто происходило в России, обширные планы остались на бумаге и к началу Русско-японской войны на острове наспех были построены лишь небольшие земляные полевые укрепления, которыми, как показали военные действия, нельзя было воспользоваться по причине их непригодности.

Согласно плану, разработанному штабом войск Приамурского военного округа, в ходе мобилизации на острове к октябрю 1904 г. на базе местных военных команд должны были сформированы отдельные батальоны. Но к этому сроку была развернута только Александровская команда, позднее сформирован Дуйский батальон. Штаб пытался усилить личный состав и направил батальон из Николаевска. Оказалось, что многие из этих солдат не умели обращаться с трехлинейной винтовкой.

Общая численность личного состава, предназначенного для отражения японского вторжения, составляла 6404 пехотинца, 126 кавалеристов, имелось 14 пушек и 12 пулеметов [2]. Командовал русскими войсками генерал-лейтенант М.Н. Ляпунов — губернатор Сахалина с 1898 г. Несмотря на генеральский чин, его военный опыт исчерпывался краткой службой в качестве младшего офицера. Он сделал карьеру по военно-судебному ведомству, управляя каторжанами и ссыльнопоселенцами на острове. Но, как оказалось, генерал Ляпунов не был способен к командованию войсками.

Экспедиционные силы японцев состояли из 15-й пехотной дивизии генерала Харагучи, включавшей 12 пехотных батальонов, кавалерийский эскадрон, 18 полевых орудий, всего 14 тысяч человек [3]. Десять транспортов, на которых японцы добирались до острова, прикрывали корабли 3-й эскадры адмирала Катаока. Японский десант высадился 24 июня 1905 г. в заливе Анива, в 10–15 верстах от Корсаковского военного поста. Командир русского отря-

да Корсаковского поста полковник Арцишевский пытался организовать сопротивление. На берегу были установлены снятые с крейсера «Новик» 120-миллиметровые пушки, огонь которых встретил два японских миноносца. Один из них получил сильные повреждения. Миноносцы ретировались, но вскоре появились семь других, которые после обстрела берега также ушли. Последние снаряды мужественные артиллеристы выпустили по наступавшей японской пехоте. Стойко оборонявшим Корсаковский пост артиллеристам пришлось взорвать орудия и отступить к Маячной горе. Через 9 дней полковник Арцишевский вынужден был капитулировать — японцами в плен были взяты 50 офицеров и свыше 400 нижних чинов [4]. Теперь японцы беспрепятственно могли оккупировать южный Сахалин.

На северный Сахалин японский десант высадился севернее Арковской долины 10 июля 1905 г. Высадку поддерживал артиллерийский огонь двух японских крейсеров и нескольких канонерских лодок. Отрезав Сахалин от материка умелыми комбинированными ударами с моря и тремя десантами, высаженными на сушу, японские войска смогли парализовать неуверенные военные действия немногочисленных русских войск. К тому же командующий русскими войсками генерал-лейтенант Ляпунов своими непрофессиональными приказами усугубил их тяжелое положение. Основные силы русских — 70 офицеров и 3200 нижних чинов во главе с Ляпуновым — 18 июля сдались японцам. После этого случилось еще несколько малочисленных русских отрядов. Но были отряды, которые не сдались врагу. Отряды военного прокурора на Сахалине полковника Новосельского, командира 2-й дружины капитана Филимонова, артиллерийского штабс-капитана Благовещенского сумели переправиться с острова на материк и спастись от японцев. «Кто не хотел сдаваться в плен, тот не сдался, — считал М. Дикс, — а если б были самостоятельные партизанские отряды, то завоевание острова не было бы закончено до заключения мира» [5].

Сдача в плен губернатора Ляпунова стала сигналом для оккупации японцами всего острова.

Стремясь закрепить захват Сахалина, японское правительство в спешном порядке ввело военно-административное управление островом и направило туда на работу около сотни чиновников. Единственным представителем русской администрации на острове оставался бывший вице-губернатор Сахалина Ф.Ф. Бунге, которому японцы разрешили приступить к исполнению обязанностей губернатора «по гражданскому управлению». Считая Сахалин одним из главных своих трофеев, японцы первоначально предприняли энергичные меры по «очищению» острова от русского населения. Русские военнопленные, в том числе и генерал-лейтенант Ляпунов со своим штабом, были отправлены в Японию. Представителей русской администрации, чиновников и надзирателей с семьями японцы тоже отправили в Японию, чтобы оттуда их переправить в Одессу. Остальному населению острова было приказано определиться до 7 августа: или отправиться на японских судах на материк или остаться на острове при условии, что они будут обложены японскими властями податью. Естественно, что основная масса населения изъявила желание переправиться на материк. Часть населения острова, в том числе и некоторые чиновники, уходила с Сахалина на кунгасах, на лодках, пешком на север острова и там, в самой узкой части Татарского пролива, переправлялась к мысу Лазарева и в Николаевск.

По подписанному 23 августа 1905 г. в Портсмуте мирному договору Россия уступила Японии южную часть Сахалина до 50-й параллели. Для принятия северной части острова от японского командования был назначен уполномоченный — полковник Генерального штаба А.М. Валуев, прибывший на остров в начале октября 1905 г. Назначение его военным губернатором с производством в генерал-майоры состоялось в апреле 1906 г.

По переписи в декабре 1905 г. в северной части Сахалина оказалось 3359 взрослых и 2141 детей [6]. Военный губернатор застал остров в совершенном опустошении. Сахалин был разгромлен и разграблен и своими, и чужими. Большая

часть построек, возведенных в течение нескольких десятилетий, в том числе и тюремные помещения, была уничтожена. «Японцы вывезли все, что могли и успели, начиная с мебели, посуды и кончая лошадьми, скотом, собаками» [7]. Русский Сахалин оказался без единого катера и кунгаса. Оставшееся население страдало от набегов бандитов и от поджогов. Горели деревни, села, церкви. В Александровске были сожжены здание музея и канцелярия губернатора.

Возникшая на Сахалине сухопутная граница с Японией подвигла правительство на отмену использования острова в качестве пенитенциарной территории. Законом 10 апреля 1906 г. прекращалась высылка преступников на остров. Теперь он становился объектом свободной колонизации и предпринимательства.

Официальное разграничение острова по 50° северной широты в 1907–1908 гг. осуществили русская и японская разграничительные комиссии. Председатель русской комиссии полковник Лилеев в своем докладе от 18 июля 1907 г. писал, что при назначении на него были возложены главным образом организационные обязанности, международные же сношения признавались минимальными. В связи с этим он не получил на этот счет никаких инструкций. Японцы же серьезно отнеслись к взаимоотношениям с русской комиссией. В частности, председатель японской разграничительной комиссии полковник Осима официально пригласил полковника Лилеева в Токио и высказал желание посетить Владивосток. По мнению Лилеева, японцы были очень любезны и придавали «особое политическое значение общению между членами комиссий» [8].

Никаких серьезных разногласий между комиссиями не возникло. По предположению председателя русской комиссии, разногласия могли возникнуть по вопросу о разграничении двух островов, примыкавших к Сахалину, — Тюленьего и Монерона. Комиссия решила воздержаться от возбуждения вопроса об островах. Если же встанет этот вопрос, то, по ее мнению, о. Тюлений должен отойти к Японии, а решение вопроса о принадлежности о. Монерона

следовало целиком передать правительству, которое, тем не менее не стало возбуждать этот вопрос [9].

По оценке П.Ф. Унтербергера, работу обе комиссии выполнили тщательно, без всяких недоразумений. Граница была отмечена четырьмя астрономическими пунктами, просекой и промежуточными пограничными знаками с подробным описанием и подробной топографической съемкой [10].

По решению японского правительства на южной части острова Сахалин было образовано губернаторство Карафутто, административным центром которого стал г. Отомари (ныне Корсаков).

А в это время в МВД России серьезно обсуждался вопрос об упразднении на Сахалине губернаторского управления и образовании на российской части острова уезда. При этом главным доводом являлось неоправданно крупные затраты на администрацию при незначительности населения (5000 чел.) на северной территории острова.

Против такого проекта энергично выступил Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. В своем ходатайстве о сохранении губернаторского управления на Сахалине он доказывал, что, после занятия южной его половины японцами, оставшаяся в российском владении часть острова приобретает для России особое значение — геополитическое и стратегическое. Тем более, что она охватывает большую площадь, изобилующую всевозможными естественными богатствами — углем, нефтью, лесом, рыбой, которые должны привлечь в ближайшем будущем русских промышленников и обеспечить ее колонизацию. К тому же изолированное положение Сахалина, когда в течение полугода он почти совершенно отрезан от материка, нуждается в присутствии авторитетной и сильной власти. По мнению Унтербергера, содержание управления Сахалина во главе с начальником, облеченном губернаторской властью, вызывает сравнительно незначительное увеличение расходов — не более чем на 8000 рублей [11].

Ходатайство Унтербергера было удовлетворено. Согласно временному положению об управлении Сахалинской областью (1909 г.) она вошла в состав Приамурского генерал-губернаторства. Главное управление областью принадлежало генерал-губернатору, а местное вверялось губернатору, местопребыванием которого был назначен пост Александровский. При губернаторе состояли вице-губернатор, врачебный инспектор (он же Александровский участковый врач, старший врач Александровской лечебницы и заведующий метеорологическими станциями), ветеринарный врач, инженер-архитектор и канцелярия.

В административно-полицейском отношении область делилась на два участка: Александровский и Тымовский. Управление инородцами области до издания особого положения о них предоставлялось губернатору на основаниях, указанных в Положении об инородцах (1892 г.).

Приамурский генерал-губернатор должен был снабдить губернатора области особою инструкцией, определив в ней предметы, подлежащие особой заботливости и попечению губернатора, а также круг его действий по охране границ и пограничным сношениям [12].

По предложению Унтербергера губернатором Сахалинской области был утвержден А. М. Валуев, к этому времени почти четыре года успешно исправлявший обязанности военного губернатора северного Сахалина. На Аркадия Михайловича Валуева выпала тяжелейшая доля восстановления административного управления и налаживания жизни в русской части острова в послевоенные годы.

«С отменой каторги Сахалин вот уже третий год остается в переходном состоянии, лишенным средств для удовлетворения первейших нужд, — писал А.М. Валуев во всеподданнейшем отчете за 1907 г., адресованном императору Николаю II. — Несмотря на весьма обильные письменные сношения, многократно перерабатываемые проекты, Сахалин и по сей день живет на основании отживших положений о штрафной колонии... В то время, как в непосредственном соседстве на Южном Сахалине японцы сумели за эти же два

с половиной года достигнуть невероятных успехов развития жизни и промышленности» [13].

И все же жизнь во вновь созданной области медленно, но восстанавливалась. В 1910 г. здесь проживало, не считая аборигенов, 8,8 тыс. человек [14], т. е. по сравнению с 1905 г. численность населения выросла более чем в 1,5 раза. На пепелище вернулась часть сахалинцев, которая не смогла найти своего места на материке. Для организации переселения на остров лиц свободного состояния там два года подряд работала посланная заведующим переселенческим делом Приморья съемочная партия, которая занималась определением свободных земель для новых переселенцев. Генерал-губернатор Унтербергер считал, что отвод земли не должен быть менее 15 десятин на мужскую душу. По его мнению, земледелие в области будет играть лишь второстепенную роль. Первенствующее значение остров может приобрести лишь при поднятии горной, угольной и нефтяной промышленности при участии казны. С целью предоставления доступа к нефтяному промыслу возможно большему числу лиц по инициативе и с участием главного начальника края был принят новый закон о разрешении на разведку нефти. В итоге было сделано около 500 заявок, а на некоторых площадях были начаты серьезные буровые работы.

Сахалинский губернатор в своих отчетах, прошениях и ходатайствах не устал ставить перед центральной и краевой администрацией жизненно важные для населения области проблемы. Среди них: восстановление прав ссыльных, увеличение до 300 руб. ссуды для семей переселенцев, устройство Александровского порта, без которого «экономическое развитие Сахалина невозможно», введение акциза на крепкие напитки и т. д. Часть из них медленно, но решалась. В силу изолированности Сахалина А.М. Валуев считал необходимым предоставить областному губернатору самостоятельность в решении простейших вопросов местной жизни. Например, он самостоятельно не мог удовлетворить просьбу ссыльного поселенца о переводе его согласно императорскому манифесту в крестьянское со-

словие. Это решение находилось в компетенции генерал-губернатора. В результате на решение простого вопроса уходило несколько месяцев.

Благодаря отзывчивости министерства народного просвещения в области было упорядочено школьное дело и впервые появились настоящие учителя, а не из числа ссыльных, как было всегда до этого. В двух двухклассных и 8 одноклассных училищах в 1910 г. обучалось около 400 мальчиков и девочек [15]. В селе Рыковском был открыт народный дом, который охотно посещали жители. В поселке Александровском и селе Рыковском на местные средства были устроены библиотеки. Администрация Приморской области оказывала жителям новообразованной области посильную помощь. Так, в 1908 г. на остров была направлена санитарная экспедиция для прививок от оспы, буквально косившей инородцев, которые вымирали целыми семьями.

Нельзя не согласиться с оценкой авторов очерка о сахалинском губернаторе А.М. Валуеве, которые называли его созидателем, проявившим недюжинные волевые и организаторские качества, привлечшим к работе способных людей. В самый сложный период освоения Сахалина он сумел добиться постепенного улучшения жизни подданных Российской империи на острове [16]. На таких людях, как генерал А.М. Валуев, держалась российская глубинка.

Повествование о послевоенном Сахалине, думается, будет не полным, если не коснуться трагедии вывезенных с острова его жителей. Еще до заключения мирного договора оккупационные власти Японии в спешном порядке на своих судах вывезли на пустынный берег района Де-Кастри более 10 тысяч сахалинцев — крестьян и бывших ссыльно-поселенцев.

Единовременное появление тысяч ссыльных в пределах Приморской области, отмечал Приамурский генерал-губернатор Унтербергер, создало для местной администрации целый ряд затруднений с приемом, регистрацией и передвижением ссыльных, выброшенных с острова без всяких средств к жизни [17].

Сахалинцам, имевшим свое хозяйство — дом, скот, от имени российской власти была обещана денежная компенсация за оставленное на острове имущество. Им было предложено написать на имя Приамурского генерал-губернатора прошение с указанием стоимости потерянного имущества.

По распоряжению Министерства юстиции ссыльнокопторжных отправили в Забайкалье, остальных расселяли в Приамурском крае. Многие из ссыльнопоселенцев и крестьян перебрались в Приморье, Амурскую область и в Сибирь. Некоторые смогли добраться до родных мест в европейской части России.

В 1906–1907 гг. канцелярия Приамурского генерал-губернатора была завалена запросами о возмещении убытков, понесенных бывшими ссыльнопоселенцами Сахалина. Количество обратившихся с прошениями внушительно. В первую очередь привлекают внимание адреса, из которых были направлены запросы. Это Сибирь, особенно Томская и Оренбургская губернии, это Центральная Россия — Калужская, Донская, Самарская и другие губернии. Несколько запросов было сделано из Приморской и Амурской областей. Интересно, что авторами некоторых прошений являлись официальные лица. Например, губернатор Калужской губернии писал, что крестьянин С.Г. Степанчиков совершенно не имеет средств к жизни и спрашивал Приамурского генерал-губернатора, «каково Ваше распоряжение по поводу его прошения» [18]. Имелись запросы, подписанные губернскими инспекторами. Но основная масса запросов принадлежала самим бывшим сахалинцам. Так, Д. Нестеренко, находившийся в Донской области, писал, что на острове имел усадьбу, скот. «Я был выслан японцами с острова и вывезен ими в Де-Кастри, все имущество осталось на Сахалине» [19]. Многие запросы о прошениях на имя генерал-губернатора носили коллективный характер — их подписывало несколько человек, а иногда и несколько десятков. И во всех — мольба о помощи, просьба выдать обещанные деньги за потерянное имущество. В некоторых письмах авторы писали, что у них теперь одна возможность

— просить милостыню. Кто-то видел выход из бедственного положения в другом — разбое и грабеже. Но в письмах об этом речь, конечно, не шла.

Как правило, в своих прошениях авторы указывали, чем владели и в какую сумму оценивали понесенный убыток. В большинстве случаев они писали, что имели усадьбу, рогатый скот, лошадей, имущество. Убыток оценивали по-разному — от 109 до 3500 рублей.

Для ответов на запросы бывших сахалинцев канцелярией Приамурского генерал-губернатора были отпечатаны в типографии специальные бланки. В них говорилось, что «прошение о возмещении убытка перепровождено по принадлежности на зависящее распоряжение военного губернатора острова Сахалина». Имелось в виду, что на северном Сахалине создана специальная комиссия, которая должна рассмотреть прошение и определить размер убытков каждого просителя. По существовавшим в то время правилам результаты своей работы комиссия должна была направить Приамурскому генерал-губернатору, за подписью которого подготовленные списки потерпевших с причитающейся им суммой денежной компенсации направлялись в комиссию в С.-Петербург.

К сожалению, в РГИА ДВ автору не удалось обнаружить какие-либо следы работы комиссии на Сахалине и столичной комиссии. Отсутствуют и данные о получении денежной компенсации бывшими сахалинцами, проживавшими в Приамурском крае.

Довольно странно, что военный губернатор острова Сахалин А.М. Валуев во всеподданейшем отчете за 1907 г. [20] ни словом не обмолвился о работе комиссии по определению денежных компенсаций за потерянное имущество ссыльнопоселенцев. Казалось, что комиссия, выполнившая огромную работу, заслуживала хотя бы упоминания в отчете. Встает вопрос: а были ли в распоряжении военного губернатора чиновники, способные произвести эту огромную работу, а также необходимые денежные ресурсы и административные механизмы?

Во всеподданнейшем отчете Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергерера за 1906—1907 гг. тоже отсутствует какое-либо упоминание о выплате денежных компенсаций бывшим сахалинцам или даже о существовании такой проблемы в крае. Правда, Унтербергер признал, что рассредоточившиеся после эвакуации с Сахалина по областям Приамурского края ссыльные в большинстве не имели земельных наделов, приписанных к волостям распоряжениями администрации, их не принимали в сельские общества. Сахалинские беженцы «почти поголовно представляют из себя передвигающийся постоянно с места на место преступный элемент, переполняющий тюрьмы и нередко наводящий своими преступлениями страх на оседлое, трудящееся население» [21], писал главный начальник края. Выход из этого положения он нашел в том, что, пользуясь военным положением, на котором находился край, передавал дела о совершенных преступлениях в военные суды. Поскольку число арестантов в местных тюрьмах за последнее десятилетие возросло более чем вдвое, Унтербергер ходатайствовал об отпуске из казны денег на строительство тюрем и увеличении штатов местных тюрем. Очевидно, властям проще было построить новые тюрьмы, чем создать сахалинцам минимальные условия жизни.

Так закончился эксперимент по превращению ссыльно-поселенцев в добропорядочных сельских хозяев, освоивших пустынные и благодатные земли острова Сахалин [22]. Население же Приамурского края, Сибири и некоторых европейских областей России пополнилось тысячами бывших сахалинцев, жертвами войны России с Японией, — обманутых властями, озлобленных и обездоленных, не имевших средств к существованию.

Новая область в крае — Камчатская

Одно из первых своих ходатайств в центр генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер направил о так называемых «северных уездах Приморской области» — о их административном переустройстве. Ему хорошо была известна многолетняя история решения этой проблемы. Более того, он знал ее изнутри. Будучи военным губернатором Приморской области, он постоянно сталкивался с чрезвычайными обстоятельствами управления Камчаткой и другими северными землями, входившими в состав области. О целесообразности создания на Камчатке областного управления ходатайствовал уже первый генерал-губернатор края А.Н. Корф, который в своем прошении напомнил, что 7 лет — с 1849 по 1856 гг. — уже существовала Камчатская область с центром в Петропавловске. Но в середине 50-х гг. XIX в., когда началась колонизация Приамурья, приковавшая внимание центра, было решено сконцентрировать финансы и политическую волю на вновь приобретенных землях. Тогда-то областное управление было упразднено и полуостров вместе с Командорскими островами вошел в состав Приморской области.

Корфовский проект образования отдельной Камчатской области, в которую бы вошли собственно Камчатский полуостров, Командорские острова, Охотский и Гижигинский округа, не получил поддержки в центре.

Вновь вопрос об образовании Камчатской области был возбужден наместником на российском Дальнем Востоке генерал-адъютантом Е.И. Алексеевым в 1903 г. И снова он не получил решения.

Причины же для образования области не исчезли, они становились более острыми и очевидными. Управление северными округами из г. Владивостока – центра Приморской области – было делом чрезвычайно проблематичным и малоэффективным. Сообщение с ними осуществлялось лишь летом с помощью редких пароходов и судов морского ведомства, которые охраняли на севере промыслы, и носило во многом случайный и ненадежный характер. Сношение с Камчаткой зимой по маршруту Иркутск, Якутск, Охотск, Гижига, Тигиль и Петропавловск осуществлялось на оленях и собаках и продолжалось до 3 месяцев в один конец. Этим маршрутом пользовались только для отправки двух почт, что являлось для населения тяжелой повинностью – вместо промысла пушного зверя оно было вынуждено в каждом селении выделять несколько нарт для перемещения почты.

Управление приморской администрации полуостровом сводилось главным образом к ежегодной отправке продовольственных и промысловых припасов для населения, которые сосредоточивались в запасных магазинах (складах). В случае угрозы голода магазины оказывали населению ссудную помощь и в целом регулировали цены на предметы первой необходимости частных коммерсантов.

Осознавая, что Камчатский край в течение продолжительного времени «был заброшен и забыт правительством» [1], Унтербергер поставил помощь полуостровному населению в число приоритетных задач своей деятельности. В это время МВД возбудило вопрос о возможности прекращения казенного снабжения продовольствием населения Камчатки, с тем, чтобы эта функция целиком перешла к частным

лицам. Ссылаясь на сведения, собранные должностными лицами, командированными генерал-губернатором в 1906 и 1907 гг. на полуостров, Унтербергер в своем ходатайстве, направленном в МВД, доказывал безусловную преждевременность предложенной акции. Он подчеркнул, что торговцы умышленно выписывали все продукты в крайне ограниченном количестве с целью искусственного поддержания чрезмерно высоких цен. По этой причине одна часть населения переплачивала значительную сумму за предметы первой необходимости, другая же оставалась без них и терпела крайнюю нужду. «Казенная доставка, как необходимый регулятор частной торговли, должна быть не только продолжаемая, — делал заключение П.Ф. Унтербергер, — но и расширяемая до таких размеров, которые обеспечили бы безбедное существование населения» [2].

По мысли генерал-губернатора, основным условием для возрождения и укрепления в забытом крае здоровой экономической жизни являлось устройство частных, удобных и надежных пароходных рейсов, с помощью которых культурные центры края могли бы сообщаться с Севером, а также отдельные его пункты между собой. Прошение начальника края об этом поддержало Министерство торговли и промышленности.

А еще Унтербергер хлопотал об установлении телеграфного сообщения между северными уездами и остальной частью Приамурского края, поскольку отрезанность их в течение 7 месяцев в году от остальной территории края являлась одним из главных тормозов в деле экономического развития. При этом Павел Федорович писал царю, что «японцы в сознании громадного значения для них деятельности на Севере благоустроенных средств сношения с метрополией уже приступили к устройству беспроволочного телеграфа на одном из ближайших к Камчатке Курильских островов» [3].

Для оживления жизни на Камчатке актуальной проблемой являлось переселение сюда «свежего русского элемента». По распоряжению начальника края на Камчатку была

отправлена особая землеустроительная экспедиция, перед которой была поставлена задача подготовки земельных наделов для переселенцев. Экспедиции вменялось также подробное исследование быта уже проживающего там населения, выяснение его настоящих и будущих подробностей, «дабы колонизация не нарушала жизненных интересов аборигенов и первых засельщиков» [4]. Унтербергер просил царя предпринять охранительные меры в рыбном промысле, умерить наглость иностранных компаний, ведших хищнический лов рыбы и добычу морских животных и морепродуктов.

Разве предпринятые генерал-губернатором меры, направленные «к улучшению быта населения и возбуждению его самодеятельности», не свидетельствовали о его компетентности, высоком чувстве ответственности за жизнь населения заброшенной российской земли? Возможно, администратор XXI века, опирающийся на достижения современной управленческой и социально-экономической наук, и сможет обнаружить в замыслах Унтербергера какие-то изъяны. Вместе с тем, постановка проблем, предложенные пути их решения позволяют оценить унтербергерский проект как социально значимый, отвечающий интересам населения полуострова и России в целом. Конечно, в формате и масштабе возможностей Российского государства начала XX в.

«Нужды нашего Севера поистине велики и неотложны, — писал Унтербергер, — и удовлетворение их, хотя бы в границах самого необходимого, составляет нравственный долг Правительства, оставлявшего этот край в течение более полу столетия без должного попечения» [5].

Широкий политический кругозор, панорамное восприятие внешнеполитических задач позволили генерал-губернатору в застарелых проблемах северных территорий в послевоенные годы увидеть новые грани, опасные для российской государственности на Дальнем Востоке, и акцентировать на них внимание императора и правительства.

В своем ходатайстве генерал-губернатор сделал акцент

на изменении геополитической ситуации в северных землях, связанных с подписанием Портсмутского договора и рыбной конвенции. В связи с этим положение Севера приобрело «особое государственное значение». Несметные естественные богатства его, лежавшие до сих пор втуне, все более привлекают к себе взоры иностранцев, главным образом японцев, которые начинают наводнять наш Север [6], предупреждал генерал. Как нередко бывало, многочисленные ходатайства как капли воды долбили столичный чиновничье-бюрократический камень правительства, в первую очередь МВД и Министерства финансов. Но сколько времени и усилий уходило на это! Наконец-то в 1909 г. было решено образовать новую Камчатскую область в составе Приамурского края, в которую вошли уезды: Петропавловский, Командорский, Охотский, Гижигинский и Анадырский с местом пребывания губернатора в г. Петропавловске [7]. Конечно, на это решение повлияли неоднократные, убедительно доказательные ходатайства генерал-губернатора Унтербергера. При этом сказалось и осознание в окружении Николая II серьезной внешней опасности для российских пределов на тихоокеанском побережье. Твердым защитником российского края на территории Дальнего Востока являлся П.А. Столыпин, возглавивший Комитет по переселению и заселению Дальнего Востока.

Генерал-губернатору предстояло решить сложную кадровую проблему — найти кандидатуру на занятие губернаторского поста богом и правительством забытой Камчатской земли.

Прислушиваясь к позитивному мнению хабаровчан о В.В. Перфильеве, принимая во внимание его безукоризненную службу, Унтербергер рекомендовал МВД назначить его губернатором Камчатской области. В.В. Перфильев был хорошо известен в Хабаровске, поскольку начинал служить еще при генерал-губернаторе Н.И. Гродекове. По окончании курса наук в Харьковском университете со степенью кандидата физико-математических наук и в Военно-медицинской

В.В. Перфильев

академии со степенью лекаря он в 1893 г. стал врачом для командировок окружного военно-медицинского управления в Приамурском военном округе. Через четыре года был перемещен на гражданскую службу по ведомству МВД и назначен делопроизводителем канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Тогда он являлся членом Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, первым директором его библиотеки. При этом его глубокие медицинские знания не раз были востребованы. В 1902 г. во время холерной эпидемии в Хабаровске он возглавил городскую санитарно-исполнительную комиссию и был удостоен благодарности за энергичное, умелое руководство делом борьбы с холерой.

В 1904 г. В.В. Перфильев был назначен чиновником особых поручений V класса (статский советник) при генерал-губернаторе и почти 1,5 года исполнял обязанности правителя канцелярии и два раза заведовал путевой канцелярией при поездке главного начальника края в С.-Петербург [8]. Затем он участвовал в работах по переселенческому делу в крае. Думается, что Перфильев, имевший основательное образование, большой опыт административно-бюрократической работы, тяготевший к просветительской деятельности среди населения, знавший проблемы края и механизмы их решения, как нельзя лучше подходил на пост Камчатского губернатора. Конечно, Василий Власьевич во многом представлял, на что он идет, дав свое согласие отправиться на Камчатку. Ему хорошо была известна история, происшедшая с А.П. Сильницким, который в Петропавловске 14 месяцев прослужил уездным начальником. О камчатских злоключениях Сильницкого — известного хабаровчанам журналиста, с трибуны III Государственной Думы было рассказано дальневосточным депутатом Ф.Н. Чиликиным, а также самим журналистом в статье «14 месяцев службы на Камчатке», опубликованной «Историческим вестником» [9]. Дело заключалось в том, что уездный начальник Сильницкий, отважно вступивший в борьбу против местных дельцов, занимавшихся хищническим противозаконным промыслом в море, был объявлен сумасшедшим. Возможно, с точки зрения дельцов-хищников начальник действительно был не в своем уме. Но, конечно, главная причина этой акции состояла в корысти, в деньгах. Потерпевший поражение в борьбе, Сильницкий с огромными трудностями вернулся в Хабаровск.

Итак, губернатором вновь созданной Камчатской области стал высокообразованный, хорошо знавший дальневосточные проблемы человек, к тому же обладавший администраторскими способностями и здравым смыслом.

К моменту создания области на ее территории проживало 32 тыс. человек, один человек приходился на 40 кв. верст. Население на 7/8 составляли «туземные инород-

цы» — эвенки, коряки, чукчи и т. д. Были представители и соседних стран — японцы (18 чел.), корейцы (52 чел.), китайцы (234 чел.) [10]. В Петропавловске проживало около тысячи человек.

Управление областью было установлено, можно сказать, неполноценным, паллиативным. В судебной сфере Камчатка продолжала оставаться во Владивостокском окружном суде, заведование рыбными промыслами оставалось за управлением государственными имуществами Приамурского края. Губернатору была подчинена учебная часть (он получил право попечителя учебного округа), на него законом было возложено заведование государственными имуществами, а также ему были предоставлены права начальника почтово-телеграфного округа [11].

Положение губернатора было таково, что он не имел никаких рычагов воздействия на состояние рыбной ловли, так как заведовало рыбными промыслами на Камчатке и на всем Севере управление государственными имуществами Приамурского края, находившееся в Хабаровске и подчинявшееся управлению в столице. Губернатор мог только констатировать опасное положение, делиться с генерал-губернатором своими мыслями и писать на его имя ходатайства. А мысли у В.В. Перфильева о перспективах рыбного промысла на Камчатке сводились к следующему. После русско-японской войны рыбный промысел приобрел крупное государственное значение, стал доступен не только российским, но и японским подданным. Приобретая характер капиталистического уклада, он с каждым годом увеличивался и стал представлять для населения Камчатки двойную опасность. С одной стороны, постоянно возрастающие уловы рыбы и морепродуктов, которые велись без исследований и изучения, без системы и плана, грозили истощением рыбных богатств. Котиковый и бобровый промысел означал беспощадное истребление японцами этих ценных животных. С другой стороны, у берегов Камчатки ежегодно собиралось до 250 японских шхун и до десятка пароходов. В 1911 г. число японских участков возросло почти на 40% по

сравнению с 1910 г. Во время рыбного сезона на берега полуострова высаживалось более 10 тыс. японцев. Губернатор с полным основанием полагал, что при наличии всего населения менее 40 тыс. человек такое количество иностранных подданных представляло опасность для местного населения, аборигенов в особенности, и Российского государства в целом [12].

Помимо рыбного и охотничьего промыслов, велись золотодобыча и лесное дело, находившееся в зачаточном состоянии. О низком уровне экономического развития Камчатки свидетельствовал факт об исключительно меновом характере торговли [13].

Наделенный правами попечителя учебного округа, губернатор области не только по обязанности, но и по глубокому убеждению в важности просвещения для народа настойчиво продвигал его в среду обитателей полуострова. Скудные средства, отсутствие учителей буквально парализовали школьную сеть области. По ходатайству В.В. Перфильева Министерство народного просвещения в 1910 г. ассигновало 10 тыс. рублей на строительство 2-х зданий для начальных школ и их содержание. В новом прошении губернатор просил выделить деньги на строительство еще трех школ, а также о повышении учительских окладов. Ввиду острого дефицита учителей для начальных школ при Петропавловском училище были открыты специальные учительские курсы с 2-годовалным сроком обучения. Постепенно дело народного образования начало оживать. На 1 января 1911 г. на Камчатке уже насчитывалось 23 действующих школ с 630 учениками. Все школы были церковно-приходскими. Существовало единственное городское 4-классное училище с 104 учениками. Средних учебных заведений в области не было.

«Правильнее всего было бы соединить школу с просветительными задачами миссионерской деятельности. Кроме преподавания общей грамоты при школе должно быть устроено небольшое опытное хозяйство местного типа, а также организовано преподавание ремесел. Ввиду разбро-

санности населения необходимо устройство при школе за счет казны хоть небольшого общежития для инородческих детей», — считал Перфильев [14].

Естественно, что губернатор как профессиональный медик пристальное внимание сосредоточил на здравоохранении, как тогда писали, на «народном здравии». Вывод его был горестным. Из 6 уездов, в каждом из которых должен быть врач, в действительности врач имелся только в одном уезде — Петропавловском. Об этом враче и его лечении больных можно судить по рассказу Приморского губернатора В.Е. Флуга, побывавшего в 1908 г. на Камчатке. На его вопрос, заданный единственному на Камчатке доктору: «Есть ли в Петропавловске больница и медикаменты?», — доктор ответил: «Есть, — и вынул из кармана коробочку, в которой лежало несколько порошков и маленький пузырек с йодом, а в бумажке рулончик бинта, — вот и вся наша больница и аптека» [15]. Низкие оклады, убогие условия жизни и работы являлись препятствием для привлечения врачей в область. Губернатор-врач констатировал, что среди населения на Чукотке был распространен сифилис (результат контактов с появлявшимися иностранными моряками), на Камчатке — чахотка. Из обследованных 26 сел западного камчатского побережья, где проживало 2500 человек, насчитывалось 213 (9%) калек и 24 слепых. Губернатор пришел к печальному выводу: «Вообще население, видимо, вырождается и обращает на себя внимание слабым физическим развитием, особенно женщины: низкорослы, узкоплечи и слабогруды» [16]. Одна из причин этого — ранние браки, заключаемые среди близких родственников. Большой редкостью было встретить на Камчатке старика за 50 лет.

Решающее значение для преодоления изоляции Камчатки и ее заброшенности стало установление радиотелеграфного сообщения между Николаевском и Петропавловском и проведение проволочной телеграфной линии от Якутска до Охотска. Правительство на деле доказывало, что полуостров — российская территория. Установление связи сопровождалось учащением паромных сообщений с север-

ными землями, что должно было серьезно содействовать развитию здесь русской торгово-промышленной жизни, а также налаживанию действенного надзора за иностранными и своими хищниками, грабившими природные богатства.

Поднятый местной властью вопрос об ограничении плавания иностранных судов в водах северных побережий в 1910 г. получил в правительстве решение. В Петропавловске и в Александровском военном посту на Сахалине были учреждены таможенные посты, после чего иностранные торговые суда должны были приходить только в эти два пункта, что в значительной мере ограничило хищнические браконьерские действия иностранцев, в особенности американцев и японцев.

В своем кратком обзоре состояния генерал-губернаторства в 1908—1910 гг. Унтербергер позитивно отзывался о местной власти, которая, имея в своем распоряжении ограниченные средства, а также небольшие ассигнования, испрошенные у главноуправляющего землеустройства и земледелия, «положила начало различным полезным мерам» [17]. Среди них Павел Федорович обратил внимание на снабжение населения племенными бычками и породистыми собаками, устройство на полуострове сельскохозяйственной фермы, ознакомление туземного населения Чукотки с русскими товарами. Из внимания генерал-губернатора не выпали и усилия по снабжению населения книгами, учебными пособиями и аптечками.

Заядлого путешественника Павла Федоровича притягивала к себе Камчатка — малоизвестная легендарная земля. Унтербергер принадлежал к числу немногих начальников Приамурского края, которые посетили полуостров. Еще в 50-е годы XIX в. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев вместе со своей женой Екатериной Николаевной, сопровождаемый свитой, совершил чрезвычайно тяжелую по условиям поездку из Иркутска на Камчатку. Тогда путь пролегал через Якутск, Охотск. В год 200-летия присоединения к Российской державе (1897 г.) ее посетил Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской. По его

П.Ф. Унтербергер среди команды корабля

распоряжению сопровождавший Сергея Михайловича В.П. Маргаритов совершил тогда большое путешествие длиной в 1200 верст частично на лошадях, частично на лодках, по самой заселенной части полуострова. Итоги путешествия, свои впечатления он обобщил в работе «Камчатка и ее обитатели», опубликованной в 1899 г. в «Записках Приамурского отдела ИРГО».

«Объезд Охотско-Камчатского края» Унтербергером преследовал цель поддержать губернатора В.В. Перфилева, помочь ему в решении многочисленных проблем, убедиться на месте в правильности обозначенных приоритетов. Одной из целей поездки было изучение на месте организации переселения на северные территории, в особенности на полуостров. Вопрос о направлении на Камчатку переселенцев выяснялся особыми экспедициями. На основе их рекомендаций переселенческое ведомство пришло к выводу об исключении массового переселения и базировании колонизации главным образом на рыболовстве, к ко-

тому подсобными занятиями могли стать охота, скотоводство и огородничество. Во время поездки по Камчатке и Охотоморью Павел Федорович убедился, что «колонизация Охотско-Камчатского края, во всяком случае, требует крайней осторожности и строгого подбора переселенцев. Иначе, — подчеркивал он, — легко может случиться, как это отчасти уже наблюдается в настоящее время, что новые пришельцы ограничатся истощением источников существования старожилого населения: рыболовства и охоты и после сего выселятся из края» [18].

За два года до образования области в селе Гижиге появился 22-летний иеромонах Нестор [19] с православной миссионерской миссией. Человек целеустремленный, волевой, энергичный, он объехал все поселения коряков, ительменов, эвенов, проживавших в основном в средней и северной частях полуострова. Он знал, что его предшественником был знаменитый архиепископ Иннокентий (Вениаминов), который в 1840—1868 годы вел здесь огромную миссионерскую деятельность и создал Камчатскую епархию.

Молодого миссионера потрясли жуткая нищета, антисанитария в жилищах, повальные болезни аборигенов, полное невнимание властей к своим подданным. Одновременно он испытывал чувство восхищения камчадалами, их добротой, душевной простотой, правдивостью и доверчивостью. У иеромонаха возникло глубокое искреннее желание помочь аборигенам и божьим словом, и человеческим участием. Общение с аборигенами на их родном языке, неплохие познания в медицине и гигиене (во время поездок в его багаже всегда были мыло, медикаменты, мази), доброта и внимание способствовали признанию молодого священника аборигенным населением. Это во многом помогало Нестору приводить туземцев к Богу — он вел службу, совершал крещение, заключал церковные браки.

По словам Нестора, когда он приезжал в туземные селения, в которых ранее проводил крещение, туземцы усыпали его путь ветками кедрового стланика, подстилали ему под ноги меха, а иногда даже брали иеромонаха на руки и

Установка памятного знака — креста — в честь С. Дежнева

бережно несли с приветствием: «Христос воскрес!». Аборигены «радостно и умиленно» принимали богослужение

и молитвы на их родном языке и с усердием молились. К каждому прибытию священника тунгусы расширяли одну из юрт так, что в ней помещалось для молитвы множество людей. Посреди юрты горел дымный костер, дававший тепло. Туземцы ласково повторяли, обращаясь к Нестору: «Ты наш добрый гость и отец» [20].

Одной из заслуг миссионера явилось создание лепрозория — первого на Камчатке лечебно-профилактического учреждения для больных проказой (лепрой). Нестор собрал из различных глухих мест полуострова прокаженных, изгнанных из родных селений и юрт как заразных, и создал колонию больных. На морском берегу среди гор были построены три уютных деревянных дома. В одном ютились больные женщины и дети. В другом — больные мужчины. А в третьем доме, стоявшем за изгородью, жила медицинская сестра А.М. Урсова, отозвавшаяся на призывы Нестора послужить неизлечимо больным страдалцам. «Словно ангел-хранитель, покрывающий их страдания лаской и любовью, являлась дорогая сестрица-мать, как нежно и совершенно справедливо называли больные сестру милосердия. Она обмывала раны и струпья» [21].

Нестор периодически приезжал в колонию на собаках, привозил для ее обитателей продукты питания, различные материалы для работы и рукоделия, книги, игрушки и т. д.

В своем молодом рвении помочь камчатскому населению Нестор дошел до Синода и даже до Николая II. Заручившись поддержкой императора, он учредил Камчатское благотворительное братство. При официальной церемонии его открытия отец Нестор между прочим сказал: «...Необходимо как можно скорее учредить русское братство для далекой (пока еще) земли, а то и в самом деле Россия, как недобрая мачеха, оставила ее на произвол судьбы, а при подобном внимании иностранцев она действительно легко может стать американской или японской» [22]. Нестор глубоко осознал, что его миссия православного пастора среди туземного населения угодна Богу и России.

Председателем совета братства был избран протоиерей

Иеромонах Нестор с матерью А.Н. Анисимовой, 1907 г.

Владивостокского кафедрального собора А. Муравьев; его членами — протоиерей Н. Чистяков, камчадал-протоиерей И. Коноплев, начальница владивостокской женской гимназии А.Г. Кравцова и другие. В последующие годы деятельными членами совета были архиепископ Николай, заслуженно названный апостолом Японии за плодотворную архипастырскую деятельность в этой стране, Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, игуменья Руфина и другие [23].

Постепенно Камчатское благотворительное братство стало иметь свои отделения в ряде городов России и имело в своем распоряжении значительные суммы, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей. Особенно успешно действовало сто-

личное отделение. Средства, собранные им, шли в основном на устройство церквей, школ, приютов, лечебниц и станов. На столичные пожертвования был создан и отправлен на Камчатку так называемый первый Петербургский стан для села Телички Гижигинского уезда, церкви для камчатских сел Наики, Пенжино и других, а также оборудован приют для коряков, открыта больница и богадельня в Теличках [24]. Всего же было выстроено семь новых церквей и открыто восемь новых школ. В 1916 г. в Камчатской области существовало 35 церквей, 38 часовен, 42 школы [25].

Православный миссионер сталкивался с уездными начальниками, пользовавшимися нередко бесконтрольностью, погрязшими в своих мелочных делах, равнодушных к людям. «В силу отдаленности края, — считал Нестор, — уездные начальники были ни в чем не ограниченными самодурами. В большинстве своем это грубые держиморды, расхитители и взяточники» [26].

Судя по всему, у Нестора и губернатора отсутствовала взаимная симпатия. Возможно, молодость Нестора, его самостоятельность и энергичность не импонировали многоопытному, основательному В.В. Перфильеву.

Правда, в этом «темном царстве» Нестор встречал людей просвещенных и культурных — это С.М. Лех, Сокольников и Диденко.

«В 1909 г. на Камчатке было учреждено губернаторство, — писал Нестор, — Но на деле оказалось, что “хрен редьки не слаще”. Губернаторы, облаченные огромной властью на местах, здесь, на российских затворках, выказывали свое самоуправство и дикий деспотизм в еще более резкой форме, чем подчиненные им уездные начальники» [27]. Навряд ли высокообразованный, разносторонний и самоотверженный человек В.В. Перфильев был деспотом и самоуправцем. И «огромной властью» он не обладал, у него были довольно ограниченные возможности позитивного влияния на жизнь населения полуострова. Скорее всего, в этих быстрых и категоричных оценках Нестора отразился юношеский максимализм и противопоставление церков-

ной жизни светской. Такое мнение было субъективным и неадекватным. Известно, что при поддержке генерал-губернатора Перфильев возбудил целый ряд ходатайств, направленных на культурный и экономический подъем области и надежное укрепление ее за империей.

Первостепенное значение для населения области имело упорядочение торговли с целью ограждения жителей от ограбления своими и иностранными торговцами, насаждение на Чукотке русской торговли в противовес американскому влиянию.

Жизненно важно было упорядочить пушной промысел и оградить зверя от истребления, усилить охрану котиковых и бобровых промыслов на Командорских островах, усилить рыбный надзор с целью сохранения рыбных богатств и противодействия хищничеству иностранцев, улучшить оленеводство и собаководство. Областной начальник считал, что самая отдаленная от центра российская область нуждалась в дальнейшем серьезном развитии коммуникационной сети. Он ходатайствовал о расширении радиотелеграфной сети на север, устройстве станций в Чукотском и Анадырском уездах и на Командорских островах, а также установлении пароходного сообщения между центром Анадырского уезда селом Марковым и устьем р. Анадырь.

Предметом особой заботы губернатора являлось внесение элементов культуры и духовности в жизнь местного населения.

Одной из тяжелых проблем было прогрессирующее пьянство населения, во многом как результат корыстного приобщения аборигенов к алкоголю русскими и американскими торговцами. Конкретные меры предлагались по улучшению и усилению врачебной помощи, а также испрашивалось разрешение на учреждение на Чукотке православных миссий — школ с поручением им ведения опытных станций по оленеводству и собаководству, на учреждение на Камчатке отдельной епархии и улучшение быта духовенства. Все эти проблемы губернатор сам решить не мог, требовалось согласие правительства, которое их и субсидировало фи-

нансами. Губернатор был бессилен и в решении чисто управленческих вопросов. Поэтому среди его ходатайств были и такие, как устройство на севере судебной части, учреждение в Петропавловске казначейства с ссудо-сберегательной кассой, учреждение в областной администрации должностей специалистов по горной, межевой и лесной частям, усиление Чукотской уездной администрации, введение в Петропавловске городского положения и др. [28].

Все эти ходатайства, касавшиеся необходимого, срочного для области и ее жителей, чиновниками министерств и ведомств воспринимались как завышенные требования, поскольку они были связаны с немалыми затратами из казны.

Прослужив на Камчатке до 1912 г. включительно, губернатор так и не дождался удовлетворения большинства своих обоснованных, разумных просьб, направленных на преодоление заброшенности и запущенности области, которая более двухсот лет являлась российской территорией.

В отличие от правительственных кругов, научный мир проявлял повышенный интерес к своеобразной камчатской земле. В 1909—1910 гг. в области побывало несколько экспедиций и отдельных ученых, изучавших, обследовавших флору и фауну полуострова. Павел Федорович как мог поддерживал энтузиастов. Самой значимой в эти годы являлась экспедиция, организованная на средства Ф.П. Рябушинского из семьи русских промышленников и банкиров при деятельнейшем содействии Императорского Русского географического общества. Экспедиция была задумана широко. В сущности, она состояла из нескольких самостоятельных отделов, имевших свои программы. Общее число исследователей составляло 20 человек. Экспедиция была рассчитана на 18 месяцев работы. Все отделы были снабжены научными средствами. Экспедицию поддержало военнотопографическое управление и морское Министерство, давшее возможность экспедиции с ее значительным грузом воспользоваться одним из рейсов военных транспортов из Владивостока в Петропавловск. Главное гидрографическое управление снабдило ученых ценными приборами.

Во Владивосток экспедиция прибыла 10 мая 1908 г. в составе четырех партий: зоологической под началом много работавшего ранее на Востоке П.Ю. Шмидта, ботанической под руководством В.Л. Комарова, известного своими работами в Маньчжурии, и двух геологических под руководством молодых геологов Конради и Круга. На военном транспорте и пароходах Добровольного флота партии и их грузы были доставлены в Петропавловск и Усть-Камчатск. Зоологи все лето были заняты обследованием реки Камчатки и ее бассейна, собрана орнитологическая коллекция, впервые обследовано Нерпичье озеро, которое оказалось больше, чем это было показано на картах.

В середине июля 1908 г. партия на буксире парового катера Камчатского товарищества вышла вверх по реке и прибыла в с. Ключевское, а затем на местных долбленных батах поднялась до селения Милково. Изучение рыбных богатств реки Камчатка показало обилие лососевых пород.

Метеорологическая часть экспедиции, выехавшая из Петербурга позднее основной части, установила станцию в селении Тигель, другая была установлена в селении Ключевская, третья — в самом Петропавловске. На всех станциях велись наблюдения за температурой почвы на глубинах до 3 м, а затем были изучены и более глубокие слои — до 20—25 м.

Экспедиторы столкнулись с трудностями найма рабочих, т.к. в течение последних лет, отчасти благодаря повышению на рынке цен на шкурки соболей, заработок населения очень повысился, цены на рабочие руки возросли и нередко их вовсе нельзя было купить, равно как и лошадей.

Богатые материалы Камчатской экспедиции, впервые комплексно исследовавшей полуостров, очевидно, постигла та же участь, что и Амурской экспедиции под руководством Н.Л. Гондатти. Начавшаяся Первая мировая война сделала эти ценные материалы не актуальными, а последующие драматические события — революция и гражданская война — вообще привели к их забвению.

Тем не менее, административно-управленческое реше-

ние правительства о создании Камчатской области, безусловно, являлось важным решением на благо России и безопасности ее тихоокеанских рубежей.

Во многом благодаря усилиям генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера и губернатора В.В. Перфильева Камчатская область вошла в состав Приамурского края как территория, быстро преодолевшая многолетнюю свою заброшенность. Важно, что в это время были определены многие приоритеты в ее развитии.

Участие в формировании дальневосточной внешней политики России

особенности геополитического положения российской дальневосточной окраины — протяженная, слабо защищенная граница, близкое соседство с Японией и Кореей и др., слабая укорененность славянского населения в огромном малозаселенном крае с богатейшими ресурсами и другие факторы предопределяли необходимость участия главных

администраторов Приамурского края во внешнеполитической деятельности. За 30 с лишним лет существования края четко прослеживается тенденция активизации этой деятельности. В немалой степени этому способствовали такие крупные военно-политические события в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как подавление группой стран, в том числе и Россией, восстания ихэтуаней в Дайцинской империи в 1900 г., Синьхайская революция там же в 1911—1913 гг., Русско-японская война 1904—1905 гг. и др. Можно утверждать, что ни один генерал-губернатор центральных территорий России не вникал во внешнеполитические проблемы так глубоко и ответственно, как это делали приамурские генерал-губернаторы. Было очевидно, что от состояния взаимоотношений России с сопредельными азиатскими

странами во многом зависело социально-экономическое положение Приамурского края. Существовала и другая зависимость — укрепление дальневосточной окраины в значительной мере способствовало усилению роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, установлению здесь стабильности.

На примере деятельности П.Ф. Унтербергера — генерал-губернатора Приамурского края в 1905—1910 гг., можно определить формы и методы влияния начальника края на выработку дальневосточной внешней политики, а также участия в ее реализации.

По условиям Портсмутского договора (1905 г.), который подвел черту под Русско-японской войной, России пришлось согласиться на фактически неограниченное господство японцев в Корее, которая ранее считалась зоной российского влияния, передать Токио арендные права на Ляодунский полуостров, отказаться от Южно-Маньчжурской железной дороги, согласиться на отторжение половинной (южной) части острова Сахалин, принять на себя обязательства заключить выгодную для Японии рыболовную конвенцию, выплачивать непомерно большую сумму за содержание русских военнопленных и т. д. В итоге влияние России на Дальний Восток значительно ослабло, соответственно в большой степени усилились позиции Японии. «Пострадали имперские ... интересы России» [1].

Победа Японии в войне против России изменила расстановку политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ее пользу. В то же время поражение в войне серьезно пошатнуло престиж России в Японии и Дайцинской империи. Происшедшее в эти годы ослабление административной власти в Приамурском крае (неудачное введение наместничества, смена за три года трех генерал-губернаторов и др.) снизили ее активность в решении обострившихся пограничных вопросов.

Возникшая реальная опасность для России потерять Приамурье и Приморье, а, следовательно, и выход к Тихо-

му океану заставила царское правительство пересмотреть дальневосточную политику.

Убежденными сторонниками энергичной российской политики на Дальнем Востоке явились премьер-министр П.А. Столыпин, а в Приамурском крае генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер — признанный знаток дальневосточных проблем. Еще будучи военным губернатором Приморской области (1888—1897 гг.), Унтербергер бывал в Японии. Японский министр Ояма любезно показал ему вновь учрежденную академию Генерального штаба, казармы, арсенал в Иокосуке и пригласил на учения одной гвардейской пехотной части. На высказанное П.Ф. Унтербергером недоумение, для какой цели Япония развивает свои военные силы, которые стоят громадных средств, а главное, с кем ей воевать, адъютант министра, улыбаясь, ответил: «С вами». Маршал И. Ояма в Русско-японской войне командовал японскими сухопутными войсками. Возможно, что уже тогда Павел Федорович в полной мере осознал всю серьезность намерений японских военных. У него возникла устойчивая настороженность по отношению к политике Японии, ее военным, ощущение исходящих от них угроз, опасности для России, в особенности для ее дальневосточных земель. Конечно, в распоряжении генерал-губернатора имелись данные о социально-экономическом, политическом состоянии соседних стран, которыми его снабжало руководство Восточного института и Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Донесения военных губернаторов содержали материалы, характеризовавшие поведение японцев и мигрантов из Маньчжурии в пределах края. В пограничных и внешнеполитических вопросах помощником главного начальника края был Н.В. Богоявленский, коллежский советник, выпускник С.-Петербургского университета. В компетенцию чиновника по дипломатической части входили пограничные вопросы. Это наблюдение за плаванием иностранных судов в морских российских территориальных водах, за их судоходством в пограничных реках, за правильным размещением пограничных столбов и

надлежащем их состоянии и др. Много хлопот было связано с контролем за деятельностью иммигрантов в крае. В компетенцию чиновника входил контроль и за правильностью применения японскими моряками рыбной конвенции. По всему комплексу пограничных и внешнеполитических проблем П.Ф. Унтербергер своевременно информировал министра иностранных дел, премьер-министра и императора Николая II. В письмах и записках генерал-губернатора имелись взвешенные оценки состояния пограничного положения России на Дальнем Востоке, акцентировалось внимание на возникавшие в международной ситуации новые тенденции и явления, вносились предложения, составлялись проекты соглашений и т. д. Так, в своем отчете императору генерал-губернатор отметил, прежде всего, благополучное, без всяких недоразумений и трений, согласно Портсмутскому соглашению, разграничение между Россией и Японией острова Сахалин [2]. Теперь у России на Сахалине появилась сухопутная граница с Японией. Другим заметным событием российско-японских отношений стало учреждение японского консульства во Владивостоке на основании состоявшегося 15 июля 1909 г. между императорскими правительствами соглашения. Первым японским консулом стал Номура Мотонобу [3]. Японское консульство собирало сведения о Приамурье и Приморье: статистические отчеты, уставы различных обществ, информацию о полезных ископаемых и горнорудной промышленности, о флоре и фауне края, данные о населении и т. д. Ежегодно оно составляло обзорные отчеты о крае для МИД Японии. Кроме этого, оно ведало деятельностью японских граждан, находившихся в крае. Вследствие многочисленности японских подданных во Владивостоке на средства японской диаспоры была открыта начальная школа на 30 учащихся.

Как ни странно, условиями заключенного Портсмутского договора общественное мнение Японии было недовольно. «Особенно чувствительно отнеслась страна к несбывшейся надежде о получении контрибуции, мысль о

которой широко популяризовалась как в местной, так и в заграничной печати тех стран, которые снабжали Японию деньгами во время войны» [4].

Многим японцам казалось, что из победы в войне против России власть не сумела извлечь полную выгоду и присоединить весь остров Сахалин. В японской прессе развернулась антироссийская кампания, сопровождавшаяся «самыми гнусными инсинуациями, неслыханной ложью и клеветой» [5], оказывавшими влияние на часть японского населения. Довелось все это испытать на себе профессорам и студентам Восточного института, которые в 1907 г. впервые после войны проходили традиционную стажировку в Японии. Профессор Е.Г. Спальвин в письме на имя директора Восточного института А.В. Рудакова сообщил о том, что японскими фанатиками в Токио был убит лектор японского языка Восточного института Захарий Александрович Маеда, который работал в институте 7 лет и отличался «серьезностью характера, научной любознательностью и особым усердием к служебным обязанностям» [6]. Находясь в стороне от политических и военных злоб дня, писал профессор, господин Маеда в начале войны, в бытность своего отпуска в Петербурге, чтобы избежать депортации, принял русское подданство. В Японию профессор Маеда приехал частным образом и стал жертвой фанатично настроенных людей. Профессор Спальвин просил директора Восточного института оградить профессию и студентов института, находившихся в Японии на учебной практике, от травли шовинистически настроенных элементов. В письме директора Восточного института А.В. Рудакова на имя Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергерера подчеркивалось, что смерть профессора З.А. Маеды «была вызвана упорной и бессовестным образом попирающей истину травлей со стороны прессы шовинистического направления» [7]. Рудаков обратился «с почтительной просьбой не отказать в возможном покровительстве институту» [8]. Приамурский генерал-губернатор немедленно направил в МИД письмо с просьбой оградить профессию и студентов, находив-

шихся в Японии с целью изучения языка и быта соседней страны, от шовинистической прессы, разжигавшей в японской общественности ненависть к русским людям. Реакция дипломатической службы и правительственных структур Японии оказалась незамедлительной и эффективной. Уже в сентябре 1907 г. Унтербергер получил письмо из российской миссии в Японии, в котором сообщалось о принятых мерах. В нем говорилось, что японское правительство поспешило обратиться к общественному мнению с разъяснением японо-русских отношений. Были опубликованы циркуляры министра к начальникам отдельных ведомств и министра внутренних дел к губернаторам, в которых указывалось в самых категоричных выражениях на то, что «отношения между Россией и Японией ныне приняли дружеский характер, делающий подозрительность по отношению к приезжающим в Японию русским не только излишней, но не патриотичной и вредной» [9].

Оперативно принятые правительством Японии меры успокоили общественность, травля русских в прессе прекратилась. Профессура и студенты Восточного института благополучно и плодотворно закончили стажировку в Японии.

В отличие от японцев, статьи портсмутских договоренностей оказывали на русскую общественность раздражающее влияние сравнительно продолжительное время. Нигде в России так тяжело, с горечью не было воспринято военное поражение, как на Дальнем Востоке. Известный хабаровский предприниматель и общественный деятель А.В. Плюснин в одной из статей писал: «Приамурье — крайний оплот России на Востоке, это сокровищница России, ее золотой ларец... Японская война показала, что иностранные лапы давно тянутся к лакомому куску, который Россия не умела ценить. И за это жестоко наказана. Если бы вместо двух миллиардов рублей, истраченных на эту позорную войну, Россия сумела бы вовремя израсходовать хоть четверть этой суммы на развитие и укрепление Приамурья, на устройство путей, на переселенческое дело, и войны бы не было... [10]

Часть военных, участников войны, относилась с недоверием к Японии и критически к российской политике сближения с ней. В частном письме П.Ф. Унтербергеру адмирал Е.И. Алексеев из С.-Петербурга в 1907 г. изложил свои соображения по этому поводу: «У нас существует надежда на прочное соглашение с Японией. Неужели наши отношения с этой страной в течение 10 лет недостаточно раскрыли глаза на все коварство и предательство японской дипломатии и их великое искусство льстить и усыплять нашу бдительность. Видно и ужасная война не послужила нам на пользу в оценке друзей и врагов» [11]. Особенно сильны подобные настроения были в Приамурском крае, население которого наблюдало энергичное проникновение японцев в чувствительные сферы жизни края.

Согласно рыболовной конвенции, заключенной между правительствами России и Японии в 1907 г., японским подданным разрешалось ловить, собирать и обрабатывать продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль всего российского тихоокеанского побережья. В северных уездах края, «где отсутствовала налаженная государственная власть», промыслы японцев зачастую носили характер открытого грабежа. В докладной записке «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края» (март 1908 г.), направленной правительству, генерал-губернатор обратил внимание на важность сдерживания бесцеремонного поведения японцев в северных уездах, где они «расхищали рыбные запасы и порабощали аборигенное население» [12].

Однако для этого сил в крае явно не хватало. Поэтому каждый факт отпора японским рыбакам, нарушавшим правила конвенции, находил у дальневосточников одобрение. Российским военным транспортом в районе Командорских островов 29 июня 1908 г. была задержана японская шхуна «Мие-Мару». При ее осмотре были обнаружены специальное оборудование для охоты на морских бобров и котиков и их свежие шкуры. Задержанных — 36 японцев и одного американца — доставили в Николаевск, откуда их должны были переправить во Владивосток. Скорее всего там бы их

и отпустили с миром, так как доказать, что японцы занимались промыслом морских животных в российских водах, было трудно или скорее даже невозможно. Но случилось непредвиденное. В Николаевске при конвоировании один из японцев, раздраженный тем, что их вели по середине грязной улицы, а не по тротуару, ударил булыжником старшего конвойного и тотчас получил прикладом по голове. Случайно оказавшийся на месте офицер не позволил разрастись конфликту. В докладной полицмейстера города военному губернатору Приморской области утверждалось, что «японцы не хотели бежать, они не хотели идти по грязной середине улицы» [13], так как были обуты в плохую обувь.

Известие о нападении японцев на русский конвой взбудоражило дальневосточную общественность. Скорее всего, под ее влиянием 12 августа 1908 г. владивостокским судом 6 японских матросов были приговорены к смертной казни (14). Приговор был явно не адекватным совершенному проступку. А в это время известие об инциденте и реакции на него дошло до Министерства иностранных дел. На имя П.Ф. Унтербергера пришла телеграмма за подписью министра А.П. Извольского. В ней говорилось: «Министерство юстиции, рассмотрев обстоятельства дела задержания «Мие-Мару», сообщило прокурорскому надзору о необходимости прекращения его производства за отсутствием состава преступления. Прошу телеграфировать, как только будет сделано распоряжение об освобождении судна и экипажа» (15). Затем Унтербергер получил письмо из министерства иностранных дел, в котором сообщалось о том, что МИД направил ноту в японское посольство в С.-Петербурге, которое должно положить конец этому «прискорбному инциденту» [16]. В известность о случившемся был поставлен Николай II. В его письме утверждалось, что правительство видит в инциденте две стороны: первая касается задержания японской шхуны, вторая связана с «вооруженным сопротивлением японских матросов русскому конвою». По сравнению с ранее полученной телеграммой в письме содержался анализ ситуации и ее объективная оценка. Реко-

мендовалось осудить японцев за сопротивление, а потом их помиловать (17).

В соответствии с этими рекомендациями владивостокский окружной суд вынес свое определение. В нем говорилось, что при осмотре японской шхуны были обнаружены оборудование для охоты на морских бобров и котиков и их свежие шкуры. Суд сделал вывод, что японская шхуна находилась вне полосы российских территориальных вод, поэтому в ее действиях он не усмотрел состава преступления. Было принято постановление: дело прекратить, шхуну со всем имуществом возвратить капитану [18].

Генерал-губернатор 11 октября 1908 г. сообщил министру иностранных дел об отправке помилованных японцев в Японию. Однако для российской стороны инцидент оказался пролонгированным. Дело в том, что во время ареста японцев четыре человека из-за болезни и непривычной пищи скончались. Японская сторона предъявила справедливое требование о возмещении убытков семьям этих моряков. Секретным письмом на имя министра иностранных дел российский посол в Токио в 1910 г. сообщил о выплате денежной компенсации семьям умерших японцев [19]. Долго выясняли и спорили, что делать с японской шхуной, находившейся во Владивостоке. Несговорчивый хозяин шхуны требовал доставить ее в Японию, российская сторона предлагала продать ее с торгов и вырученные деньги передать хозяину шхуны. Предлагались и другие варианты. Только в 1912 г., т. е. спустя 4 года после инцидента, городское полицейское управление Владивостока устроило торги «посредством устного соревнования, начиная с казенной оценки в 800 рублей» [20], японская шхуна была продана, а деньги переданы хозяину шхуны.

Следует подчеркнуть, что в разрешении инцидента с японской шхуной «Мие-Мару» российской властью в центре и в Приамурском крае в целом была проявлена терпимость, продемонстрировано желание как можно быстрее его урегулировать. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер не раз обращался в министерство иностран-

ных дел, вносил предложения, направленные на быстрое разрешение конфликта, который мог бросить тень на политику сближения России и Японии.

Инциденты в Японии и России свидетельствовали о болезненной реакции общественности обеих стран на Портсмутский мирный договор. Даже в правительственных и околоправительственных кругах России далеко не все могли оценить, что все же утраты России «оказались меньшими, чем опасались, исходя из масштабов поражений русской армии и флота», что «возможности для стабилизации положения, а затем и возврата влияния в регионе не были вовсе утрачены» [21].

О поведении японцев в российских водах и на территории Приамурского края правительство имело скудную информацию и испытывало дефицит сведений. Естественно, что генерал-губернатору Приамурского края не раз приходилось отвечать на запросы правительства о ситуации на Дальнем Востоке и участвовать в ее обсуждении. Так, в связи с сообщением одного генерала о «подозрительной деятельности» японцев в районе крепости Владивосток и в целом в Приамурском крае премьер-министр П.А. Столыпин запросил у Унтербергера «возможность подробнее по сему предмету данные». В конце 1908 г. генерал-губернатор писал Столыпину, что вопрос о японском шпионаже на территории края представляет один из наиболее серьезных и наиболее важных вопросов. Борьба с ним представляется делом жизненно важным и вместе с тем чрезвычайно сложной и трудной задачей, в особенности теперь, когда наши соседи начали «широко пользоваться приобретенными правами, дающими им возможность повсеместно в Приамурском крае проживать, путешествовать и заниматься торговлей, промышленностью и ремеслами...» [22] Унтербергер высказал предположение, что система японского шпионажа в значительной степени зиждется на волонтерах-разведчиках — лавочниках, фотографах, парикмахерах и прочих японцах, свободно передвигающихся по краю. К тому же профессиональные военные разведчики, действовавшие в

высшей степени осторожно, оказывались вне нашего контроля.

Была высказана серьезная озабоченность по поводу отсутствия какого-либо надзора за северными уездами края, где японцы расхищали рыбные запасы и порабощали аборигенное население.

В записке содержались предложения, предусматривавшие запрещение постоянного проживания японцев и всех иностранцев в северных селениях. Аборигенное население, находившееся в состоянии «полного духовного и экономического запущения», будучи по природе своей хрупким сообществом, не могло выдержать натиск столь «энергичного и настойчивого народа, как японцы».

Речь шла и о использовании дипломатического ресурса в деле запрещения пребывания в российских северных водах японской канонерки, которая в 1907–1908 гг. находилась там постоянно. Безусловно, прав был генерал-губернатор, когда расценивал этот факт как удар по престижу российской власти [23].

Поскольку проектируемые Унтербергером меры затрагивали компетенцию Министерства иностранных дел, то министр А.П. Извольский счел возможным высказать свой взгляд на эти проблемы. Он считал, что в письме Приамурского генерал-губернатора имеются весьма интересные сведения о деятельности в крае японцев, а равно и сообщения о необходимых мерах [24]. Министр подтвердил соответствие приведенной генерал-губернатором информации о положении нашего тихоокеанского побережья тем сведениям, которыми располагал МИД.

«Хотя в наших трактатах с иностранными государствами, в том числе и с Японией, — писал министр, — иностранным подданным предоставлено право свободного проживания во всех местах России, однако это не лишает нас возможности как самостоятельного государства издавать ограничительные законы, воспреещающие иностранцам доступ в какие-либо отдельные части империи». Министр подтвердил право Приамурского генерал-губернатора закрыть для

иностранцев северные уезды края. Подтвердив недопустимость нахождения японской канонерки у российских берегов, Извольский сообщил премьер-министру о сношениях с морским министерством о посыле в этот район русских военных судов [25].

Согласие министра иностранных дел с оценкой ситуации на Дальнем Востоке России, данной П.Ф. Унтербергером, и признание ценности внесенных предложений, ставших основой для правительственных решений, как нельзя убедительно свидетельствовали об активной и эффективной роли Приамурского генерал-губернатора в формировании внешнеполитического курса в тихоокеанском регионе.

Заботой о минимизации негативного воздействия на Россию и особенно на Приамурский край новой внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке была проникнута секретная записка П.Ф. Унтербергера «Неотложные нужды Приамурья», которая в феврале 1909 г. была направлена на имя председателя Совета министров П.А. Столыпина. Замысел записки состоял в привлечении внимания правительства к происходившим явлениям и событиям, которые подлежали «серьезному обсуждению с целью более правильной оценки прочности нашего положения на берегах Тихого океана» [26].

Отдав должное стараниям Министерства иностранных дел, заключившего ряд соглашений, направленных на укрепление status quo на тихоокеанском побережье, генерал-губернатор сосредоточил все внимание на процессах, происходивших внутри Японии и ее поведении по отношению к соседним странам.

В соответствии с Портсмутским договором Япония энергично закрепляла свои позиции в Корее и в Маньчжурии. Однако, по мнению автора записки, действия ее по своим размерам и интенсивности далеко вышли за пределы этой задачи и преследовали цель подготовки к «новым агрессивным действиям на Азиатском материке», угрожающим России. В качестве подтверждения этого центрального положения в записке приводились многочисленные факты.

Это перевооружение японской армии огнестрельным оружием и артиллерией, перевод Южно-Маньчжурской дороги на широкую колею, что вдвое увеличило ее провозоспособность, подготовка баз в Южной Маньчжурии и Северной Корее, где прокладывались дороги, строились казармы, росло присутствие японских войск. Это проникновение японских эмиссаров в Монголию, стремление склонить симпатии монголов на свою сторону и восстановить против России, активизация действий японцев не только в приграничных с Приамурьем районах, но и на территории края. Пользуясь рыболовной конвенцией, они распространялись по Камчатскому и Охотскому побережью, «пользуясь недостатком нашего надзора, бесцеремонно ее нарушали, назойливо требуя разных льгот и послаблений».

По мнению П.Ф. Унтербергера, стратегическая цель Японии состояла в оттеснении России «от моря на Дальнем Востоке и обеспечение тем самым своего великодержавного положения на побережье Азиатского материка». В силу того, что основная цель Русско-японской войны — «отодвинуть нас от берегов Тихого океана и взять с нас громадную контрибуцию не была достигнута», японское правительство и народ были разочарованы и в полной мере не удовлетворены условиями Портсмутского договора. Приамурский генерал-губернатор высказал предположение, «что рано или поздно столкновение Японии и России произойдет, даже против нашей воли. Японцы стараются быть готовыми к нему раньше нас, вполне сознавая, что с готовой к бою Россией им не совладать» [27].

«Безмолвное возрастание вблизи нас военных сил Японии тем более опасно, что за последний год наш другой сосед — Китай — начал расправлять свои крылья, ...начинает принимать относительно нас заносчивое положение». Это виделось в реорганизации его армии, в намерении развития железнодорожных путей в Маньчжурии, в особенности северной ее части, в направлении колонизации в пограничные с нами районы Амурской речной системы и т. д. Вместе с тем автор записки выражал надежду, что при умелом ве-

дении дел мы можем сохранить мир с Китаем и постепенно при взаимном уважении обоюдных прав укрепить временно пошатнувшуюся, веками установленную дружбу [28].

В отношении же Японии в записке было выражено однозначное мнение: «Только наша полная готовность дать ей сильный отпор на случай нападения на нас может охладить ее пыл, заставит одуматься и отложить борьбу на неопределенное время» [29].

«Полная готовность» могла быть только при создании двух коренных условий надежного закрепления за Россией Приамурского края — энергичное планомерное заселение края русскими людьми и скорейшее сооружение Амурской железной дороги, которая бы связала край с внутренними территориями империи. «Над этим нам нужно работать неустанно, не щадя сил и средств», делает вывод Унтербергер (30).

К числу других важнейших мер по укреплению российской дальневосточной окраины он относил:

- усиление войск Приамурского округа и снабжение их всеми усовершенствованными средствами борьбы, чтобы ими можно было задержать неприятеля впредь до прихода наших подкреплений;

- держать в полной боевой готовности наш тихоокеанский флот и средства минной обороны, чтобы неприятель не рискнул на высадку в район залива Петра Великого;

- приведение Владивостока — нашего главного оплота Приамурья — и устья Амура в состояние способности сопротивляться неприятелю до подхода подкрепления;

- для противодействия наплыву в наши пределы из-за границы корейцев и китайцев принять ряд мер и учредить специальное наблюдение.

При этом генерал-губернатор не преминул подчеркнуть, что все эти вопросы в свое время были подробно разработаны и представлены в соответствующие министерства. В скорейшем проведении намеченного в жизнь он видел гарантию сохранения за Россией дальневосточной окраины,

спокойного, мирного, культурного ее развития. Всякая же вялость и нерешительность в наших действиях способны поднять дух и энергию у противника и укрепить его в агрессивных стремлениях и намерениях.

Как трезвый, реалистически мыслящий политик, П.Ф. Унтербергер понимал, что для осуществления всех поставленных задач, даже при наличии необходимых средств и неустанной интенсивной работе всех распорядительных и исполнительных органов местной администрации, потребуется несколько лет. Для успешности проведения в жизнь всех мероприятий, по мнению автора записки, на Дальний Восток нужно назначать лучших людей, как в войска, так и по всем отраслям администрации и решать все вопросы, касающиеся Дальнего Востока, вне очереди. Генерал-губернатор был уверен, как бы велики ни потребовались средства для реализации поставленных задач, тем не менее они будут несоизмеримо меньше тех, которые потребуются для защиты наших прав вооруженным путем.

Свою записку Павел Федорович закончил фразой, выразившей квинтэссенцию его мыслей и звучавшей как афоризм: «Готовность наша встретить врага обеспечит нам мир, неготовность — вызовет войну со всеми ее роковыми последствиями» [31].

Скорее всего, Унтербергер знал, что многие его идеи, соображения, предложения найдут понимание и поддержку премьер-министра, который был горячим и убежденным сторонником укрепления позиций России на Тихоокеанском побережье. Об авторитетности оценок и выводов Приамурского генерал-губернатора говорит и тот факт, что одна из его записок стала предметом обсуждения на одном из закрытых заседаний III Государственной Думы [32].

Доводилось Унтербергеру участвовать и в урегулировании пограничных вопросов местного значения — между Приамурским краем и Хэйлунцзянской провинцией. Естественно, что все подобные шаги непременно согласовывались с Министерством внутренних дел. Анализируя в отчете императору пограничное положение Приамурского края в

1906–1907 гг., генерал-губернатор сосредоточил внимание на российской границе, на взаимоотношениях России и Дайцинской империи, отражавшимися весьма значительно на положении дальневосточной окраины.

Заключение Портсмутского мирного договора, эвакуация в 1906 г. российских войск из Маньчжурии воодушевили местные власти, которые предъявили российской стороне ряд требований. Они касались передачи ей занятых русскими предпринимателями в Маньчжурии приисков, удаления с правого берега Аргуни казаков Забайкальского войска, устроивших там до 200 своих хуторов и зимовьев [33]. Российская сторона вынуждена была удовлетворить эти требования.

Для Приамурского края являлась ценной достигнутая в конце 1905 г. договоренность об открытии пограничного города Айгуня для иностранной торговли и устройстве в нем русского торгового поселка. Сначала хэйлунцзянский цзянь цзюнь, Министерство иностранных дел согласилось с этим предложением. Затем согласие стало обставляться «такими условиями, которые равносильны были категорическому отказу» [34]. Так, они желали бы получить место с пристанью в Благовещенске с правом назначения в русском городе своего консула. Хэйлунцзянский губернатор выдвинул еще одно условие – возвращение Зазейского района на левом берегу Амура, до 1900 г. заселенного маньчжурами и во время военных событий 1900 г. ими покинутого. Это было совершенно неприемлемо для русской стороны. Покинутый маньчжурами Зазейский район императорским повелением был пожалован Амурскому казачьему войску и составлял теперь Николаевский станичный округ.

Поскольку нельзя было рассчитывать на соглашение по вопросу об устройстве русского торгового поселка в Айгу-не, Унтербергер предложил сношение и переписку по этому вопросу не прерывать, дожидаясь благоприятного момента для его решения. Вместе с тем, в 1907 г. с местными властями Маньчжурии удалось достичь соглашения о правилах и размерах оплаты за пользование амурскими казаками раз-

ного рода угодьями на правом берегу Амура. Подобная договоренность снижала степень возникновения различных недоразумений в пограничной зоне.

В эти годы пограничных споров с дайцинскими властями, «заслуживших быть особо отмеченными, — считал Унтербергер, — у нас не было. Пришлось только переставить пограничный знак «литер Е» несколько более в глубь берега, так как он грозил падением в реку с песчаного обрыва, на котором стоял. Перестановка ни в чем граничной линии не изменяла. Знак этот имеет для нас серьезное значение, так как граница на правом берегу реки Амура, дойдя до него (наискось против станицы Казакевичевой), поворачивает вверх по реке Уссури, по левому его берегу» [35].

Для обеспечения безопасности судоходства на Амуре управление водных путей Амурского бассейна разработало систему односторонней установки ориентировочных знаков на российском берегу, избегая, как это было ранее, их на маньчжурском берегу. Ввиду крайней важности обеспечения независимости в плавании по Амуру, по поручению Унтербергера военным губернатором Амурской области были изысканы меры для обеспечения пароходства топливом исключительно на российском берегу.

В это время остро встал вопрос о выработке общих правил плавания по рекам Амурского бассейна. Согласно Айгуньскому (1858 г.) и С.-Петербургскому (1896 г.) договорам за обоими государствами утверждалось исключительное право плавания по Амуру, Уссури и Сунгари. Оба правительства должны были выработать на этот счет особое соглашение о способе его применения. Хотя этого не было сделано, российская сторона имела на трех реках свое пароходство. Инцидент появления в навигацию 1907 г. на российской стороне Амура парохода под флагом соседнего государства привел к дипломатическим сношениям с пекинским правительством. Российский посланник в Пекине и министерство иностранных дел Дайцинской империи договорились образовать в Харбине совместную комиссию для выработки общих правил плавания по Амуру. По мне-

нию П.Ф. Унтербергера, «чем точнее и определеннее будут установлены взаимные права и обязательства в вопросах о плавании по рекам Амуру, Уссури и Сунгари, тем это будет выгоднее для нас», так как лишит соседей возможности использовать всякую неясность в своих интересах.

Не располагая оперативной информацией о развитии Маньчжурии, правительство прикомандированному к Приамурскому генерал-губернатору Н.В. Слюнину сформулировало вопросы, на которые он должен был искать ответы. Немало их касалось Маньчжурии. Вот некоторые из них.

1. Ход заселения приграничного района Маньчжурии, возникновение там торговых и промышленных центров, проведение дорог, способы сообщений. 2. Возникновение новых и развитие уже существующих русских и иностранных промышленных предприятий как в пределах полосы отчуждений КВЖД, так и вне ее, характер и размер их деятельности, вывоз в русские пределы местных товаров, особенно подлежащих у нас обложению акцизом. 3. Характер российской торговли с Маньчжурией. Транзит русских и иностранных товаров через эту страну в направлении Цицикар-Айгунь и по железным дорогам на Владивосток и Дальний. Сведения о расходах за транзитные товары, идущие этими путями. 4. Контрабандный ввоз подлежащих платежу акциза товаров по сухопутной границе с Маньчжурией, пути, по которым этот ввоз производится, размер ввоза отдельных товаров. Выработка мер, которые могли бы быть приняты к устранению этого явления, вплоть до разработки плана учреждения пограничной стражи с указанием пунктов, их числа и общих расходов на ее содержание. 5. Изучение вопроса о положении китайской иммиграции и ее значения для Приамурского края [36].

В записке «Неотложные нужды Приамурья», направленной в феврале 1909 г. на имя председателя Совета министров П.А. Столыпина, генерал-губернатор не преминул сказать о том, что «за последний год наш сосед — Китай — начинает принимать относительно нас заносчивое положение» [37]. П.Ф. Унтербергер был невысокого мнения о

военных силах соседа, которые не представляли «сплоченной воинской единицы», не имели хорошо образованных и обученных офицеров. К тому же при отсутствии централизации финансов вся организация их армии не могла иметь должную устойчивость. Но он допускал ситуацию, когда дайцинское правительство, переоценивая свои силы и побуждаемое Японией, может сделать необдуманный шаг, который вовлечет его в столкновение с Россией.

Вместе с тем генерал выразил уверенность в укреплении веками установленной дружбы между двумя государствами при условии «спокойной, миролюбивой, но твердой, отстаивающей свои права политики России» [38].

В июне 1909 г. Приамурский генерал-губернатор направил в Министерство внутренних дел (МВД) Российской империи план мероприятий по борьбе со шпионажем на ее Дальнем Востоке. В ответ МВД разработало и представило на рассмотрение Государственной Думы законопроект о предоставлении генерал-губернатору Приамурского края специальных дополнительных полномочий, направленных на «ограждение края от иноземного шпионства». Признавая важное значение правительственной меры, депутаты на закрытом заседании 5 ноября ее одобрили [39].

Резюмируя сказанное, с полным основанием можно утверждать, что Унтербергер инициировал обсуждение ряда важных внешнеполитических вопросов в правительстве. Его многочисленные записки и письма являлись импульсом для принятия своевременных решений, направленных на обеспечение национальной безопасности России на тихоокеанском побережье. В социально-экономическом развитии и оборонительном укреплении Приамурского края П.Ф. Унтербергер видел главный залог сохранения мира в регионе. Он многого добился в решении этих задач и тем самым способствовал скорейшему переходу от взаимного российско-японского недоверия к союзническим отношениям между Россией и Японией накануне Первой мировой войны.

Твердо отстаивая безопасность и интересы дальнево-

сточного края и России в целом в делах международных, он был сторонником установления равноправных, взаимовыгодных отношений с Дайцинским государством, «отношений, основанных на взаимном доверии и сознании общих интересов» [40]. При огромной протяженности государственных границ важность таких отношений, по мнению П.Ф. Унтербергера, в достаточной мере сознавалась властями соседних государств.

Очевидно, что ни один генерал-губернатор центральных территорий России не вникал во внешнеполитические проблемы так глубоко и ответственно, как это делали Приамурские генерал-губернаторы. Эта их деятельность служит вдохновляющим примером для глав администраций Дальневосточного региона в отстаивании современных государственных интересов на дальневосточных рубежах России. В твердой охранительной позиции руководителей дальневосточных субъектов РФ в области пограничных взаимоотношений с сопредельными странами можно видеть продолжение и развитие традиции, заложенной еще в конце XIX — начале XX вв.

В 1909 г. император наградил П.Ф. Унтербергера орденом Св. Александра Невского. Девиз ордена «За труды и Отечество» довольно полно отражал заслуги генерал-губернатора перед Россией.

Прощание с Дальним Востоком

начале декабря 1910 г. П.Ф. Унтербергеру стало известно об императорском указе, которым ему «Всемилоостивейше повелено быть членом Государственно-го Совета с оставлением в звании сенатора» [1]. К тому же ему был пожалован орден Св. Анны I степени.

Предстояло прощание с Дальним Востоком. Генерал отправился в Никольск-Уссурийский — столицу Уссурийского казачьего войска, где посетил многие казачьи станицы и крестьянские поселения. Побывал в ряде населенных пунктов, расположенных по Уссурийской железной дороге, на станции Океанской осмотрел фанерный завод Скидельского.

По возвращении в Хабаровск генерал-губернатор нанес частные прощальные визиты, а 19 декабря в Военном собрании принял генералов и начальников частей Хабаровского гарнизона. В этот же день была намечена встреча с городской общественностью. При входе в городской дом Павла Федоровича встретили городской голова И.И. Еремеев и члены городской управы. В зале собрались в полном составе члены городской думы и управы, начальники всех

гражданских управлений и учебных заведений, представители различных обществ и горожан. Главный начальник края вошел в зал под звуки встречного марша, исполненного военным оркестром. От имени горожан городской голова прочитал адрес, поднесенный Унтербергеру, следующего содержания: «Ваше Высокопревосходительство, высокоуважаемый Павел Федорович! Государю императору угодно было призвать Вас на высокий пост члена Государственного Совета, и Вы оставляете край.

Расставаясь с Вами с чувством искреннего и глубокого сожаления и желая навсегда запечатлеть Ваше имя в памяти города, почетным гражданином которого Вы состоите с 1897 года, Хабаровская городская дума единогласно постановила: ходатайствовать о наименовании вновь открытого четырехклассного городского училища — училищем имени Павла Федоровича Унтербергера. Вместе с тем городская дума просит Ваше Высокопревосходительство от города принять сердечное пожелание Вам сил и здоровья на новом Вашем поприще, где Вы явитесь самым верным исполнителем пользы и нужд города Хабаровска, так близко известного Вам в течение более 30 лет» [2].

В ответной речи генерал Унтербергер поблагодарил присутствующих и всех горожан за внимание, сказал, что интересы города Хабаровска ему дороги, что он оставляет его с грустью, а отчасти и с радостью, наблюдая, как город, который он видел совсем маленьким, вырос и развивается в культурном отношении. Он выразил уверенность, что у Хабаровска будет светлое будущее.

Затем было подано шампанское. Городской голова поднял бокал за здоровье Павла Федоровича, за его успехи на новом поприще деятельности. Дружным «Ура» ответил зал на эти слова. Благодаря подробной информации газеты «Приамурские ведомости» есть возможность спустя почти сто лет представить атмосферу дружелюбия, благорасположения и теплоты, которая царила тогда в городском доме.

Генерал Унтербергер предложил тост за здоровье городских деятелей Хабаровска и за преуспеяние города. Затем

*Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер с семьей.
Хабаровск, 1910 г.*

*Первый ряд: младшая дочь Эрна, Павел Федорович, Эмма Ивановна.
Второй ряд: дочь Елена, младший сын Георгий,
старший сын Петр, старшая дочь Мария*

гласный Н.С. Веденский предложил тост за супругу Павла Федоровича — Эмму Ивановну, бывшую председательницу местного «благотворительного общества, много потрудив-

шуюся на пользу этого общества». Главный начальник провозгласил здравицу семьям присутствующих.

На следующий день с утра Унтербергер посетил кадетский корпус, а потом прибыл в здание канцелярии Приамурского генерал-губернатора, где в общей зале собрались все чины канцелярии. Правитель канцелярии поблагодарил его высокопревосходительство «за снисходительность к ошибкам по службе, гуманное и подчас отеческое отношение» к канцеляристам. Отметив дружную, беззаветную работу всех чинов канцелярии, не оставив без внимания и самых младших, П.Ф. Унтербергер пожелал всем здоровья и успехов на пользу края.

В женской гимназии, где собрались начальствующие лица, преподаватели, воспитанницы старших классов, после прощальных благодарственных выступлений сфотографировались на память с генералом.

К 11 часам 21 декабря на Хабаровском вокзале собралась масса людей, чтобы проводить Павла Федоровича и Эмму Ивановну, которые в вагоне главного начальника почтового поезда отправились во Владивосток.

В этот день «Приамурские ведомости» на видном месте поместили краткое послание «По случаю своего отъезда из края: я, к сожалению, не успел быть у всех своих добрых знакомых и прошу их поэтому заочно принять мой сердечный прощальный привет с пожеланием всего лучшего. П. Унтербергер».

В любимом Владивостоке Павла Федоровича и Эмму Ивановну ожидало радостное семейное торжество — женитьба старшего сына Петра. Родителям пришлось немало переживать за его личную судьбу, которая отразилась и на карьере.

Петр пошел по стопам отца — окончил военное инженерное училище и с 1905 по 1908 гг. проходил обучение в Николаевской инженерной академии. Перед завершением обучения его постигла большая личная трагедия — умерла жена Софья Михайловна, урожденная Аквилонова. На руках Петра Павловича остался годовалый сын Георг Михаэл

*Петр Павлович Унтербергер — военный инженер-капитан.
Хабаровск, 1910 г.*

(Георгий Петрович). В этих обстоятельствах он не смог своевременно предоставить дипломный проект. Поэтому ему не присвоили звание военного инженера [3]. При распределении П.П. Унтербергер изъявил желание служить в городе своего милого детства - во Владивостоке, где шло строительство оборонительных сооружений. Здесь он проявил себя как талантливый инженер, самостоятельно разработавший оригинальный проект строительства доминирую-

шего над городской территорией форта № 2. За этот проект он получил звание военного инженера.

Бракосочетание Петра Унтербергера и Женни Бирк состоялось 22 декабря 1910 г. в лютеранской кирхе г. Владивостока. По свидетельству Э. Прей, американки с чувством юмора, дружившей с Женни Бирк, венчание было «милым и простым». Когда пастор обратился к Петру с вопросом: согласен ли он взять в жены Женни, он «сказал «Яа» (Да) так громко, что от этого затрещали стропилы кирхи». Немецкая колония была разочарована церемонией венчания, «поскольку нашли ее недостаточно торжественной для сына генерал-губернатора и дочери военно-морского врача в генеральском чине. Генерал Унтербергер и сам прибыл без какой-либо свиты, столь же просто, как и любой другой человек, и это также не понравилось им» [4].

К отъезду Унтербергера в газете «Дальний Восток» известный во Владивостоке публицист В. Панов поместил большую статью, в которой вспомнил первую встречу с генералом на Хабаровском съезде сведущих людей, созванном генерал-губернатором Корфом в 1886 г. Автор охарактеризовал Унтербергера так: «непосредственный насельник-обыватель, общественный деятель, участник административного управления за очень долгий период, высший ответственный руководитель местной администрации» [5]. В статье чувствовалось полемическое начало, очевидно, связанное с обсуждением во владивостокском обществе итогов деятельности Унтербергера и допущенных им в управлении ошибок. Публицист не отрицал, «конечно, были ошибки». Сославшись на русскую поговорку «не ошибается тот, кто ничего не делает», он сравнил административную работу на малоосвоенной окраине и в губерниях европейской России, где «жизнь находилась в историческом и бытовом русле». Кто явится выразителем пустынного края, риторически вопрошал автор, где «в могучей первобытной природе человек совершенно подавлен ее мощью, где общественность разбита тайгой на жалкие клочья и сама еще не может определить своих стремлений

далее самых примитивных потребностей», где «каждый член ее отчетливо понимает, что самое главное, нужно жить сперва с ружьем и револьвером на стене против тигра и хунхуза, нужно самому проконопатить дом, чтобы не замерзнуть. При такой мизерной общественности и огромности первобытного неустроенного края - у руководителя администрации оставался единственный компас: его кабинетная работа, личный разум и личная наблюдательность. И нисколько не удивительно, что зачастую такая работа была подвержена тем или другим ошибкам. Это результат неизбежности, иначе здесь быть не может, ибо такова еще вся обстановка местной жизни» [6].

В статье перечислены важнейшие дела, а их В. Панов насчитал 17, которые Унтербергеру удалось завершить или подготовить к проведению в жизнь.

Публицист закончил статью таким резюме: «Как человек, отдавший полвека своей личной жизни и Восточной Сибири, и Приамурью и состарившийся в непосредственном служении им, он особенно дорог тем старожилам-пионерам, которые вместе с ним протапывали первые тропы в окраинной общественности... Работа его видна, жизнь на этой работе прожита. Пусть же остатки его еще бодрой жизни озарятся доброю памятью о далеком Приамурье» [7].

В полдень 24 декабря 1910 г. Владивостокская городская управа стоя встретила Унтербергера на своем заседании. «Мне особенно дорог Владивосток, — сказал при прощании Павел Федорович, — еще и потому, что я имею честь состоять его Почетным гражданином и всегда буду следить за его дальнейшей жизнью и прогрессом...» [8].

С чувством выполненного долга Павел Федорович покидал край, который пять лет назад находился в состоянии смуты, неразберихи и упадка. Теперь же население быстро росло за счет переселенцев, экономика находилась на подъеме, полным ходом шло строительство Амурской железнодорожной магистрали, войска военного округа выросли и окрепли, с ближайшими соседями — с Дайцинской и Японской империями — отношения приобрели стабиль-

ный характер. Другьям на прощание он говорил, что непременно вернется. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает.

Инженер-генерал П.Ф. Унтербергер вместе с супругой 26 декабря 1910 г. утренним почтовым поездом отбыл из Владивостока по КВЖД, а затем по Сибирской железнодорожной магистрали в Петербург. Павел Федорович перевернул главную страницу своей жизни, которая называлась «Дальний Восток России».

Старый амурец в столице и в эмиграции

о приезде в С.-Петербург П.Ф. Унтербергер с семьей поселился в просторных апартаментах дома № 32, располагавшегося на Фонтанке. С официальным визитом он посетил Государственный Совет, Сенат, Главный штаб, встретился с друзьями и знакомыми и... засел за новую книгу о дорогом ему Приамурском крае, о его значимости для России и его будущем.

Объясняя мотивы своего решения вновь взяться за перо, Павел Федорович с сожалением писал, что в среде широкой российской публики имелись весьма скудные, а иногда превратные сведения о самой дальней окраине России, хотя уже более полувека она являлась частью империи. Старого амурца встревожило мнение, возникшее в обществе под впечатлением неудач в Русско-японской войне, о ненужности края, о невыгодности для Российской империи вкладывать в него значительные средства. Павел Федорович чувствовал свою личную ответственность за опровержение этого вредного для государственных интересов мнения, за убедительное обоснование нужности, более того, ценности Приамурья для России.

«Прослужив на разных должностях 38 лет, — писал он в

предисловии, — все затронутые вопросы мне близко знакомы с начала их возникновения. Находясь последние пять лет во главе управления Приамурского края и Приамурского военного округа, мне приходилось принимать руководящее участие в их разрешении на месте...» [1].

Как всегда, Павел Федорович трудился над рукописью вдумчиво, споро, заново осмысливал пятилетие своей интенсивной, напряженной работы по управлению краем. Только теперь — с территориальной и временной дистанции. В марте 1912 г. он закончил рукопись. А в конце этого же года книга «Приамурский край» была издана под эгидой Императорского Русского географического общества и сразу же стала заметным явлением общественно-политической и культурной жизни российского общества.

Автором была умело выстроена структура, архитектура книги. Первые три главы ее были посвящены проблеме заселения края крестьянами, казаками, рабочими и вопросу противостояния наплыву азиатских мигрантов в дальневосточные российские пределы. Затем в одной главе автор осветил состояние и перспективы развития сельского хозяйства, кустарной и фабричной промышленности. А вот промыслы — лесной, горнодобывающий и рыбный — в силу их особой значимости выделил в специальную пятую главу.

О широте взглядов П.Ф. Унтербергера, о понимании им жизненных приоритетов говорил тот факт, что вопросы народного просвещения и народного здоровья он поместил не в конце, как нередко случалось в других аналогичных книгах, а в середине книги, посвятив им специальную главу.

Торговля, развитие городов и путей сообщения тоже рассмотрены в отдельной главе. Почти четвертая часть книги была посвящена Сахалинской и Камчатской областям, подробному описанию путешествия П.Ф. Унтербергера на Камчатку, Чукотку с заходом на американскую Аляску. Об этих землях широкая публика имела довольно смутное, поверхностное представление, поэтому вполне естественным было желание автора как можно полнее рассказать об этих уникальных территориях.

В последних четырех главах рассматривались вопросы отношений с соседними странами, рассказывалось о деятельности военного и морского министерств в крае, об администрации, суде и управлении Приамурским краем.

Даже простой перечень названий глав книги убедительно свидетельствовал о капитальном, поистине энциклопедическом характере труда П.Ф. Унтербергера.

В повествовании акцент был сделан на острых проблемах развития края. Наряду с этим автором были высказаны трезвые, разумные суждения о его перспективах. Они во многом касались управленческих проблем, совершенствования технологии управления отдаленным пограничным краем в рамках самодержавной системы, а также взаимоотношений с соседними государствами и обеспечения безопасности российской территории на Дальнем Востоке.

Общим знаменателем предложений и соображений об управлении краем являлось мнение о необходимости предоставления генерал-губернатору большей свободы и самостоятельности в решениях и действиях. «Голосу генерал-губернатора по всем вопросам должно быть дано веское значение, — считал автор, — и представления его без особо основательных причин не должны быть отклонены или изменены в существенной своей части» [2]. «...Выбор лиц на этот пост должен, конечно, делаться с особым вниманием и тщательной оценкой качеств кандидатов на эту должность» [3], — считал опытный администратор.

Имевший большой опыт участия в формировании дальневосточной внешней политики, Унтербергер подчеркнул, что события на крайнем востоке Азии совершаются «быстро и часто неожиданно, поэтому нужно за всеми этими эволюциями международного характера зорко следить, дабы они нас не застали врасплох» [4]. Он был уверен в том, что равновесие сил держав на крайнем Востоке сближает их интересы и укрепляет желание сохранить мир. «...Чем больше будет разница в силах, тем больше будут расходиться и интересы, и тем легче могут при неустойчивости более слабого произойти столкновения» [5].

В книге П.Ф. Унтербергер убедительно доказал, что дальневосточный край имеет для империи громадное значение, представляя собой обширный запас земель и естественных богатств для использования их будущими поколениями россиян.

Традиционно Унтербергер придавал большое значение убедительной наглядности и научной достоверности книги, в связи с этим он поместил в ней 6 карт — Приамурского края, побережья Приморской и Камчатской областей, схем железных дорог и другие, а также 55 фотоснимков, значительная часть которых принадлежала автору. На снимке, который и сегодня воспринимается как художественная открытка, запечатлены покрытые снегом Коряцкая и Авачинская сопки. Великолепен снимок чукотской байдары, скользящей по тихой воде на фоне высоких неприступных скал. Запечатленные пейзажи Камчатки выдавали в Унтербергере чуткого, тонкого ценителя природы и высокопрофессионального фотомастера. На большинстве снимков изображены люди. Вот сидящая корячка на фоне складов для вяленой рыбы, коряцкие дети в национальной одежде, эскимосы на острове Св. Лаврентия, казаки Якутского полка с уездным начальником, японские рыбаки у рыболовной снасти с кетой и др. Безусловно, эти фотодокументы Павла Федоровича и сегодня сохраняют историко-познавательное значение и этнографическую ценность.

Тщательно составленные приложения на 55 страницах не только усилили достоверность изложения, но имели и имеют самостоятельную ценность. Внимание вдумчивого читателя привлекали обширные и разнообразные статистические материалы, которые автор извлек из официальных источников, о чем свидетельствовали соответствующие ссылки. Недаром книга была издана по отделу статистики ИРГО. Статистические данные о населении содержали разнообразную информацию о его количестве и движении, о его половом и национальном составе в дальневосточных областях и городах в 1906—1910 гг. Например, можно было узнать, сколько родилось мальчиков и девочек в Амурской

Байдара на фоне гор. Фото П.Ф. Унтербергера

и Приморской областях, или получить данные о том, что в Амурской области в 1910 г. проживало 32,4 тыс. подданных Дайцинской империи, из них всего 63 женщины, а японцев — 820 человек, в том числе 283 женщины.

Дополнением к статистическим данным явилось графическое изображение сравнительных итогов хозяйствования крестьян и казаков, полученных в ходе проведенного в крае специального обследования 111 крестьянских и 111 казачьих хозяйств. Наряду со значительными статистическими данными, оформленными в таблицы, в приложения были включены материалы с информацией из различных областей жизни Приамурского края, в том числе и управления. К ним относился «Список генерал-губернаторов Приа-

мурского края, их помощников и начальников областей и о. Сахалина с 1884—1910 г.». Перечень «Экспедиции и более важные командировки, относящиеся к периоду времени с 1906 г. по 1910 г.», включавший 42 пункта, позволил читателям убедиться в интенсивном характере научного изучения российского Дальнего Востока.

Для раскрытия особенностей и масштабов послевоенного развития дальневосточной окраины ценнейшим источником являлся перечень наиболее важных событий и мероприятий, которые произошли за 1906—1910 годы в Приамурском крае. В нем содержится 114 пунктов. Конечно, степень значимости перечисленных событий и мероприятий была далеко не равноценной. Например, «решена постройка Амурской железной дороги» и «утвержден штат Владивостокской Пастеровской станции», «учреждены особые епархиальные комитеты для удовлетворения церковных нужд переселенцев» и «устроено радиотелеграфное сообщение Петропавловск — Николаевск», «учреждена Амурская канонерская флотилия» и т. д. Однако в этой разноценности можно было увидеть многообразие тенденций, изменений, сложностей, которые были присущи российской окраине.

Об этом же свидетельствовал и перечень важных ходатайств, в разное время возбужденных в правительстве и не нашедших к 1910 г. решений. В перечне содержалось 49 пунктов.

В приложении любопытен и такой документ, как «Опыт подготовки пастухов-оленоводо-в на Аляске», с которым П.Ф. Унтербергер познакомился во время пребывания в американской провинции.

Если в своей первой книге «Приморская область. 1856—1896 гг.» Унтербергер писал о самой населенной и развитой среди других дальневосточных территорий Приморской области, которую характеризовал как юный край, где жизнь не вылилась еще в «определенные формы», то теперь Павел Федорович в заключении книги сформулировал следующие выводы. «Все наиболее важные, поставленные на первую

очередь вопросы по колонизации, культурному развитию и охране Приамурья или решены, или получили надлежащее направление. Таков итог деятельности центральной и местной власти, тысяч россиян по освоению тихоокеанских пределов Российской империи. Теперь же, — считал старый амурец, — не уклоняясь в сторону и с твердою верою в незыблемую мощь Великой России, продолжать этот путь до конечной его цели, указанной Державной Волею Государя Императора, чтобы наш Дальний Восток был вполне Русским и сильным» [6].

Книга по достоинству была оценена в столице и в дальневосточном крае. Она была удостоена большой золотой медали Русского географического общества и сыграла заметную роль в пропаганде знаний о российском Дальнем Востоке. Старинный знакомый, прослуживший несколько лет в высоких чинах Е.И. Алексеев благодарил Павла Федоровича за присылку «весьма интересного и умного труда», который «составит прекрасную справочную книгу и не только деяниям в Приамурье, — писал Алексеев, — но для всякого, кому дороги интересы этого обширного и богатого края... Вы обогатили нашу более чем скромную литературу о Дальнем Востоке» [7].

С Дальнего Востока В. Чернышев писал: «Книга обращает на себя внимание самостоятельностью труда, это не компилятивное сочинение, созданное при канцелярии... Правильность выводов, сделанных на основании опыта. Те лица, с которыми приходилось говорить о вашей книге, даже из враждебного к вам лагеря - с полным уважением отзываются об авторе, добавляя, что губернатор Унтербергер и не мог выпустить некапитальный труд» [8].

Благодарил автора за книгу и Н.С. Веденский. «Чем больше публика будет знакомиться с краем, тем лучше, выгоднее для него...» — подчеркнул он [9].

Положительное мнение о книге прозвучало и с трибуны IV Государственной Думы. Депутат Приамурского края А.Н. Русанов в речи на пленарном заседании 21 мая 1913 г., критикуя правительство за неустойчивую дальневосточную

политику, сослался на компетентное мнение П.Ф. Унтербергера, изложенное им в книге «Приамурский край». Солидаризируясь с мнением бывшего генерал-губернатора края, депутат сказал: «Неопределенность и отсутствие определенной точки зрения на дела Дальнего Востока, неустойчивость дальневосточной политики у центрального правительства — хроническое бедствие» [10].

Книга П.Ф. Унтербергера «Приамурский край», как и предыдущая книга «Приморская область», выдержала испытание временем: за сто с лишним лет на ней не появилось патины, по всем параметрам она отвечает современным требованиям, предъявляемым к монографическому исследованию. Можно с уверенностью утверждать, что книги П.Ф. Унтербергера являются одними из самых востребованных изданий дореволюционной историографии российского Дальнего Востока. Ныне они стали незыблемым, общепризнанным ценным источником по дальневосточной истории.

Замечательные Приамурские генерал-губернаторы А.Н. Корф, С.М. Духовской, Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер, Н.Л. Гондатти вместе с тысячами россиян обустроили дальневосточный край как территорию Российской империи. А Павел Федорович еще и сотворил его историю, сохранив в памяти потомков имена и дела самоотверженных мужественных пионеров освоения Дальнего Востока России, к которым принадлежал и он сам.

Книга увидела свет в год, когда П.Ф. Унтербергер отмечал 50 лет военной службы и 70-летие со дня своего рождения. Такой подарок к юбилею он сделал себе сам и любимому дальневосточному краю. Гонорар за книгу он передал в дар Обществу изучения Амурского края.

В день исполнившегося 50-летия военной службы — 13 июня 1912 г. генерал был удостоен императорского рескрипта, который был подписан: «Пребываю к вам неизменно благосклонный и благодарный Николай». В рескрипте говорилось: «По окончании Николаевской инженерной академии долгие годы Вашей службы проведены

были среди суровых условий жизни в Восточной Сибири и Приамурском крае. Обратив на себя внимание Вашей деятельностью на должностях Приморского, засим Нижегородского губернатора, вы в 1905 г. были назначены Мною Приамурским генерал-губернатором, а через 5 лет призваны к участию в занятиях Государственного Совета, где являетесь одним из знатоков быта и потребностей дальневосточной окраины империи. Желая ныне, в день полувековой годовщины вашего отлично-ревностного служения Престолу и Отечеству, выразить Монаршее внимание к вашим заслугам, я пожаловал вам бриллиантовые знаки ордена князя Александра Невского, кои при сем препровождаются» [11]. При царском дворе было принято отмечать юбилейные даты высших государственных и военных чинов императорскими поздравлениями и наградами.

Император отметил Павла Федоровича еще несколькими своеобразными наградами. Так, ему было предоставлено право носить на груди учрежденную в память 300-летия царствования Романовых светло-бронзовую медаль, а также был пожалован нагрудный знак, предназначавшийся для лиц, приносивших «Их Императорским Величествам личные верноподданнические поздравления» в дни юбилейных торжеств. Кстати, во время этих торжеств старшая дочь — Мария была представлена императрице Александре Федоровне. В августе 1914 года Павел Федорович был пожалован знаком отличной беспорочной службы за 50 лет на Георгиевской ленте, а через месяц по докладу Кавалерской Думы император соизволил пожаловать бантом к имеющемуся ордену Св. Владимира IV степени [12].

На ум приходит современная присказка про «пустячок, но приятно». Но навряд ли старый генерал придавал какое-либо значение этим знакам и бантам. Приведены эти факты из формулярного списка П.Ф. Унтербергера исключительно для расширения познаний современных читателей о наградах в императорской России.

Юбиляр получил множество поздравлений — от родственников, бывших сослуживцев — гражданских и во-

енных — из Симбирска, Москвы, Дерпта, Риги, Нижнего Новгорода и т.д. Из всей почты он выделил поздравления, которые пришли с Дальнего Востока, из городов Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, почетным гражданином которых он являлся. Газета «Дальний Восток» опубликовала большую статью, в которой довольно полно раскрыла его заслуги перед Отечеством и в особенности перед Приамурьем.

«Одному из старейших старожилов Приамурья» — Павлу Федоровичу Унтербергеру — старожилы города Владивостока прислали свое групповое фото, на котором были запечатлены 36 человек — бывшие чиновники, офицеры, предприниматели, священники, общественные деятели, в том числе В.П. Маргаритов, А.В. Даттен, Ю.И. Бринер, В.А. Панов и другие известные жители города, кто прожил во Владивостоке свыше 50 лет и с кем старый генерал строил восточный порт России.

В телеграмме на имя А.В. Суханова Унтербергер написал: «Тронут любезным вниманием старожилов Приамурья. Искренно благодарю всех за память и присылку группы, которая навсегда останется у меня отрадным воспоминанием проведенного на Дальнем Востоке времени» [13].

В Приморье было увековечено имя Унтербергера, хотя оно и не совсем было удобным в произношении для простого человека. В Никольске-Уссурийском главная улица носила имя Унтербергера. Казаки одной из станиц близ Шмаковки называли ее Павелфедоровка. На полуострове Муравьева-Амурского севернее мыса Вилкова (Маньчжур) бухта носила имя Унтербергера [14].

Из Нижнего Новгорода пришло известие, что предприниматели и купцы начали хлопотать о возведении в городе памятника бывшему Нижегородскому губернатору П.Ф. Унтербергеру. Жизнь доказала, насколько он был прав, когда настоял на возведении кирпичных складов на ярмарочных пристанях города. Благодаря этому деловые люди сохраняли ежегодно от пожаров товаров на тысячи рублей. Газета «Волгарь» в ноябре 1914 г. поместила

Старожилы Владивостока. Фото в подарок П.Ф. Унтербергеру

следующую информацию: «Нижегородский губернатор предложил совету съездов судовладельцев объявить паромовладельцам Сибирских и Петроградских пристаней, что прошение о постановке памятника на Сибирской пристани с соответствующей надписью о застройке ярмарочных пристаней каменными постройками по инициативе бывшего Нижегородского губернатора Унтербергера представлено вместе с заключением уполномоченных на утверждение министру внутренних дел» [15]. Однако война перечеркнула это благородное намерение нижегородцев.

Работа в Государственном Совете была интересна Павлу Федоровичу. Здесь он встретил нескольких своих старинных знакомых, в том числе и генерала Н.И. Гродекова, с которым обменивался дальневосточными новостями, ностальгировал, вспоминал свою службу на самой далекой российской окраине. К огромному огорчению Унтербергера Н.И. Гродеков в начале 1913 г. скончался, и он проводил старого амурца в последний путь. Теперь Унтербергер

стал единственным в Госсовете человеком, «болевшим» за Приамурье.

Существовавший уже более ста лет как высший законосовещательный институт Российской империи, Государственный Совет в 1906 г. претерпел реорганизацию. Он превратился, по существу, во вторую, верхнюю палату парламента и обсуждал рассмотренные Государственной Думой законопроекты до их утверждения царем. К тому же он стал полупредставительным органом: одна половина его состава избиралась православным духовенством, дворянскими и земскими собраниями, Академией наук и университетами, организациями торговли и промышленности; другую половину назначал император.

П.Ф. Унтербергер входил в ту часть Совета, которую назначал Николай II. Ежегодно именным императорским указом генерал назначался «к присутствию в Государственном Совете». Как член Госсовета он получал содержание 16 тыс. рублей в год. Последний указ был издан 31 декабря 1916 года, которым Павел Федорович был назначен к присутствию в Государственном Совете в 1917 г.

В связи с реорганизацией вырос объем работы членов Государственного Совета, повысилась их ответственность. Глубокое знание дальневосточных проблем позволило инженер-генералу П.Ф. Унтербергеру стать главным экспертом Совета по этим проблемам. Умение же работать со статистикой сделало его незаменимым при подготовке решений. Его методы работы при подготовке постановлений можно видеть на примере вопроса о запрете охоты на соболя.

Истощение естественных популяций соболя в Сибири и на Дальнем Востоке подтолкнуло Госсовет к принятию экстренных мер. Предложение было одно - на три года наложить вето на соболиную охоту в этих районах.

Член Государственного Совета П.Ф. Унтербергер внес поправки к законопроекту об установлении ограничительных мер по охоте на соболя. Цель их состояла в предупреждении истребления соболя как в интересах сохранения

Генерал от инфантерии Н.И. Гродеков

этого ценного пушного зверя, так и в интересах самого населения, имеющего, благодаря охоте на соболя, заработок. Но для этого, считал он, вряд ли есть основание запрещать охоту на соболя на три года подряд во всей империи. Мера эта может иметь практическое значение в местностях, где соболь почти совершенно исчез или составляет второстепенную статью дохода населения. Но она грозит стать разорением для населения Камчатской области [16].

Для изучения проблемы П.Ф. Унтербергер запросил данные с мест. С Дальнего Востока ему сообщили, что в

последние пять лет средняя годовая добыча соболя по промысловым районам была следующей: амурскими инородцами Хабаровского и Удского уездов, Удским и Аянским районами — до 4 тыс. штук. Орочи и другие инородцы хребта Сихотэ-Алинь добывали до 300 штук. На Камчатке — в Петропавловском уезде — до 4500, Гижигинском и Охотском — до 1500 штук [17].

Из Петропавловска-Камчатского была получена телеграмма вице-губернатора, в которой сообщалось, что по показаниям фирм из области вывезено соболей в 1906 г. — 3019 шт., в 1907 г. — 3966 шт., в 1908 г. — 3606 шт., в 1909 г. — 4239 шт.

Из Благовещенска информировали, что в области в 1910 г. добыто соболей на сумму 78 365 руб.

По подсчетам Унтербергера общее число добытых в 1910 г. соболей составило в Приморской области около 4300 шт., в Петропавловском уезде Камчатки — 4500 шт., в Гижигинском и Охотском уездах — 1500 шт., в Амурской области — 1000 шт. Всего 11 300 шт. [18].

С предложениями, внесенными Унтербергером, большинство Совета согласилось. В Петропавловском уезде Камчатской области охоту на соболя решено было запретить с 1 ноября 1913 г. по 15 октября 1914 г. По представлению Камчатского губернатора в интересах населения и в целях сохранения зверя Приамурский генерал-губернатор мог запретить охоту в области с 15 октября 1915 г. по 15 октября 1916 г. О таком воспрещении охоты население уезда должно быть оповещено не менее, как за год вперед. Эти предложения учитывали интересы местного, в основном инородческого населения и решали проблему сохранения популяции соболей мягкими, безболезненными мерами, с предоставлением права местной власти решать ее на месте.

В начале 1913 г. Россия отметила 300-летие династии Романовых. Как член Государственного Совета, Павел Федорович участвовал в столичных торжествах и встретился с представителями Приамурья, на них прибывших. Впрочем,

Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти не оказал особого расположения своему предшественнику.

В жизни России 1913 год оказался на редкость спокойным. В прошлое ушли переживания в обществе в связи с военным поражением и революционными потрясениями. Был получен небывало высокий урожай хлеба, в гору шли торговля и промышленное производство. Но оказалось, что это был последний мирный, наполненный радостными ожиданиями год Российской империи. В 1914 году, спустя десять лет с начала Русско-японской войны, Россия оказалась втянутой в новую, на этот раз мировую войну. Сначала ее многие считали справедливой, освободительной, отечественной. Патриотический подъем охватил все слои российского общества, казалось, вся страна едина в своем искреннем порыве солидарности с российской армией, выступавшей против германских войск. Удачная для русской армии военная кампания 1914 г. во многом поддерживала эти настроения в российском обществе. Однако кампания 1915 г. сложилась неблагоприятно — превосходящим силам противника удалось оккупировать привислинские, часть прибалтийских и западных губерний. Потери личного состава русских оказались огромными.

Для унтербергерской семьи, где два сына были офицерами, война стала тяжелейшим испытанием. Из редких весточек из Владивостока Павел Федорович и Эмма Ивановна знали, что старший сын Петр в личной жизни счастлив, что у него появилась дочка Лили (Хелена) Эдит Женни, и они вторично стали Гроссфатер (дедушкой) и Гроссмутер (бабушкой). Успешно складывалась и военная карьера Петра Павловича. За выдающиеся успехи при производстве работ по предоставлению начальника инженеров крепости и строителя Владивостокских укреплений генерал-майора А.П. Шошина он был произведен в подполковники. Среди военных инженеров, профессионалов высокого класса, занятых на сооружении оборонительных фортов крепости Владивосток, П.П. Унтербергер выделялся нетривиальностью инженерных решений, высоким качеством и акку-

ратностью работ. Его проект позволил сэкономить часть дорогостоящих материалов и возвести на форту по его инициативе сверхпроектные оборонительные сооружения [19]. Подполковник Унтербергер считал, что во время войны его офицерский долг находится на фронте, а не в глубоком тылу. «Питер в приподнятом настроении собирается отправиться на войну добровольно, — записала в дневнике близкая подруга Женни Унтербергер Э.Л. Прей, — поскольку наступает зима, когда его работа останавливается» [20]. И в конце 1914 г., сдав строительный участок, Петр Павлович отбыл на фронт. По прибытии в действующую армию он был направлен в распоряжение начальника инженеров крепости Ивангород, которая находилась на угрожаемом направлении. В следующем году он участвовал в укреплении г. Радомы. За отличия в боевых действиях он был произведен в полковники [21]. Старшим своим сыном генерал мог гордиться.

В мае 1915 г. семью Унтербергеров постигло большое горе, которое испытали уже тысячи российских семей. Погиб младший сын, морской офицер Георгий Павлович Унтербергер, Гори, как звали его родные. В жизни он осуществил свою мечту — стал морским офицером. После окончания Морского корпуса мичман Г.П. Унтербергер служил по Адмиралтейству и в 1-м Балтийском экипаже. В 1913 г. прошел курсы минного офицерского класса в Кронштадте и был направлен старшим офицером на минный заградитель «Енисей». Эта служба была связана с большим риском для жизни. Безусловно, для сына инженер-генерала, сенатора и члена Государственного Совета всегда нашлось бы при желании молодого офицера более безопасное место службы в штабе, на берегу. «Такой поступок, — считает М. Гусев и с ним нельзя не согласиться, — для лейтенанта, офицера русского флота Георгия Унтербергера был совершенно немислим» [22]. Он вырос в семье, где высоко ценились честь и достоинство офицера.

С начала войны «Енисей» ставил минные заграждения у неприятельских берегов. Только за один день 2 декабря

П.Ф. Унтербергер с дочерьми в Петрограде, 1916 г.

1914 г. в Данцингской бухте в тяжелейших погодных условиях им было выставлено 240 мин. После выполнения боевого задания 22 мая 1915 г. минный заградитель уже входил в Финский залив, когда выпущенная с немецкой подлодки торпеда нанесла «Енисею» смертельный удар. Оставшийся на капитанском мостике кавторанг (капитан второго ранга) К.В. Прохоров до конца исполнил свой долг, руководя спасением команды. Под стать командиру самоотверженность проявила вся команда, в том числе и старший минный офицер Г.П. Унтербергер. «Енисей» быстро погружался в морскую пучину. Офицеры и команда делали все возможное для спасения. Но подошедшие с берега шлюпки успели спасти лишь 30 человек. Среди тех 298 моряков, для которых Балтийское море стало братской могилой, был и Георгий Павлович Унтербергер. Тяжело переживший гибель младшего сына, генерал Унтербергер учредил фонд имени лейтенанта Унтербергера для оказания помощи рядовым флота и их семьям, пострадавших при минных опытах в учебном минном отряде [23]. Стремясь быть непосредственно полезным

армии, генерал взял на себя обязанности инспектора лечебных заведений Петрограда, инспектировал лазареты, где напрямую узнавал о положении дел на фронте.

От тяжелых мыслей и мрачных предчувствий отвлекали письма, иногда приходившие с Дальнего Востока.

Ценным каналом связи Павла Федоровича с забываемым Приамурьем являлась переписка с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, который служил при генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти чиновником по особым поручениям. А поручения, конечно, были разными, в том числе и связанные с военными экспедициями по борьбе с хунхузами и выдворением из края китайцев, незаконно находившихся в Приамурье. В архиве Общества изучения Амурского края сохранилось несколько писем П.Ф. Унтербергера Арсеньеву. Их содержание и дружеский тон дают основание предполагать, что переписка продолжалась целое десятилетие — с момента начала жизни генерала в Петербурге до его кончины в Германии. Это время было тяжелым для обоих и переписка помогла пережить его.

В письме, датированном 28 марта 1915 г., Унтербергер сообщил, что арсеньевские письмо и труды «Китайцы в Уссурийском крае» и «Вымирание инородцев Амурского края» получены. «Первый, — сообщал он, — я успел уже бегло просмотреть и приветствовать в нем ценный вклад в литературу по исследованию разных народностей, обитающих в Приамурье» [24].

С 1911 г. В.К. Арсеньев возглавил Гродековский музей, который к этому времени не только внешне обветшал, но и стал утрачивать свою роль собирателя, хранителя и пропагандиста истории Приамурья. О работе по возрождению музея Владимир Клавдиевич информировал своего друга, который в следующем своем письме благодарил его за присланную фотографию музея. «Он принял парадный вид. От души желаю Вам дальнейшего успеха в работе на пользу Приамурья, которому Вы посвятили свои недюжинные силы» [25] — этими словами Унтербергер закончил свое послание, датированное 28 июня 1915 г. Очевидно, дирек-

тор музея жаловался Унтербергеру на тогдашнего генерал-губернатора Н.Л. Гондатти за его равнодушие к музею. В связи с этим Павел Федорович в одном из своих посланий писал: «Очень сожалею, что музей не пользуется необходимой материальной поддержкой. Впрочем, покойный Н.И. Гродеков, с которым мне приходилось не раз заводить речь о музее, насколько мне известно, не забыл его в своем завещании» [26].

Как старейший член регионального отделения ИРГО, в 1882–1889 гг. Павел Федорович председательствовал в Восточно-Сибирском его отделе, а с 1898 г. являлся действительным членом ИРГО — он в марте 1915 г. был выбран членом совета этой высокоуважаемой в России научной организации. Теперь в руководстве ее появился человек, всей душой сочувствовавший дальнейшим исследованиям российского Дальнего Востока. Об этом он писал Арсеньеву: «Вчера получил высланные Вами печатные труды. Очень благодарен. Теперь у меня есть более определенная опора, чтобы отстаивать в совете Географического общества интересы дальнейших экспедиций на Дальнем Востоке».

В письмах Унтербергера Владимир Клавдиевич находил дружеское одобрение, духовную поддержку, полезные советы, которые вселяли надежду и ободряли. «Вижу, что Вы с увлечением продолжаете Ваши научные работы, — читал Арсеньев в очередном письме из Петербурга, — а главное не останавливаетесь на предварительных отчетах по Вашим путешествиям, а окончательно отрабатываете свои собранные материалы. Другими словами, идете в этом отношении по стопам знаменитого Пржевальского, который мне сам говорил, что он, окончив экспедицию, не раньше снаряжает вторую, пока первая не вышла из печати. Помню, что я Вам рекомендовал это правило и вижу, что Вы его исполняете. Это одно из великих достоинств путешественников. Сколько пропадает без пользы ценного материалы из-за того, что исследователи, увлекаясь открытиями..., откладывают современную разработку собранных данных, последствием чего являются не цельные труды, а обрывки» [27].

Павел Федорович считал необходимым ознакомить руководство ИРГО с результатами научной деятельности В.К. Арсеньева. В этом он видел не столько дружескую протекцию, сколько выполнение долга перед дорогим Приамурьем, нуждавшемся в разнообразных исследованиях. Владимира Клавдиевича он считал крупным талантливым путешественником и исследователем российского Дальнего Востока, с большим будущим. Ведь ему было всего 43 года! Поддержка ИРГО экспедиций В.К. Арсеньева дала бы мощный импульс для исследования Приамурья. Поэтому Павел Федорович не устает просить Арсеньева о присылке его публикаций, докладов и записок для ознакомления с ними членов совета Географического общества, чтобы «заинтересовать их в дальнейших путешествиях, необходимых для завершения некоторых из Ваших работ Конечно, до окончания войны вряд ли можно будет реально осуществить эти предположения» [28].

Вместе с тем Павел Федорович очень сочувственно отнесся к предложенному Арсеньевым плану обследования района между низовьем Амура и побережьем Охотского моря. «Это действительно Терра-инкогнита, — писал Унтербергер, — уездные начальники знакомы только с некоторыми, весьма ограниченными участками. Мною в былое время предполагалось туда послать комиссию для переписи инородцев и более точного распределения между ними платимого ясака. Выяснение этого вопроса находилось в связи с бывшим предположением вообще изменить налоговую систему инородцев. Пришлось по целому ряду причин тогда отложить это намерение, но оно настоятельно нужно» [29]. Он начал хлопотать об организации с помощью Русского географического общества экспедиции Арсеньева. Но на дворе был уже конец 1916 г.

А тут в совете Географического общества открылась возможность присуждения премии М.И. Венюкова.

Исследователь Приамурья, географ, топограф, этнограф и путешественник, служивший на Дальнем Востоке еще в «муравьевские времена», Михаил Иванович Веню-

ков (1832–1901) скончался в Париже. Согласно завещанию, его личная библиотека была доставлена в Хабаровско-Николаевскую библиотеку, а сбережения переданы в распоряжение ИРГО с тем, чтобы на проценты с капитала была учреждена премия русским путешественникам по Азии, издавшим о результатах своих путешествий научные труды. Скорее всего, завещанный Венюковым капитал был невелик, если только через 15 лет после его кончины стало возможным об этой премии объявить. В 1916 г. совет Географического общества выработал положение о премии М.И. Венюкова согласно его завещанию. Было решено первую премию выплатить лишь в 1918 г., когда необходимая сумма — (10 тыс. руб.) — образуется в банке. Присуждение премии советом Императорского Русского географического общества было поручено выбранной советом комиссии в составе 5 лиц, которые сами участвовали в путешествиях по Азии и имели печатные труды. В их число был выбран и Павел Федорович, по инициативе которого 30 мая 1917 г. комиссия собралась и выслушала его доклад о путешествиях и печатных трудах Арсеньева. Члены комиссии единогласно решили присудить Венюковскую премию (около 1000 руб.) В.К. Арсеньеву. Сообщая эту радостную весть Владимиру Клавдиевичу, Унтербергер писал: «Кончая свою долготлетнюю службу, из которой 38 лет были проведены в Восточной Сибири, я рад, что мог способствовать достойному награждению Вас почетной наградой за путешествия и научные труды в районах Дальнего Востока, к которому до конца жизни буду чувствовать особое влечение. Я убежден, что будь Венюков жив, он сам порадовался бы, что первое присуждение премии его имени пало на такого достойного человека. Дай бог Вам всякого успеха в дальнейших Ваших трудах по исследованию столь важной для государства окраины. Шлю Вам сердечный привет. Преданный Вам Унтербергер» [30].

Этому сообщению о премии не суждено было материализоваться. Революция с ее новыми ценностями перечеркнула все планы и ожидания.

Скорее всего, В.К. Арсеньев откровенно писал своему старшему другу о сложных отношениях с Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти. В одном письме Унтербергер выражал сожаление, «что обстоятельства помимо Вашей воли и по независящим от Вас обстоятельствам так неудачно для Вас слагаются. В жизни это не раз бывает» [31]. В другом письме он призывал Владимира Клавдиевича не терять бодрости духа, «упорным трудом всего можно достигнуть, хотя и не сразу» [32]. В письме сообщалось, что по просьбе Арсеньева Павел Федорович выслал ему свою фотографию.

Судя по содержанию письма Унтербергера, написанного в январе 1917 г., Арсеньев в телеграммах просил Павла Федоровича повлиять на решение вопроса о каком-то его назначении. Известно, что в январе 1917 г. подполковника Арсеньева зачислили в военное ведомство. Возможно, телеграммы были продиктованы этими обстоятельствами. В связи с этим любопытен ответ старого генерала. «К сожалению, в вопросе о Вашем назначении я Вам помочь не могу, т.к. это всецело выходит из моей компетенции и всякое вмешательство в это дело лиц, до которых это не касается, может скорее навредить. Дело другое, если бы командование Приамурского военного округа сослалось бы в своем представлении в Главный штаб на меня, как на лицо, которое о Вашей деятельности и способностях может дать более подробные сведения, тогда, если меня спросят, я мог бы дать о Вас соответствующую аттестацию. Впрочем, я убежден, что Вы в настоящую трудную годину окажетесь достойным и полезным русским офицером, на какую бы работу Вас не направили» [33].

И все-таки Павел Федорович помог сохранить для Дальнего Востока талантливого исследователя, а, возможно, и жизнь В.К. Арсеньева. События вокруг него разворачивались так, что в начале мая 1917 г. подполковника Арсеньева мобилизовали на фронт.

«Однако благодаря усилиям друзей,... а также ходатайству Академии наук, Русского географического общества

и его дальневосточных отделов перед Временным правительством 27 мая В.К. Арсеньева сняли с поезда в Ачинске и вернули в Хабаровск в распоряжение штаба Приамурского военного округа» [34]. Кто же мог хлопотать от Русского географического общества, как не Павел Федорович Унтербергер?

Находясь в столице в 1917 г., старый генерал являлся свидетелем того, как с необыкновенной скоростью разгоралась общественно-политическая борьба, сопровождавшаяся энтузиазмом солдатских, матросских и рабочих масс и появлением новых политических лидеров А.Ф. Керенского, Л.Д. Троцкого, В.И. Ульянова. Возможно, он знал, что является земляком и Керенского, и Ульянова, поскольку они были родом, как и он, из Симбирска. Вполне можно допустить, что бабушка и мать Унтербергера и мать В.И. Ульянова Мария Александровна были знакомы.

О жизни старого генерала в революционном Петрограде, о времени, когда он его покинул, не удалось найти достоверную информацию. В хранящемся в РГИА формуляре П.Ф. Унтербергера говорится, что «за упразднением с 1 мая 1917 г. должностей членов Государственного Совета по назначению» он оставлен за штатом на общем основании. Последний документ, датированный 14 декабря 1917 г., гласил: «Членам Государственного Совета, оставленным Временным правительством за штатом, декретом Временного Рабочего и Крестьянского правительства, — считаются уволенными со службы с 25 октября 1917 г. с предоставлением им права возбудить в установленном порядке ходатайство о назначении пенсии» [35].

В архиве Русского географического общества сохранились сведения о том, что П.Ф. Унтербергер был членом его Совета до 3 июня 1919 года [36]. Можно допустить, что эта дата одновременно является датой его отъезда из Петрограда, где события приобрели для бывшего члена Государственного Совета, сенатора и генерала угрожающий характер. Тут уж дело не шло о «ходатайстве о назначении пенсии», а о сохранении безопасности семьи и ее содержании.

П.Ф. Унтербергер с внучкой, лето 1920 г.

Скорее всего, к этому времени Эмма Ивановна находилась в Риге вместе со старшей дочерью Марией, которая в самом конце 1916 г. вышла замуж за Лотара Ганца Шелера, рижского адвоката.

По воспоминаниям внучки генерала Харрит Голц [37], дочери Марии, «дедушка не хотел ехать в Германию из-за того, что немцы были виновниками развязывания Первой мировой войны». В сопровождении одного слуги он уехал в Финляндию, в местечко Хайнола, расположенного во внутренней части страны. В конце 1919 г. Павел Федорович по-

*Внучки П.Ф. Унтербергера Харрит Гольц и Леонора фон Скерст
в замке Ремплин, 2004 г.*

лучил телеграмму от князя Лахтенберга (возможно, князь узнал его адрес через Г. Шелера), в которой он попросил его «взять на себя руководство замком Ремплин, являющегося его собственностью». Замок был переполнен беженцами — немцами из Риги. Там же находились Эмма Ивановна и дочь Мария, ожидавшая роды.

Реакция Павла Федоровича была мгновенной. В замке он наладил более или менее нормальную жизнь. В конце января 1920 г. в Ремплине у Марии родились две дочери — Харрит и Лора. Заботу о них полностью взял на себя дедушка. «Мы обязаны ему своей жизнью, — писала Харрит. — Он взял все заботы о семье на себя, пока наша мама неделями тяжело болела. Он кормил нас, каждый день в княжеской детской коляске гулял с нами... Мы там жили до наших крестин. Затем мы с мамой и ее сестрой Элен отправились в Ригу, где наш отец Лотар Шелер имел адво-

катскую практику и много лет возглавлял фракцию в парламенте» [38].

Постепенно беженцы разъехались по своим домам. Павел Федорович и Эмма Ивановна остались в замке. У старого генерала иногда побаливало сердце, но физически он чувствовал себя хорошо и не обращал на боли внимания. Тем более, что жена нуждалась в его помощи — от развития катаракты у нее слабело зрение, а в результате болезни ног она передвигалась только с помощью двух палок. Павла Федоровича не могло не угнетать отсутствие какого-либо источника средств для существования — заработка он не имел, пенсию не получал, крова не нажил. С прискорбием приходилось жить на прежние кое-какие сбережения, но надолго ли их могло хватить? Наступившие зимние холода превратили замок в мало пригодное для жизни жилище.

Настоящей радостью для старого генерала стало письмо В.К. Арсеньева из Владивостока, помеченное 20 сентября 1920 г., а пришло оно в Ремплин в начале декабря. Содержание арсеньевского письма нет возможности реконструировать, можно лишь говорить о некоторых его сюжетах на основании реакции на них Павла Федоровича в его ответном письме, написанном 8 декабря этого же года.

Письмо П.Ф. Унтербергера, благодаря Арсеньеву сохранившееся в архиве Общества изучения Амурского края, оказалось последней его весточкой на Дальний Восток [39].

О чем же писал старый амурец, один из последних могучих могикан Приамурья своему старинному другу, что волновало 78-летнего генерала?

Павел Федорович признался, что письмо Арсеньева его «чрезвычайно обрадовало» главным образом тем, что Владимир Клавдиевич занят интересной для него работой, продолжает приносить пользу, а не вред (под вредом он подразумевал бездействие в отношении к России, Приамурья таких деятелей, как Арсеньев). В это время Владимир Клавдиевич являлся старшим инспектором морских и звериных промыслов Дальнего Востока и вел преподавательскую работу [40]. «Меня, — признавался П.Ф. Унтербергер, — всег-

168 8 Dec. 1920. - 15
Schlamm Tempelin
bei Mallesien / M.

Многоуважаемый
Владимир Кириллович!

Получил что послужило Ваше
письмо от 20. IX. 20.

Оно меня чрезвычайно
обрадовало главным
образом тем, что Вы
еще находились в рабо-
те. Ваш интересующий
и таким образом про-
двигаете, принаде-
нность и не вредит России
и в частности при-
надлежностью всего нашего
жизни и ответственности
работы на общую пользу.
Этот и привели к тому, что
будет того, что бы фран-
цузский человек, который
радостно еще и наша
жизнь наша и составило
своей здоровой быть по-
этому и нашей общности
не морщит. Значит и не

(X) под предлогом, что бы фран-
цузский человек, который

Первая страница последнего письма П.Ф. Унтербергера
В.К. Арсеньеву, 8 декабря 1920 г.

да более тяготит отсутствие работы на общую пользу, получалось, что человек живет как бы только для того, чтобы жить». Обращаясь к Владимиру Клавдиевичу, старый генерал писал: «Вы себе легко можете представить, с какими ужасными чувствами я смотрю на развал России». Анализируя революционные катаклизмы в стране, Павел Федорович поделился со старинным другом меткими, тонкими наблюдениями и выстраданными обобщениями, которые полезно знать и в XXI веке. «Все, что творится теперь, — писал Унтербергер, — есть результат того, что дурным и зверским качествам, которые кроются в каждом человеке, дан полный простор, и нет той власти, которая бы удержала, а напротив того, они властью как бы поощряются». За развал России автор считал виновной власть, которая довела народ до чудовищного состояния и дала полный простор проявлению дурных, зверских качеств, кроющихся в глубинах каждого человека. И это присуще не только русскому народу. Унтербергер был уверен: «то, что теперь творится ужасного в России, в том же виде проявится и в среде каждого народа», где установятся порядки, ныне существующие на нашей Родине. «Как только наступят спокойные времена, а они должны наступить, все резко изменится, и тот же народ ужаснется, вникнув в то, что он натворил, когда его скверным качествам не было удержу». Думается, что эти размышления генерала находились в диалоге с письмом Арсеньева, пережившим огромное семейное горе — потерю отца, матери и братьев, убитых грабителями в 1918 г. Владимир Клавдиевич не мог объяснить, откуда взялось столько злобы, ненависти, дикости в народе, которые выплеснулись наружу и проявились трагически в обществе. Старый друг не только дал глубокий ответ на возникший вопрос, раскрыв взаимоотношения народа и власти, которая несет ответственность за спокойствие и благополучие в государстве и обществе, но и защитил русский народ от обвинений в дикости. Более того, он призвал Арсеньева: «не теряйте веру в русский народ». Этот унтербергеровский призыв как нельзя актуально звучит и

В.К. Арсеньев, 20-е годы

в начале нового столетия. За цивилизованное поведение народа ответственна власть. Если же она оторвалась от народа, замкнулась на собственных корпоративных интересах, не принимает меры по реформированию назревших проблем, она тем вольно или невольно способствует разжиганию бешеной разрушительной силы в нем, возбуждает древние защитные инстинкты, опасные для общества в целом.

Судя по письму, отправленному «надежным путем» во Владивосток, Павел Федорович располагал информацией о таких событиях в Приамурье, как «об ужасе в Николаевске», о том, что совестливый М.С. Веденский, «не выдержавший хаотического состояния», лишил себя жизни [41]. Унтербергер просил Арсеньева передать привет Н.М. Соловьеву — одному из разумных и стойких работников на своем посту, поклониться всем, кто помнит его. До переворота

мечтал навестить Приамурский край... и повидать опять сотрудников. Теперь эту мысль придется оставить [42], с грустью заключил Павел Федорович.

В этом информационно богатом последнем письме Унтербергера есть одна деталь, на которую не сразу обратишь внимание, деталь, которая способна сказать многое о человеке. Для биографического очерка исключительно важно, чтобы у автора с его героем возник психологический контакт, понимание на уровне не рации, а эмоций, чувств. В письме есть два постскриптума — один в самом конце, а другой — на первой странице на полях с одним и тем же вопросом: не расхищаются ли наши морские богатства? Как широко мыслящий человек, генерал считал, что при любом политическом строе и общественном устройстве важно сохранить богатейшую дальневосточную природу, сберечь ее для будущих поколений, для тех, кто придет после них, и чтобы потомки оказались в естественной природной среде, а не в выжженной пустыне. В этих вопросах видится подлинная глубокая гражданская, патриотическая позиция Павла Федоровича, его любовь к Дальнему Востоку.

Письмо В.К. Арсеньева дало новый толчок воспоминаниям Павла Федоровича о любимых Приамурье и Приморье. В долгие зимние ночи, когда сон не приходил, он погружался в милые его сердцу воспоминания, тогда виртуально появлялись дорогие люди А.Н. и С.А. Корф, Н.С. Веденский, Н.Ф. Александров и другие. Часто вспоминал необыкновенно душевного и совестливого генерала М.П. Тихменева — пионера освоения дальневосточной окраины, который в свое время в одном из своих писем поделился мечтой — приехать умирать в Хабаровку. Теперь Павел Федорович понял сокровенный смысл этого желания, нашедшего созвучие и в его душе.

П.Ф. Унтербергер скончался «от удара сердца» 12 февраля 1921 года в Мекленбурге, замке Ремплин [43]. Об этом Русскому Географическому обществу сообщил брат генерала С.Ф. Унтербергер. Ряд дальневосточных газет, в том

числе и харбинских, в апреле 1921 г. сообщили о кончине знаменитого дальневосточника. Ушел из жизни крупный государственный ум России, прекрасный знаток и большой патриот российского Дальнего Востока, глубоко порядочный человек. Его долго будет не хватать Приамурью, место, которое он занимал в интеллектуальной жизни, долго будет пустовать [44].

Заключение

ервые Приамурские генерал-губернаторы — заслуженные генералы, участники войны на Кавказе, последователи Н.Н. Муравьева-Амурского А.Н. Корф, С.М. Духовской и Н.И. Гродеков заложили основы и традиции управления российским Дальним Востоком, добились значительного социально-экономического и культурного его

развития. За два года существования наместничества в Приамурском крае (1903—1905 гг.), совпавшего с Русско-японской войной, сменилось три генерал-губернатора — Д.И. Суботич, Н.П. Линевич (исполнял обязанности), Р.А. Хрещатицкий (исполнял обязанности). За это время частично были утрачены ранее достигнутые позиции в административной и социально-экономической сферах жизни Приамурья.

Укрепление местной власти, пополнение ее образованными, умелыми чиновниками, достижение высоких темпов прироста населения, экономического и культурного развития российского Дальнего Востока произошло при двух последних генерал-губернаторах — П.Ф. Унтербергер и Н.Л. Гондатти.

Павел Федорович оставил глубокий след в истории российского Дальнего Востока. Он внес весомый вклад в его освоение как высокопрофессиональный военный инженер, строитель, активно участвовавший в проектировании и создании военно-оборонительных сооружений на востоке империи, как опытный дипломат, способствовавший укреплению международного престижа России среди восточно-азиатских стран, как компетентный гражданский администратор, заботившийся об обустройстве российской тихоокеанской окраины, наконец, как автор двух капитальных книг о Дальнем Востоке. Вместе с тем, его богатырская фигура не умещается только в дальневосточной истории. Будучи крупным государственным деятелем регионально-го уровня, П.Ф. Унтербергер, благодаря своему интеллекту, панорамному видению роли Дальнего Востока в судьбе России, стал видным государственным и военным деятелем поздней имперской России.

Политическим завещанием звучат ныне слова российского государственника П.Ф. Унтербергера: местная власть должна быть сильной и авторитетной. Она может быть таковой при условии, если центральная власть обладает волей и пониманием необходимости передать часть своих полномочий на места и тем самым укрупнить и укрепить верховное властвование. Она может быть таковой, если на местах люди, олицетворяющие власть, обладают высокой пробой честности, справедливости и профессионализма. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер обладал этими качествами сполна, он не запятнал свое доброе имя ни корыстью, ни равнодушием, ни формальным отношением к своим обязанностям. Это была на редкость сильная, цельная и энергичная натура человека, посвятившего себя без остатка служению Отечеству, искренне, с открытыми глазами любившего молодую, значимый для России Дальний Восток и смогшего почти за 40 лет верной, деятельной службы во многом его преобразить.

Личность П.Ф. Унтербергера — немца по рождению, лютеранина по вере, российского дворянина и генерала, се-

натора и члена Государственного Совета — пример для воспитания у современного молодого поколения этнической и конфессиональной толерантности, для углубленного понимания того факта, что Россия — это Отечество русского народа и многих населявших его народов, каждый из которых вплел в российское полотно истории свою неповторимую золотую нить.

В целом за 33 года (1884—1917 гг.) существования Приамурского генерал-губернаторства центральной и местной власти в целом удалось стабилизировать отношения с сопредельными азиатскими государствами — Дайцинской и Японской империями — и тем самым защитить государственные интересы России на азиатско-тихоокеанском направлении.

Опираясь на региональную власть, самодержавие не только удержало за собой дальневосточные территории, но и «вопреки резким и пессимистическим прогнозам современников превратило их в русский край» [45]. Это было достигнуто благодаря Приамурским генерал-губернаторам и областным военным губернаторам, подвижническому труду крестьян, казаков, военных, предпринимателей, несмотря на ошибки и просчеты центра, игнорирование нужд молодого осваиваемого края.

К началу 1917 г. Приамурский край включал в себя Амурскую, Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую области, объединившие 12 уездов, несколько округов Амурского и Уссурийского казачьих войск и горно-полицейских и горных округов. Сформировался в целом оптимальный вариант административно-территориального управления, довольно полно учитывающего геополитические, природно-климатические, демографические, коммуникационные и другие особенности территорий, способствовавший социально-экономическому развитию Дальнего Востока России и охране ее государственных интересов. Важно, что к этому времени был создан социально-экономический фундамент для дальнейшего развития перспективного дальневосточного региона, обладавшего огромными при-

родными богатствами и ответственным геополитическим положением. Этот фундамент включал почти миллионное население, имевшее ярко выраженную тенденцию к росту, развивающуюся транспортную инфраструктуру, состоявшую из протяженной линии железной дороги, речного и морского судоходства и, наконец, сложившуюся систему образования, объединявшую все типы учебных заведений. Однако история не отпустила времени для возведения на этом фундаменте здания преуспевающего Дальнего Востока, как и России в целом. Но эта ситуация не только и не столько регионального, сколько общероссийского масштаба.

Источники и примечания

1. Список сокращений

- АВПРИ** — Архив внешней политики Российской империи.
АРГО — Архив Русского географического общества.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.
ГАНО — Государственный архив Нижегородской области.
АОИАК — Архив Общества изучения Амурского края.

П.Ф. Унтербергер о детстве и ранней юности

1. Воспоминания П.Ф. Унтербергера «Из моей ранней юности» на немецком языке — АОИАК. Личный фонд Б. А. Дьяченко. НВ 6668—51.
2. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 3.

2. Военно-инженерная служба в Восточной Сибири

1. М. Максимовский. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869. СПб 1869. С. 100.
2. Там же. С. 102.
3. Кондуктор — унтер-офицерское звание инженерного ведомства.
3. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
4. Унтербергер П.Ф. Военные инженеры в Восточной Сибири. // Военно-инженерный журнал. 1887. № 1. С. 38.
5. Архив Инженерного управления в Иркутске в 1879 г. был уничтожен пожаром.
6. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.
7. См.: Записки Императорского Русского географического общества. — СПб., 1877. № 1; Военно-инженерный журнал. СПб., 1877. № 9—10. Полностью сохранены приведенные в статьях названия городов и провинций.
8. ГАНО. Ф.2. Оп. 2. Д. 152. Л. 37.
9. Военно-инженерный журнал. 1877. № 10. С.21.

10. Там же. С. 22.
11. Там же. С. 26.
12. Там же. № 9. С. 3.
13. Очерк пути от г. Тяньцзинь до г. Чженцзян в Китае. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1877. № 1. С. 4.
14. Там же. С. 5.
15. Там же. С. 30—31.
16. Там же. С. 80.
17. Там же.
18. Цит. по: Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. СПб.: Остров. 2001. С. 24.
19. Там же.
20. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 77.
21. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Крепость Владивосток. СПб.: Остров. 2001. С. 19. (Далее: Аюшин Н.Б. и др. Указ соч.)
22. Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856—1898 гг. СПб. 1900. С. 225. (Далее: Унтербергер П.Ф. Приморская область)
23. Там же. С. 214.
24. Там же. С. 250.
25. Там же. С. 251.
26. Там же.
27. Там же. С. 205.
28. Там же. С. 227.
29. Там же. С. 226—227.
30. Вежновец А.Ф., Крадин Н.П. Записки краеведов. Хабаровск. 2004. С. 59.
31. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 51. Л. 130.
32. Там же. Д. 37. Л. 7.

3. Военный губернатор Приморской области

1. От Владивостока до Ураляска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. СПб 1891. Приморская область. С. 1. (Далее – Путеводитель).
2. Унтербергер П.Ф. Приморская область. С. 268.
3. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 51. Л. 54.
4. Путеводитель. С. 52.
5. Из воспоминаний В.А. Панова. // Хисамутдинов А.А. Из владивостокской старины. Владивосток. 2001. С. 31.
6. Путеводитель. С. 43.
7. Правительственный вестник. 1900. 19 ноября. С. 3.
8. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

9. Там же. Д. 41. Л. 110.
10. Унтербергер П.Ф. Верноподданнейший отчет. 1896. С. 27.
11. Унтербергер П.Ф. Заселение Уссурийского края. // Правительственный вестник. 1900. 19 ноября. С. 2.
12. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2000. С. 204.
13. Боханов А. Император Николай II. М., 1998. С. 61.
14. Есимура Акира. Покушение. Цесаревич Николай в Японии. М., 2002.
15. Цит.: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2001. С. 68.
16. Унтербергер П.Ф. Приморская область. С. 309.
17. Там же.
18. Хисамутдинов А.А. Из владивостокской старины. Владивосток. 2001. С. 27.
19. Отрывок из письма П.Ф. Унтербергера матери 30 октября 1893 г. Копия — Приморский Государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева. Личный фонд Б.А. Дьяченко. 6668—52. С. 1—7.
20. Унтербергер П.Ф. Верноподданнейший отчет. 1896. С. 65.
21. Император утвердил все звания.
22. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. — Владивосток, 1990. С. 251.
23. В Государственном архиве Нижегородской области хранится «Листок...» за несколько лет.
24. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 47. Л. 4—5.
25. АРГО. Ф. 1—1899. Оп. 1. Д. 3. Л. 210.
26. Там же. Ф. 1—1895. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.
27. Унтербергер П.Ф. Приморская область. С. 1.
28. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
29. Там же. Д. 35. Л. 27.
30. Торгашев П.И. Сибирские воспоминания. // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 161—162.
31. Там же.

4. Нижегородский губернатор

1. Крюков Н.А. Приамурский край на Всероссийской выставке 1896 года в Нижнем Новгороде / Н.А. Крюков. Нижний Новгород, 1896. С. IX.
2. Подробно об этом: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2001. С. 161—171.
3. XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. // Очерки истории Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1996. С. 117.
4. Волгарь. 1897. 10 августа.

5. Нижегородский листок. 1903. № 186.
6. Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1847—1917 гг.).
7. Нижегородский листок. 1903. № 186.
8. См. Смирнов Д. Нижегородская старина. Н. Новгород. 1995. С. 523.
9. Там же. С. 526.
10. ГАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 480. Л. 1—2.
11. Письмо П.Ф. Унтербергера своей матери от 19 января 1898 г. Приморский Государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева. Личный фонд Б.А. Дьяченко. НВ 6668—59. Перевод с немецкого А.Д. Дордус.
12. Фарбер Л.М. А.М. Горький в Нижнем Новгороде. Горький: Волго-Вятское книж. изд-во. 1984. С. 68.
13. Коноплев Н. Губернатор. // Нижегородский рабочий. № 46. 3 марта 2001. С. 11.
14. Макаров И. // Курьер. Н. Новгород. 1993.
15. Янковский Валерий. Корея Янковским. Творческая сага. Маркарт. 2003 г. С. 328.
16. Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С.-Петербург. 2001. С. 33.
17. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 108. Л. 2.
18. Там же.
19. Там же. Д. 35. Л. 42.
20. Там же.
21. Там же. Л. 4.
22. Там же.
23. Там же. Д. 51. Л. 5.
24. <http://imperator.spbnews.vu/press/orh/index.phtml?View=471996.1023:59>. Как берегли царя. «Дайджест» 24 часа.
25. Церковный вестник. 1903. 31 января.
26. Там же.
27. ГАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 152. Л. 45 об.

5. Трудное решение

1. Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1900—1904 гг.: Сборник документов. Горький, 1957. С. 166.
2. Там же. С. 167.
3. Там же.
4. Там же.
5. Макаров И. Мера, предлагаемая губернатором, может привести к серьезным беспорядкам. // Курьер. Н. Новгород, 1993. № 23. С. 6.

6. Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1900—1904 гг. Сб. документов. Горький, 1957. С. 321.
7. Там же. С. 320.
8. Там же. С. 323.
9. Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг. Сб. документов. Горький, 1957. С. 35.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 995.
11. Алексеев Е.И. (1843—1917), адмирал. С 1899 г. — главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане. В 1903—1904 гг. — наместник царя на Дальнем Востоке.
12. Куропаткин А.Н. (1848—1925), генерал от инфантерии. В 1898—1904 гг. — военный министр.
13. Линеви́ч Н.П. (1838—1908), генерал-лейтенант, командующий войсками Приамурского военного округа, и. д. генерал-губернатора Приамурского края в 1903—1904 гг.
14. Павлов Ю.А. П.Ф. Унтербергер о Портсмутском мирном договоре. // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века. — Материалы докладов международной научной конференции 11—12 мая 2005 гг. В 2-х частях. Ч. 1. Хабаровск. С. 147.
15. Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг. Сб. документов. Горький, 1957. С. 410.
16. Там же.
17. Аюшин Н.Б. и др. Указ. соч. С. 21—22.
18. Савенков Борис. Избранное. М., 1990. С. 130.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 420. Л. 4.
20. Там же. Л. 2.
21. Там же. Л. 4.
22. Там же.
23. Там же. Д. 449. Л. 1.
24. Там же. Д. 420. Л. 2.
25. Там же. Л. 4.
26. Там же. Л. 8.
27. Там же. Л. 52.
28. Там же.
29. Приамурские ведомости. 1906. 24 января.
30. Позже прах Р.А. Хрещатицкого родные перезахоронили в Новочеркасске — столице Донского казачьего войска.
31. ГАО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 152. Л. 184.
32. Там же. Л. 189.
33. Текущий архив автора. Письмо М.Ю. Гусева от 15 апреля 2001 г.

34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 420. Л. 43.

35. Дневник императора Николая II. ЦГАОР СССР. 1991. С. 299.

6. Приамурский генерал-губернатор

1. Приамурские ведомости. 1906. 14 марта.

2. Приамурские ведомости. 1906. 23 марта.

3. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.

4. Арсеньева Анна. Мой муж — Володя Арсеньев. // Альманах «Рубеж». 2006. С. 302.

5. Цит.: Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. В 2 т. Т. 1. — М., 1996. С. 426—427.

6. Станкевич А.П. Первая революция на Дальнем Востоке. Хроника революционных событий 1903—1908 гг. Хабаровск. 1930. С. 35.

7. См.: Матвеев Н.П. — Краткий исторический очерк г. Владивостока. — Владивосток, 1990. С. 82.

8. Сильницкий А.П. 14 месяцев службы на Камчатке. // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 540—541.

9. Ветошкин М. Большевики Дальнего Востока в первой русской революции. — М. 1956. С. 173.

10. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 490. Л. 133.

11. Приамурские ведомости. 1906. 10 августа.

12. Там же.

13. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 490. Л. 198.

14. Там же. Л. 203.

15. Там же. Л. 133.

16. Шахова И.А. Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России (вт. пол. XIX — нач. XX вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Владивосток, 2001. С. 6.

17. Приамурские ведомости. 1907. 5 июня.

18. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 630. Л. 26.

19. Там же. Л. 8.

20. Там же. Л. 31.

21. Там же. Л. 18.

22. Там же. Л. 36.

23. Там же. Л. 18.

24. Приамурские ведомости. 1906. 27 апреля.

25. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 630. Л. 18.

26. Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск. 1991. С. 117.

27. Приамурские ведомости. 1907. 19 июля.

28. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 630. Л. 18.

29. Там же. Л. 21.

30. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг. СПб. 1912 г. С. 402. (Далее: П.Ф. Унтербергер. Приамурский край)

31. Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-майора Флуга за 1907 год. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 484. Л. 53.
32. Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. Воен. изд-во Министерства обороны СССР. М., 1955. С. 310.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР. М., 1955. С. 311. В «Приамурских ведомостях» 1907. 28 ноября названо 13 помилованных минеров.
37. В 1954 г. здесь моряками Тихоокеанского флота был сооружен памятник с именами казненных.
38. Формулировка «вооруженное восстание» приведено в газете «Приамурские ведомости». 1907. 28 ноября.
39. Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР. М., 1955. С. 312.
40. Галлямова Л.И. Рабочее движение на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 79.
41. Там же. С. 81.
42. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 401.
43. Приамурские ведомости. 1906. 27 апреля.
44. Там же. 12 января.
45. Приамурские ведомости. 1907. 27 октября.
46. Попов В. Дальневосточники — члены Государственной Думы. // Тихоокеанская звезда. 1993. 16 ноября.
47. Там же.
48. Приамурские ведомости. 1907. 8 августа.
49. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 484. Л. 55.
50. Там же.
51. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 гг. С. 2.
52. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906—1921 гг.). — М.: Русский путь, 2001. С. 74.
53. Там же. С. 75.
54. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 гг. С. 2.
55. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... Приложение № 2. С. 7. Подсчеты автора.
56. Кажанова Т.М. Крестьянский двор Амурской области: становление и развитие (1900—1917 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2002. С. 17.

57. Там же. С. 18.
58. Галлямова Л.И. Азиатские мигранты как фактор развития Владивостока (вторая половина XIX в. — начало XX в.). Историческая наука и проблемы современного образования: Сб. статей по итогам региональной научной конференции. Хабаровск, 2004. С. 59.
59. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора, сенатора, инженер-генерала П.Ф. Унтербергер за 1906—1907 гг. Хабаровск, 1908. С. 39. (Далее: Всеподданнейший отчет... за 1905—1907 гг.)
60. Ващук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. — Владивосток. 2002. С. 45.
61. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 39.
62. Там же.
63. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 697а. С. 14—15.
64. См.: Сухачева Г.А. Дореволюционная отечественная литература о проблемах хунхузничества на российском Дальнем Востоке. // Вопросы истории Дальнего Востока России дооктябрьского периода в историографии и источниковедении. Владивосток. 2002. С. 116.
65. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 579а. Л. 375.
66. Там же.
67. Там же. Л. 376.
68. Там же.
69. Там же.
70. Там же. Л. 336.
71. Там же. Л. 268.
72. Там же. Л. 323.
73. Там же. Л. 402.
74. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
75. РГВИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 579а. Л. 308.
76. Там же.
77. Там же. Л. 309.
78. Приамурские ведомости. 1906. 10 октября.
79. Приамурские ведомости. 1907. 16 июня.
80. Порто-франко на Дальнем Востоке: Документы и материалы. — Владивосток. 1998. С. 232.
81. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 22.
82. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 г. Хабаровск, 1910. С. 5.
83. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 24.
84. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... Приложение 11. С. 25.
85. Исторический вестник. 1910. № 11. С. 801.
86. Там же.
87. См.: Унтербергер П.Ф. Приамурский край... Приложение № 6. С. 14—15. Все расчеты сделаны автором.
88. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 591. Л. 4.

89. Там же. Л.4 об.
90. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 591. Л. 13 об.
91. См. Ламин Владимир. Почему до сих пор не ходят поезда между Парижем и Нью-Йорком. // Родина, 1998. № 7. С. 59.
92. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). — Хабаровск, 2001. С. 204.
93. «Американцы шаг за шагом захватывают наш край». Письмо опубликовано под заголовком, данным редакцией. // Источник. № 4. 1996. С. 44—48.
94. Там же. С. 47.
95. Там же.
96. Там же.
97. Там же. С. 48.
98. Там же.
99. Цит. по: Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 191.
100. Приамурские ведомости. 1907. 16 июня.
101. В 1992 г. в Вашингтоне, а в 1993 г. в Москве состоялись конференции, где обсуждались вопросы реализации проекта (см. Дубнов А., Ламин В. Вторжение в Евроазию. // Дальний Восток, 1994. № 8. С. 172.).
102. Приамурские ведомости. 1907. 7 июля.
103. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 581. Л. 19.
104. Цит.: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. — Хабаровск, 1997. С. 87.
105. Там же. С. 87—88.
106. Там же. С. 85.
107. Там же. С. 88.
108. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.1. Д.581. Л. 12—14.
109. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 гг. Хабаровск, 1910. С. 3.
110. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск. 1997. С. 39.
111. См. подробнее: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск. 1997.
112. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 гг. Хабаровск, 1910. С. 4.
113. Воспоминания строителя железных дорог А.В. Ливеровского. Хабаровск. 2003. С. 29.
114. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 778. Л. 12.
115. Воспоминания строителя железных дорог А.В. Ливеровского. Хабаровск. 2003. С. 29.

116. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 гг. С. 3.
117. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск. 1997. С. 89.
118. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... Приложение. С. 47.
119. Там же. С. 162.
120. Приамурские ведомости. 1907. 6 декабря.
121. Приамурские ведомости. 1906. 14 октября.
122. Приамурские ведомости. 1907. 5 апреля.
123. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... Приложение. С. 19.
21. Подсчеты автора.
124. Приамурские ведомости. 1906. 28 октября.
125. Приамурские ведомости. 1907. 10 апреля.
126. РГИА ДВ. Ф. Р. — 4412. Оп. / Д. 18. Л. 21.
127. Красноштанов С. Мне сопутствовала счастливая звезда... // Словесница искусств 2004. № 14. С. 40.
128. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 365. Л. 39.
129. Кузьмичев И. Личность и книги Владимира Арсеньева. // Арсеньев В.К. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Хабаровск, 1997. С. 12.
130. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2 Д. 2214. Л. 6.
131. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 168.
132. Там же.
133. Там же. Приложение. С. 52—53.
134. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 168.
135. Корнева Л.В. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884—1917 гг.). Хабаровск, 2002. С. 121.
136. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 1.
137. Милежик А.В. Наместник Дальнего Востока Е.И. Алексеев (1843—1918): штрихи к политическому портрету. // IV Гродековские чтения. Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России. Ч. 1. Хабаровск, 2004. С. 68.
138. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
139. Россия, Восточная Азия и Япония в начале XX века: к переоценке русско-японской войны. Международный симпозиум в Японии. // Отечественная история, 2005. № 1. С. 203.
140. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 31.
141. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 622. Л. 54—55.
142. Там же. Оп. 2. Д. 208. Л. 47.
143. Приамурские ведомости. 1907. 6 февраля.
144. Приамурские ведомости. 1906. 23 декабря.
145. Приамурские ведомости. 1906. 3 апреля.
146. Приамурские ведомости. 1906. 5 декабря.
147. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 301. Л. 4.

148. Арсеньева Анна. Мой муж — Володя Арсеньев // Альманах «Рубеж». 2006. С. 296.
149. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 381.
150. Там же.
151. Там же. С. 383.
152. Там же. С. 404—405.
153. Там же. С. 405.
154. Там же.
155. Там же. С. 406.
156. Там же. С. 408.
157. Там же. С. 408.
158. Там же. С. 414.
159. Там же. С. 366.
160. Там же. С. 356.
161. Там же. С. 357.
162. Там же. С. 363.
163. Россия и АТР..., 2003. № 2.
164. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 428.

7. Половина острова, но теперь — область

1. Губернаторы Сахалина. Коллектив авторов. Южно-Сахалинск, 2000. С. 48.
2. Там же. С. 53.
3. Широкоярд А. Б. Русско-японские войны 1904—1945 гг. Минск, 2003. С. 412.
4. Губернаторы Сахалина... С. 53.
5. Дикс М. Разгром Сахалина. // Исторический вестник. 1906. XII. С. 897.
6. Губернаторы Сахалина... С. 62.
7. Дикс М. Разгром Сахалина... С. 809.
8. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 192. Л. 8.
9. Там же. Л. 22.
10. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 207.
11. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 33.
12. Временное Положение об управлении Сахалинской областью. // Дальний Восток России. Из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 97—100.
13. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 485. Л. 15.
14. См.: Унтербергер П.Ф. Приамурский край... Приложение. С. 22.
15. Там же. Приложение. С. 5.
16. См.: Костанов А.И., Тварковский Л.С. Военный губернатор. / Об Аркадии Михайловиче Валуеве // Губернаторы Сахалина... С. 66.

17. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 34.
18. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 615. Л. 1.
19. Там же. Л. 2.
20. Там же. Оп. 1. Д. 485.
21. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 35.
22. К началу XX века в мире уже существовал положительный опыт колонизации новых земель осужденными, например в Австралии.

8. Новая область в крае — Камчатская

1. Всеподданнейший отчет... за 1906 и 1907 гг. С. 29.
2. Там же. С. 30.
3. Там же. С. 31.
4. Там же. С. 30.
5. Там же. С. 29.
6. Там же.
7. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 389.
8. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 169.
9. См.: Исторический вестник. 1909. № 11. С. 507—539.
10. Всеподданнейший отчет и. д. губернатора Камчатской области статского советника Перфильева. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 668. Л. 4.
11. Там же. Л. 2—3.
12. Там же. Л. 14.
13. Там же. Л. 14. об.
14. Митрополит Нестор. Моя Камчатка. // Записки православного миссионера. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 87.
15. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 668. Л. 7.
16. Краткий обзор состояния Приамурского генерал-губернаторства за время с 1908 по 1910 г. Хабаровск, 1910. С. 7.
17. Там же. Л. 7.
18. Николай Александрович Анисимов (1885—1962) после окончания Казанского реального училища под влиянием архимандрита Андрея (Ухтомского) поступил на миссионерское монгольско-калмыцкое отделение при Казанской духовной академии. Принял монашеский постриг с именем Нестор. Был рукоположен в иеромонахи. С благословения от отца Иоанна Кронштадтского отец Нестор выехал на Камчатку на службу.
19. Митрополит Нестор. Указ. соч. С. 81.
20. Там же. С. 104.
21. Там же. С. 141.
22. Там же. С. 144.
23. Там же. С. 145.
24. Там же.

25. Там же. С. 78.

26. Там же.

27. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 594. С. 6.

9. Участие в формировании дальневосточной внешней политики России

1. Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. Том I. 1860—1917 гг. М. Олма-пресс. 2002. С. 518.

2. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 38.

3. Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток. 1997. С. 571.

4. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 340.

5. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 34. Л. 4.

6. Там же. Л. 2.

7. Там же.

8. Там же.

9. Там же. Л. 9.

10. Приамурские ведомости. 1907. 14 марта.

11. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

12. Цит. по: Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Губернатор инженер-генерал П.Ф. Унтербергер. // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 118.

13. АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 59. Л. 15.

14. Там же. Л. 26.

15. Там же.

16. Там же. Л. 49.

17. Там же.

18. Там же. Л. 87.

19. Там же.

20. Приамурские ведомости. 1912, 3 июля.

21. Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. Том I. 1860—1917 гг. М.: Олма-пресс, 2002. С. 518.

22. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 697а. Л. 2.

23. Там же. Л. 11.

24. Там же. Л. 20.

25. Там же.

26. Там же. Оп. 1. Д. 643. Л. 2.

27. Там же. Л. 4.

28. Там же. Л. 3.

29. Там же.

30. Там же.

31. Там же. Л. 4.

32. См.: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск. 1997. С. 54.

33. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 36.

34. Там же.

35. Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 345.

36. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 591. Л. 12 об., 13.

37. Там же. Д. 643. Л. 2 об.

38. Там же Л. 3.

39. Яковлева О.А. Вопросы социально-экономического развития Дальнего Востока России в деятельности III Государственной Думы (1907—1912 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Хабаровск, 2002.

40. Всеподданнейший отчет... за 1906—1907 гг. С. 38.

10. Прощание с Дальним Востоком

1. Приамурские ведомости. 1910. 23 декабря.

2. Приамурские ведомости. 1910. 21 декабря.

3. Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Полковник П.П. Унтербергер. // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 138—139.

4. Там же, С.143.

5. Дальний Восток. 1910. № 281.

6. Там же.

7. Там же.

8. Хисамутдинов А.А. Потомкам в пример. // Красное знамя. 1990. 11 ноября.

11. Старый амурец в столице и в эмиграции. Заключение.

1. П.Ф. Унтербергер. Приамурский край... С. IV.

2. Там же. С. 408.

3. Там же. С.409.

4. Там же. С. 253.

5. Там же. С. 352.

6. Там же. С. 428.

7. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

8. Там же. Д. 47. Л. 89.

9. Там же. Д. 42. Л. 5.

10. Приамурская жизнь. 1913. 14 июня.

11. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 569. Л. 116.

12. Там же. Л. 119.

13. Дальний Восток. 1912. 10 июня.

14. Хисамутдинов А.А. Из владивостокской старины. Владивосток. 2001. С. 11. Имя Унтербергера бухта сохранила до сих пор.

15. Волгарь. 1914. 19 ноября.

16. РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

17. Там же.

18. Там же. Л. 12.

19. Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Полковник П.П. Унтербергер. // Россия и АТР. 2000, № 4. С. 140.

20. Там же. С. 143.

21. П.П. Унтербергер в 1916–1917 гг. находился в рядах русского экспедиционного корпуса во Франции и Греции. Не приняв Брестского мира, он поступил добровольцем во французскую армию и получил чин майора корпуса военных инженеров Франции. После окончания Первой мировой войны Унтербергер вернулся во Владивосток и находился в рядах войск Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. В 1920–1922 гг. служил на Русском острове, был начальником инженеров Владивостокской крепости, осуществлял инженерное обследование. Для него интересы России были гораздо выше политических целей, декларируемых сменявшими друг друга правительствами и правителями «на час». Он воспрепятствовал японцам в уничтожении вооружения Владивостокской крепости, не допустил передачи им ценнейшей технической документации по фортификационным сооружениям, которая в конце концов была передана в штаб Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики.

С 1922 г. с семьей проживал в Шанхае. Приняв гражданство Пруссии, с 1934 г. стал жить в Корее. В 1945 г. с семьей переехал в американскую зону Германии, где умер в 1960 г. в глубокой старости (Аюшин Н.Б. и другие... Крепость Владивосток... С. 174). Его потомки, в том числе внук Фридрих (Фриц) Пауль Унтербергер, живут в Германии. В настоящее время в Германии проживают три внуки П.Ф. Унтербергера — дочери Марии Павловны (умерла в 1976 г.) — Элен Фризе, Леонора фон Скерст и Харрит Гольц.

22. Гусев М. Кадет Георгий Унтербергер. // Город и горожане. Нижний Новгород. 1997. 28 марта.

23. Там же.

24. АОИАК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 71. Л. 1.

25. Там же. Л. 3.

26. Там же. Л. 5–6.

27. Там же.

28. Там же. Л. 11.

29. Там же. Л. 8.

30. Там же. Л. 14.

31. Там же. Л. 10.

32. Там же. Л. 8.

33. Там же. Л. 11.

34. Хисамутдинов А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский. Документально-исторический очерк. // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXI. Владивосток. 1997. С. 14.

35. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 569. Л. 120.
36. АРГО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.
37. Письмо Харрит Гольц от 18.09.2004. Архив автора.
38. Там же.
39. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8.
40. Хисамутдинов А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский. Документально-исторический очерк. // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXI. Владивосток. 1997. С. 111.
41. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8. Л. 17.
42. Там же.
43. АРГО. Р. 110. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.
44. Эмма Ивановна (Эмми Луиза) Унтербергер умерла в 1936 г. в Риге и была похоронена в Эстонии в г. Тарту (Дерпт, Юрьев). Там же находилась могила Г.П. Унтербергера. В 2000 г. могилы были снесены.
45. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск. Издание ОмГУ. 2004. С. 528.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основные даты жизни и деятельности П.Ф. Унтербергера / 347

Список трудов П.Ф. Унтербергера / 355

*П.Ф. Унтербергер. Приамурский край.
Глава XIV. Управление краем / 356*

*Письмо Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера
министру финансов России В.Н. Коковцеву о проекте железной
дороги Канск — Берингов пролив, который был предложен
американским синдикатом / 371*

Размышления инженер-генерала П.Ф. Унтербергера / 377

*Перечень экспедиций и командировок по изучению
Дальнего Востока (1906—1910 гг.) / 380*

Генерал-губернаторы Приамурского края (1884—1917 гг.) / 383

Военные губернаторы Приморской области (1856—1917 гг.) / 384

Военные губернаторы Амурской области (1858—1917 гг.) / 385

В. Панов. К отъезду П.Ф. Унтербергера / 386

Алфавитно-именной указатель / 391

Основные даты жизни и деятельности П.Ф. Унтербергера*

1842, 9 августа	В Симбирске в семье ветеринарного лекаря Симбирской удельной конторы Фридриха Семеновича и Марии Карловны Унтербергеров родился четвертый ребенок — Павел Симон Фридрихович (Федорович).
1849	Переезд семьи Унтербергеров в Дерпт к месту новой службы Ф.С. Унтербергера — профессора новоустроенной ветеринарной школы.
1860, июнь	Закончил классическую гимназию в г. Дерпт.
1860, 22 сентября	Вступил в службу кондуктором в кондукторскую роту Николаевского инженерного училища.
1862, 13 июня	Произведен по экзамену в подпоручики с зачислением в саперный батальон и прикомандирован к Николаевской инженерной академии с зачислением в теоретический класс.
1863, 27 августа	Переведен в практический класс.
1863, 26 июля	Высочайшим приказом произведен в поручики.
1864, 29 июля	По окончании полного курса наук в Николаевской академии по первому разряду с правом на Высочайше утвержденный знак отличия командирован в распоряжение начальника инженеров Восточной Сибири.
1864, 28 августа	Отправился к месту службы.
1864, 7 сентября	Высочайшим приказом переведен в военные инженеры.
1864, 15 ноября	Прибыл в Иркутск и зачислен при Инженерном управлении Восточной Сибири.

* Даты даны по старому стилю. Источник: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 569. Л. 96—125.

1865, 1 сентября	Назначен исполняющим должность делопроизводителя в Окружном Инженерном управлении Восточно-Сибирского военного округа.
1867, 16 марта	За усердную службу награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.
1868, 30 августа	Произведен в штабс-капитаны.
1869, 20 апреля	За усердную службу награжден орденом Св. Анны 3-й степени.
1870, 30 марта — 7 июля	Командирован Главным Инженерным управлением в государства Западной Европы для осмотра новейших казарменных сооружений и ознакомления с усовершенствованиями, сделанными в последние годы в строительном деле.
1871, 7 июля — 10 ноября	Находился в составе отряда русских войск для защиты нашего консульства в г. Урге (Улан-Батор, Монголия) во время беспорядков, произведенных китайскими инсургентами в пределах Монголии.
1871, 30 августа	Произведен в капитаны.
1872, 16 апреля	За усердную службу награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.
1872, 22 мая — 18 июля	Временно исполнял обязанности начальника Окружного Инженерного управления Восточной Сибири.
1874, 30 августа	Награжден орденом Св. Анны 2-й степени и Высочайшим приказом произведен в подполковники.
1875, 7 апреля	Приказом по Инженерному корпусу назначен штаб-офицером для особых поручений при Окружном Инженерном управлении.
1875, 12 ноября	Командирован в г. Шанхай и открытые порты Китая для ознакомления со строительным делом и для найма мастеровых китайцев.
1877, 13 апреля — 1878, 14 апреля	Временно заведовал инженерной частью Восточно-Сибирского военного округа.

1877, 14 мая	Назначен председателем Иркутского временно-го военно-тюремного комитета и исполнял эту должность по 8 мая 1878 г.
1878, 16 апреля	За отличие по службе произведен в полковники с оставлением в этой должности
1878, 30 августа	Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени
1879, 21 августа	Награжден Высочайше утвержденным знаком Красного Креста.
1880, 30 мая	В Дерпте вступил в брак с Эмми Луиза Ердмани.
1881, 10 марта	Назначен исполняющим должность начальника инженеров Восточно-Сибирского военного округа.
1881, 19 марта	В Иркутске родился сын Петр.
1882, 2 мая	В Иркутске родился сын Павел. Скончался 20 сентября 1885 г.
1883, 15 мая	Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.
1884, 27 мая	В Дерпте в возрасте 74 лет скончался отец — Фридрих Семенович Унтербергер, директор Ветеринарного института, профессор.
1884, 6 июля	Командирован в Хабаровку для исправления должности заведующего инженерной частью Приамурского военного округа. Прибыл к месту назначения 10 сентября.
1884, 22 сентября	Назначен исполняющим должность заведующего инженерной частью Приамурского военного округа.
1885, 20 сентября	В Хабаровке родился сын Георгий
1886, 6 ноября	За отличную усердную и ревностную службу объявлено Высочайшее благоволение.
1886, 15 ноября	В Хабаровске родилась дочь Мария.
1887, 30 августа	Высочайшим указом произведен в генерал-майоры.

1888, 24 марта	Назначен начальником инженеров Приамурского военного округа
1888, 1 октября	Высочайшим приказом назначен военным губернатором Приморской области и 26 октября вступил в ее управление.
1889, 9 ноября	В Дерпте родился сын Фред. Умер в Одессе 20 марта 1890 г.
1889, 1 декабря	Назначен наказным атаманом Уссурийского казачьего войска.
1891, май	Сопровождал престолонаследника Николая Александровича во время его пребывания в Приморской области
1892, 9 февраля	Во Владивостоке родилась дочь Елена.
1893, 22 мая	Во Владивостоке родилась дочь Эрнестина.
1894, 27 января	Разрешено принять пожалованный японским императором орден Священного Сокровища 1-й степени.
1894, 30 августа	Награжден орденом Св. Анны 1-й степени.
1895, апрель-май	Являлся командующим войсками Приморской области. В связи с демобилизацией войск командование сдал.
1895, 20 октября — 1896, 26 августа	Находился в командировке в С.-Петербурге, где участвовал в работе комиссии по вопросу о разграничении земель во Владивостоке.
1896, 18 марта	Удостоен Высочайшего благоговения за мобилизацию 1895 г.
1896, май	Как наказной атаман Уссурийского казачьего войска участвовал в торжествах коронации императора Николая II, проходивших в Москве.
1896, 14 мая	За отличие по службе произведен в генерал-лейтенанты.
1896, 5 декабря	Позволено принять пожалованный императором Дайцинской империи орден Двойного Дракона 2-й степени 1-го класса.

1897, 27 мая	Именным Высочайшим указом, данным правительствующему Сенату, назначен Нижегородским губернатором с оставлением по инженерному корпусу.
1897, 14 августа	Нижегородский губернатор, числящийся по инженерному корпусу, генерал-лейтенант П.Ф. Унтербергер зачислен по Уссурийскому казачьему войску с оставлением в должности и по Инженерному корпусу.
1897, 26 августа	Государь император всемилостивейше соизволил на присвоение звания почетного казака станицы Полтавской Уссурийского казачьего войска, согласно ходатайству общества казаков Полтавского станичного округа.
1897, 30 октября	Государь император всемилостивейше соизволил на присвоение звания почетного гражданина г. Хабаровска, согласно ходатайству местной городской думы.
1898, 16 апреля	Государь император всемилостивейше соизволил на присвоение звания почетного гражданина г. Владивостока, согласно ходатайству местной городской думы.
1898, 5 июня	Государь император всемилостивейше соизволил на присвоение звания почетного старика станицы Козловской Уссурийского казачьего войска, согласно ходатайству общества казаков Козловского станичного округа.
1898, 5 июня	Государь император всемилостивейше соизволил на присвоение звания почетного старика поселка Венюковского Казакевичевского станичного округа Уссурийского казачьего округа, согласно ходатайству общества казаков названного поселка.
1899, 4 января	Государем императором было повелено выразить высочайшую благодарность за деятельную поддержку церковно-строительного дела в Сибири.
1899, 6 декабря	Всемилоостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени.

1900, 30 января	В Дерпте в возрасте 83 лет скончалась мать П.Ф. Унтербергера Мария Карловна.
1900, 29 июля	Императрицей Марией Федоровной с соизволения Государя императора пожалован знак отличия Красного Креста.
1900	В С.-Петербурге вышла в свет книга П.Ф. Унтербергера «Приморская область».
1901, 13 июня	Награжден нагрудным знаком за содействие духовному просвещению Сибири, учрежденным 19 апреля 1901 г.
1903, 18 августа	Удостоен благодарности за отличный порядок во время проезда Его Величества в пределах Нижегородской губернии.
1904, 17 марта	Последовало высочайшее соизволение на принятие корейского ордена Тай-Кыка.
1904, 22 августа	Высочайшее соизволение на пожалование знака отличия безупречной службы за 40 лет.
1904, 6 декабря	Всемиловитейше пожалован кавалером ордена Белого Орла.
1905, 4 ноября	Назначен к присутствию в Правительствующем Сенате.
1905, 8 ноября	Назначен командующим войсками Приамурского военного округа и войсковым атаманом Приамурских казачьих войск.
1905, 18 ноября	Назначен Приамурским генерал-губернатором с оставлением занимаемых должностей и сенатором.
1906, 12 марта	Прибыл в Хабаровск и вступил в должности командующего войсками Приамурского военного округа, наказного атамана Приамурских казачьих войск и генерал-губернатора Приамурского края.
1906, 25 апреля	Назначен войсковым наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск с оставлением в должностях генерал-губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа и сенатором.

1906, 6 декабря	За отличие по службе произведен в инженер-генералы.
1909, июль	Назначен почетным мировым судьей Владивостокского окружного суда
1909, 24 октября	Получено разрешение принять японский орден Восходящего Солнца 1-й степени.
1909, 6 декабря	Награжден орденом Св. Александра Невского.
1910, июль – октябрь	Совершил поездку на Камчатку и Чукотку, где воздвигнул памятный знак – крест в честь подвига С. Дежнева.
1910, 6 декабря	Именным Высшим указом П.Ф. Унтербергеру повелено быть членом Государственного Совета с оставлением в звании сенатора.
1910, 26 декабря	Отбыл из Владивостока.
1910, декабрь	Пожалован кавалером ордена Св. Анны 1-й степени (Приамурские ведомости, 1910. 23 декабря)
1911, 1 января	Назначен к присутствию в Госсовете на 1911 год.
1911, 14 сентября	Император соизволил на присвоение звания почетного старика Полтавского, Гродековского, Платоно-Александровского, Гленовского, Бикинского и Донского станичных округов Уссурийского казачьего войска.
1912, 1 января	Назначен на присутствие в Госсовете на 1912 год.
1912, 13 июня	В день исполнившегося 50-летия службы получен императорский рескрипт с пожалованными бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского.
1912	В С.-Петербурге вышла в свет книга П.Ф. Унтербергера «Приамурский край».
1912, 9 августа	70-летний юбилей инженер-генерала П.Ф. Унтербергера.
1913, 1 января	Назначен к присутствию в Госсовете на 1913 год.

1913, 21 февраля	Представлено право ношения на груди учрежденной в память 300-летия царствования династии Романовых светло-бронзовой медали.
1913, 22 марта	Пожалован нагрудный знак для лиц, приносивших личные верноподданнические поздравления Дому Романовых в дни юбилейных торжеств.
1914, 1 января	Назначен к присутствию в Госсовете на 1914 год.
1914, 22 августа	Пожалован знаком отличия беспорочной службы за 50 лет на Георгиевской ленте.
1914, 22 сентября	Пожалован бантом к имевшемуся ордену Св. Владимира 4-й степени.
1915, 1 января	Назначен к присутствию в Госсовете на 1915 год.
1915, 5 февраля	Приказом Верховного начальника санитарной и эвакуационной части утвержден в должности инспектора лечебных заведений Петрограда.
1915, 11 марта	Избран членом совета ИРГО.
1915, 22 мая	В Балтийском море на минном заградителе «Енисей», взорванном немецкой подлодкой, погиб младший сын — лейтенант Г.П. Унтербергер.
1915, 30 декабря	Назначен к присутствию в Госсовете на 1916 год.
1916, 31 декабря	Назначен к присутствию в Госсовете на 1917 год.
1917, 5 мая	За упразднением с 1 мая 1917 г. должностей членов Государственного Совета по назначению оставлен за штатом на общем основании.
1917, 14 декабря	Члены Государственного Совета, оставленные Временным правительством за штатом, декретом Временного Рабочего и Крестьянского правительства считаются уволенными со службы с 25 октября 1917 г. с предоставлением им права возбудить в установленном порядке ходатайство о назначении пенсии.
1921, 12 февраля	В Мекленбурге (замок Ремплин) «от удара сердца» скончался П.Ф. Унтербергер — «крупный государственный ум и один из самых больших знаменитостей Приамурья».

Список трудов П.Ф. Унтербергера

1. Заметка о китайских военных средствах к защите г. Урги от нападения шаек инсургентов. // Инженерный журнал. 1872. № 9. С. 781—792.

2. Опыт найма китайцев в Чжилийской и Шаньдуньской провинциях для работ инженерного ведомства в Приамурском крае. // Инженерный журнал. 1877. № 9. С. 1—16; № 10. С. 17—36.

3. Очерк пути от г. Тяньцзин до г. Чженьцзян (China-kiana) в Китае. С маршрутной картой. // Записки ИРГО по общей географии. 1877. № 1. С. 1—58; № 2. С. 1—36.

4. По западной окраине Китая. От г. Тяньцзин до г. Чженьцзян. // Военный сборник. // 1878. № 8. С. 359—381; № 9. С. 213—229.

5. Военные инженеры в Восточной Сибири. Очерк (с картой и ведомостью). // Военно-инженерный журнал. 1887. № 1. С. 37—82; № 2. С. 191—228.

6. Несколько слов о способах заготовлений по военному ведомству. // Военно-инженерный журнал. 1889. № 6. С. 937—978. Отдел неофициальный.

7. Приморская область. 1856—1898 гг. Очерк. СПб: Тип. В.Ф. Киршбаума. 1900. С. 324. Прил. 10 с.: ил., табл., карт. / Зап. Имп. РГО по отд. Статистики. Т. VIII. Вып. II.

8. Приамурский край. 1906—1910 гг. Очерк. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума. 1912. С. 428. Прил. 54 с.: ил., 6 карт., табл. / Зап. Имп. РГО по отд. Статистики. Т. XIII.

П.Ф. Унтербергер. Приамурский край.

ГЛАВА XIV.

Управление краемъ.

Составъ Управленія генераль-губернатора.—Согласованіе дѣятельности административныхъ органовъ въ краѣ.—Предварительное разсмотрѣніе дѣлъ въ междувѣдомственной комисіи.—Потребность въ центральномъ органѣ для контроля за своевременнымъ исполненіемъ намѣченныхъ мѣропріятій по всѣмъ вѣдомствамъ.—Раздѣленіе власти генераль-губернатора и командующаго войсками.—Выгоды и недостатки этой мѣры.—Значеніе органа, который объединялъ бы и въ мирное время дѣятельность командующихъ войсками Иркутскаго и Приамурскаго военныхъ округовъ.—Доходы и расходы края по Государственному Казначейству.—Борьба съ иностранной развѣдкой.

Главное Управленіе краемъ и войсками въ рассматриваемый періодъ находилось въ рукахъ Приамурскаго генераль-губернатора и командующаго войсками Приамурскаго военного округа. Распоряженія его по гражданской части дѣлались чрезъ посредство ближайше подчиненнаго ему органа—канцеляріи генераль-губернатора, раздѣленной на пять дѣлопроизводствъ съ соотвѣтственнымъ штатомъ чиновъ и подъ руководствомъ Правителя канцеляріи. Въ распоряженіи генераль-губернатора состояли также: старшій чиновникъ особыхъ порученій, два младшихъ, окружной инспекторъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, чиновникъ по дипломатической части, горный инженеръ, инженеръ Путей Сообщенія, архитекторъ и межевой инженеръ. Кромѣ того, въ послѣднее время къ генераль-губернатору были прикомандированы чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ и чиновникъ особыхъ порученій при Главномъ Управленіи Землеустройства и Земледѣлія. На послѣднихъ двухъ лицъ, находившихся въ прямомъ подчиненіи отъ своихъ министерствъ, генераль-губернатору предоставлялось право возлагать порученія и отъ себя.

Мѣстныя Управленія находились въ рукахъ военныхъ губернаторовъ Амурской и Приморской областей и о. Сахалина и губернатора Камчатской области, по выдѣленіи ея изъ состава Приморской области. Областное Правленіе функционировало въ одной Приморской области, во всѣхъ же остальныхъ областяхъ были лишь канцеляріи губернаторовъ.

Списокъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія какъ всѣмъ краемъ, такъ и отдѣльными областями, за все время существованія Приамурскаго края, приведенъ въ приложеніи ¹⁾.

Командующій войсками Округа управлялъ войсками чрезъ посредство Окружного Штаба и остальныхъ Окружныхъ Управлений, причемъ по казачьимъ войскамъ должности наказныхъ атамановъ Амурскаго и Уссурийскаго казачьихъ войскъ были соединены съ должностями военныхъ губернаторовъ Амурской и Приморской областей. Затѣмъ, до формированія въ Округѣ 6-й С. С. дивизіи и учрежденія Штаба этой дивизіи въ г. Благовѣщенскѣ, съ должностью военного губернатора Амурской области была связана и должность командующаго войсками Амурской области, упраздненной затѣмъ съ формированіемъ названной 6-й С. С. дивизіи.

Помимо органовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Военнаго въ краѣ, дѣйствовали учрежденія Св. Синода, Министерствъ: Морского, Финансовъ, Юстиціи, Торговли и, Промышленности, Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія и Государственнаго Контроля.

Всѣ эти учрежденія функционировали самостоятельно, въ прямой зависимости отъ центральныхъ своихъ управленій и только косвенно находились въ большей или меньшей зависимости отъ генераль-губернатора и командующаго войсками. При этомъ, конечно, нельзя было избѣжать разныхъ треній между отдѣльными вѣдомствами, что и вело нерѣдко къ несогласованности ихъ дѣйствій между собой, во вредъ общему дѣлу.

Значеніе для насъ Приамурья ясно обрисовалось и поэтому выполнѣ назрѣлъ вопросъ объ установленіи на извѣстный срокъ впередъ общей программы, которой должны были бы слѣдовать всѣ Министерства при постепенномъ развитіи тамъ своей дѣятельности, и которая служила бы также руководящей нитью при управленіи краемъ cadaго послѣдующаго генераль-губернатора. Въ данное время каждый генераль-губернаторъ создаетъ, такъ

¹⁾ См. Приложеніе 19.

сказать, свою собственную программу, которой онъ считаетъ нужнымъ держаться и которая, нерѣдко, въ важныхъ вопросахъ существенно расходится съ таковой же его предшественника, чѣмъ и нарушается преемственность ¹⁾.

Въ свою очередь, указанія, которыя считаютъ нужнымъ давать Начальнику края разныя Министерства, могутъ также видоизмѣняться въ зависимости отъ взгляда на вопросъ того или другого Министра. Все вмѣстѣ взятое создаетъ иногда неустойчивость въ проведеніи тѣхъ или другихъ важныхъ для края мѣропріятій и дѣлаетъ тѣмъ самымъ, по временамъ, работу на мѣстѣ мало производительной, а иногда и прямо безрезультатной.

Событія послѣдняго десятилѣтія во многомъ отразились на нашемъ положеніи на Дальнемъ Востока и требуютъ, въ виду основнаго значенія для насъ Приамурскаго края, пересмотра вопроса о ближайшихъ задачахъ, предстоящихъ намъ тамъ къ выполнению.

Сообразно съ этимъ каждому Министерству, казалось бы слѣдовало проектировать тѣ мѣры, которыя оно считаетъ нужнымъ осуществить въ извѣстный опредѣленный періодъ времени съ исчисленіемъ необходимыхъ для того средствъ. Для обсуждения таковыхъ предположеній и согласованія ихъ между собой было бы полезно созвать особое совѣщаніе съ участіемъ лицъ, близко знакомыхъ съ разнообразными условіями жизни края и съ дѣлами его управленія. Результаты совѣщанія подлежали бы затѣмъ подробному разсмотрѣнію въ Совѣтѣ Министровъ, и въ связи съ вопросомъ о могущихъ быть отпущенными денежныхъ средствъ, и съ его заключеніемъ представлены на Высочайшее благовозрѣніе съ испрошеніемъ разрѣшенія внести ихъ на уваженіе законодательныхъ учреждений, на предметъ исходатайствованія необходимыхъ кредитовъ въ опредѣленные сроки.

Выработанной на этихъ основаніяхъ программы нашей дѣятельности на Дальнемъ Востока надлежало бы затѣмъ строго держаться.

Отступленіе отъ коренныхъ положеній программы, при серьезно измѣнившихся обстоятельствахъ, могло бы производиться тѣмъ же порядкомъ, какъ и установленіе первоначальной программы.

¹⁾ Рѣкимъ примѣромъ служить корейскій вопросъ, по которому четыре Генералъ-Губернатора держались, поочередно, діаметрально противоположныхъ взглядовъ, что не могло не укрѣпить въ корейцахъ сознанія о неустойчивости взгляда на это дѣло нашей администраціи и въ сильной степени содѣйствовать ихъ иммиграціи въ наши предѣлы и чрезвычайно осложнить разрѣшеніе желтаго вопроса.

Первый шагъ въ этомъ направленіи, далеко впрочемъ не исчерпывающій всей предложенной мѣры, былъ въ разсматриваемый періодъ сдѣланъ съ Высочайшаго разрѣшенія бывшимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а именно былъ установленъ особый порядокъ разсмотрѣнія всѣхъ возбужденныхъ Главнымъ Начальникомъ края вопросовъ по управленію, требовавшихъ или законодательнаго разрѣшенія, или согласованныхъ дѣйствій двухъ и большаго числа Министерствъ. Дѣла эти, въ личномъ присутствіи генераль-губернатора, разсматривались въ особомъ междувѣдомственномъ совѣщаніи, членамъ котораго соотвѣтственными Министрами давались указанія, какого мнѣнія держаться при обсужденіи того или другого изъ стоявшихъ на очереди вопросовъ. Результаты Совѣщанія направлялись затѣмъ непосредственно въ Совѣтъ Министровъ, которымъ обыкновенно утверждались, разъ не было въ Совѣщаніи разногласія; при наличности же разногласій въ средѣ Совѣщанія, Совѣтъ выносилъ свое собственное окончательное рѣшеніе, которое, затѣмъ, въ подлежащихъ случаяхъ представлялось на санкцію Высочайшей власти или направлялось установленнымъ порядкомъ на уваженіе законодательныхъ учрежденій.

Приведенная организація междувѣдомственного Совѣщанія, гдѣ члены являлись какъ бы замѣстителями Министровъ, въ чрезвычайной мѣрѣ сокращала время окончательнаго направленія внесенныхъ на разсмотрѣніе ея дѣлъ. Раньше результаты междувѣдомственныхъ комиссій, впредь до поступленія ихъ на разрѣшеніе высшей правительственной власти, направлялись первоначально на заключеніе соотвѣтственныхъ Министерствъ и тогда дѣла затягивались нерѣдко надолго. Генераль-Губернатору приходилось выбирать или ждать рѣшенія ихъ въ Петербургѣ, что иногда требовало времени свѣше года, или уѣзжать въ край и уже оттуда давать письменно объясненія на тѣ или другіе запросы, возникавшіе по представленнымъ дѣламъ въ Министерствахъ.

Въ первомъ случаѣ выгода заключалась въ томъ, что Генераль-Губернаторъ имѣлъ возможность въ Петербургѣ личнымъ своимъ присутствіемъ и объясненіями содѣйствовать скорѣйшему проведенію дѣла чрезъ Министерства и притомъ въ духѣ ему желательномъ, но это влекло за собой долгое пребываніе Главнаго Начальника края внѣ предѣловъ его. Оставленіе же во второмъ случаѣ Петербурга до окончательнаго разрѣшенія важныхъ для края дѣлъ не только затягивало ихъ разрѣшеніе, но онѣ

получали иногда нежелательное направление или даже вовсе приостанавливались на неопредѣленное время.

Установленный же нынѣ порядокъ даетъ возможность генераль-губернатору, за время его пребыванія въ С.-Петербургѣ ¹⁾, провести чрезъ Совѣтъ Министровъ цѣлый рядъ серьезныхъ представленій. Но нужно замѣтить, что при дальнѣйшемъ движеніи ихъ чрезъ Министерства и Главныя Управленія часто замѣчается медленность, парализирующая такимъ образомъ результаты быстрого прохожденія ихъ чрезъ высшую правительственную инстанцію—Совѣтъ Министровъ. Казалось бы, что устранить это ненормальное положеніе могло бы постановленіе того же Совѣта Министровъ, согласно котораго всѣ Министерства обязывались бы вносить періодически въ Комитетъ Дальняго Востока вѣдомости о степени выполненія въ срокъ всѣхъ мѣропріятій, одобренныхъ Совѣтомъ Министровъ, который, въ случаѣ обнаружившейся задержки, могъ бы тогда принимать соотвѣтствующія мѣры къ ихъ устраненію.

Въ настоящее время заботиться объ этомъ приходится генераль-губернатору и какъ лицу, подчиненному министрамъ, ему трудно при этомъ избѣжать треній.

Предложенный порядокъ высшаго контроля за Министерствами о срочномъ выполненіи дѣлъ, касающихся Приамурскаго края, распространенный, конечно, и на мѣстныхъ властей, вытекаетъ изъ предположенной къ утвержденію основной программы нашей дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ также требуется согласованность и срочность послѣдовательной работы каждаго изъ Министерствъ, безъ чего, очевидно, будетъ нарушена плодотворность и цѣлесообразность выполненія всей программы.

Въ связи съ этимъ придется и генераль-губернаторамъ болѣе точно формулировать направленіе и цѣль ихъ дѣятельности по всѣмъ отраслямъ жизни Приамурскаго края и, въ то же время, возложить на нихъ отвѣтственность за выполненіе опредѣленныхъ задачъ въ опредѣленный срокъ. Но тогда полномочія ихъ должны быть расширены и мѣстные органы отдѣльныхъ Министерствъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые ближе приходятъ въ соприкосновеніе съ работою мѣстныхъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и которые имѣютъ своей задачей вліять на поднятіе культурной жизни въ краѣ, какъ-то органы Министерства

¹⁾ Продолжавшагося послѣдніе три года разсматриваемаго періода, ежегодно, около двухъ мѣсяцевъ.

Торговли и Промышленности, Путей Сообщенія и Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, должны быть поставлены въ болѣе близкую зависимость и подчиненіе генераль-губернаторамъ. При разногласіяхъ между взглядами генераль-губернаторовъ и взглядами представителей названныхъ Министерствъ, голосу первыхъ должно быть отдано предпочтеніе, разъ мнѣніе, отстаиваемое генераль-губернаторами, не противорѣчитъ основнымъ директивамъ, которыя имъ предложены къ руководству въ дѣлѣ управленія краемъ. Мотивируется это тѣмъ, что представители отдѣльныхъ Министерствъ, близко знакомые съ прямыми интересами своего вѣдомства, не могутъ быть настолько же освѣдомлены объ общихъ интересахъ, преслѣдуемыхъ въ своей дѣятельности генераль-губернаторами, и которымъ, естественно, частные вѣдомственные интересы должны подчиняться и къ нимъ примѣняться. Несоблюденіе этого правила не разъ вело въ Приамурьѣ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ и создавало вредные прецеденты.

Изъ этого вытекаетъ, что голосу генераль-губернатора по всѣмъ вопросамъ края должно быть дано вѣское значеніе и представленія его безъ особо основательныхъ причинъ не должны быть отклоняемы или измѣняемы въ существенной своей части.

Отрицательно вліяютъ на это случайныя, бойко написанныя, газетныя статьи или сообщенія и живое слово временно командированныхъ изъ центральныхъ управленій, по разнымъ вопросамъ, лицъ, а также туристовъ.

Не говоря уже о томъ, что высказываемая такимъ образомъ мнѣнія нерѣдко носятъ личный, а иногда и тенденціозный характеръ и сообразно съ этимъ отходятъ болѣе или менѣе отъ дѣйствительнаго положенія дѣла, но и помимо того, даже при точномъ изложеніи его онѣ склонны носить отпечатокъ обобщенія даже и тогда, когда онѣ основаны на единичныхъ фактахъ и тѣмъ самымъ приводятъ къ неправильнымъ выводамъ.

Этимъ заключеніемъ вовсе не имѣется въ виду ослабить важнаго значенія возможно широкаго освѣщенія съ разныхъ точекъ зрѣнія какъ въ печати, такъ и въ сообщеніяхъ, всего совершающагося на Дальнемъ Востокѣ, тайнѣ не подлежащаго, но лишь высказывается мнѣніе, что въ рѣшающихъ инстанціяхъ, предварительно какихъ либо рѣшеній, требуется тщательная критика всѣхъ такихъ свѣдѣній съ обстоятельной провѣркой ихъ данными, извлеченными изъ представлений отвѣтственныхъ мѣстныхъ властей.

Можно полагать, что твердо установленная программа нашихъ

цѣлей и дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, о которой говорилось выше, въ значительной степени облегчить указанную задачу центральной власти.

Наконецъ, такъ какъ въ краѣ идетъ безостановочно организаторская работа и въ связи съ ней является потребность въ денежныхъ средствахъ, нерѣдко трудно предусматриваемая заранѣе, то генераль-губернаторъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи крупную сумму ¹⁾ на непредвидѣнныя надобности, но относительно израсходованія которой должна представляться установленная отчетность. Испрашиваніе же въ каждомъ данномъ случаѣ сверхсмѣтнаго отпуска неминуемо будетъ тормазить дѣло.

Но, при условіи предоставленія такихъ полномочій генераль-губернаторамъ выборъ лицъ на этотъ постъ долженъ, конечно, дѣлаться съ особымъ вниманіемъ и тщательной оцѣнкой качествъ кандидатовъ на эту должность. При остальныхъ равныхъ условіяхъ, лицу, раньше служившему на отвѣтственныхъ должностяхъ въ краѣ, слѣдовало бы отдавать преимущество, такъ какъ ему не придется первоначально знакомиться съ своеобразными условіями этой окраины, на что при благопріятныхъ условіяхъ уходитъ не менѣе года времени.

Хотя эта должность по существу гражданская, тѣмъ не менѣе, казалось бы, исключать возможность назначенія на нее лицъ изъ состава военного вѣдомства, обладающихъ административными способностями, не слѣдуетъ. Изъ прошлаго Россіи можно привести не мало примѣровъ выдающихся генераль-губернаторовъ, носившихъ военный мундиръ. Для окраинъ съ колониальнымъ характеромъ это имѣетъ еще то значеніе, что придаетъ лицу, большую авторитетность и престижъ власти въ средѣ народа. Во всякомъ случаѣ, на этихъ должностяхъ должны быть люди съ установившимися твердыми и независимыми характеромъ, волею и убѣжденіями, вполне согласные притомъ, въ своихъ воззрѣніяхъ, на поставленныя имъ правительствомъ задачи и цѣли въ дѣлѣ управления краемъ. Такого рода лица будутъ, конечно, во всѣхъ случаяхъ открыто и опредѣленно высказывать правительству свой взглядъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся края, не стѣсняясь тѣмъ, что взглядъ этотъ можетъ, по временамъ, расходиться со взглядомъ, высказаннымъ тѣмъ или другимъ Министерствомъ. Если затѣмъ

¹⁾ Въ настоящее время экстраординарный кредитъ отпускается ежегодно генераль-губернатору въ суммѣ 24.575 р. Изъ нихъ собственно на экстраординарные расходы 14.875 р., а остальные имѣютъ опредѣленное назначеніе.

по какимъ либо причинамъ или рѣзко измѣнившимся условіямъ возрѣнія генераль-губернатора въ коренныхъ вопросахъ, не согласовались бы съ таковыми же возрѣніями правительства, и устраненіе разногласія не представлялось бы возможнымъ, то такому лицу надлежало бы, въ интересахъ края, просить о замѣнѣ себя другимъ лицомъ, въ противномъ случаѣ для него неизбѣжно полное раздѣленіе отвѣтственности за всѣ послѣдствія по проведенію мѣръ, признанныхъ имъ несоотвѣтственными или даже вредными.

Должность Приамурскаго генераль-губернатора до послѣдняго времени была связана съ должностью командующаго войсками Приамурскаго военного округа.

Въ колоніальныхъ странахъ многихъ другихъ иностранныхъ государствъ существуетъ тотъ же порядокъ.

Соединеніе власти въ однѣхъ рукахъ имѣетъ, помимо нѣкоторыхъ отрицательныхъ качествъ, большія преимущества въ Приамурѣ въ дѣлѣ согласованія интересовъ гражданскихъ и военныхъ, особенно въ вопросахъ земельныхъ, которые въ послѣднее время получаютъ все большее и большее значеніе.

Острую форму они приняли въ г. Владивостокѣ. Первоначальное рѣшеніе по распредѣленію земель между гражданскимъ, военнымъ и морскимъ вѣдомствами, а также городомъ имѣло мѣсто въ концѣ 90-хъ годовъ, но оно уже не удовлетворяетъ въ данное время интересамъ военного вѣдомства, въ сильной степени нуждающимся въ части отведенныхъ городу земель.

Подобнаго же характера вопросы возникаютъ и въ другихъ мѣстахъ расположенія войскъ при отводѣ не только казенныхъ, но и крестьянскихъ, казачьихъ и отчасти городскихъ земель, для надобностей казарменнаго строительства, полигоновъ и стрѣльбищъ.

Важную роль играетъ также, съ стратегической точки зрѣнія, порядокъ послѣдовательнаго заселенія русскимъ элементомъ тѣхъ или другихъ районовъ свободныхъ земель въ краѣ. Затѣмъ, содѣйствіе войскъ гражданскимъ властямъ, изданіе обязательныхъ постановленій гражданскою властью и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, гдѣ интересы гражданского и военного вѣдомствъ сталкиваются, болѣе гарантированы въ правильномъ ихъ рѣшеніи при существованіи объединенной власти, отвѣтственной за благополучіе края по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, чѣмъ если рѣшеніе ихъ зависило бы отъ согласія двухъ лицъ, облеченныхъ равною властью, и прежде всего отвѣтственныхъ за интересы подчиненныхъ каждому изъ нихъ вѣдомствъ. Даже при полномъ

желаніи военной и гражданской власти идти другъ другу навстрѣчу, каждая изъ нихъ, по недостаточно близкому знакомству съ нуждами другого вѣдомства, часто лишена возможности безпристрастно взвѣсить, съ какой стороны и въ какой степени требуется уступка въ высшихъ интересахъ общаго дѣла.

Приведенныя соображенія подтверждаются бывшими фактами, когда даже въ Европейской Россіи послѣ функционирования въ продолженіи извѣстнаго времени разъединенной высшей власти въ краѣ приходилось вновь ее сосредоточивать въ однѣхъ рукахъ, несмотря на то, что случаевъ разногласія между властями въ Европейской Россіи, гдѣ всѣ сношенія и отношенія болѣе точно регулированы и административная жизнь протекаетъ въ нормальныхъ условіяхъ, несравненно меньше, чѣмъ на окраинахъ. Но есть пока одно важное обстоятельство, оправдывающее раздѣленіе власти въ Приамурѣ, это подавляющая масса работы, которая лежитъ на плечахъ главнаго начальника края, соединяющаго въ себѣ и высшую военную власть. Впрочемъ, для устраненія этого слѣдовало бы придать ему особыхъ помощниковъ какъ по гражданской, такъ и по военной частямъ, съ расширенными полномочіями по рѣшенію второстепенныхъ дѣлъ.

При соединеніи высшей власти въ краѣ въ однѣхъ рукахъ, очевидно, выборъ соотвѣтственнаго лица на этотъ высокій постъ осложняется тѣмъ, что оно должно быть выбрано изъ военной среды, въ общемъ менѣе знакомой съ гражданскою административною дѣятельностью, въ особенности, если выборъ производить изъ чисто строевой сферы. Но ограничивать выборъ лица исключительно изъ строевыхъ генераловъ врядъ ли обусловливается насущной необходимостью. На долю командующаго войсками округа выпадаетъ, главнымъ образомъ, работа стратегическаго и организаціоннаго характера, а для этого цензы строевого командованія врядъ ли могутъ считаться обязательными и это тѣмъ болѣе, что на случай войны, по условіямъ, при которыхъ придется дѣйствовать Приморской арміи, она будетъ разбита на отряды, начальникамъ которыхъ должна быть, по необходимости, въ виду разобщенныхъ на значительныя разстоянія районовъ дѣйствія, предоставлена большая самостоятельность и инициатива.

При такихъ условіяхъ роль командующаго арміей сводится въ мирное время, преимущественно, ко всѣмъ подготовительнымъ мѣропріятіямъ для обезпеченія успѣшнаго проведенія кампаніи; а въ военное—къ организаціи тыла и къ общему руководительству

военными дѣйствіями отдѣльныхъ отрядовъ и содѣйствию всѣми мѣрами къ успѣшному выполнению выпадающихъ на ихъ долю задачъ на различныхъ театрахъ войны. Сообразно съ этимъ, отъ командующаго войсками округа требуется въ мирное время подробное изученіе: 1) топографическихъ условій районовъ, гдѣ съ наибольшей вѣроятностью могутъ произойти, при различныхъ политическихъ комбинаціяхъ, военныя дѣйствія; 2) средствъ страны въ продовольственномъ и перевозочномъ отношеніяхъ; 3) характера духа и настроенія населенія; 4) путей сообщенія, какъ внутреннихъ, такъ и связывающихъ край съ операціонными базами внѣ его; 5) этапныхъ линій и 6) военныхъ ресурсовъ, могущихъ быть направленными въ край изъ другихъ частей Имперіи и т. д. Затѣмъ командующій войсками долженъ быть знакомъ съ военными силами и боевыми средствами всякаго рода нашихъ сосѣдей и быть все время въ курсѣ того, что творится въ районахъ, прилегающихъ къ нашимъ границамъ.

На основаніи ближайшаго соображенія всѣхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ знакомства съ приведенными выше задачами, и долженъ быть составленъ планъ нашихъ дѣйствій при столкновении съ наиболѣе вѣроятными нашими противниками. Такимъ образомъ, отъ командующаго войсками, кромѣ общаго знакомства съ военнымъ дѣломъ, требуются стратегическое дарованіе и выдающіяся организаторскія и административныя способности.

Оцѣнка стратегическаго дарованія, съ теоретической точки зрѣнія, можетъ быть, до извѣстной степени, сдѣлана, на основаніи результатовъ подготовительныхъ мѣропріятій мирнаго времени, но сужденіе относительно умѣнія даннаго лица считаться съ мѣняющейся обстановкой, возможно близко подходящей къ военному времени, можетъ быть выказано лишь при большихъ армейскихъ маневрахъ, которые, по своей дороговизнѣ, имѣютъ мѣсто лишь въ нѣсколько лѣтъ разъ и то только въ одномъ какомъ либо районѣ. Такимъ образомъ, большинство командующихъ войсками ценза этого въ мирное время пріобрѣсти не могутъ, и объ ихъ стратегическихъ дарованіяхъ приходится обыкновенно судить лишь на дѣлѣ, во время войны.

Но дарованія эти, какъ равно и умѣніе вдохновить войска и народъ на подвиги, не находятся въ прямой связи съ цензами командованія отдѣльными воинскими частями, а ими обладаютъ и частныя лица, до войны ничего общаго съ военнымъ дѣломъ

не имѣвшія, чему можно найти не мало примѣровъ въ исторіяхъ народныхъ войнъ.

Что же касается организаторскихъ и административныхъ способностей, то практика мирнаго времени даетъ возможность дѣлать оцѣнку цѣлому ряду генераловъ, занимающихъ тѣ или другіе высокіе административные посты какъ по военному, такъ и по гражданскому вѣдомствамъ. За всѣмъ тѣмъ, при выборѣ на этотъ высокій постъ наиболѣе достойнаго лица, должно имѣть весьма вѣское значеніе обладаніе кандидатомъ серьезнымъ боевымъ опытомъ, приобретеннымъ имъ при доблестномъ командованіи во время войны крупными отрядами въ составѣ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Въ связи съ управленіемъ Приамурскимъ краемъ, слѣдуетъ коснуться весьма важнаго вопроса, о соотношеніи Приамурья съ граничащимъ къ нему съ запада Иркутскимъ генералъ-губернаторствомъ. Въ мирное время не бросается въ глаза то близкое ихъ взаимоотношеніе, которое должно имѣть мѣсто въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, два эти генералъ-губернаторства и военные округа, въ сущности, неразрывно между собою связаны съ перваго момента открытія военныхъ дѣйствій, такъ какъ Иркутское генералъ-губернаторство и Иркутскій военный округъ составляютъ естественный ближайшій тылъ Приамурскаго военного округа, представляющаго на случай войны на Дальнемъ Востокѣ главный театръ военныхъ дѣйствій. Но тогда, естественно, какъ тотъ, такъ и другой округъ будутъ подчинены одному главнокомандующему. Разъ это такъ, то, очевидно, работа обоихъ округовъ должна быть объединена и направляема къ одной общей цѣли. Но для этого необходимо, чтобы уже въ мирное время функционировала должность главнокомандующаго, который имѣлъ бы возможность заблаговременно ознакомиться съ предстоящей ему задачей на случай войны и намѣтить свою послѣдовательную программу дѣйствій. Въ противномъ случаѣ, новому лицу, назначенному на этотъ постъ при открытіи военныхъ дѣйствій, придется сначала знакомиться съ театромъ войны и ресурсами страны, въ то время какъ, по характеру быстрого развитія военныхъ операцій при конфликтѣ на Дальнемъ Востокѣ, нужно будетъ немедленно дѣйствовать и не будетъ времени знакомиться съ обстановкой.

Во главѣ областей стоятъ въ Амурской и Приморской областяхъ, гдѣ есть и мѣстныя казачьи войска, военные губернаторы,

должность которыхъ связана съ должностью наказного атамана соотвѣтственнаго казачьяго войска—Амурскаго или Уссурийскаго. Хотя при такомъ совмѣщеніи должностей являлась извѣстная двойственность подчиненія этихъ лицъ, какъ генераль-губернатору, такъ и командующему войсками, совмѣщавшему въ себѣ и должность войскового наказнаго атамана Амурскаго и Уссурийскаго казачьихъ войскъ, тѣмъ не менѣе на практикѣ, когда высшая гражданская и военная власть находилась въ однѣхъ рукахъ, вредныхъ послѣдствій отъ этого не замѣчалось. Въ Камчатской и Сахалинской областяхъ во главѣ стоятъ губернаторы, такъ какъ въ Камчатской области пока не расположено вовсе воинскихъ частей, а на Сахалинѣ есть только мѣстная команда, причемъ отсутствіе на островѣ лица съ правами начальника дивизіи представляетъ извѣстныя неудобства.

Въ выборѣ начальниковъ областей голосу отвѣтственнаго за край генераль-губернатора должно быть предоставлено преимущественное значеніе. Это должны быть довѣренныя лица главнаго начальника края, вполнѣ солидарныя съ проводимой имъ общей внутренней политикой и дружно работающія съ нимъ въ проведеніи его предположеній по всѣмъ отраслямъ народной жизни.

Къ назначенію лицъ на различныя административныя должности въ краѣ слѣдуетъ относиться съ особымъ вниманіемъ, такъ какъ своеобразныя условія жизни и службы на окраинѣ вызываютъ необходимость предоставлять большія полномочія также и второстепеннымъ чинамъ. Для привлеченія и удержанія служащихъ дольше на службѣ въ краѣ, что весьма важно, не слѣдуетъ сокращать пока привилегій, безъ того незначительныхъ, а наоборотъ, нѣкоторыя привилегіи слѣдуетъ даже расширить, въ особенности въ отношеніи воспитанія дѣтей.

Доходы и расходы Государственнаго Казначейства по Приамурскому краю за послѣднія пять лѣтъ приведены въ приложеніи ¹⁾. Изъ нихъ можно вывести слѣдующія заключенія.

Всего за пятилѣтіе 1906—1910 г. доходъ по краю выразился въ 66.442.114 р., а расходъ въ 285.119.032 р.

При исключеніи изъ расходовъ сумму въ размѣрѣ 208.408.462 р. ²⁾, отпущенныхъ по финансовымъ смѣтамъ Военнаго

¹⁾ См. Приложение 20.

²⁾ 167.283.050 р. по Воен. Мин., 37.441.032 по Морск. Мин. и 3.684.380 р. на постройку Амур. ж. д.

и Морского вѣдомствѣ и на постройку Амурской желѣзной дороги, которая, въ сущности, должна распределяться на всю Имперію, разница между доходомъ и расходомъ за всѣ пять лѣтъ выразится въ превышеніи расхода надъ доходомъ въ суммѣ 10.268.455 р., въ среднемъ, слѣдовательно, за годъ въ 2.053.691 р.

Но если затѣмъ расходъ по переселенію, составляющій за всѣ пять лѣтъ 17.571.982 р., отнести на половину на долю тѣхъ губерній и областей, откуда переселенцы шли, то это еще сократитъ расходъ на край на 8.785.991 р. или въ среднемъ на годъ на 1.757.198 р. Принято это на томъ основаніи, что изъ переселенія извлекалась польза не только для Приамурья, но и для тѣхъ мѣстностей, гдѣ старались разрѣдить населеніе и откуда вообще шли переселенцы.

По введеніи этихъ сокращеній разница между доходомъ и расходомъ по краю составитъ въ годъ 296.493 р. Цифру эту слѣдуетъ увеличить на сумму 2.635.000 р., приходящуюся на долю русскихъ подданныхъ Приамурскаго края—составлявшихъ въ среднемъ въ годъ 620.000 чел., по общей раскладкѣ на всю Имперію расходовъ по Военному и Морскому вѣдомствамъ и по постройкѣ Амурской желѣзной дороги, что составитъ около 4 р. 25 к. на человѣка. Тогда превышеніе расходовъ надъ доходами Государственного Казначейства выразится въ Приамурскомъ краѣ, въ среднемъ въ годъ, за послѣдніе 5 лѣтъ, въ 2.931.493 р.

Въ виду этого, мнѣніе, что Приамурскій край живетъ исключительно на счетъ центра Россіи и истощаетъ его ресурсы, врядъ ли имѣетъ подъ собою основательную почву. Наоборотъ, нужно полагать, что съ увеличеніемъ населенія разовьются торговля и промыслы и поднимется эксплуатація громаднхъ естественныхъ богатствъ края, находящаяся нынѣ въ начальной стадіи своего развитія. Тогда балансъ доходовъ и расходовъ страны измѣнится къ лучшему не только въ отношеніи мѣстныхъ, но и общихъ интересовъ государства.

Для поднятія доходности по краю въ разсматриваемый періодъ собраны и разработаны матеріалы о доходности земель въ Приморской и Амурской Областяхъ, на предметъ введенія государственной оброчной и поземельной податей и введено акцизное обложеніе на о. Сахалинѣ.

Борьба съ иностранной развѣдкой въ предѣлахъ нашего Приамурскаго края составляетъ весьма важную и въ то же время трудную и сложную задачу администраціи.

Переполненность края желтымъ элементомъ, занимающимся у насъ самыми различными профессіями, даетъ этому населенію возможность въ подробностяхъ изучать не только всѣ наши бытовые условія, но и знакомиться, или прямо, или косвенно съ характеристикой цѣлаго ряда должностныхъ лицъ какъ по гражданской, такъ и общественной и военной службѣ.

Дѣятельность всей этой массы иностранцевъ, разбросанныхъ по краю, легко можетъ конспиративно регулироваться специальными агентами, и, собираемая такимъ путемъ систематически и непрерывно свѣдѣнія, могутъ доставляться затѣмъ тѣмъ же агентами куда слѣдуетъ. Обличить ихъ въ ихъ вредной для насъ работѣ весьма трудно. Свѣдѣнія, сами по себѣ хотя и не секретнаго характера, тѣмъ не менѣе изображаютъ въ совокупности болѣе или менѣе полную картину нашихъ слабыхъ и сильныхъ сторонъ, которую мы о сосѣднихъ странахъ, по ограниченному количеству проживающихъ въ нихъ нашихъ подданныхъ, имѣть не можемъ и восполнять этотъ пробѣлъ приходится другими мѣрами. Съ прямымъ военнымъ шпионствомъ бороться относительно легче, такъ какъ противъ него могутъ быть принимаемы болѣе опредѣленные мѣры. Но всетаки слѣдуетъ отмѣтить и имѣть въ виду, что наши сосѣди на развѣдки не жалѣютъ средства.

Противъ военного шпионства главнымъ начальствомъ края на основаніи правъ, предоставляемыхъ ему военнымъ положеніемъ, издавались обязательныя постановленія, сводившіяся главнымъ образомъ къ слѣдующему: 1) воспрещалось постороннимъ лицамъ, безъ особаго на то разрѣшенія, приближаться въ крѣпостныхъ районахъ на извѣстное разстояніе какъ къ оборонительнымъ, такъ и другимъ военнымъ и морскимъ сооружениямъ. 2) Не допускалось въ Приамурскомъ краѣ, безъ особаго разрѣшенія, производить какія-либо съемки, снимки и измѣренія или описанія мѣстностей, казенныхъ сооружений, рѣкъ и побережья и сухопутныхъ путей сообщенія всякаго типа.

Не распространялось это послѣднее распоряженіе лишь на работы правительственныхъ агентовъ или на работы, производимыя на частныхъ и арендуемыхъ земляхъ, по распоряженію ихъ владѣльцевъ или арендаторовъ.

За нарушеніе обязательныхъ постановленій подвергались административнымъ порядкомъ штрафу до 3.000 руб. или аресту до 3-хъ мѣсяцевъ не только виновные, но и другія лица, принимавшія тѣмъ или другимъ способомъ участіе въ этомъ нарушеніи.

Такъ какъ подобныя обязательныя постановленія главный начальникъ края имѣлъ право издавать, лишь до тѣхъ поръ, пока край находился на военномъ положеніи, то былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи особаго закона, уполномочивающаго его принимать мѣры противъ шпионства, какія онъ признаетъ по обстоятельствамъ нужными и тогда, когда военное положеніе въ краѣ будетъ снято.

Соотвѣтственный законъ впослѣдствіи и былъ изданъ.

Нынѣ всталъ на очередь вопросъ объ ограниченіи права повсемѣстнаго проживанія иностранцевъ въ краѣ и пользованія ими другими путями сообщенія, кромѣ разрѣшенныхъ для общаго пользованія.

Письмо Приамурского генерал-губернатора
П.Ф. Унтербергера министру финансов России
В.Н. Коковцеву о проекте железной дороги
Канск — Берингов пролив, который был
предложен американским синдикатом

1 декабря 1906 г.

г. Хабаровск.

Милостивый государь Владимир Николаевич.

Вследствие письма Вашего Высокопревосходительства от 23/25 августа сего года, полученного мною 20 мин[увшего] октября, имею честь сообщить нижеследующие соображения по выработанному особой комиссией «проекту основных условий образования акционерного общества для постройки и эксплуатации железной линии Канск — Берингов пролив».

Ознакомившись подробно с представленным французским подданным Лойк де Лобелем от имени американского синдиката проектом постройки вышеуказанной железнодорожной линии, я не могу не высказать, что в означенном проекте прежде всего надлежит отметить необоснованность его в отношении расходов по его осуществлению. Расходы по сооружению дороги несомненно будут чрезвычайно великими, ввиду особо неблагоприятных для постройки железной колеи условий почвы, климата, топографии местности и пр. Громадны будут и расходы по прорытию тоннеля под Беринговым проливом. Для определения их, хотя бы приблизительно, никаких изысканий сделано не было. В распоряжении синдиката, по-видимому, нет даже достаточного знакомства с краем и местными условиями. Самое направление линий указано совершенно предположительно. При таких условиях указанная в первоначальном проекте Лойк де Лобеля приблизительная стоимость постройки, в среднем 94.000 руб. за версту, должна быть признана совершенно гадательной.

Точно также должны быть признаны гадательными и соображения об эксплуатации всей линии.

Нельзя допустить, чтобы практичные американцы, так легко, с закрытыми глазами, могли браться за такое огромное предприятие, требующее чуть не миллиардных затрат. Отсюда, естественно, является полное сомнение, действительно ли предприниматели имеют в виду выстроить целиком предполагаемую ими дорогу, в

5—6 тыс. верст. Скорее можно предположить, что за этим предложением кроются иные планы, осуществление которых может быть будет выгодно американцам, но едва ли будет в наших интересах.

Постройка указанной колеи только тогда имела бы для нас практическое значение, если она теснее соединила бы с центром России, закрепила бы за нами наш дальний северо-восток, в частности Чукотский полуостров, Анадырь и Камчатку, из которых в особенности Чукотский полуостров в значительной степени подпал в сферу американского влияния.

Но так ли это будет?

Смотреть на проектируемую дорогу как на будущий мировой транзитный путь не представляется никаких оснований. Рассчитывать на нее, как на средство для оживления края путем русской колонизации и развития русской промышленности, пока также данных слишком мало. Впрочем, в этом отношении на первом плане, как наш аванпост на Дальнем Востоке, должно стоять Приамурье, на которое прежде всего и должны быть обращены заботы правительства. Поэтому открытие для колонизации новых громадных пространств Северо-Восточной Азии, которые прорежет проектируемая дорога, представляется теперь даже нежелательным, так как могло бы отчасти затормозиться заселение Приамурского края.

Несомненно, положение, создавшееся теперь на побережье Берингова моря, где американцы шаг за шагом захватывают экономически наш край, не может считаться нормальным и допустимым. Но если мы, за отдаленностью этой окраины и при отсутствии путей сообщения, можем в данное время только весьма слабо противодействовать поступательному движению предприимчивых американцев, то с другой стороны, те же неблагоприятные условия, а главное, отсутствие путей сообщения, являются громадным препятствием и для них. Совершенно иначе будет стоять дело при осуществлении предложенного американцами проекта. Хотя железная дорога и соединит Чукотский край с населенными центрами России, но соединение это, при расстоянии до 10.000 верст, пролегающих в значительной части по пустынной, мерзлой тундре, является для нас мало имеющим значение. Наоборот, американцы, выстроив дорогу и воспользовавшись правом занятия значительной части нашей территории, в виде отдельных участков по обе стороны линии, могут впереди всего прочно обосноваться в отдаленном северо-восточном крае и постепенно захватить его в свои руки. Близкая Аляска, с

прекрасными путями сообщения, благоустроенными городами, складами, пароходными линиями и проч., будет служить отличной базой для дальнейшего поступательного движения, против которого мы будем совершенно бессильны.

Еще в худшем положении мы окажемся в том случае, если предприниматели, под тем или иным предлогом, не доведут постройки до конца. Обусловленное проектом одновременное сооружение линии с запада и востока, в пропорции 3:1, не представляет никакой гарантии в этом отношении. Если между западным и восточным участками начатой дороги останется даже сравнительно небольшой перерыв, хотя бы в 1.000 верст, дорога, по местным условиям, не будет иметь для нас никакого значения, ибо Камчатка с Чукотским краем останутся по-прежнему для нас недоступными. Наоборот, американцы, располагая железной колеей от самого океана и пользуясь законным правом разработки и эксплуатации отведенных им вдоль выстроенной линии участков, явятся полными хозяевами края. Таким образом, вместо закрепления его за нами, постройкой дороги мы будем только содействовать его отпадению и экономическому захвату американцами. Рассчитывать на то, что одновременно с развитием американских предприятий, на отведенных им участках, параллельно разовьется и русская промышленность, надежды слишком мало.

Пример — Приамурье. Мы полвека владеем Амурским краем. Богатства его, всех видов, громадны. Климатические и почвенные условия его в общем весьма благоприятны. Между тем Амурская и Приморская области, площадь которых вместе составляет до 200 миллионов десятин, имеют всего 450.000 жителей, а промышленность края до сих пор находится в, зачаточном состоянии. Уссурийская дорога, выстроенная 8 лет тому назад, все еще пролегает, в северной половине ее, по почти пустынной тайге.

Несоблюдение обществом принятых на себя обязательств предусмотрено ст. 22 проекта основных условий, на основании которой Русское правительство имеет право во всякое время прекратить действие концессии и потребовать ликвидации дел общества. Это на первый взгляд весьма грозное требование в действительности мало осуществимо для нас и, во всяком случае, не принесет нам никаких выгод. Возьмем наиболее возможный случай: выстроив половину линии, дальнейшую постройку общество прекратило или, разными предложениями, затягивает. Согласно п. 4 условия (в редакции большинства комиссии) выстроенная половина дороги может оказаться разбросанной участками на всех четырех очередях. Так как на первых двух очередях построй-

ка может производиться с любого пункта по выбору общества, то нужно думать, что оно, произведя предварительно разведки ископаемых, особенно золота, направит линию по золотосодержащим площадям. Через несколько лет такой деятельности мы будем иметь часть дороги с выработанными на протяжении ее ископаемыми богатствами, совершенно для нас бесполезную. Вместе с тем американцы, построив, как сказано выше, часть дороги от Берингова моря и таким образом связав Чукотский полуостров с Аляской и в то же время оставив его недоступным для нас, постараются вероятно прочно обосноваться там. Что этого можно ожидать, видно из того, что на предложение меньшинства комиссии, настаивавшего на постройке четвертой очереди магистрали только с запада на восток, Лойк де Лобель не согласился.

Далее, нет сомнения, что в задуманное американцами предприятие будут вложены одни только американские капиталы. Вероятно по составу своих участников оно будет международным. В него будут вложены громадные средства как на постройку дороги, так и на связанные с нею промышленные предприятия. Прекращение концессии, конечно, вызовет энергичные протесты вкладчиков капиталов и, ввиду международного характера предприятия, может повести к весьма нежелательному, при нашем положении на Дальнем Востоке, дипломатическому конфликту. В результате, кроме Амурского вопроса, положение которого в настоящее время крайне серьезно, мы создадим еще новый вопрос — Чукотский. Нашим соседям японцам, конечно, это будет на руку. Это с политической точки зрения. Посмотрим теперь с финансовой стороны.

Порвав концессию, мы получим от американцев, взамен выработанных ими ископаемых богатств, обрывки неоконченной дороги в пустынном крае, эксплуатация коих, конечно, кроме убытков ничего не даст. Окончание сооружения дороги за счет Русского правительства и принятие ее затем в казенное управление, очевидно, также будет убыточным для нас и поведет только к обременению Государственного казначейства. Кроме убытков по эксплуатации, нам придется платить проценты и погашение по облигациям; потеря же акций предпринимателями не может иметь серьезного значения, так как на весь строительный капитал выпускается только четверть акций и три четверти облигаций. Последние всецело могут покрыть расходы предпринимателей по постройке дороги.

В заключение позволяю себе кратко резюмировать свои возражения:

1. Полная необоснованность проекта как в отношении расходов по его осуществлению, так и по эксплуатации будущей дороги.

2. Отсюда естественное и полное сомнение в том, что намерены ли предприниматели действительно выполнить постройку всех заявленных ими линий.

3. Если же постройка сплошной линии к Берингову проливу не будет выполнена, то главный интерес России в этом деле — закрепление за нами Чукотского полуострова — не будет достигнут. Но и при выполнении проекта много шансов за то, что осуществление его послужит в пользу не нам, а американцам.

4. Частичное выполнение постройки, особенно же и впереди всего с восточного конца, будет прямо содействовать закреплению Чукотского полуострова за американцами. Одновременное сооружение линии с запада и востока, хотя бы и в пропорции 3:1, при местных условиях и в особенности при тех земельных льготах, которые даются предпринимателям, никакой гарантии в этом отношении не представляет и эквивалентом служить не может.

5. Хотя теперь, при отдаленности Чукотской окраины, американцы постепенно, шаг за шагом и делаются хозяевами на побережье Берингова моря, но это идет медленно и до некоторой степени мы можем задерживать это поступательное движение. Постройка же дороги отдаст весь край в их руки, и полный экономический захват его совершится в несравненно более короткий срок. Проведя несколько сот верст по Чукотскому полуострову, американцы сделаются господами положения, и удержать в своих руках наш дальний северо-восток, хотя бы силой, им будет неизмеримо легче, чем нам брать его обратно.

6. Предусмотренное проектом основных условий право прекращения концессии и ликвидации дел общества не даст нам никаких выгод, встретит большие затруднения или даже совершенно не будет выполнено по следующим причинам:

а) Предприятие вероятно будет международным. Прекращение его конечно встретит общее противодействие заинтересованных сторон и может повести к дипломатическому конфликту, крайне нежелательному при настоящем нашем положении на Дальнем Востоке.

б) Правительству придется эксплуатировать отдельные участки железной дороги, обесцененные выработкой ископаемых богатств и не приносящие никакого дохода, и платить проценты и погашение по облигациям.

с) Предприниматели же от потери акций внакладе не останут-

ся, ибо облигации всецело могут покрыть расходы по постройке, не говоря уже о тех ископаемых богатствах, которые перейдут в их руки.

Вот те естественные последствия, к которым, по моему разумению, может повести принятие предложения американского синдиката, на первый взгляд весьма заманчивого, но по существу для нас не только не выгодного, но и для целостности Государства крайне опасного.

Наконец, если мы отдадим концессию Лойк де Лобелю, то соединение Хабаровска со Стретенским состоится через шесть лет.

А если обязательство это американским синдикатом не будет выполнено, то срок соединений названных пунктов — железн[ой] дорогой отдалится еще на несколько лет. Между тем скорейшее закончание этой линии составляет жизненный вопрос в деле укрепления нашего положения на Дальнем Востоке.

Прошу принять уверение и проч.

Подлинное подписал: П. Унтербергер

Публикация Юрий Мурина.
Источник, 1996. № 4. С. 45—48.

Размышления инженер-генерала П.Ф. Унтербергера

...Жизнь и служба на окраине России отличается от службы во внутренних губерниях. Там по обстоятельствам в молодых чинах приходится привыкать к самостоятельности, а раз к ней (есть) привычка, то уже трудно свыкаться с подчиненным положением в службе в Европейской России.

РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

Молодым людям со школьной скамьи, обладающим здоровьем и надежным характером, можно посоветовать прослужить несколько лет на окраине. Служба такая закаляет, приобретаешь знание людей и получаешь большой жизненный кругозор. При большой самостоятельности и правах видны результаты своей работы, а это возвышает дух и укрепляет веру в собственные силы.

РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

...С чувством высокого уважения и удивления вспоминаешь тех пионеров-моряков, на долю которых выпала тяжесть положить первое начало культуры на этой отдаленнейшей окраине владений России... Плеяда этих беззаветных храбрецов в борьбе с природой, во главе с адмиралом Невельским, в ряды которой из года в год вступали все новые и новые борцы, стяжали себе заслуженную славу.. В истории нашего флота деятельность моряков на Далеком Востоке всегда будет составлять одну из его светлых страниц.

Приморская область. СПб. 1900. С. 248.

...Терпеливый характер русской женщины, умение ее, не падая духом, считаться с самыми трудными обстоятельствами жизни... проявлялись и здесь и действовали ободряющим образом на окружающих.

Приморская область. СПб. 1900. С. 251.

Нельзя делать о проявлениях и условиях жизни народа, имеющего свою 4000-летию, своеобразную и резко отличающуюся от нашей цивилизацию, какие-нибудь серьезные заключения, основанные на путевых впечатлениях, вынесенных из пребывания в стране несколько месяцев. Для этого нужна массная группировка фактов, притом различных на-

блюдателей, и разносторонняя разработка их. Единичные явления, насколько бы они рельефны ни были, тем не менее могут быть случайными, и тогда ошибка при обобщении такого рода фактов очевидна.

Очерк пути от г. Тяньцзинь до г. Чженьцзянь в Китае. // Записки ИРГО по общей географии. 1877. № 1. С. 5.

...нужна сильная и авторитетная власть на месте...

Всеподданейший отчет
Приамурского генерал-губернатора,
сенатора, инженер-генерала Унтербергера
за 1906—1907 гг. Хабаровск. 1908. С. 31.

Регулировать сообразно с интересами государства и с целями правительства экономическим развитием страны лежит на обязанности администрации и важно избегать случайных и непоследовательных действий, иметь для руководства составленную на определенный период времени программу.

Приамурский край.
1906—1910 гг. СПб. 1912. С. 405.

Готовность наша встретить врага обеспечит нам мир, неготовность — вызовет войну со всеми ее роковыми последствиями.

РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 82. Л. 8.

Чем более установится равновесие сил держав на крайнем Востоке, тем более сблизятся и интересы их, и укрепится желание сохранить мир, так как война при таких условиях потребует с обеих сторон громадных затрат. Наоборот, чем больше будет разница в силах, тем больше будут расходиться и интересы, и тем легче могут при неуступчивости более слабого произойти столкновения.

Приамурский край... С. 352.

Каждое дело, требующее для своего завершения известных последовательных мероприятий, может потерпеть неудачу, раз не все из этих мероприятий будут своевременно выполнены.

Приамурский край... С. 352.

Не теряйте веру в Русский народ. Все, что творится теперь, есть результат того, что дурным и зверским качествам, которые кроются в каждом человеке, дан полный простор и нет той власти, которая бы их удержала, а напротив того, он властью как бы поощряется. Верьте мне, то, что теперь творится в России, в том же виде проявится в среде каждого народа, где установились бы порядки, ныне существующие на нашей Родине. Как только наступят спокойные времена, а они должны наступить, все резко изменится, и тот же народ ужаснется, вникнув в то, что он натворил, когда его скверным качествам не было удержу.

Из письма В.К. Арсеньеву 8 декабря 1920 г. //
Архив Общества изучения
Амурского края. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8. Л. 17.

Перечень экспедиций и командировок по изучению Дальнего Востока (1906—1910 годы)

1906 год

- 1) Экспедиция штабс-капитана Арсеньева для исследования района от залива Св. Ольги до бухты Терней.
- 2) Командировка штабс-капитана Вильчевского для рекогносцировки пути от Никольска-Уссурийского до Имана.
- 3) Командировка инженера Пфаффуса и врача Спасского на Чукотский полуостров.
- 4) Экспедиция горного инженера Тульчинского на Сахалин.
- 5) Командировка чиновника Казаринова для обследования корейского вопроса.

1907 год

- 6) Экспедиция штабс-капитана Арсеньева для исследования района от б. Терней к северу.
- 7) Экспедиция инженеров Старицкого, Фридмана и др. для исследования р. Селемджи.
- 8) Экспедиция техника Разгильдяева для исследования рр. Иман и Ваку.
- 9) Экспедиция Логиновского для обследования инородцев по Нижнему Амуру и отчасти по побережью Охотского моря и Татарского пролива.
- 10) Экспедиция Зорина и Рыбальского по обследованиям Северно-Уссурийского края.
- 11) Экспедиция инженера Анерта, топографа Кусова и студента Берлинга на Сахалин.

1908 год

- 12) Экспедиция штабс-капитана Арсеньева для исследования хребта Сихотэ-Алиня.
- 13) Экспедиция подполковника Страдеевского в Императорскую Гавань.
- 14) Командировка инженера Пфаффуса для ознакомления с каменноугольными предприятиями Южно-Уссурийского края.
- 15) Геологическая экспедиция инженеров Тихановича и Полевого на Сахалин.
- 16) Командировка горных инженеров Малявкина и Мушкетова для исследования Сучанского района.
- 17) Командировка чиновника Казаринова в верховья р. Иман.

- 18) Экспедиция под начальством статского советника Суханова для обследования быта населения по нижнему течению Амура.
- 19) Командировка с той же целью чиновника Архангельского.
- 20) Экспедиция профессора Шмидта для этнологических и лингвистических исследований среди амурских инородцев.
- 21) Экскурсия Черского и Дюковых для ботанического и орнотологического исследования Ханкайского района.

1909 год

- 22) Камчатская экспедиция Рябушинского.
- 23) Экспедиция по побережью Ледовитого океана к Берингову проливу.
- 24) Экспедиция штабс-капитана Арсеньева на Сихотэ-Алинь.
- 25) Экспедиция в горные округа Амурской области инженеров Анерта, Яворовского, Хлапошина и Риппаса.
- 26) Экспедиция генерала Жданко для обследования перекатов по низовьям Амура.
- 27) Экспедиция геологов Тихановича и Полевого на Сахалин.
- 28) Экспедиция члена Киевского Общества естествоиспытателей Кочубея для собирания зоологического, ботанического и геологического материала.
- 29) Командировка геолога Виттенбурга для разведки Аннинских минеральных источников.
- 30) Командировка полковника Страдецкого и статского советника Берденникова для обследования капиталистического рыбного промысла в Николаевском районе.
- 31) Командировка чиновника Казаринова для обследования рыбного промысла на Камчатке.
- 32) Командировка инженеров Крынина и Мартынова для исследования рек Камчатки и Большой.
- 33) Экспедиция Черского и Дюковых в Ханкайский и Ольгинский районы.

1910 год

- 34) Амурская экспедиция камергера Гондатти.
- 35) Камчатская экспедиция Рябушинского.
- 36) Лесная экспедиция на Камчатку.
- 37) Командировка зоолога Суворова на Командорские острова.
- 38) Экспедиция Тихановича на Сахалин.
- 39) Командировка чиновника Казаринова для обследования рыболовства в Николаевском районе.
- 40) Экспедиция для исследования горных округов Амурской области инженеров Яворского, Аннета и др.

41) Командировка на Сахалин для этнографических исследований члена Императорского Географического общества Васильева.

42) Командировка для той же цели на Сахалин этнографа Штернберга.

Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг.
СПб., 1912. Приложение 21. С. 52—53.

Генерал-губернаторы Приамурского края (1884—1917 гг.)

1. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии (пехоты) барон А.Н. Корф	1884—1893
2. Генерал от инфантерии С.М. Духовской	1893—1898
3. Генерал от инфантерии Н.И. Гродеков	1898—1902
4. Генерального штаба генерал-лейтенант Д.И. Суботич	1902—1903
5. Генерал от инфантерии Н.П. Линевиц (и. д. генерал-губернатора)	1903—1904
6. Генерал от кавалерии Р.А. Хрещатицкий (и. д. генерал-губернатора)	1904—1905
7. Инженер-генерал П.Ф. Унтербергер	1905—1910
8. Шталмейстер Н.Л. Гондатти	1911—1917
Наместник Дальнего Востока генерал-адъютант Е.И. Алексеев	1903—1904

Военные губернаторы Приморской области (1856—1917 гг.)

1. Контр-адмирал П.В. Казакевич	1856—1865
2. Контр-адмирал И.В. Фурутельм	1865—1871
3. Контр-адмирал А.Е. Кроун	1871—1875
4. Контр-адмирал Г.Ф. Эрдман	1875—1880
5. Генерал-майор М.П. Тихменев	1880—1881
6. Генерал-лейтенант И.Г. Баранов	1881—1888
7. Генерал-лейтенант П.Ф. Унтербергер	1888—1897
8. Генерал-майор Д.И. Суботич	1897—1899
9. Генерал-лейтенант Н.М. Чичагов	1899—1903
10. Генерал-лейтенант А.М. Колюбакин	1903—1905
11. Генерал-лейтенант В.Е. Флуг	1905—1909
12. Генерал-лейтенант И.Н. Свечин	1910—1911
13. Генерал-майор М.М. Манакин	1911—1914
14. Генерал-лейтенант А.Д. Сташевский	1914—1916
15. Генерал-лейтенант В.А. Толмачев	1916—1917

Дальний Восток России: из истории системы управления.
//Документы и материалы. — Владивосток. 1999. С. 221.

Военные губернаторы Амурской области (1858—1917 гг.)

1. Генерал-лейтенант Н.В. Буссе	1858—1866
2. Генерал-лейтенант И.К. Педашенко	1866—1874
3. Генерал-майор А.А. Оффенберг	1874—1879
4. Генерал-майор И.Г. Баранов	1880—1881
5. Генерал-майор П.С. Лазарев	1881—1886
6. Генерал-лейтенант А.С. Беневский	1886—1892
7. Генерал-майор Д.Г. Арсеньев	1892—1897
8. Генерал-майор К.Н. Грибский	1897—1900
9. Генерал-лейтенант Д.В. Путята	1902—1906
10. Генерал-лейтенант А.В. Сычевский	1907—1910
11. Генерал-лейтенант А.М. Валуев	1910—1913
12. Генерал-майор В.А. Толмачев	1913—1915
13. Генерал-майор К.Н. Хагондоков	1916—1917

Дальний Восток России: из истории системы управления.
//Документы и материалы. — Владивосток. 1999. С. 221.

К отъезду П.Ф. Унтербергера

Приамурский генерал-губернатор Унтербергер 26.12 с утренним почтовым поездом (около 11 часов утра) отбывает из Владивостока в Петербург к месту нового назначения в Государственный Совет.

В звании Приамурского генерал-губернатора Унтербергер прибыл в край в 1906 г. вскоре после войны, когда следы ее были еще совершенно ясны и раны сочились. Но эта должность генерал-губернатора была лишь последней ступенью долгой службы П.Ф. непосредственно в нашем крае и вообще в Восточной Сибири.

Мне впервые пришлось встретиться с ним на общей работе на Хабаровском съезде в 1886 г. при первом генерал-губернаторе бароне Корфе. Это было 24 года назад. Я был тогда еще молодым, П.Ф. — уже пожилым человеком и чине полковника. И я знаю, что службу он на окраине начал еще задолго до этого, в 60-х годах минувшего века, в Иркутске, с которым, до образования в 1884 г. отдельного Приамурского генерал-губернаторства, все Приамурье было тесно связано в административном управлении. Таким образом, фактически Унтербергер являлся одним из старейших деятелей местной жизни, посвятившим ей буквально всю свою жизнь, как непосредственный насельник-обыватель, как общественный деятель, участник административного управления за очень долгий период и, наконец, как высший ответственный руководитель самой местной администрации.

С историей Приамурья имя Унтербергера связано теснейшим образом, неразрывно. Нет лица, ближе его знающего местную жизнь и всех ее главнейших представителей, потому что за свою долгую службу и жизнь на окраине, особенно в должности военного губернатора, а затем генерал-губернатора, он непосредственно соприкасался с нею, жил в ней и в конце концов руководил ею, как сила за всех мыслящая, обобщающая и комбинирующая.

Кто отчетливо отдаст себе отчет в том факте, что вся жизнь Приамурья сосредоточилась в его колонизации и что прошлая его история во всех своих проявлениях есть нечто иное, как только постепенно развертывающаяся история начальной колонизации, в ее первых робких и неумелых попытках, тот должен главной заслугой Унтербергера поставить его твердое, ясное, продуманное понимание основной задачи первоначального заселения Приамурья, в минувшее первое полустолетие его жизни. Будучи противником широкой раздачи местных земель в частную собственность и проявляя свое влияние в этом направлении на административные сферы в периоды

усиленных наступлений на эту сторону колонизационных ресурсов, он был главным лицом, которое сохранило нетронутым земельный фонд именно для нужд широкой народной колонизации. И если теперь, по истечении 50 лет, местная колонизация беспрепятственно растет и пространственно ширится во все стороны, это лишь потому, что никаких барьеров частной собственности на своем пути она не встречает, никакого спекулятивного препятствия своему расширению не имеет и потому совершенно свободна в своем росте. Этой колонизации вся необходимая почва в крае была сохранена, сбережена именно Унтербергером, его прямыми усилиями или влиянием его личного разума на высших руководителей окраинной жизни.

Чтобы оценить истинную роль Унтербергера в устройении Приамурья, я считаю вполне достаточным выдвинуть только одну эту сторону его деятельности. Это его бесспорная и крупная заслуга, как человека и сознательного исторического администратора перед государственной идеей на этой окраине.

В детальных мероприятиях Унтербергера, как бывшего губернатора или генерал-губернатора, в различных отраслях ответственно сложного управления, конечно, были ошибки. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Мало того, здесь, в Приамурье, при лучших стремлениях самого добросовестного, вдумчивого администратора ошибки должны были быть потому, что здесь они неизбежны. Огромный пустынный край, равняющийся государствам Европы по пространству, и ничтожная численность всего населения в несколько сот тысяч душ. Человек, брошенный в лес, блудит в нем даже с компасом. В заселенных старых областях и районах, где жизнь сложилась веками, где населениеросло своими корнями в почву, там это население, его определявшиеся нужды, его совершенно вошедшая в русло (историческое и бытовое) жизнь — вот тот верный административный компас, к которому нужно только внимательно присматриваться, чтобы понять коренные нужды жизни от нее самой, из сложившихся стремлений населения, из его массовых назревших нужд, ясно и определенно выражаемых живым языком. А кто явится выразителем пустынного края, где в могучей первобытной природе человек совершенно подавлен ее мощью, где общественность разбита тайгой на жалкие клочья и сама еще не может определить своих стремлений далее самых примитивных потребностей? Какие правильные общие «горизонты» может заявить такая общественность, когда каждый член ее отчетливо понимает, что самое главное — нужно жить сперва с ружьем и револьвером на стене против тигра и хунхуза, нужно самому проконопатить дом, чтобы не замерзнуть. При такой мизерной общественности и напротив огромности первобытного неустроенного края — у руководителя администрации, естественно, оставался единственный компас —

его кабинетная работа, личный разум и личная наблюдательность, поскольку таковая могла проявиться в указанной обстановке одиночества и общей изолированности.

Вот основное отличие местной административной работы здесь, на окраине, от налаженной в проторенном русле работы в губерниях европейской России. И нисколько не удивительно, что зачастую такая работа бывала и долго еще будет подвержена тем или другим ошибкам. Это результат неизбежности, иначе здесь быть не может, ибо такова еще вся обстановка местной жизни.

Обращаясь к минувшей деятельности Унтербергера за его 4-летнее¹ управление в должности Приамурского генерал-губернатора, я ограничусь здесь только голым перечнем того, что завершено им здесь за это время или подготовлено к проведению в жизнь.

1) Отделение Камчатской области, образование Иманского и Ольгинского уездов и возбужденный вопрос об открытии Селемджинского уезда в Амурской области.

2) Собранные данные для всестороннего освещения и решения вопроса о труде представителей «желтой» расы в крае, разработаны данные и основания для законодательного проекта о воспрещении пребывания иностранцев в некоторых районах края.

3) Введена воинская повинность.

4) Образовано на Сахалине крестьянское общественное управление.

5) Решен в положительном смысле вопрос об организации казенных работ русскими рабочими.

6) Разработаны штаты увеличения крестьянских учреждений и медицинской части, разработан вопрос о введении упрощенных общественных управлений на Имане, в Ольге и Петропавловске и введено полное городовое положение в Никольске-Уссурийском.

7) Возбуждено ходатайство об облегчении финансового положения городов Приамурья.

8) Проведен проволочный телеграф в Охотск, радиотелеграф в Петропавловск и разработан проект проведения его до мыса Дежнева на севере.

9) Возбуждено ходатайство об ограничении ввоза спирта в Камчатку с урегулированием потребления его населением; об урегулировании пушного промысла; усилении надзора за рыболовством; урегулирование торговли с камчатским населением в связи с выяснением его задолженности торговцам; об улучшении оленеводства, скотоводства и собаководства; об устройстве на Чукотском полуострове для чукчей миссии и школы при ней.

¹ В действительности П.Ф. Унтербергер прослужил генерал-губернатором Приамурского края более 5 лет.

10) Всесторонне освещен колониционный вопрос края; собраны данные для сравнительного освещения крестьянской и казенной колонизации (за время управления Унтербергером Приамурьем сюда переселилось 186 914 душ, возврат обратно 27 569 душ, заготовлено переселенческих участков 202 400 долей).

11) Усилена охрана морского побережья, выработаны условия охраны котиков.

12) В течение 2 лет население побережий Охотского и Берингового морей снабжалось племенными производителями. В Петропавловске оборудована сельхозферма. Обследован вопрос о капиталистической постановке рыбного промысла на Амуре и побережьях северных морей, обращено внимание на облегчение условий занятия им как русскими предпринимателями, так и местным населением. Решен вопрос об обследовании Шантарских островов.

13) Начата постройка Амурской дороги; решено и частью выполнено улучшение сети грунтовых дорог, проведение новых магистралей и подъездных путей для целей колонизации, торговли и промышленности. Выработано положение о сосредоточении всего дорожного дела в одних руках, без чего нельзя достигнуть единства в согласовании интересов различных групп населения. Урегулирован вопрос о плавании по Амуру. Установлен дешевый тариф на рыбу лососевых пород в европейской России по железной дороге.

14) По ведомству министерства торговли и промышленности, в деле эксплуатации естественных богатств края, У. отстаивал ту точку зрения, что ранее такой эксплуатации необходимо предварительное и основательное изучение самих богатств. В частности, за это время урегулированы вопросы о горном и нефтяном промыслах. Определены порты на северном побережье для иностранной торговли. Увеличены пароходные рейсы на всем побережье. Положено начало основательному обследованию Анненских минеральных вод.

15) В сфере деятельности по народному образованию значительно увеличилось число учебных заведений в крае.

16) В финансовой области при закрытии порто-франко в крае Унтербергером предприняты были меры к тому, чтобы внезапное его закрытие не стало гибельным ударом на отдельные предприятия и возможно безболезненно было перенесено населением.

17) В области юстиции был разработан вопрос об увеличении в крае числа мировых судей и судебных приставов и об учреждении Камчатского окружного суда.

В работе этой немало приходилось преодолевать «терний» и «шипов», но редкое и глубокое знание У. окраинной жизни во всех ее проявлениях, основанное на непосредственном соприкосновении с нею в течение целого полустолетия, давало ему силу доводить начатое дело до результатов.

Мое прощальное слово человека, 35 лет живущего в крае, по роду своей профессии публициста, привыкшего обобщать факты, откидывать мелочи в крупном деле, высказано отъезжающему Унтербергеру в настоящей статье искренне и свободно. Как человек, отдавший полвека своей личной жизни и Восточной Сибири и Приамурью и состарившийся в непосредственном служении им, он особенно дорог тем старожилам-пионерам, которые вместе с ним протоптывали первые тропы в окраинной общественности и с ним вместе старились. Работа его видна, жизнь на этой работе прожита. Пусть же остатки его еще бодрой жизни озаряются доброю памятью о далеком Приамурье.

Газета «Дальний Восток»
№ 281, 1910 г.

Алфавитно-именной указатель

Азеф	124
Аквилонова С.М.	290
Александр II, император	22
Александр III, император	70, 110, 333
Александра Федоровна, императрица	95, 114
Александров Н.Ф.	89, 91, 112, 113, 324
Алексей Николаевич, наследник	114
Алексеев Е.И., адмирал	214, 247, 273, 301, 334
Андреев	124
Алепко А.В.	338
Анерт Э.Э.	211
Анисимов Н.А. (см. Нестор)	
Анучин Д.Г.	64
Арсеньев В.К.	140, 207, 208, 209, 210, 221, 312, 313, 314, 315, 316, 320, 321, 323, 335, 340
Арсеньева А.К.	140, 221, 335, 340
Арцишевский, полковник	236
Аюшин Н.Б.	8, 331, 334, 342, 343, 344
Баранов И.Г.	384
Баранов Н.М.	98, 102, 103
Барсуков И.П.	90
Батюшков В.Д.	189
Березовский	178
Бирк Жени	292
Башоп	67
Благовещенский, штабс-капитан	236
Бобриков, генерал	124
Богданович, губернатор	124
Боголепов	124
Богоявленский Н.В.	269
Бомпар, посол	100
Боханов А.	332
Бреннер	17
Бринер Ю.И.	304
Бубнов	178
Бугров П.А.	93
Букреев А.И.	10
Бунге Ф.Ф.	237
Буссе Ф.Ф.	64, 90
Валуев А.М.	237, 240, 241, 242, 244, 341
Ванков С.Н.	206
Ващук А.С.	337

Введенский Н.С.	90, 113, 289, 301, 324
Введенский М.С.	89, 323
Вежновец А.Ф.	331
Вельмажный К.Д.	206
Венюков М.И.	314, 315
Ветошкин М.	335
Вонлярский В.М.	189
Воробьев С.А.	331
Востоков З.В.	335
Востриков Л.А.	335
Гаврилкин Н.В.	331
Галлямова Л.И.	155, 166, 332, 336, 337
Глицинский	222
Гольц Харрит	10, 319, 345
Гондатти Н.Л.	4, 64, 89, 184, 197, 198, 211, 261, 265, 302, 309, 312, 316, 326
Гончарова С.В.	10
Горчаков А.	189
Горький А.М.	107, 108, 119
Гриневский Л.Ф.	74
Гродеков Н.И.	4, 8, 87, 91, 94, 113, 135, 136, 137, 212, 213, 214, 215, 231, 250, 302, 305, 307, 326
Гусев М.Ю.	134, 310, 335, 345
Даттан А.В.	90, 304
Дауэ	20
Двойников И.В.	124
Диденко	262
Дикс М.	236, 340
Дордус А.Д.	10
Дубинин А.Н.	1, 10
Дубинина М.А.	10
Духовской С.М.	8, 74, 87, 94, 215, 256, 302, 326
Дьяченко Б.А.	10, 330, 333
Екимов	154
Евдокимов, главный инспектор	232
Еремеев И.И., городской голова	179, 287
Есимура Акира	69, 332
Жуков А.М.	10
Зарубаев, генерал	232
Иваницкий Б.Е.	162
Извольский А.П.	274, 277
Иннокентий (Вениаминов)	258
Иоганн Георг Саксонский, принц	100
Ирино	231

Ишаев В.И.	6
Кажанова Т.М.	336
Казакевич П.В.	53
Казбек Г.Н.	141
Калашников А.В.	124, 125
Калинин В.И.	8, 10, 42, 331, 334, 342, 343, 344
Калинин, канонир	142
Карамзин Н.М.	121, 334
Катаока, адмирал	235
Катышева Е.	113
Кашкин Н.Н.	189
Кауфман М.П.	23
Керенский А.Ф.	12, 317, 330
Киреев А.М.	189
Кирпиченко Т.В.	10
Киришбаум В.Ф.	355
Кнюпфер Георг	112
Коковцев Н.В.	122, 186, 189
Колмачевская	220
Комаров В.Л.	265
Коноплев И.	261
Коноплев Н.	333
Конради	265
Константин Константинович, великий князь	201, 232
Константин Николаевич, великий князь	40
Корнева Л.В.	339
Короленко В.Г.	107
Корсаков М.С.	31
Корф А.Н.	8, 52, 59, 62, 65, 70, 73, 74, 88, 140, 215, 220, 246, 324, 326
Корф С.А.	52, 74, 87, 140, 324
Костанов А.И.	341
Кошкина А.	77
Крадин Н.П.	52, 331
Кравцова А.Г.	261
Красноштанов С.И.	339
Краун А.Е.	53
Кривошеин А.В.	162
Круг	265
Крюков Н.А.	90, 94, 332
Кузнецов Н.С.	157
Кузьмичев И.	210, 339
Куропаткин А.Н.	111, 122, 235, 334
Лакшовиц К.А.	58, 104, 121

Ламин В.	187, 338
Ларин Г.	205
Лахтенберг	319
Левкин Г.Г.	4
Легасов Ф.	231
Ле-Дантю Камилла	45
Лесовский С.С.	40
Лех С.М.	262
Ливеровский А.В.	198, 339
Лилеев, полковник	238
Линевич Н.П.	122, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 143, 215, 326, 334
Лойк де Лобель	187, 188, 191, 192
Лукин	178
Ляпунов М.Н.	235, 236, 237
Маеда З.А.	271
Макаров И.	333
Макаров С.О.	74
Макаева П.Н.	150
Манаева	156
Маньков Н.А.	157, 158, 172, 194
Максимовский М.	23, 330
Мальцев	171
Маргаритов В.П.	257, 304
Марголис	178
Мария Федоровна, императрица	110, 204
Матвеев Н.П.	332, 335
Мельников А.П.	97, 103, 333
Меморский А.М.	104, 120
Мешерский	121
Милежик А.В.	339
Миллер-Закомельский	136
Мисюра А.В.	147
Мисюра Ф.В.	147
Мокин И.О.	149
Мооро В.Г.	52, 68
Муравьев А.	261
Муравьев-Амурский Н.Н.	8, 26, 27, 256, 326
Муравьева Е.Н.	45, 256
Муррай	78
Надаров И.	90
Назаров Ф.А.	124, 125
Назимов П.Н., адмирал	70
Накашидзе	124

Невельской Г.И.	71, 90
Нестеренко Д.	243
Нестор (Анисимов Н.А.)	258, 260, 261, 262, 342
Николай, архиепископ	261
Николай I, император	22, 109
Николай II, император	73, 95, 109, 110, 115, 116, 126, 149, 236, 217, 260, 270, 274, 302, 306, 335
Николай Александрович, цесаревич	68, 70, 72
Николай Павлович, великий князь	22
Номура Мотонобу, японский консул	270
Новицкий, капитан	142
Новосельский	236
Оводов	154
Омельянович-Павленко Я.П. (см. Павленко Я.П.)	
Орлов-Давыдов А.В., обер-шталмейстер	204
Ояма И.	269
Павленко Я.П.	58, 83, 84, 89, 113
Павлов Ю.А.	334
Палладий	38
Пальчевский Н.А.	206
Панов В.А.	60, 292, 293, 304, 331, 386
Пантелеев	231
Перфильев В.В.	157, 221, 250, 251–254, 257, 267
Петров А.Н.	201
Плеве В.К.	100, 124
Плюснин А.В.	179, 272
Плюснин В.Ф.	88
Попов В.Г.	336
Прей Э.Л.	292, 310
Пржевальский Н.М.	313
Прохоров К.В.	311
Пушкин	123
Редигер А.Ф.	125, 132
Ремнев А.В.	215, 345
Ренненкампф	136
Ресин А.	90
Рудаков А.В.	271
Рудольф К.	13, 15
Рудольф М.	13
Рудольф П.К.	15
Русанов А.Н.	301
Руфина, игуменья	261
Рухлов С.	195
Рябушинский Ф.П.	212, 264

Савенков Б.	124, 125, 334
Санто	17
Свечин, генерал-майор	174
Серафим Саровский	114
Сергей Александрович, великий князь	100, 124
Сергей Михайлович, великий князь	232
Сильницкий А.П.	150, 252, 335
Симаков В.И.	4, 10
Сипягин	124
Скерст Леонора	319, 345
Слюнин Н.В.	186, 284
Смирнов Д.	333
Сокольников	262
Соливанов А.Н.	191
Соловьев Н.М.	323
Спальвин Е.Г.	271
Станкевич А.П.	335
Степанчиков С.Г.	243
Столыпин П.А.	144, 145, 152, 154, 159, 162, 175, 176, 178, 193, 194, 195, 197, 198, 225, 269, 276, 278, 284
Суботич Д.И.	113, 215, 326
Сунфу	231
Суханов А.В.	304
Сушачева Г.А.	337
Таскин С.Н.	149, 152
Татищев А.А.	162, 336
Тварковский Л.С.	10, 341
Терно В.И.	151
Тихменев М.П.	53, 58, 324
Торгашев П.И.	91, 332
Трепов Д.Ф.	124
Троцкий Л.Д.	317
Ульянов (Ленин) В.И.	317
Ульянова М.А.	317
Унтербергер Георгий Павлович (Георгий)	75, 83, 110, 111, 112, 219, 289, 310, 345
Унтербергер Георгий Павлович (Георг Михаэл)	290
Унтербергер Лили (Хелен) Эдит Женни	309
Унтербергер Мария	112
Унтербергер Мария Павловна (Мария Генриетта)	75, 83, 106, 219, 289, 303, 319, 345
Унтербергер Петр Павлович	52, 83, 109, 110, 111, 219, 289, 290, 291, 309, 344, 345

Унтербергер Петр Федорович (Петер Фридрихович)	13, 16, 18, 19, 20, 21
Унтербергер Семен Федорович (Симон Фридрихович) ...	109, 112, 324
Унтербергер Федор Семенович (Фридрих Симон).....	12, 13, 18, 21
Унтербергер Фридрих (Фриц), Пауль	345
Унтербергер Елена Павловна (Элена Иоанна)	75, 76, 83, 219, 289
Унтербергер Эмма Ивановна (Эмма Луиза Эрдманн).....	45, 51, 76, 83, 86, 106, 108, 219, 220, 221, 222, 289, 290, 309, 318, 319, 320, 345
Унтербергер Эрнестина Павловна.....	75, 83, 219, 289
Уросова А.М.	260
Ухтомский, архимандрит Андрей	342
Фарбер Л.М.	333
Фельдгаузен А.В., контр-адмирал	40
Филимонов, капитан	236
Флуг В.Е.	147, 150, 151, 160, 161, 255, 336
Фомин И.Н.....	138
Фредерикс	103
Фризе Элен.....	345
Фриште	36
Фуругельм И.В., контр-адмирал	53
Хенков М.И.....	100
Хисамутдинов А.А.....	331, 332, 344, 345
Хирш	75
Хрещатицкая Е.	131, 132
Хрещатицкий Р.А.	127, 128, 130, 131, 134, 136, 215, 326, 334
Цуда, японский полицейский	68
Чернышев В.....	65, 301
Чиликин Ф.Н.	158, 172, 194
Чистяков Н.	261
Чичагов Н.М.....	89, 113
Шахова И.А.	146, 335
Шестаков А.М.	157
Шелер Лотар Ганц	318, 319
Шило А.И.	158, 194
Широкоряд А.Г.....	340
Ширрен.....	17
Шмидт П.Ю.	265
Шошин А.П.....	309
Штюрмер Б.В.	100
Эрдман Паул.....	106
Юрина А.	113
Яковлева О.А.....	10, 159, 343
Янковская В.	110
Янковский В.....	333

Содержание

<i>В.И. Ишаев. Служба на Дальнем Востоке России — смысл его жизни</i>	5
Закон исторической памяти (от автора)	7
П.Ф. Унтербергер о детстве и ранней юности	11
Военно-инженерная служба в Восточной Сибири	22
Военный губернатор Приморской области	55
Нижегородский губернатор	92
Трудное решение	117
Приамурский генерал-губернатор	138
Половина острова, но теперь — область	234
Новая область в крае — Камчатская	246
Участие в формировании дальневосточной внешней политики России	267
Прощание с Дальним Востоком	287
Старый амурец в столице и в эмиграции	295
Заключение	326
Источники и примечания	330

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основные даты жизни и деятельности П.Ф. Унтербергера	347
Список трудов П.Ф. Унтербергера	355
П.Ф. Унтербергер. Приамурский край.	
Глава XIV. Управление краем	356
Письмо Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера министру финансов России В.Н. Коковцеву о проекте железной дороги Канск — Берингов пролив, который был предложен американским синдикатом	371
Размышления инженер-генерала П.Ф. Унтербергера	377
Перечень экспедиций и командировок по изучению Дальнего Востока (1906—1910 гг.)	380
Генерал-губернаторы Приамурского края (1884—1917 гг.)	383

Военные губернаторы Приморской области (1856—1917 гг.).....	384
Военные губернаторы Амурской области (1858—1917 гг.).....	385
В. Панов. К отъезду П.Ф. Унтербергера	386
Алфавитно-именной указатель	391

Нина Ивановна Дубинина

**ПРИАМУРСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР
П.Ф. УНТЕРБЕРГЕР**

В книге использованы фотографии из Объединенного музея
им. В.К. Арсеньева (Владивосток),
Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова,
журнала «Родина»

Редактор *О.Б. Стариков*
Обложка, оформление *А.Н. Посохов*
Верстка *Т.С. Сизова*
Корректор *Т.Б. Ращупкина*

Сдано в набор 16.01.08. Подписано в печать 03.04.08.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,00.
Заказ 809. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в КГУП «Хабаровская краевая типография».
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.